

ЛОЛИТА МОРО

С УТРА
ШЕЛ СНЕГ
18+

С утра шёл снег

ЛолитаМоро

Тело — бесстыжий предатель-садист в калейдоскопе людей и событий. И бесконечное бегство. Разве возможно удрать от себя самой? В вечном поиске единственной любви. В бесконечном числе вариантов.

Лолита Моро

С утра шёл снег

Глава 1. С утра шел снег

С утра шел снег. Прямо-таки валил. Двадцать шестое марта. Жесть. Я вышла на крыльцо, осторожно переступая ногами в синих резиновых калошах по коварному белому слою. Скользящая коричневая плитка под ним обещала много приятного, если приложиться к ней задом. Или затылком. Открыла боковую дверь и выпустила собаку на свободу. Пес сделал круг по двору. Проверил все свои метки. Обновил. Залез под толстую, низкую пальму в белом чехле. Сунул нос в заваленную снегом чашу мертвого фонтана. Зарылся по самую шею. Выдернул, громко чихнул и помчался ко мне. Я не успела увернуться. Черная бородатая башка влетела мне прямо в живот, впечатывая в чугунную вязь перил. Ризеншнауцер отряхнулся, обдав меня обжигающим мокрым холодом. Прижался могучим телом и затих. Я слегка пихнула его голой коленкой. Торчала на крыльце в коротенькой пижаме, калошах и пледе в красно-белую клетку.

— Дурачок ты, Билл, — засмеялась я. Пес смотрел на меня карим глазом из-под длинной челки. Не возражал, на все был согласен. Ждал. Оранжевый мяч ждал нас обоих возле моих ног. Кто быстрее? Я выпростала руку из колючего пледа. На запястье чернел широким браслетом отпечаток чужой ладони, отзываясь тупой болью на всякое движение. Я зазевалась. Билка выхватил игрушку первым и унесся в белую чистоту сада.

— Доброе утро, тетя Наринэ, — сказала я, осторожно входя в большую кухню. Прихватила плед рукой у колен на всякий случай.

— Для тебя, Наринэ Сурэновна, — резко выговорила пожилая женщина, не оборачиваясь. Я кивнула в тяжелую спину. Встала у бесконечного рабочего стола, не решаясь подойти к сверкающему чайнику на плите. Снег растаял на моих плечах. Плед давил и ощутимо вонял промокшей собачьей шерстью. Руки надо бы помыть.

Наринэ яростно хлопнула полотенцем о край стола. Повернулась ко мне всем корпусом.

— Как можно позволять с собой так обращаться! Не понимаю! — акцент здорово усиливался, когда она начинала так кричать, — Ты молодая, здоровая! Руки-ноги целы. Красивая даже, местами. Глаза умные. Работать можешь. Уезжай отсюда. Денег нет? Я тебе дам. Вышлешь, когда сможешь. Но так нельзя! Ты понимаешь, дуручка, нельзя позволять так с собой обращаться! Убирайся, чтобы глаза мои тебя не видели!

Против всякой логики армянка сдернула с меня сырой плед, обняла и крепко прижала к большой мягкой груди. Зарыдала, глядя доброй рукой по мокрым волосам. Оторвала от себя. Повернула спиной. Задрала на мне майку. Стянула до половины пижамные трусы с кружевной оборочкой по краям. Охнула.

— Цавт танем, джан, — она снова заплакала. Усадила меня в кресло. На мягкую подушку. Укрыла теплым платком.

— Сейчас я накормлю тебя, бедная моя.

— Можно мне кофе, Наринэ Сурэновна? — попросила я.

— Тетя Наринэ! И никак иначе, — отрезала добрая женщина, опуская на стол передо мной тарелки с пирожками и прочим, названия чего я никак не выучу.

— Ешь получше! Как можно быть такой тощей! Кормлю тебя третий месяц, кормлю. Все без толку. Может быть, у тебя глисты? — она рассуждала сама с собой, не нуждалась в собеседниках. Сыпала кофе в старую тяжелую джезву. Оторвала пару верхних листьев от

капустного кочана. Потюкала их тяжеленьким топориком для мяса. Через пять минут я уже держала большую чашку в руках. Запястья, грудь и задницу украшала примотанная пищевой пленкой капуста.

— В кого он такой? Ума не приложу, — она что-то добавила на родном языке. Каждый раз, когда обнаруживала у меня синяки, задавалась этим вопросом. Сейчас скажет: что он в тебе нашел?

— И что он в тебе нашел? — женщина окинула меня взором, честно пытаюсь обнаружить тайну. Сейчас проворчит про золото.

— Наверное, у тебя золото между ног, — под нос себе заметила Наринэ. А теперь финальная фраза о полукровке:

— Полукровка, он и есть полукровка. Возвращайся через час. Я сменю тебе компресс.

Глава 2. Вчера

— Ты весь вечер смотрела на Саркиса, — зло выговаривал мне мой. Кто? Я никак не могла придумать, как называть мужчину рядом внутри себя. Он уверенно вел машину одной рукой. Второй сжимал мое колено. Больно.

— Я не смотрела. Я даже толком не понимаю, о ком ты, — тихо ответила. Сдвинула колени. Что бы его рука в кожаной черной перчатке не полезла дальше. И врала. Я действительно разглядывала красивого юношу. Армяне вообще яркие люди, но этот. Саркис. Высокий, тонкий, кожа нежная, глаза огромные, словно подведенные, настолько густые ресницы. Губы полные, редкого рисунка. Движения плавные, как будто ленивые. Но когда он повел меня танцевать, я почувяла под синим костюмом энергию зверя. Затаившегося, но готового в любой момент. На все.

— Эй! — позвал меня тот, кто сидел рядом. Заглянул в лицо на светофоре. Я улыбнулась. Держала внимательный взгляд бледно-голубых глаз.

Сзади просигналила истерично красная ауди. Зеленый свет горел уже пять секунд. Куда опаздывают люди в одиннадцать вечера? Никуда. Просто темперамент. Юг.

— В хрен себе подуди, — высказался мой партнер. Рванул с места и тут же, без всякого предупреждения, свернул на крошечную парковку. Заняв ее всю и еще половину тротуара. Пешеходы ловко не позволили себя передавить. Вывернулись. Рассказали, что они об этом думают, и пошли гулять дальше. Ауди, лязгнув телом о бордюр, втиснулась рядом.

— Привет, Самвел, дорогой! — и что-то еще на армянском языке. Мужчина средних лет почтительно пожал ладонь моего спутника двумя руками. Я не спешила вылезать из машины. Команды не было. Говорили по-русски. Все в этом городе были в курсе, что мой любовник плохо знает родной язык. Полукровка. Мать русская. Какой-то видный пост в Столице. Папа рулит здесь. Единственный сын. Все для него. У отца во втором браке есть еще две девочки. Или три. Господи! Мне это зачем?

— Пойдем, выпьем, — мужчина открыл дверь и подал мне руку. Я вышла. Направилась вперед к дверям. Мы часто бывали в этом ресторанчике. Мой спутник пил мало по жизни. За рулем — никогда.

— Что он говорил тебе? Когда вы танцевали, — он вернулся к той же теме. Придвинул ближе ко мне по черному стеклу стола широкий стакан. Виски на два пальца. Как сыворотка правды. Он знал это про меня. Сто граммов крепкого алкоголя и я съеду с резьбы. Стану нести все, что крутится в моей бедной башке. Без тормозов. За гранью инстинкта самосохранения. Еще столько же и из меня веревки можно вить в постели. Следующий шаг в сто граммов — смертельный вариант. Я ничего не вспомню. Из того, что и как со мной было.

— Я не хочу, — я отодвинула стакан от себя.

— Я хочу сегодня качественный секс. Как ты умеешь, но почему-то не хочешь на трезвую голову, — он вдруг улыбнулся, открыто и легко. Как в тот день, когда мы познакомились.

— Или ты все же расслабишься, сделаешь это для меня. Как раньше? В самом начале? — мужское лицо смотрело на меня плотно. Желало понять. Почему все не так. Кривило яркие губы в улыбке. Чувственно и влажно. Тонкий аромат его парфюма тревожил и никогда не нравился мне. В его речи совсем не слышался акцент. И на отца своего он походил только черными вьющимися волосами. И носом. Хотя и не столь выдающихся размеров. Он вообще

был красивым парнем. Сильным, уверенным. Ухоженным и знающим себе цену. Тридцатилетним баловнем судьбы. Я не видела смысла говорить об очевидном. Напыюсь и сделаю, как он хочет. Плевать. Наверное, я сама хочу того же, только нет сил признаться. Самой себе.

Милостивый боже, когда же, наконец, придет весна? Я начала глотать виски, мечтая о солнечном тепле. Когда растают дороги. Когда станет теплым море. Когда можно будет уйти. Наймусь куда-нибудь официанткой или горничной, мне безразлично. Лишь бы хватало на еду и угол. Море, лето, люди. Не важно, кто и о чем. Лишь бы они говорили со мной. Не оставляли одну в холоде. Официант принес еще столько же чиваса в новом стакане.

Тело снова предавало меня.

Я полезла к нему еще в зале. Он ловко подхватил меня под руку, вывел наружу и усадил в машину. Я тут же запустила руку к нему в брюки. Стала просовывать голову между твердым животом партнера и рулем. Саша рассмеялся счастливо и максимально отодвинул сиденье назад. До педалей он доставал, длина ног позволяла. Пальцами левой руки удерживал руль, правой вцепился в мои волосы на затылке. Ритм задавал. Щека и часть уха знакомо терлись о теплую кожу руля. Короткая ручка трансмиссии слегка упиралась в правую грудь.

— Сука, красный свет, — простонал мой партнер. Заставил правой рукой замереть, снял за волосы с члена и отправил меня к мошонке. Яйца у него были вполне национального, по отцу, размера. Оба сразу в рот не помещались. Виски уже порядком дотянулся до моих мозгов. Запер остатки разума. Выпустил похоть на волю. Я облизывала его пах горячо и голодно. Сожрать была готова. Выпить. Слюна текла по моему подбородку и капала на черные брюки хозяина. Зеленый свет. Он сунулся мне в губы гладкой головкой. Я слегка прикусила кожу крайней плоти, за что получила несильный хлопок по затылку. Ладно. Всосала в самое горло. Мы проделали это еще дважды. По числу светофоров.

Кончил у самых ворот. Умница бээмвэ остановилась в десяти сантиметрах от чугунных завитков и листьев. Загудели створки, распахиваясь. Я откинулась на сиденье. Сперма перемешалась с губной помадой, высыхая на щеках и сужаясь коркой.

— Классный вид у тебя, — усмехнулся мужчина. Вытащил меня за руку наружу. Пихты и пальмы в чехлах закрыли нашу парочку от любых посторонних глаз. Я раздевалась на ходу, быстрыми шагами маршируя к каминной. Почему туда? Понятия не имею. Идя напрямик через заснеженный двор, я утонула в сугробе по щиколотки и теперь на паркете оставались мокрые следы. Мужчина шел следом. Подбирал мою одежду с пола и ухмылялся. Манто от Феличе, каре от Эрмес, платье от Джейкобс. Я встала посередине полукруглого зала. Глядя в его довольное лицо, медленно стянула трусы. Присела на край стола, широко развела ноги в черных чулках и туфлях. Плотно провела ладонями по черному бюстгальтеру, слегка оттягивая его вниз. Выпустила наружу соски. Опустила руки ниже, положила на безволосый лобок и сжала колени. Кровь отлила от лица и вся устремилась к центру моего тела. Туда, где сейчас собрался в точку весь этот гребаный мир. Как же я стану ненавидеть себя за это. Потом. Завтра.

— Ласкай себя. Я хочу посмотреть, — раздался хриплый голос над моим ухом. Уговаривать меня не пришлось. Я легла на стол. Раскинула ноги. Бесстыдно гладила себя, возя нетерпеливо попой по глади столешницы. Дышала рвано и ждала. Когда же. Ну! Он, наконец, сжалился и вошел в меня. Да-да-да! Я, на спазме, сжала мышцы внутри, и он, застонав, бурно кончил. Следом за мной. Причем, мы оба знали. Это — не предел.

— Девочка моя, — шептал он мне в спину уже в спальне, принеся в постель на руках.

Вгоняя себя раз за разом в мое жадное нутро. Я обхватывала его всего, втягивала внутрь. Ничего не существовало для меня. Кроме этого горячего, единственного человека.

— Да! Да! — стонала я и сама верила в это.

— Никому! Никто! — он целовал меня везде. Повторил раз сто. До одури. До изнеможения. Заснул мгновенно, даже не отъединившись. В плотном кольце этих сильных рук хотелось верить в счастье.

— Что это? — спросил он утром. Зашел ко мне в ванную и ткнул пальцем. Действительно, внизу живота темнел синяк, подозрительно смахивающий на засос.

— У самого себя спроси, — отмахнулась я и стала вытирать голову полотенцем. Удар ногой в зад. Я улетела в стену. Решетка полотенцесушителя не позволила мне разбить лицо. Пришлась ровно по соскам на груди. Боль в них на миг заглушила рвущий сознание ад спины. Потом они объединились и перекрыли дыхание. Так ведь не до конца. Он жестко схватил мое запястье, развернул к себе и коротко сунул поддых. Вот теперь дышать стало нечем. Я глотала воздух, но тот не желал проникать в легкие. Я открывала и закрывала рот. Как рыба. Стала оседать на пол. Слезы не давали толком раздышаться. Ужас от внезапной, быстрой мысли, что так останется навсегда, накрыл меня. Мое бедное, ни за что обиженное, оскорбленное. Тело произвольно сжималось. Скорчивалось. Хотело спрятаться и исчезнуть. Господи, как больно.

— Ты шлюха! Повтори: я шлюха! — прошипел он белыми губами мне в самое лицо. Я только помотала отрицательно головой. Не могла ничего сказать. Зачем я пила вчера? Знала же, что этим закончится. Сама виновата. Он схватил меня за волосы и отвел кулак для удара, метя в лицо. Глянул в глаза и опомнился. Разжал пальцы и вышел, хлопнув дверью.

— Я не шлюха! Мне просто пить нельзя, — прошептала я в закрытую дверь. На самом деле, этот отвратительный фокус моего тела случался далеко не с каждым мужиком рядом. Но в этом варианте работал безотказно. Он проверял это регулярно. Не всегда так кошмарно. Последний раз. Крайний. Две недели назад. Я болтала и улыбалась мальчишкам из автосалона. Куда мы пришли на тест-драйв. Не знаю, что завело его сильнее. Моя болтовня или прилюдный отказ прокатиться на пафосной машине. Получила потом по морде и нынешнюю шубу впридачу. Слезы текли. Надо собрать себя в кучу. Не вечность же валяться на полу в этой гребаной ванной.

Дверь отворилась. Не глядя мне в глаза, он поднял аккуратно мое страдающее тело с пола. Надел ярко-желтый халат, мягкий и теплый. Специально для меня купленный. Сам выбирал. Из Столицы в подарок припер. Присел передо мной на корточки. Своими руками обул мои ноги в смешные тапочки. Тоже желтенькие, с цыплячьими красными клювами и лапками. Обнял за плечи и повел вниз по лестнице в столовую. На второй ступеньке передумал. Развернулся и направился в спальню. Там долго целовал синяки, расслаблял и гладил.

— Прости. Прости...

Потом осторожно трахал, всматриваясь в лицо внимательно и несчастно. Я сразу спрятала глаза под веки. Ничего не чувствовала. Только боль в избитой мне. И неприятный запах мужского возбужденного тела. Туда-сюда. Хлюп-хлюп. Чмок-чмок. Мошонка шлепает мокро по коже. Небритый подбородок корябается. Белый потолок безупречен. Туда-сюда. Хлюп-хлюп. Чмок-чмок. Сымитировала оргазм в финале. Поверил, не поверил? За вранье я не получала от него ни разу. Только за правду.

Когда свалил по делам, натянула поверх пижамы плед и вышла в сад. Собака скребла тяжелой лапой металл двери. Снег весело сыпал на тряпки пальм. Конец марта. Кому сказать — не поверят. Субтропики, мать их! Вечно в Империи все с ног на голову.

Глава 3. Кристина

— Вот. Возьми. Здесь пять тысяч. Мало. Но хоть что-то. В Лучший Город Земли не езжай. Там дорого все и мужиков много. Что-то они видят в тебе, не пойму. Ладно. Моя сестра Каринэ примет тебя, — я получила телефон, адрес и заверения в абсолютной безопасности. Я давно поняла. Уже два месяца как. Смотри в глаза людям. Слушай сердцем. Услышишь, что и как. Не обманывайся. И тебя не обманут. Тетя Наринэ перекрестила меня на прощание. Черный пес нехотя убрал бородатую морду за калитку. Глянул блестящим грустным глазом, упрекая. Мой мучитель спозаранок улетел к матери в Столицу. Я вышла на трассу. Не оглянулась.

Маршрутка лихо неслась по петлям дороги, забирая выше в горы. Скоро они ушли, скрывшись в густом тумане. Есть что-то в этом пейзаже, не постижимое для меня. Не доступное мне. Слишком много шику, сказал известный персонаж.

Горы. Да. Дыхание спирало, когда я видела этот, пропадающий в белом мир. Утро свежее. Пронзительно раннее. Доброе солнышко еще не успело, как следует, заглянуть сюда. Водитель знал дорогу на уровне крови, скорость не снижал. Пассажиров синхронно таскало вправо-влево на поворотах. Женщину напротив стало откровенно укачивать. Старушка на переднем сиденье протянула несчастной пакет. Тут микроавтобус встал, как пень. Я навалилась на старушку.

— Выйди, я подожду, — сказал маршрутчик. Женщина, сунув лицо в пакет, вылезла наружу.

— Поменяйся с ней местами, девочка. Ты молодая. Видишь, человеку плохо, — сказала бабушка. Не сомневалась, что я послушаюсь. Здесь, в этом благословенном краю, слушаться старших — это нормально. Я пересела. Женщина с бледным лицом благодарно улыбнулась мне. Полетели дальше.

Автобус притормозил у первого приморского городка. Я вышла. Не все ли равно, где жить? Тому, кто захочет разыскать меня, какая, нафиг, разница: первый городок или сто первый. Найдет, если будет желание. Небольшая площадь неспешно оживала. Тянуло дымом из просыпающихся мангалов.

— В гости приехала?

Я обернулась. Та самая тетя, которой я уступила место, стояла рядом. Хорошо за сорок. Полная. Добротная теплая куртка, черная. Черные брюки и ботинки. Черная сумка с золотой пряжкой, подделка под известный бренд. Белый пуховой платок. Оттеняет смугловатую кожу с оливковым оттенком.

— Нет. Работать, — призналась. Зачем врать? Она смерила мою фигуру любопытными карими глазами. Доходила своим платком мне едва до подбородка.

— Интересно, кем?

— Мне все равно, — я чувствовала себя неловко под этим изучающим взглядом. Засунула руки в сиреневых трикотажных перчатках глубже в карманы белого пуховика. Слишком теплого для здешней погоды. Конечно, я же приехала в нем из промозглого, вечно рыдающего дождем севера. Зачем-то покачалась с носков на пятки. Ботинки на толстой рифленой подошве не желали сгибаться. Покачнулась, чуть не упала. Вышло глупо, по-детски.

— До начала сезона еще пять, а то и шесть недель. Делать-то, что умеешь? — не уходила женщина.

— Не знаю. Ничего, наверное, — призналась я.

— Паспорт у тебя есть? — она все так же продолжала разглядывать меня в подробностях.

— Есть. А вам зачем? — поневоле насторожилась я.

— А вдруг ты из дома убежала? Или от мужа прячешься. Мне неприятности не нужны. Давай, — женщина решительно протянула ко мне руку. Глядела чуть выпуклыми глазами непонятно. Я вытащила паспорт из внутреннего кармана пуховика и отдала ей.

— Первое правило: никогда никому не давай документ в руки. Даже ментам. Только после того, как они сами корочку покажут, — проглядывая страницы, заявила неожиданная советчица. Сверила мое лицо с фотографией. Кивнула и отдала паспорт назад. Я быстро засунула его в безопасный внутренний карман.

— Привет, Лола! Добро пожаловать на Кавказ, — женщина заулыбалась. — Меня зовут Кристина. Пошли со мной, раз тебе все равно, куда идти. Как погода в Северной Столице?

Глава 4. Два месяца назад. Андрей

— Зря ты ему не дала. Кусок от тебя отвалился бы, что ли? — сочувствие моего одноклассника, как обычно, носило своеобразный характер. Мы курили, стоя у открытого окна в дальнем конце коридора. Десятый этаж.

Он стоял рядом, касаясь бедром моего колена. Я спрыгнула с подоконника. Не хотела находиться так близко. Второй час ночи. Надо спускаться к себе на седьмой. Чует моя попа. Сейчас целоваться полезет. И точно. Обнял жесткими руками. Прижался всем своим к моему пупку под тонким платьем.

— Отстань, — я уперлась руками в рвано дышащую грудь. Держит, гад. Не отдерешь. Лезет мокрыми губами в лицо.

— Отвали, а то заору. Всех подниму, — я не стала рассусоливать. Пошел нафиг!

Вовка демонстративно развел руки в стороны. Стоял на проходе. Губы кривил в усмешке. Нижняя предательски дрожала, никак не хотела улыбаться. Давно мечтал поймать. Еще с прошлого сентября.

— Ладно-ладно! Я больше не буду. Не уходи, — договаривал он мне уже в спину. Уходила быстрым шагом к лестнице.

Я вошла в свою комнату.

— Свет не включай, — раздался из глубины светкин голос. Ясно. Быстро стянула платье через голову и залезла в кровать. Накрылась с головой. Но звуки чужой любви все равно лезли в уши и тело. Стало жарко в ногах, потом выше. Вот гадство! Я засунула голову под подушку. Тум-тум-тум. Стучали ножки кровати о пол. Тум-тум-тум. Отвечало им мое бедное сердце. Я не выдержала. Схватила платье и вышла в коридор. Дверью хлопнула.

— Ого! — услышала. Два часа. Кому не спится в ночь глухую? Натянула быстро платье через голову.

— Так, конечно, хорошо. Но было — просто чудесно, — мужской голос улыбался. Я обернулась.

Темно-русые волосы. Синие глаза. Светлые губы. Черные боксеры с белой надписью на резинке. Босиком. Горячая волна пошла от затылка вниз. В центр.

— Ты чей? — прошептала я. Горло пересохло. И сразу наполнилось слюной.

— Ничей, — он моментально врубился. Все понял. Взял аккуратно мои ледяные пальцы в свою сухую теплую ладонь. Увел в темноту.

Я хотела сразу быть везде. Стянула вон многострадальное платье. Парень стоял передо мной. Руки опустил вдоль тела. Ждал. В незашторенное окно желтел тусклый свет фонарей внизу. Улыбается. Я привстала на носочки и поцеловала его в губы. Чтобы не сомневался в моих намерениях. Он горячо ответил. Я не выдержала. Сдернула боксеры вниз и сжала рукой его член. Я обожаю этот момент. Когда кровь наполняет мужское естество. И оно становится моим. Нежно другой рукой провела по мошонке. Та испуганно поджалась.

— Руки ледяные. Давай согрею, — он взял мои пальцы и стал облизывать по одному. Я терлась животом по его зажатому нашими телами концу. Мечтала опустить к нему свой жадный рот. От слюны уже захлебывалась.

— Ложись, — он осторожно переместил меня на неширокую казенную кровать. Треснул звук упаковки. Надо же, запасливый. Пронеслось краем сознания.

— Я... — я хотела высказать свое желание.

— Нет, — он снова угадал, чего я хочу. Лег сверху. Ласкал пальцами. Не торопился. Я текла и подыхала под его умелыми руками. Пыталась схватить его плоть, но он плечом отводил мои руки. Не позволял. Соски горели и больно терлись о забытый бюстгальтер. Я попыталась нащупать застежку на спине. Он снова не дал мне сделать это, прижав мою спину плотно к простыне. Вместе с руками. Господи! Ну, когда же! Я попыталась раздвинуть ноги. Поймать его собой. Он сжал мои бедра своими. Его пах горячо пульсировал против моего. Я выворачивалась. Насколько могла. Насколько он допускал это. Я чувствовала его желание каждым сантиметром изнемогающего тела. Осталось только взорваться или сгореть в этом сладком аду. Я дернулась вниз, что было сил. Желая освободиться и получить свое. Внезапно он развел ноги, отпуская. И поймал меня собой. До самого дна. Пара толчков и случилось. Долгое напряжение разбилось об меня, разбежавшись во все уголки горячо и невозможно сладко. Слезы предательски выползли из глаз.

— Ты как? Можно я закончу? — он улыбался мне в висок. Я кивнула, пряча лицо. Он приподнялся надо мной на руках. Слизнул воду со щеки. Стал посылать в меня свое тело снова. Что-то странное происходило со мной сегодня. Никогда до него не случилось. За этот гребаный год. В новой моей жизни. Наяву. Внутри меня снова зажглась волна. Бешено-короткая и невыносимо-страшная. Я заорала в голос и кончила. Волшебник! Надо хоть рассмотреть, как он выглядит. Никогда бы не подумала, что такое возможно. Со мной.

— Извини меня, пожалуйста, — он хлопал меня тихонько по голой попе. Боже! Я заснула. На нем сверху. Когда залезла? Я откатилась испуганно. Если бы не его рука, свалилась бы на пол.

— Я не хотел тебя будить. Но мне в порт пора. Ключ нужно вернуть, — он, улыбаясь, смотрел, как я натягиваю трусы и платье. Сидел на кровати нагишом и пялился.

— Ты здесь живешь?

Я кивнула. В лицо ему, хоть убей, посмотреть не могла себя заставить. Поправляла лифчик через платье.

— Странно. Я прожил здесь пять дней. Ни разу тебя не встретил.

Я, как немая, пожала плечами. Он встал с кровати и подошел ко мне. Поднял пальцами лицо вверх. Заглянул.

— Меня зовут Андрей. А тебя? — вчера в свете коридора его глаза показались мне синими. Серым зимним утром они глядели на меня так же серо. Я помотала отрицательно головой. Отодвинулась.

— Под глухонемую косишь? — усмехнулся Андрей. Надел джинсы на голое тело.

— Ночью нормально орала подо мной. Натрахалась и даже имя сказать не хочешь на прощанье?

Последние слова долетали уже в мою спину. Я зашмыгнула в свою комнату. Стук раздался через пару секунд. Светкин ночной приятель поднял лохматую голову от подушки. Разглядывал меня изумленно. Сама эта шалава, где? Стук нахально повторился. Я обреченно открыла.

— Послушай, подруга. Так не пойдет. Попользовалась и слиняла. Ни имени не сказала, ни спасибо. Я так не привык, — он улыбнулся одними губами. Смотрел за мою спину. Там скрипела кровать. Дружок моей соседки шевелился.

— Лола, девочка моя, у тебя проблемы? — и этот нарисовался. Веселое выдавалось утро. Мой бывший стоял в коридоре строго напротив навязчивого парня. Секунд пять они разглядывали друг друга.

— Дверью ошибся. Сори, — засмеялся Андрей. Даже руки вверх поднял. Демонстрируя добрые намерения. Развернулся и ушел. Насвистывал. Амурские волны, кажется.

— Кто это? — мой прежний кавалер попытался было вдвинуть себя за порог.

— Никто, — я захлопнула дверь перед его носом. Пошел на! Мы все выяснили с ним еще в прошлом году. В католическое Рождество. Месяц прошел. Все никак не успокоится.

— Лолка, у тебя права есть? — спросила Светка. Наш обед плавно перетекал в ужин. Ее лохматый бойфренд сидел, развалясь, рядом с ней на кровати. Щупал нетрезвой уже рукой мою соседку по комнате за добрую попу. Та терлась благодарно о его ребра.

— Есть. А что? — мне не нравилось смотреть на них. Придется снова искать место. Где же мне переночевать?

— Поехали с нами на море. Герка машину взял, — гордо сообщила Светка.

— Где? — приколотась я над последним глаголом. Светик была родом из провинциального городка. Необъятной родины моей.

— Не где, а куда, — наставительно поправила меня девушка. — На море. Каникулы. Сессию ты завалила. Декану не дала. Выпрут тебя полюбасу. Ты нам подходишь. Рулишь и не бухаешь, — с простотой невозможной объяснила барышня.

— Поехали! — махнул правой, свободной от подруги рукой Герка. Худой, мелкий, нестриженный и небритый. Один глаз его приклеился к серьезному бюсту рядом. Второй, явно не дремлющий, рыскал по мне. Окосеет скоро.

— Че там делать? Лед ногой разгонять? — посмеялась я.

— Тебе-то какая разница? Нифига же не делаешь, поехали! — со свойственной ей логикой заявила Светка. И без всякого перехода повалила своего красавца на кровать. Полезла в штаны, наплевав на его желание и мое присутствие. Я забрала сигареты со стола и вышла вон.

— О-па!

Лампочка беспощадно осветила мир вокруг. На пороге стоял Андрей. Я спросонья щурила глаза и не верила им. И все же это был он. В синей форменной куртке и таких же брюках. Фуражку заломил на затылок. Бросил дорожную сумку на пол. Стоял и ухмылялся.

Весь вечер я мыкалась по знакомым. Наконец, ботаник Лешка сжалился и дал мне ключ. От той самой комнаты, где я так интересно провела прошлую ночь. Сказал, что там нет никого. Соврал.

— Попалась, красавица. Вот я все-таки везучий. Думал о тебе весь день. Вернулся, а ты тут, теплая и ждешь, — он раздевался, не глядя на меня. Сам с собой разговаривал.

— Я тебя совсем не ждала, — резко хотела я ответить. Но вышло не очень. Глаза приклеились к крепкой заднице в черных трусах. Стройные ноги. Сильные руки. Сухая, рельефная мускулатура. Какая-то татуировка на левом предплечье. Андрей развернулся ко мне. Подошел к кровати и присел на корточки.

— Я иду мыться. Весь день на ногах и в мыле. Пойдем со мной, — он улыбался и смотрел мне прямо в душу. Или что там сейчас у меня вместо этого. Я хотела его. И он это видел. Я спрятала глаза в сторону и упрямо покачала головой.

— Ну, как знаешь, — он легко поднялся. Стянул трусы прямо на пол и ушел в крошечную душевую. Я осторожно вылезла из-под одеяла. Взяла платье. Пошла к входной двери. Сбежать хотела. Через полупрозрачную перегородку хорошо был виден силуэт. Он снова

насвистывал тот же вальс.

— Иди ко мне. Хватит попусту глаза греть, — раздалось из-под воды. Он даже не повернулся. И так знал, что стою и гляжу на него. Отклеиться не могу. Ладно. Чего я боюсь, в самом деле?

Андрей действительно мылся. Никаких глупостей. Уступил мне половину воды и все. Высокий какой. Я едва доходила ему до подбородка. Мой рост выше среднего. Из-за худобы кажусь еще длиннее. Взяться не за что, говаривал мой бывший. Однако, находил каждую ночь, за что.

— Вот это ты худющая! А ночью не казалась, — заметил Андрей, выключая воду. Вытирался полотенцем и разглядывал меня с нахальным, веселым интересом. Я невольно прикрыла грудь рукой.

— А вот этого не надо. Грудь твоя — просто нечто. Сниться мне будет потом в море. Обкончаюсь во сне, как пацан. Если повезет, конечно, — он отнял мою руку и стал сам вытирать воду с моей кожи. Сухим, жестковатым полотенцем. Не знаю, делал ли он это нарочно, что бы завести меня. Но получилось у него, без вариантов. У меня руки тряслись и даже губы. Так хотели его поцелуев и остального. А он только смотрел, ухмылялся и гладил рукой через шершавую ткань.

— Ладно, пойдем, поедим что-нибудь. Жрать хочу невыносимо, — он спокойно обернул бедра полотенцем и ушел в комнату. Бросив меня одну в душе. С дрожащими руками и ватными от похоти ногами. Я кое-как замотала на себе полотенце. Короткое, под самый корень.

— Ну, где ты там?

Я, по стеночке, пошла на зов. Он сидел на стуле возле стола. Что-то там лежало, какая-то еда. Сама мысль о ней была мне противна. Я присела на краешек стула рядом.

— Не хочешь есть?

— Нет.

— А чего хочешь? Говори, не стесняйся. Здесь все свои.

— Тебя.

— Я вижу. Выпьешь?

— Я не пью.

— Совсем?

— Совсем.

— Ну, надо же, — он засмеялся и потянул меня к себе. Лег в кровать и положил сверху. Я счастливо выдохнула. Целовала везде, где хотелось. Андрей заложил руки за голову и смотрел. Свет горел полный. Я добралась до главного. Как же я скучала! Не по члену, понятно. Этого добра хватает вокруг меня. По настоящему, обжигающему желанию в себе. По наслаждению. Гладкая нежная кожа. Горячий ток крови. Вибрация нервов. Испуг и радость партнера. Стекающего покорно прямо в мои ладони. Его страх и облегчение одновременно в моем горле. Стон и разрядка горячей судорожной волной. Я выпила его до дна. Оргазм и рук не надо. Я села, вытерла ладонью губы и рассмеялась.

Бледный в искусственном свете лампы на потолке Андрей обалдело смотрел на меня. Новыми глазами. Словно только что увидел.

— Вот это ты мастерица. Зря я, дурак, вчера тебе не позволил, — проговорил он после паузы. Я легла рядом. Он обнял. Стал целовать. Осторожно, словно спугнуть боялся.

— Продолжим? Или у тебя есть еще фокус в запасе? — тихо спросил в ухо. Лизнул

быстрым языком. Я засмеялась. Щекотно.

— В голландском борделе девушка надевала резинку клиентам без рук, только одним ртом. Жалко, до меня очередь не дошла. Наш радист завалил ее раньше, — рассказал зачем-то Андрей. Стал целовать в шею.

— Давай, — усмехнулась я. Мне понравилось его удивление. Пять минут назад. И новый взгляд.

— Что? — не понял он.

— Презерватив.

— Зачем?

— Увидишь.

Я села на его бедра. Разорвала упаковку зубами. Какой там заморский бордель. Человек, с которым я прожила три года, научил меня еще и не таким кудрявым штучкам. Затейник.

— Вот никогда бы не подумал, что найду такое чудо на седьмом этаже в общежитии Технического Университета, — длинновато высказался парень. Потом. Когда мы отдали друг другу все, что смогли. Все, что было.

— Можно, я закурю? — попросила я. Оторвала лицо от его плеча. Курить хотелось на инстинкте. Как финальная точка. Мы всегда курили с Олегом после секса. Он меня приучил. Так. Сюда я не думаю и не вспоминаю. И так расслабилась до ненужности. Это все Андрей. Первый человек, за весь прошедший год подобранный так близко ко мне.

— Кури. Делай, что хочешь, — он улыбнулся, нашел мою ладонь и поцеловал. Внутрь, тыльную сторону.

— Спасибо. Никто меня в жизни так не трахал. Даже в голландском борделе. Прости. Зря вспомнил, — он чмокнул мои пальцы еще раз, теперь уже насмешливо. Снял пафос признания. А он не дурак. Вполне возможно, что и по жизни тоже.

— А я? Вернешь мне комплимент? — он свободно лежал на подушке, снова заложив руки за голову. Лампочка на потолке разрешала нам не скрывать ничего. Ни в телах, ни в разговорах. Я, с давно забытой свободой, разгуливала по комнате, в чем мама родила. Нашла в кармане платья сигареты. Села на подоконник, закрутив в два оборота длинные ноги. Курила в холод приоткрытого окна.

— Не слышу! — вернул меня к началу голос Андрея.

— Как-то так, — ухмыльнулась и покачала в воздухе небрежно ладонью с дымящейся сигаретой. Не говорить же этому самодовольному красавцу, что лучше него...да я уже забыла, когда было со мной подобное. Но признаваться! Фиг. Выстрелила бычком в черную пустоту за окном.

— А ты стерва, — заметил вечно догадливый Андрей. Вылез из кровати и подошел ко мне плотно. Все его отчетливо намекало на бис. Молодец.

— Можно, я рассмотрю, что у тебя там? — спросила я нежно. Не реагируя на стерву.

— Можно, — разрешил он снисходительно. Забыл про свой комментарий в мой адрес.

Взяла в обе ладошки его снова готовое естество. На валике остатков крайней плоти отливало сталью крохотное колечко.

— Голландский бордель? — прикололась я. — Звенишь им, проходя через рамку в порту? Показываешь на таможне? — я веселилась.

— Вот ты... — я не дала ему договорить. Залепила его рот губами. Смелая я была сегодня до невозможности. Как раньше. Сама удивлялась, вспоминая себя такую.

— Кто тебе этот здоровяк из коридора? — Андрей залил кофе в белом пузатом чайнике кипятком. Запах разлетелся вокруг отличный. Роскошный просто аромат.

— Тебе кофе в постель или в чашку? — отпустил древнюю шутку. Стоял у стола и ухмылялся. Утро серело позднее.

— Я сейчас, — смущенно схватила платье и убежала в туалет.

— Вот ночью ты не стеснялась. Голая ходила рядом, — высказался он, когда я вышла из душевой, разглядывал меня с улыбкой. Я невольно поправила влажные кудри на затылке.

— Это мой бывший, — я свернула с темы. Про голых и стеснительных.

— Такой здоровенный? Как он тебя не раздавил? У него, наверняка, член толще, чем твоя рука! — расхохотался Андрей. Явно хотел вывести меня. Если не на чистую воду, то хотя бы из себя. Или он так шутит? Собственный член сравнивать с моей рукой не пытался? Похожий получил бы результат. Идиот. Я замолчала. Заткнулась. Пауза.

— Как кофе?

Я кивнула. Тот действительно стоил восхищения. Я нюхала его, осторожно отпивая мелкими глотками. Сахар бы мне не помешал. Я люблю сладкий кофе.

— Давай, я сахар положу, — мягкий голос. Сильные пальцы кидают аккуратно в мою кружку два куска рафинада. Потом еще один. Отгадчик-волшебник. Сунул в кофе столовую ложку обратным концом. Помешал. В одну сторону. В другую.

— Может быть, посмотришь на меня? Обиделась? Прости. Я не хотел, — на безымянном пальце у него светлел след от кольца. На правой руке. Где оно? В портмоне, как обычно? В пятом кармане джинсов? Везет же мне на женатых, гадство! Я молчала. Глядела в черный кофе.

— Значит, ты теперь ничья девушка? Или тот, в кровати, теперь твой парень?

Я оторвала глаза от кружки в желтый горошек. Какое его гребаное дело?

— Просто я хотел бы побыть твоим парнем. Если ты свободна, — Андрей широко улыбнулся. Открыто. По-мальчишески, обаятельно. Это сильно.

— Моим парнем? В голландском борделе? — прикололась я. Не хуже, чем он. Пятью минутами раньше.

— Вот я дурак! Зря тебе рассказал. Мы идем на Тихий, — он все так же улыбался, не отпуская мой взгляд. Знает, наверняка, как действует на женщин такая его улыбка.

— Тогда в иокагамском, — я закончила шутку. Андрей хотел подлить мне кофе. Я убрала чашку. Поднялась на ноги. Надо разбежаться.

— И часто ты выходишь на ночную охоту? — не улыбается больше. Внимательно смотрит. Хочет знать. Как и почему я оказалась в его постели.

— Это была случайность. Я искала, где бы переночевать, — я сказала правду. Почти всю.

— А попался я. Как и вчера, — он не спрашивал больше. Видел, что я не вру. И договаривать не стану.

— Я понял. Не хочешь быть моей девушкой, не надо. Я уйду в море на два месяца. Предлагаю встретиться. Или хотя бы созвониться. Вдруг у нас снова получится так же здорово, как сейчас? Эй, отвечай, не молчи, — он хотел притянуть меня к себе на колени. Я увернулась и пошла к дверям.

— Нет. Ты так не уйдешь, — он поймал меня у двери. Стал целовать. Я отвечала. Расставаться было горько и не хотелось. Желание остро, в бесчисленный раз, стягивало нас обоих.

— Мы ее ищем по всей общаге, а она здесь целуется! Поехали! — в дверном проеме

торчала Светка. Руки в боки. Праведный гнев. Коричневые глазки ощупывают мужчину в подробностях. Особенно очевидную эрекцию под молнией брюк. Крепкий зад не остался незамеченным. Голый торс — само собой. Быстрый взгляд снова уперся в мужской пах. Короткий нос почуял воронку похоти над нами.

— Ладно. У тебя есть полчаса, — милостиво и слегка хрипло разрешила Светка. Герку понеслась трахать, не иначе. Зачем я согласилась с ними ехать?

Глава 5. Коньяк и кола

— Поломойка из тебя, что надо, — насмехался голос за спиной. Давидик. Пятнадцатилетний прогульщик, грузчик и звезда караоке.

— Помолчи, бездельник! Никогда у нас не было такой ответственной уборщицы. Не обращай внимания на этого болтуна, Лолочка, — сзади раздался хлопок и ойканье. Гарик. Семнадцатилетний сборщик мебели, грузчик и диджей в том же клубе.

— Тетя Кристина! Можно я приглашу вашу Лолу сегодня вечером в свой клуб? — красивый, бархатный голос. Айк. Двадцатилетний владелец клуба. Ресторанчик, караоке и танцпол. Хозяин — повар, бармен, диджей, водопроводчик и дальше по списку.

— Если уговорите. Вернете в целости и сохранности, — Кристина стояла на пороге кухни и улыбалась.

Я выпрямилась. Вся эта черноглазая и черноволосая троица едва дотягивала мне до уха. Нэцке.

— Шпала! — с восхищением отвесил мне комплимент самый младший и самый смелый из моих поклонников.

— А, если уговорю, то можно не возвращать? — усмехнулся старший, глядя в мой бюст. Строго напротив его национального носа. Удобно.

— Приду и уши надеру, — пригрозила женщина.

За те пять дней, что я жила в ее маленькой гостинице и была прислугой за все, мы успели подружиться. Здесь это быстро. Сезонная жизнь делает все проще и короче.

— Ты честная и чистоплотная. Мне это подходит, — сообщила она мне уже на второй день. Я начинала отличать грузинский акцент от армянского.

И другое ей подходило во мне. Я пряталась от мужского внимания. Видела, как она наблюдает за мной, когда заходят в дом или во двор ее многочисленные знакомые и родственники. Я сразу опускала взгляд в пол. Словно родилась в мусульманском доме на женской половине. Не принимала шуток и откровенного мужского интереса. Юг. И это здесь быстро. Сезонная жизнь опять-таки.

Надела платье, черное и узкое, до середины колена, единственное у меня. Черные, плотные колготки. Тоже единственные. Небольшое зеркало в двери отразило длинную фигуру. Шпала. Даже рельса. Нужно хоть губы накрасить. Неудобно перед кавалерами. Вытащила со дна рюкзака косметичку. Ладно. Сделала макияж. Распустила и расчесала волосы. Надо же. Успели отрасти до плеч. Помотала головой. Светло-рыжие волосы моментом завились вверх, обнажив шею в неглубоком вырезе. Розово-глянцевый блеск на губы. Улыбнулась своему отражению. Привет, дорогая. Давненько не виделись. Махнула рукой и достала туфли на каблуке.

— Ого! — Айк подорвался со своего места и смотрел, как я спускаюсь по узкой винтовой лестнице. Восхищенно и радостно. Подал руку на последней ступеньке. Теперь его макушка пришлась мне на подбородок. Не смутило это обстоятельство его ни грамма. Он гордо просунул мою руку к себе под локоть. Вывел на улицу.

Свист и аплодисменты. Человек десять его приятелей шумно встретили наш выход. Айк усадил меня в красный кабриолет. Лет этому драндулету было столько же, сколько их уважаемому коньяку. Не меньше двадцати пяти. На заднее сиденье забрались все, кто смог просунуть хотя бы ногу. Остальные бежали сзади. Айк сделал круг почета по небольшой

площади и остановился у соседнего с гостиницей здания. Приехали.

— Эй, Гарик! Сделай музыку нормальную. Я хочу с девушкой потанцевать, — верзила Овик взял мою руку со стола. Все здешние ребята работали на его мебельной фабрике. Даже сам хозяин ресторанчика собирал там мебель в межсезонье.

— Э! У меня разрешения спросить не хочешь? — наглец Давидик обнял меня за плечи и глядел с вызовом на начальника. Пятнадцатилетний капитан.

— Он твой парень, Лолочка? — ухмыльнулся блестящими черными глазами Овик.

— Да! — звонко выкрикнул мальчишка.

Мужчина вопросительно посмотрел на меня. Я пожала плечами. Понимай, как хочешь. В их разговоре я могла совсем не участвовать. Зачем? Когда мужчины разговаривают, горы лишь пожимают плечами. Давид важно кивнул. Ованес подал руку. Я послушно пошла танцевать под очередные Черные глаза. Овик пытался пощупать меня за попу, подглядывая при этом реакцию на лице. Я очень сильно нахмурилась. Он вздохнул и убрал ладонь на талию. Вернул с очередным вздохом на место.

Задница уже горела от, бог знает, какого по счету, претендента на мое бедное тело. Пока не зарывались. Только сканировали темными глазами мое смеющееся лицо. Я пряталась за безопасного Давида. Танцы и песни без перерыва. Острое, пряное их желание смешило меня, никак не тревожа остального. Я запивала комплименты и шутки колой. Не шампанским или, упаси боже, чем покрепче. Танцевала и отказывалась петь караоке. У меня нет музыкального слуха. Не поверили. Я честно продемонстрировала. Спела громко в микрофон бегущие строчки про чьи-то бесконечные глаза. Ржали долго и от души. Стали смотреть с плотоядной жалостью. Научить мечтали. Или, хотя бы, пожалеть, по-настоящему, бедную, бездарную меня. Тестостерон вокруг меня набирал обороты. Я смеялась. Мужская откровенная настойчивость не напрягала меня никак. Чего бояться? Самый страшный зверь сидит у меня внутри. Я плясала до одури, глотала сладкую воду со льдом и получала удовольствие. Веселилась.

Чья-то злая рука все-таки дотянулась подлить мне в колу коньяк. Немного, но он пошел бродить по моей крови, подгоняемый пузырьками газировки. Жесть. Надо уходить.

Кто-то из парней привел двух веселых девчонок. Профессионалок, судя по радостному гоготу кругом. Они быстро хлопнули по фужеру шампанского и стали показывать синхронный стриптиз в центре танцевальной площадки. Грубо и пошло, зато одновременно. Три минуты ужимок, и девчата размахивали ярко-белыми, в свете клубного фонаря, лифчиками. Коньяк побежал по жилам со скоростью электрички. Еще немного добавить и я покажу этим дерганым обезьянкам. Как это должно выглядеть. На самом деле. Я провела пальцами по стеклу столешницы. Оставив потные следы. Быстро.

— Лола, что с тобой? Тебе плохо? — Давид озабоченно вглядывался в мое лицо.

— Да. Мне плохо. Мне очень плохо. Кто-то подлил мне коньяк. В колу. Мне нельзя. Выведи меня. Прощу, — узкое твердое плечо подставилось под мою ослабевшую руку.

— Давай к морю, — попросила я. Мальчик кивнул. Мы вышли через пустую кухню на соленый ветер.

Близкое море шумело волнами, невидимое в ночи. Каблуки спотыкались в мелкой гальке. Давид крепко держал меня за талию правой рукой. В левой тащил наши куртки. Не забыл.

— Здесь сядем? — он хотел остановиться. Я помотала головой. Отцепилась от него и

пошла дальше на шум. Слишком близко он был вместе со своей смешной подростковой эрекцией. Еще чего не хватало!

Стянула платье через голову. Вышла из туфель. Похудела я снова, слетают на ходу, как тапки.

Море. Я нырнула, будто лето стояло кругом. Вода показалась теплой вначале. Потом сжала холодом. Я плыла. Столько, сколько смогла вытерпеть это ледяное равнодушное объятие. Возвращаться не хотелось. Усталость навалилась везде и сразу. Хотелось не двигаться и заснуть. Нет. Назад. Назад, дурочка, Легкая волна подхватила меня и выпихнула на берег. В коленки ткнулись камни дна. Я выпрямилась. Ух! Вот где холодно по-настоящему. Обняла себя бесполезно за плечи. Зубы стучали. Жесть.

Берег встретил меня ярким светом фонаря на столбе и громким матом. Чуть ли не весь клуб вывалил сюда, орал и махал руками. Интересно, почему они разговаривают на своем языке, а матерятся на моем? Свою ругань экономят? Двое парней стояли голые по пояс и в расстегнутых штанах. Нырять собирались? Неужели хотели спасти? В этом черном море.

Все откровенно разглядывали мою фигуру в кружевном лифчике и колготках. Испуг и ярость давно сменились любопытством. Нормальным, мужским. Других дам я кругом как-то не заметила. Добрый Давид сердито надел на меня свою куртку. Моей стал обматывать мокрые бедра.

— Классная у тебя подружка, пацан! Знал бы раньше, первым в море бросился, — раздался насмешливый голос слева. Без акцента. Совсем. Я не стала туда смотреть.

Тут же рядом материализовались Аик и Гарик. Намотали сверху на меня еще какую-то одежду. Сунули под ноги чьи-то старые тапки. Окружили.

— Топиться ходила? От несчастной любви? К тридцати богатырям? — насмешник не унимался. Не боялся. Совсем. Все-таки кавказских ребят вокруг меня торчало человек двенадцать. Не слишком трезвых и неизменно горячих. Не особо разбирающих имперские литературные шутки. Как и любые в таком роде и тоне.

— Слушай, Егор. Ты наш сосед. Уважаемый человек. Мы тебя уважаем. Никогда не видел, как человек в море купается? Завтра утром приходи сюда. Посмотришь, как дедушка Коля плавает, — рассудительный, улыбчивый голос Айка снял, возникшее было, напряжение между народами.

— Договорились. Зайду к тебе в клуб завтра вечером. Посмотрю на вашу рыбку золотую. Как она, кстати? — не унимался уверенный голос. Но близко не подходил. Стоял где-то неподалеку. Кем он меня вообразил?

— Нормально! — звонко ответил за меня Давид. Мы уже быстро шли в обнимку назад.

— Если еще хоть один шутник нальет ей коньяк в колу, убью! — объявил он во всеуслышание. Явно показывал, кто здесь мой парень. Его робкое непреходящее желание не тревожило меня. Чувствовала себя отлично. Сверху закапал дождь. Мы побежали.

Глава 6. Два месяца назад. Дорога

Я сидела за рулем уже двенадцать часов. Спина затекла и ноги устали. Глаза горели под веками кислотой. Короткие передышки на заправках не спасали. Тело тупо мечтало распрямиться и заснуть. Бешено хотелось курить. Говнюк Герка демонстративно выхлебал из горла бутылку пива на последней заправке. Показал. Что сменять меня за рулем не собирается. Ну, разумеется. Уговор. Машина его. Светка платит за бензин. Я рулю. Больше тысячи верст уже отмахала под снегом пополам с дождем. Женщина, не женщина. Вали, выполняй свою часть договора. Денег у меня с собой почти нет. Тощий рюкзак с кое-каким барахлом — все мое имущество. Когда-то, не так уж давно, я помыслить не могла, что смогу обходиться платьем, парой трусов и одним бюстгалтером. Плюс дешевый крем и бутылка простецкого шампуня. Если сейчас врухаюсь в грузовик на встрече, то останутся от меня три презерватива на ленте. В боковом кармане пуховика рядом с паспортом. Менты найдут и удивятся... Нет, не так. Вспыхнет пожар в салоне. Резинки безнадежно склеят страницы паспорта, никто и никогда не узнает...

— Эй! Не спи! Охренела совсем! — Герка растряс меня за плечо. Стрелка спидометра падала за сто сорок. Как я умудрилась выжать из этой колымаги столько? Я потрясла тяжелой головой. В глазах двоилось. Спать. Или хотя бы выпить кофе. Разогнуться и закурить. Убрала ногу с газа. Третий час утра. Косой дождь сменился снегом. Словно это не трасса Юг. Жесть. Я реально уснула за рулем.

— Туалет работает? — спросила я хрипло у парнишки-оператора на большой красной заправке. Он кивнул. Понял, что покупать я ничего не собираюсь, отвернулся к кассе.

— Сделай нам пару американо, — раздался за моей спиной геркин голос. Не успела я сообразить, что к чему, а он уже ввернул себя в просторный сортир следом и защелкнул замок.

— Выйди отсюда, — мирно попросила я. Заторможено после долгой неподвижности дороги. Даже джинсы стала расстегивать машинально.

— Давай перепихнемся, по-быстрому. Пока Светка не видит, — парень прижал меня собой к запертой двери. Полез холодными, влажными пальцами за пояс моих штанов. Воняло от него гадостно. Потом, перегаром, еще какой-то кислятиной. Всегда он был немый и мерзкий. Широкие зрачки перекрывали радужку, фиг знает, какого цвета. Жрет какую-то дрянь, втихую. Урод. Лезет в лицо слюнявыми губами. Я отпихнула его от себя, что было мочи. Дернула задвижку и выскочила за дверь. Наткнулась сразу на внимательный взгляд охранника. Деланно спокойно подошла к кофе-машине. Два больших картонных стакана парили запахом свежесваренного кофе. Я протянула руку. Оператор поднял бровь в вопросе. Деньги. Блин. Я совсем на это не рассчитывала.

— Че тут у вас? — заспанная, лохматая Светка приплыла к двери сортира.

— Герка кофе заказал, — я кивнула в сторону вожделенного. Надеялась, что оплатит. Да не тут-то было. Эту девушку с главного не собьешь. Плевать ей на чужие желания. Не обратив ни полвзгляда на меня, кофе и кассира, она дернула ручку двери, обнажив правду жизни. Ее возлюбленный стоял с упавшими на ботинки штанами и яростно дробил. Увидев меня, сказал:

— Вот ты где, сука! — кончил прямо на светкину розовую куртку. Света проследила за его взглядом. Посмотрела мне в лицо припухшими от сна и вчерашнего пива глазами.

Впихнула Герку обратно в туалет, зашла сама и заперла дверь.

— Ве-се-луха, — прокомментировал по слогам происходящее охранник. Решал под камерами торгового зала, как ему поступить. Топтался между кассой и туалетом. Прислушивался, да так не решился ни на что. Я глянула на парня возле остывшего кофе почти умоляюще. Человек едва заметно кивнул. Подвинул коробку с сахарными пакетиками в мою сторону. Я навалила в стакан штук пять не меньше. Пила жадно, забыв размешать.

Дорога становилась все тяжелее. Снег шел плотной бело-черной массой. Скорость упала до шестидесяти, быстрее просто невозможно. Музыкальная флешка провернулась уже в пятый раз, гоня в засыпающий мозг одни и те же звуки. Писать. Мои пассажиры на заднем сиденье не подавали признаков жизни. Я приткнула машину на невидимой обочине, включила аварийку и вышла под снег. Присела возле заднего колеса. Пуховик надеть забыла, так спешила по нужде. Колочий холод в момент забрался в тепло тонкого свитера и выстудил тело. Стук двери. Худая геркина фигура осветилась красным мигающим фонарем. Я не успела подняться на ноги.

— Пошла на х... сука! — он с силой пнул меня ногой в спину. Я покатила с дорожной насыпи в снег. Два раза хлопнула дверца, и машина укатила вперед. Габаритные огни исчезли за пару секунд.

Пуховик и рюкзак я с трудом, но все же нашла в веселой снежной круговерти. Благородные люди! Не нужно им чужого. Даже телефона и документов. Я вытряхнула, как смогла, ледяную, быстро таящую муть из себя и вещей. Оделась и побрела вдоль трассы. Спать расхотелось. Шла свободная и легкая, как ветер, издевалась над собой в мыслях и прикидывала варианты собственной смерти.

Вспомнился зачем-то волшебник-отгадчик Андрей.

— Ты хочешь с этими двоими куда-то ехать? — он смотрел, стоя у двери в моей комнате. Наблюдал, как я собираю вещи. Я кивнула.

— Я по нужде не присел бы с ними на одном поле, — высказался он громко, нимало не стесняясь торчавшего здесь же светкиного бойфренда. Тот зыркнул на его немаленькую фигуру, подпиравшую дверной косяк. И промолчал.

— Они нормальные ребята. Ты их не знаешь, — возразила я тихо.

— Мне не надо их знать. Я вижу, — отрезал самоуверенно этот умник. Я заткнулась. В глубине души я была с ним согласна. Где-то очень глубоко. Менять ничего я не буду. Поздно. Я обещала.

— Телефон дашь? — не отступал от своей цели Андрей. Для этого увязался за мной следом. Я сделала вид, что не слышу. В который уже раз. Не хочу. Неужели не заметно? Он взял меня за руку и вывел в коридор. Поставил у окна. Прижал собой к подоконнику. Поднял теплыми пальцами мое лицо вверх. Видеть желал, как и что я себе думаю. Смотрел светлыми глазами внимательно и не понятно. Я, молча, опустила веки.

— Не хочешь, — заключил он. Расстроился, судя по голосу. Ладно, не помрет. Такие, как он, быстро успокаиваются. До конца коридора не успеет дойти, забудет.

— Бай, — сказала я тихо и ушла от него. Смотрел в след, не смотрел? Не знаю, я не оборачивалась. Плохая примета.

Отгадчик хренов.

Свет фар. Выдох тормозов. Здоровенная фура застыла рядом, урча горячим телом.

— Работаете? — молодой веселый голос долетел до меня сквозь непогоду.

— Нет! — прокричала я в ответ. Еще не успела замерзнуть до полного отчаяния.

— А че тогда пешком тащишься? — машина уже тронулась с места, но еще не убралась совсем. Скучно ему, видимо, одному нестись сквозь ночь, этому русскому парню. Поболтать охота.

— Да так, — я помахала неопределенно рукой в трикотажной перчатке. Снег залетал в рот, нос и щеки. Колко и зло. Хорошо ему, водиле, трепаться в теплой кабине. Уютно.

— Точно, не работаете? — уточнил он. Напоследок.

— Нет. Я не по этому делу, — отказалась я. От последнего шанса. Все может быть. Ног не чую, гадство. Вдруг, здесь волки водятся? Чего я боюсь? Трахнет? Тоже мне, новость. Зарежет? А замерзнуть лучше? Только бы бить не стал...

— Давай я тебя подвезу по этой дороге, — проорал он мне сверху. Дорога шумела, гудя и шипя зимней резиной.

— Денег нет, — проорала я в ответ. Дальнобойное, могучее вольво уже миновало меня. Хотело растаять во тьме и передумало.

— Просто так, — крикнул человек сквозь грохот холодной трассы. Вот так. Раз — и спас мне жизнь. Я полезла наверх в тепло и свет кабины.

— Раздевайся. У нас тепло, — парень глянул на меня, смутился. — Я хотел сказать, куртку снимай.

Я послушно стянула пуховик. Приткнула в угол. Достала полотенце из рюкзака, стала вытирать волосы.

— Да. На плечевку ты не похожа, не накрашенная совсем. Чистая вся, — он поглядывал на меня сбоку, держал руль сильными конопатыми руками. Рыжий и веселый, лет двадцати семи, русак. Кабина грузовика напоминала рубку самолета. Лампочки, тумблеры, стрелки и цифры приборов.

— Значит, так. Там, за дверкой, найдешь бутеры и чай. Твоя задача простая, делай все, что бы я не заснул. Рассказывай про себя, ври, что хочешь, лишь бы интересно. Понятно? Я — Алексей. Леха. Тебя как зовут? — рыжий человек подмигнул мне и слегка надавил на клаксон. Вольво издало звук уходящего с перрона поезда. Сильно. Я улыбнулась и назвала себя.

— А ты красивая. Жалко, что не гуляешь. Не бойся, не трону, — он смотрел вперед на дорогу и определенно гордился собой. Я кивнула согласно и полезла в шкаф за едой. Не боялась его ничуть. Заговорила.

— Жила-была принцесса в одном Большом Северном королевстве. Невозможно прекрасном, ледяном и равнодушном. Дворцы и пятиэтажки, все, как обычно. Королева-мать танцевала на балах и знакомилась с принцами. Принцы ее интересовали больше всего на свете. Чем старше делалась королева, тем моложе появлялись в ее доме принцы. Начали уже на принцессу глаз класть, хотя было ей всего тринадцать лет, — я отхлебнула чай из нержавеющей большой кружки. Леха хмыкнул, но не перебивал.

— Отец принцессы давно пропал в просторах Мирового океана. Он был моряком. Или летчиком. История об этом умалчивает. Но точно не королем. Чуть ли не с рождения принцессу отдали в балетную школу. Ее мать мечтала о красивом. Но принцесса на четвертый год повредила колено, и балетная история накрылась медным тазом. Принцесса от радости пошла в кино с самым младшим принцем на последний ряд. Он лез руками и

губами в разные места. В кино, а потом в машине. До самого конца дело не дошло. Принц застеснялся. Но принцессе понравилось, — я развернула жареный пирожок в промасленной бумажке. Пирожок оказался с мясом. Вкусно.

— Сколько ей было? — деловито поинтересовался Леха, сбавил скорость, внимательно вглядываясь в косые снежные нити, разбивающиеся о лобовое стекло.

— Двенадцать, — я отчетливо увидела несколько пар сине-красных всполохов впереди. Полиция.

— Нормально. А ему? — скорость фуры упала до двадцати километров в час.

— Принцу? Двадцать пять, — мы с одинаковым интересом смотрели в, пока еще неясную, картину впереди.

— Тоже неплохо, — кивнул рассудительно водитель. Машина встала. Затор. Мы взяли куртки, вышли на улицу покурить и узнать новости. Хвост перед нами тянулся километровый. Авария.

— Там три легковухи встретились. Покойников, вроде, нет, — сообщил на вопрос Лехи взрослый дядя, в сетевой красно-белой робе известного бренда. Стрельнул у него сигарету, глядел на меня. Разглядывал.

— Мне Санек позвонил, из наших. Его фура там в первой пятерке парится. Одну полосу уже растащили. Скоро двинемся. Твоя?

— Пассажир, — не стал ничего придумывать Леха.

— А. Ну, бывай. Удачи, — мужик отлепил от меня взгляд. Махнул рукой и побежал вперед.

Грузовик медленно двигался в общем строю. Я увидела искореженный кузов своей бывшей машины. Той, что бросила меня на произвол зимней трассы несколько часов назад. Еще один седан, тоже разбитый. Третья жертва превратностей дороги и человеческого безрассудства чернела на снегу в кювете. Люди в форме и одеялах бродили и стояли здесь же. Своих бывших приятелей я не различала. Нет покойников? Вот и славно. Пирожок с мясом внезапно подкатил к горлу. Перед глазами заплясали черные точки.

— Вот возьми, — водитель, не глядя, ткнул мне в руку бутылку с водой. Я дышала громко через нос. Вдох-выдох. Еле уговорила пирожок вернуться в желудок обратно.

— Узнала кого-то? — вольво вырвалось на простор. Следовало разговаривать. Отрабатывать поездку дальше. Я в деталях и приколах поведала о своих последних сутках. Леха хмыкал и качал головой.

— Слушай, поехали со мной в Новороссийск, а? Про принцессу свою доскажешь. Поехали, — он невзначай похлопал меня по коленке теплой ладонью.

— Нет, мне в другую сторону, — отказалась я. Ногу на ногу положила, отодвигаясь.

— Ладно, не жмись, не бойся, до развилки доведу тебя в целости и сохранности. Так че, там твоя принцесса? Трахнул ее принц-педофил? — парень коротко глянул на меня и снова устался в светлеющую даль. Снег все также засыпал трассу.

— Там много чего и кого было. Даже злой волшебник, — улыбнулась я. Веки смыкались. Не спать.

— Я тебе так скажу: бывают такие малолетки, мама родная! Я сейчас тебе сам историю нарисую ... — монотонное бу-бу-бу его голоса провалилось вместе со всем миром в темноту. Я предательски заснула.

Глава 7. Егор

Дождь шел все утро.

— К обеду закончится, — предсказала глухим голосом Кристина. Сидела в мягком кресле в холле своей гостиницы. Здесь у нее и кабинет, и наблюдательный пункт. Лестница на второй этаж. Ресепшен. Через большое окно виден двор, как на ладони. Что и как поделывают постояльцы в ее хозяйстве. Которых, кстати, было всего двое. Не сезон еще.

Женщине нездоровилось. Смуглое лицо словно присыпало серым пеплом. Черные круги вокруг глаз. Дыхание неровное. Правая рука на сердце.

— Как ты себя чувствуешь? — я присела перед ней на корточки. Погладила полную ладонь на подлокотнике. Ледяная. На висках и лбу серебрится пот.

— Сбегай, девочка моя, в аптеку напротив. Где этот черт Давид? Вечно он где-то носится, — она протянула мне деньги.

— Он в школе, — наивно предположила я.

— Ага, жди! — слабо улыбнулась Кристина.

Корвалол не помог.

— Я вызову Скорую? — спросила я.

— Нет. Не хочу, что бы соседи увидели. Сейчас пройдет, — упрямо отказалась она.

Не проходило. Становилось явно хуже. Я сделала уже сотый круг по комнате. Делать что-то надо. Вдруг она умрет, эта упрямая женщина? Пока я тут колыхаюсь в своем вечном сомнении. Всегда в моей жизни находился человек, который умел проявить себя в таких вот резких обстоятельствах. Вместо меня. Всегда считала себя равнодушной. Холодной. Никогда не подбирала замерзших котят или сбитых машиной собак на обочине. Здесь и сейчас тупо некому было делать дело вместо меня. Действительно, а вдруг умрет? Что я тогда скажу ребятам? В зеркало как стану глядеть? Менты понаедут, пронеслось краем сознания. Я взяла в руки телефон.

— На дороге крупная авария. Машина приедет часа через два-три. Если успеют к тому времени растащить. Там и так пробка в два километра длиной. Рядом с вами есть частная клиника. Они обязаны принять в экстренном случае. Требуйте, — уверенный голос оператора накрылся трубкой.

— Я никуда не поеду, — твердо объявила хозяйка, отлично слышавшая разговор.

И тут явился Давид. Мокрый и сияющий. Бросил на пол большой пакет. Тот яростно брыкался и вонял рыбой.

— О! Прости, любимая, — он дотянулся губами до моей щеки. Решил, что после того, что с нами было минувшей ночью, можно. Улыбался счастливо в мое лицо. Ничего кругом не замечал.

— Я вытру пол.

— Не надо. Где Айк? Где тут у вас частная клиника? Не стоматология. Кристина умирает, — я сняла с крючка дождевик.

— Да ты что! Тетя, ты с ума сошла? — он наклонился испуганно над ней. Та слабо махнула рукой и отвернулась. Слезы бессильно катились по бледным щекам.

— Айк ушел с пацанами...

— Ключи где? — я имела ввиду пресловутый кабриолет.

Крыша автомобиля не желала раскладываться. Сквозь шифер навеса на голову капали

отдельные струйки. Я дернула кожу нервно. Что-то звонко лопнуло и крыша встала на место.

— Я поведу! — моментально обрадовался Давид.

— Нет. Я сама. Привезешь, умелец, нас в морг.

Клиника, белея надменно дорогой отделкой, приняла нас без уговоров. Тем более удивительно, что персонал глядел на нашу мокрую, явно безденежную троицу с недовольным любопытством. Словно желал половой тряпкой стереть из холла вместе с грязными следами. Тем не менее, дама в белом, с дежурной доброжелательностью на ухоженном лице, усадила Кристину в кресло и увезла в смотровую. Барышня в кокетливой униформе продолжила отслеживать нашу пару, торчащую у дверей, внимательно и строго.

— Пошли, покурим, — объявил громко от неловкости Давид. Который не курил вовсе. Мы вышли под дождь.

Белый мерседес аккуратно припарковался рядом с нашим красным чудом. Из дверей клиники выскочила девушка с большим зонтом. Та, что сверлила нас черными глазками за грязь на белом полу. Наверняка подрабатывает здесь уборщицей. С чего бы иначе ей так переживать. Стояла в готовности с раскрытым зонтом у водительской двери. Спинку вытянула стружкой. Дурочка. Как он выйдет? От двери машины до решетки крыльца пара сантиметров. Не откроется. Водитель барахтался внутри. Лез с одного сиденья на другое. Мы с Давидом получали удовольствие от картины жизни.

— Какой придурок поставил машину на мое место? — мужчина, наконец, выковырял себя наружу. Высокий блондин в дорогом костюме. Барышня под зонтиком понеслась на голос.

— Здравствуйте, Георгий Аркадьевич, — радостно прозвучал голос моего друга и как бы парня.

— Привет, Давид. Твой брат не научил тебя нормально ставить машину? Раскорячился на чужом месте, как... — тут он заметил меня и передумал заканчивать фразу. Я узнала голос. Вчера. Пляж. Егор. Моментально спрятала взгляд в пол.

— Извините меня, Георгий Аркадьевич. Айку не говорите, ладно? Он меня засмеет, — ухмылялся Давидик. А он, оказывается, джентельмен. Придется позволить себя целовать. В щечку, ясное дело. Егор махнул рукой. Проходя мимо меня в двери, остановился. Пропускал вперед. Я вошла.

— Егор сказал, что оставит у себя Кристину до завтра. Бесплатно. Представляешь? Так и сказал: по-соседски. Офигеть! Ты классно водишь. Только парковаться пока не умеешь. Я тебя научу. А я тебя не выдал. Я — молодец? — болтал мальчишка, развалясь рядом на пассажирском сиденье. Солнце вышло, стало сушить мокрую землю. Мы убрали непокорную крышу, и ветер ласково касался лица. На этих узких улочках не разгонишься. Я и так едва не чиркала длинной мордой кабриолета по окрестным заборам на поворотах. Кивнула.

— Он спросил, кто ты. Я сказал, что моя девушка. Как думаешь, поверил?

Я кивнула снова. Глянула на себя в зеркало заднего вида. На меня смотрело слегка розовое от первого загара, вполне детское лицо. Без макияжа мне сигареты отказывались продавать. А что? Мог и поверить. В желтом дождевике с голыми коленками и фиолетовыми калошами на босу ногу.

— Егор сказал, что придет сегодня к нам в клуб. Ужинать. Придется приготовить для него его любимые баклажаны. Бесплатно.

Я закрыла гостиницу на ключ и направилась к клубу. Вошла со служебного входа. Меньше недели я здесь, а словно полжизни.

— Аик еще не вернулся. Звонил. Узнал про Кристину. Орал, как сумасшедший. Про то, что нас с Гариком вечно нет на месте. Как будто сам не такой. Велел к раковине тебя не подпускать, — сообщил радостно Давид. В двух белых корытах громоздилась грязная посуда. Никаких девиаций с машинами. Посудомойка в этом заведении была исключительно живая. То есть я.

— Много народу? — спросила, надевая желтые резиновые перчатки. Не смотря на приказ брата, парень не стал мне мешать. В самом деле, не мужчине же тарелки мыть. Если есть женщина.

— Есть мало-мало, — здесь это означает, что посетители есть. Давид извернулся и поцеловал меня в щеку. Я возмущенно обернулась. Он уже сбежал из подсобки. Груда посуды ждала меня укоризненно.

— Лолочка, выйди в зал, пожалуйста, — Гарик всунул кудрявую голову между полосами бамбуковых висюлек.

Посередине зала стоял Аик в блестящем от воды черном плаще. В руках он держал букет. Красные розы. Дождь на лепестках.

— Спасибо, что спасла нашу дорогую Кристину! — он всучил мне цветы и обнял. Хотел поцеловать. В зале раздались аплодисменты. Зачем?

— Эй! Руки прочь! Это моя девушка! — Давидик вклинился между нами. Аик засмеялся, смотрел с настороженным любопытством. Не мог поверить.

— Это правда? — недоумение и. Ревность? Средний брат подвинулся ближе. Глядел черными глазами. Тоже интересно ему маленькому. Что происходит в центре ресторанчика. Между столами, посетителями и танцполом.

— Правда! — звонко огласил заведение голос младшего. Смотрят плотно. Знать желают.

— Так, — я улыбнулась открыто, всем троим. Надо разруливать. Вспомнила прикол доктора Егора. — Все вы мне милы сердечно. Но другому я навечно отдана. И буду век ему верна. Все. Спасибо за цветы. Это приятно, но, ей-богу, не за что, — быстро смылась в подсобку.

Нашла стеклянную вазу. Подрезала розы большим поварским ножом на дереве столешницы. Жесткие обрезки стеблей разлетелись во все стороны. Сунула в воду и вышла обратно.

— Пусть здесь меня подождут, — я поставила цветы на барную стойку. Гарик кивнул и не отводил взгляда. От моей фигуры в старой джинсовой рубашке и синих джеггинсах. Стоял на подиуме за высоким столом. Его глаза прищипались вровень с моими. Переместились на губы, там и стались.

— Здравствуйте, девушка Давида, — раздалось слева. Я повернула голову. Как я не заметила? Егор стоял в трех шагах, опираясь локтем на высокий стол. Тридцать пять или около того. Дорогие джинсы, мягкие туфли, часы. Светлые волосы с легкой волной. Белый свитер удачно оттеняет загар. Черты лица и парфюм европейского качества. Выше меня. Разглядывает меня так же, как я его. Оценивающе.

— Я тоже, между прочим, приложил руку к спасению дорогой Кристины. Цветов мне, правда, не подарили. Только печеные баклажаны, — он улыбался. Насмешливо, красивыми, чуть тонковатыми губами.

Я кивнула. Не буду с ним разговаривать. Нет. Взяла поднос и пошла собирать посуду со столов. Балбес Давид трындел с друзьями на улице. Айк, я уже успела это оценить, был хозяином справедливым. Подкинет мне за эту работу пару сотен в зарплату. Деньги, что дала мне с собой добрая Наринэ, растаяли. Пришлось известить их на одежду. Весна здесь стремительная. Пальцы ног стало знакомо покалывать. Горячо и остро. Кыш!

— Меня зовут Егор, — он стоял между мной и входом в кухню. Ступни в тонкой коже мокасинов. Ладони в карманах узких штанов. Как там, под замком? Нет! Выше глаза я не поднимала.

— Я знаю твое имя. Лола, — он не двигался. Поднос тянул вниз. Тяжело.

— Пропустите меня, пожалуйста. Я сейчас урону, — тихо попросила я.

— О! Прости, — он убрался с дороги.

Я с остервенением драила тарелки, вилки, ложки. Нет-нет-нет! Твердила я, как заклинание. Да-да-да! Стучала кровь внутри. Да-да-да!

Голова разболелась от яростной борьбы. Меня со мной. Шпильки впивались в кожу. От горячей воды стоял пар. Жарко. Я стянула рубашку через голову и освободила волосы. Распахнула дверь наружу. Ветер с моря ворвался ко мне, подняв куполом бамбуковую занавесь.

— Ты простудишься. С ума сойти! — Давид глядел на меня, широко распахнув черные глаза. Розовое кружевное бюстье до талии. Привет из прежней жизни. Синие джеггинсы облепляют в ноль. Лицо пылает. Я невольно прикрыла грудь руками, обняв себя за плечи. За спиной мальчишки стоял Егор. У него, оказывается, карие глаза. Орехового оттенка.

— Да-а, — проговорил неясно мужчина. Опомнился. Уверенно прошел сквозь столы и раковины и захлопнул дверь. Я вжалась в железо холодильника за спиной.

— Мне кажется, что у тебя жар. Можно я потрогаю лоб? Я же доктор, — не громко сказал. Ага! Вот ты меня и полечишь. Не-ет!

— Не надо. Ничего не надо, — я схватила рубашку и выскочила вон.

— Посмотри, детка, какой красивый парень. Нравится? — Олег покровительственно похлопал по высокой попе человека рядом.

Я надула розовые губки и отвернулась. Прождала его в этом противном ресторане сорок минут. А он явился не один. Мужчины сели за стол. Подошел официант. Олег стал заказывать какую-то еду. Я смотрела на прохожих за большим стеклом. Вечный дождь сыпал на вечно серые пальто и куртки. Люди быстро шли по своим делам. Перескакивали через лужи или шлепали прямо, задумавшись о своем. Мимо серых каменных домов с серыми кариатидами, привычно подпиравшими козырьки парадных.

— Твое здоровье, любимая, — поднял рюмку Олег. Его приятель смотрел на меня в упор большими синими глазами. Линзы, наверняка. Таких синих не бывает в природе. Ничего, ему идет.

— А девушка? — хороший голос. Низкий, с теплой хрипотцой. Парень держал стакан в воздухе.

— Наша красавица не пьет. Она за рулем, — рассмеялся довольно мой взрослый друг. Это шутка, смысла которой синеглазка пока не знает. Но, судя по всему, узнает сегодня же. Плевать. Я отодвинула грудь от стола, пропуская руку подавальщика с тарелкой. Опять какая-то напыщенная фигня. Не хочу есть. И не буду.

— Надо кушать, малышка. Я скоро начну цепляться за твои ребра, — пошутил Олег.

— Ты нас не познакомил, — напомнил второй.

— Прости, хороший мой. Павел. Лола.

Я, не отрывая взгляда от окна, кивнула. Павел. Ха! На Павлика тянет еле-еле.

Искусственная седина и слишком пухлые губы. Ну-ну.

— Как дела в школе? — снова прикололся Олег. Чихать ему на мои школьные дела.

Рассмеялся. Видно, произвел впечатление на нашего нового друга.

— Контрольную по физике пишем завтра, — доложила я.

— Значит, тебе точно не наливать. Иначе, что же ты напишешь с похмелья? — веселился мой добрый друг.

— В каком классе? — интересно ему все маленькому. Этому Павлику.

— Ладно, я пошутил, — решил откатить назад Олег. Пожалел об откровенности.

— В десятом, — мстительно призналась я.

Выруливая на проспект, видела в зеркале, как он щупает соседа за мочку уха. Тот глядел на меня, не отрываясь.

— Сколько же тебе лет? — спрашивал потом жарко Павлик, разложив меня на столе. Чертил языком дорожку по моей коже от шеи к паху. Пульсом рвущемуся ему навстречу.

— А хрен, его знает, — смеялась я, вся выгибаясь к его мягким губам и остальному. Олег стоял рядом с бокалом в руке. Голый и ухмылялся.

Я резко села в кровати. Гребаный сон. Написала я ту контрольную или нет? Не помню. Остальное все я отказывалась вспоминать. Почти получалось. Вот только сны иногда дотягивались. После вот таких выхоленных красавчиков, вроде Егора. Слишком близко от меня. Кровь толкала горячо в затылок, под коленки. Выгоняла наружу. Лежать и тупо смотреть в темноту стало невозможно. Я натянула джинсовую рубашу на белую майку, в которой спала, и вышла на открытую галерею. Холодный влажный воздух умыл горячее лицо запахом моря. Не помог. По диагонали двора горел свет в окне. С высоты второго этажа я видела холл отеля, как на экране телевизора. Айк пил пиво и смотрел футбол. Кто-то там забил кому-то. Парень поднял руки вверх и тут же уронил на кудрявую башку. Горевал беззвучно. Часто я выхожу на ночную охоту? Спросил меня один умник холодной зимой за две тысячи верст отсюда. Нет! Я резко развернулась и ушла под холодный душ. Чертов Егор, чтоб он пропал.

Глава 8. Кирилл

— Привет! Ты бабушку Наташку не видела?

Я бросила тряпку в ведро, выпрямилась. На пороге стояла ярко одетая девушка. Из тех, что пытаются остаться ею до семидесяти. Поражающий в самое сердце макияж. Мужское сердце, ясное дело. Или в пах. Как повезет. За руку она держала мальчика. Сколько лет? Понятия не имею. Три-четыре-пять? Мне редко доводилось иметь дело с детьми. Нифига не понимаю в этих мелких человеках.

— А Кристина, где? — дама курила, мелко и быстро затягиваясь. Дым как бы выдувала за открытую дверь. Ветер загонял его обратно в холл.

— Кристина в больнице. Я за нее. Здесь не курят, — сообщила я.

— В больнице? А ты кто? Я тебя не знаю. Кирка посиди здесь, пока бабка твоя не нарисует. Веди себя хорошо, — наплевав на меня и чистый пол, она усадила мальчика на диван. Бросила рядом с ним яркий рюкзачок. Чмокнула ребенка в макушку.

— Кристе привет, — ушла, громко цокая железными набойками тонких каблучков по высыхающему после ночной росы асфальту.

Ребенок сидел спокойно. Даже ножками не болтал в голубых джинсах и сбитых кроссовках. Смотрел на меня внимательными серыми глазами в густых ресницах. В руках держал синего робота. Молчал. Я домыла пол. Завтракать пора. Восемь утра.

— Разве в детский сад я не пойду? — звонким голосом произнес ребенок. Четко как говорит. Все буквы на месте.

— Я не знаю, — растерялась я. Не знала реально, что мне делать.

— Пошли. Отведешь меня. Шалава Наташка только вечером придет, — он обрисовал картину жизни. Встал с дивана. Глядел серьезно. Я обула туфли и подчинилась.

Мы шли, держась за руки. Вверх по нашей улице. Поминутно здороваясь со встречными. Городок проснулся. Дымил мангалами, расставлял стулья в столовых и кафе. Открывал двери магазинчиков, выносил яркий курортный товар на улицу. До настоящего сезона оставалось время. Город ждал, будто репетировал.

— Ты зачем в море купалась? — вдруг спросил меня мой кавалер.

— С чего ты взял? — снова растерялась я. Неужели так прославилась на всю округу, что даже дети в теме обо мне?

— Шалава Лариска сказала вчера: какая-то дура в море купалась, — обстоятельно изложил малыш.

— Почему ты решил, что это я? — слегка млея, я ждала ответа.

— Ты красивая. А все красивые — дуры. Значит, это была ты, — ребенок кивнул светловолосой головой, закрепляя безупречную логику вывода.

— Я красивая? — рассмеялась я, чисто женским способом желая сбить этого умника с верного курса.

Он остановился. Оглядел меня с ног до головы. Кивнул опять.

— Да. Это ты купалась в море зимой. Больше никому.

— Разве нет других красивых девушек кругом? — улыбалась тонко и снисходительно.

— Красивые есть. Но таких, как ты, дур, в нашем городе точно нет. Я всех здесь знаю.

Умыл.

Чугунная калитка в синем заборе. Детсад. Пожилая женщина в белом халате. Улыбается

приветливо.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте. Привет, Кирюша. Меня зовут Анна Петровна.

— Лола.

— Заберете ребенка не позже шести часов.

— Я думаю, его родные заберут, — легко ответила я. Воспитатель, или кто она там, глянула на меня с удивлением.

— Его бабушка уехала в Город и обещала вернуться еще два дня назад. Пока не видно и не слышно. Его мать, как я поняла, подкинула мальчика вам, поэтому, будьте добры, заберите ребенка вовремя. В шесть мы закрываемся, — она захлопнула калитку перед моим обалдевшим носом.

— Отвела Кирку в сад? — меня спрашивали со всех сторон. Я кивала. Докладывала. Мне одобрительно кивали в ответ. Похоже, мальчик не обманывал, его действительно знал, если не весь город, то эта улица, точно.

Сверкающий белым лаком кузов знакомого мерса занял всю парковку возле гостиницы. Только не это! Я замедлила шаги. Егор вышел, увидел меня. Стоял, улыбаясь. Ждал, когда подойду. Пришла, куда ж мне деваться.

— Привет. Ехал мимо. Кофе нальешь? — говорил он мне в опущенную голову.

— Здрассте. Конечно. Заходите, — быстро проскочила мимо него в дверь. И сразу на кухню. Кофе варить. Егор пришел следом.

— Можно мне присесть?

— Конечно. Пожалуйста, — я сбежала к кофеварке. Спряталась за старой громоздкой машиной. Кофе растрясла неуверенной рукой. Наконец заправила и нажала кнопку. Шипение струи в чашку. Поставила на поднос. Сахарница, ложка, салфетка, два забытых печенья на блюде. Наверное, Давид их как-то проглядел. Понесла.

— Постой, — он успел отловить меня за руку, когда я избавилась от подноса.

— Пустите, — глаз не поднимала. Боялась. Вдруг он в них прочитает, что творится со мной. Насколько неудержимо я его хочу. Вчерашнее напряжение вернулось, как не уходило.

— Я уговорил Кристину остаться в клинике до вечера, — говорил, а руку не отпускал. Решил с другого конца зайти. Что ему надо?

— Лола, может быть, ты объяснишь этой упрямой женщине, что ей необходимо пройти курс лечения. Иначе, все может закончиться плачевно в любой момент. Да не вырываешься ты! Не съем же я тебя! — он притянул меня к себе близко. Чистая кожа. Парфюм. Кардамон, мята, холодная вода. Я запаниковала и дернулась изо всех сил. Егор разжал пальцы, и я улетела за кресло на пол.

— Господи! Ты меня боишься, что ли? Никогда не производил на девушек такого впечатления, — сказал растерянно сам себе. Я не издавала ни звука в своей щели между стеной и гобеленом старой обивки. Зависла.

— Эй, там за креслом, отзовись, — позвал мужчина шутливо. Безопасность свою демонстрировал. Кто тебя боится, чисто вымытый придурок! Я себя боюсь. Что руки свои не удержу. Заткнулась абсолютно.

— А я тебя в кино хотел позвать. Вместе с Давидом, разумеется, — заглянул за кресло. Я не успела спрятать лицо. Улыбка и добрые намерения. Красивый гаденыш. Лучше бы сразу в постель. А потом, фиг с ним, можно в кино.

Егор подал мне руку. Я не поддавалась искушению. Выбралась сама.

— Насколько я понял, в кино ты со мной идти не хочешь? — он снова подошел ко мне близко. Красивые ухоженные руки. Без колец. Ногти. Бесцветный маникюр. Запах. Индийские специи и холодная свежесть.

Я помотала низко опущенной головой.

— Ничего не понимаю. Всегда девушки любили ходить со мной в кино, — развел Егор руками. — Тогда, может быть...

Я решилась. Подняла пылающее лицо к его расстроенной гладковыбритой физиономии.

— Я тебя хочу, — призналась. Словно воды напилась в жаркий полдень. Настолько мне стало легче. Сняла замок с души.

— В смысле? — в который раз за последние полчаса растерялся мужчина. Наверняка, чаще, чем за последние полжизни.

— Давай сделаем наоборот, — я уже ухмылялась. Выпустила похоть наружу и стала собой.

— Это как? — он смотрел на меня пораженно. Не узнавал, что ли? Ведьму увидел? Я облизнула нижнюю губу. Глаза мужчины округлились до крайней степени. И потемнели. Рот стал мягче. Теплее. Дошло?

И тут вошел Давид. За ним — Гарик и Айк. В руках у них шевелилась в тяжелом прозрачном мешке живая горная форель. Штук десять. Или больше. Увидев доктора, они заговорили разом. Стали радостно стучать его по плечам вонючими, рыбными руками. Моднейший, нежно-песочный френч погибал смертью храбрых под благодарностью братьев. Егор попытался прорваться ко мне. Да куда там! Рыбная волна увлекла меня на кухню. Ребята вертелись рядом. Громко спорили, кому убивать и чистить рыбу. Я звонко смеялась их шуточной перепалке и не оглядывалась на дверь. Мерс увез хозяина восвояси. Пусть помучается.

А я? Мне, что делать с собой проклятой? Сбежала к грязной посуде и остальному. Помогло, в конце концов. Людей с их заботами хватало кругом, слава тебе господи.

— Я знаю, как тебя зовут. Лола, — объявил ребенок. Мы возвращались домой.

— А я знаю, как зовут тебя, Кирилл, — я улыбалась. Надела после обеда свое единственное платье. Старое и черное. Закатала рукава по локоть. Балетки на босу ногу. Красные и дешевые, купленные вчера в лавочке по-соседству. Волосы тревожил пахучий ветер. Завивал в кудри. Мужчины всех возрастов глядели мне в след и цокали языками. Красота.

Кирилл гордо вел меня сквозь строй зрителей. Вся улица с нами на одной волне.

— А ты не бросишь меня? — вдруг задал вопрос маленький спутник, тревожно заглядывая снизу в мое счастливое лицо.

— Нет. Конечно, нет, — я хотела погладить его по голове, но он недовольно увернулся.

— Смотри, не бросай. Мне в садик завтра нужно. У меня там дела.

Айк привез Кристину одновременно с нами. Она тяжело выбралась из низкой машины. Ребенок, заметив ее, бросил мою руку и подбежал. Запрыгнул и горячо обхватил женщину за шею. Маленький предатель. Я подошла следом. Криста обняла меня свободной рукой и прижала к мягкой груди.

— Спасибо тебе, девочка, за все, — она поцеловала меня, коснувшись мокрой щекой.

Глава 9. Тепло

Я ждала. Мыла посуду в резиновых перчатках и фартуке поверх черного платья. Ну? Где этот любитель водить девушек в кино? По моим прикидкам, он уже как полчаса должен быть здесь. Девять часов пробило. В зал не выглядывала. Нет.

В сегодняшней субботний вечер народу набилось в караоке прилично. Два соседних заведения не работали. На улице дождь. Куда еще деваться свободным людям апрельским ненастным выходным?

Чей-то день рождения. Вечеринка нормально пела и плясала нетрезвыми, в основном, женскими голосами. Давидик мотался в кондитерскую на соседней улице уже в третий раз. Крепкий алкоголь не пользовался спросом. Пиво. Они его сладкими слойками с кремом закусывают, что ли? Я сняла мокрый фартук, взяла поднос и отправилась за грязной посудой.

— Привет.

Я подняла глаза. Саша стоял у барной стойки и смотрел. Черные брюки, черная кожаная куртка. Туфли, рубашка, волосы — все черное. Знакомая неприятная ухмылка кривила холодный рот. Глаза были немногим добрее. Ему явно не нравилось то, что он видел. Я, молча, скрылась в подсобке. Знала. Сюда он не зайдет. Побрезгует.

Не ожидала, что он так скоро появится. В моей жизни снова. Наделась. Что оскорбится моим бегством. Наплюет на меня к чертям. Не станет искать. Тупо мечтала, что все так просто закончится. Дура-надежда присела на мозги толстой жопой.

— Лолочка, тебя там спрашивают в зале, — Гарик всунул в бамбуковую занавесь кудрявую голову.

Я сделала вид, что не слышу. Мыла тарелки со звоном. Горячая вода летела во все стороны. Гарик сделал еще одну попытку докричаться до меня. Ноль. Я вывалила груды вилок и ложек в железную раковину. Кухонный звон перекрыл гром караоке. Для тебя, пел резкий женский голос, следуя за сладко известным всем мужским. Для тебя, что-то там еще...

Мужская уверенная рука из-за спины дотянулась и выключила воду. Надо же, снизошел. Я выпрямилась и не оборачивалась.

— Поехали, — сказал он в мою спину. Не здороваясь. Зачем? Он для другого приехал.

Я отрицательно мотнула головой.

— Я соскучился, — он сделал попытку сказать это нежно. Не вышло. Мужской голос помимо воли владельца оттягивало в металл. Никогда. Он убьет меня. Из ревности зарежет. Я уже слышала такое. От него. Спасибо, нет. Я резко дернулась в сторону зала. Он успел поймать. Прижал к себе, наплевав на перчатки и мокрый фартук. Я чувствовала его пульс сквозь одежду между нами.

— Отпусти. Я закричу, — проговорила. Внутри стало предательски горячо. Похоже, соскучился не он один. Или ожидание чистого доктора так меня завело? Нет!

— Никто не услышит. Музыка орет, — он мягко касался моего уха теплыми губами. Жесткие пальцы, сжимавшие мои запястья, расслабились. Он взял мою правую руку в желтой резиновой перчатке, воняющей мылом и едой, и поцеловал голую кожу внутри запястья. Егор? Я забыла о нем. Какая разница?

— Поехали, — поцелуй в шею. Нежно. Хорошо.

— Нет.

— Почему? — добрался до щеки. Нежно. Ласково.

— Не хочу, — выдох. Вранье. Моя кровь горячим желанием уже рвалась к неизбежному, плюя равнодушно на инстинкт самосохранения. Он опустил левую руку на мое бедро. Ниже. Край платья.

— Ну, хоть эту ночь. Я не видел тебя вечность, я не трону тебя, не бойся, — он пошел рукой по внутренней стороне бедра выше. Поднимая подол. Я поймала ногами его ладонь в самом верху. Сжала. Он дотянулся и поцеловал в рот. Ласкал через намокающую ткань трусов, развязывая одновременно фартук. Стягивал перчатки. Я целовала в ответ. Голодно, уже не сдерживаясь.

— Я не трону тебя. Клянусь, — повторил и за руку вывел меня через служебный вход. Я не верила ему и не сопротивлялась. Плевать.

— Только не здесь, — попросила я в машине. Он внимательно посмотрел на меня. Кивнул. Бээмвэ, мягко урча двигателем, поскользилось в ночь.

— Ты куда собралась идти в такую рань? — Саша прикрыл ладонью лицо, прячась от нахального солнечного луча, влезшего в комнату через тюль занавески. Смешная роскошь придорожного люкса. Вишневым плюш обивки и китайское золото рамы зеркала. Спасибо, простыни свежие и сухие. Горячая вода? Как повезет.

— Пять утра. Охренеть, — высказался мужчина, подобрав с пола телефон. Упал на подушки обратно. Я ушла в ванную. Горячая вода, не сразу, но все же полилась на голову.

— Я хочу тебя одеть. Тупо купить тебе нормальную одежду, что бы ты выглядела прилично. Поедем в Город, прошвырнемся по магазинам. У меня есть время до часу дня. Ты похожа на нищенку в этом жутком платье, на тебя жалко смотреть. Шлюхи на обочине выглядят лучше, — сказал раздраженно он, глядя, как я натягиваю свое единственное платье. Лежал на подушках. Вставать явно не собирался.

Рада за них, хотела ответить. Но промолчала. Не хотела говорить. Уйти хотела. Ночь закончилась. Внутри сытая, довольная пустота. Пора. Повернулась спиной.

— Молчишь, — он мгновенно оказался рядом. Прижал собой меня к стене. Гольй. Возбужденный. Неприятный запах вчерашней любви. Началось. За удовольствие следует платить. Не отвертись.

— Ушла. Ничего не взяла. Ничего не сказала. Не попрощалась. Я искал тебя три дня, сразу, как прилетел назад, — он сильно сжал мое плечо и развернул к себе. Заводится.

— Мне больно. Ты обещал, — тихо проговорила я. Его красивое лицо исказило неприятное выражение. Скривился, словно лимон надкусил. Терпит.

— Я думал, что с тобой что-то случилось. МЧС на уши поднял. А ты, всего лишь, моешь тарелки в первом попавшемся кабаке, — прошипел он, белея злыми глазами. Сжал плечо невыносимо больно. Завелся. На краю уже.

— Отпусти. Мне пора, — я сделала попытку высвободиться. Зря. Вот оно. Ударит? Не ударит? Он резко швырнул меня обратно на кровать. Грубо развернул к себе задом. Задрал платье на голову. В пальцах порвал тонкие трусы. Вошел жестко. До самого дна. До гланд чуть-чуть не дотянул. Толкался долго. Кончил не скоро. Мое тело молчало и терпело. Ведь это не самое страшное. Пронесло?

— С кем ты здесь? — спросил в мою спину. Целовал тихонько в шею. Как всегда после.

Нежный. Чем только эта его нежность закончится? Всяко бывало между нами.

Я молчала. Зачем говорить? Он все равно слышит только себя.

— Ты одна? С кем спишь? Я же тебя знаю, ты одна быть не можешь. Отвечай! — снова больной захват плеча. Разворот к белому от ревности лицу. Снова.

— У меня никого нет. Прекрати орать. На улице слышно, — спокойно ответила в обесцвеченные глаза. Сколько можно об одном и том же? Никто из нас другому в любви и верности не клялся. Не было такого. Вылезла из-под него. Подняла с пола несчастные свои трусы. Сунула в карман. Придется, как когда-то, добираться до дому без нижнего белья.

— Ты ничего не взяла из вещей. Поехали домой. Я же вижу прекрасно, что ты живешь, как нищая. У тебя даже трусов лишних нет. Я тебя не понимаю. Деньги возьми, хотя бы, — он сидел на кровати. Смотрел, как я обуваю дешевые свои ярко-красные балетки. Я покачала головой. Не глядя в глаза. Нет, на эту удочку я точно не поймаюсь.

— Ты не хочешь со мной разговаривать, — сокрушенно высказался он. Отвалился на подушки. Руки за голову заложил. Обиделся. Как ребенок.

— Я приеду в следующую субботу, — заявил он потолку. Я пожалала плечами. Подошла к нему. Поцеловала осторожно колючую утреннюю щеку. Все-таки, он трахается, как бог. Когда не сходит с ума. И сдержал обещание. Удержал кулаки при себе. Это приятная новость.

— Спасибо, — вышла за дверь.

Шла по краю дороги. Утро. Солнце двигалось ко мне. Накрывало теплом. Грело голые колени, плечи под казенным одеялом. Честно пообещала вернуть его обратно в мотель при случае. Давида попрошу. Или сама приеду. Хозяин кивнул, разрешая. Махнул рукой в след. Я махнула в ответ, не оглянувшись. Закрыла глаза и шла навстречу яркому дню. Наслаждаясь невозможной свежей легкостью бытия. Удовлетворенная и почти счастливая.

Резкий звук. Клаксон. Пришлось открыть глаза. Белый мерседес догнал меня на дороге. Я опешила. Седьмой час утра. Полупустая трасса. Не может быть. Черное стекло, плавно опустившись, явило мне бледное лицо. Егор.

— Привет, красавица! — он смотрел на меня не менее удивленно, чем я, на его слегка небритую физиономию. — Садись.

В салоне стоял отстраненно-европейский аромат его парфюма. И слабый запах чего-то медицинского. На заднем сиденье я заметила небрежно брошенный саквояж и белый халат. Села рядом с халатом.

— Доброе утро, — проговорила я. От моих рук и волос несло табаком и недавней любовью. Я даже рук не отмыла от мужского тела. Ноги лучше не раздвигать.

— Ты ранняя пташка, — улыбнулся мне Егор в зеркале заднего вида.

Я кивнула. Разнесла волосами свой запах по салону. Он глянул внимательно. Чувствует?

— Я вчера днем уехал в Город. Пригласили на срочную операцию, интересный случай. А ты? С кем отдыхала? — снова взгляд в зеркало. Учужал. Точно. Крылья носа дрогнули.

Не твое дело, хотела ответить. Зачем? Что бы он дальше стал спрашивать в той же небрежно-хозяйской манере? Отвернулась и стала смотреть в окно.

— Сколько тебе лет? — не унимался отмытый до скрипа доктор.

Что еще спросишь, придурок? Вконец обнаглел. Дает понять, кто здесь взрослый. Или выясняет для себя, совершеннолетняя ли я? Или малолетка, девушка Давидика? Блядь

плечевая? Не стану отвечать. Пусть мучается. Ему полезно. Вчерашний неоконченный разговор продолжить желает? Сегодня уже не актуально. Его дорогая, безупречная задница не трогала меня никак. Мы с моим зверем были сыты любовью за гланды.

— Не хочешь со мной разговаривать? — светло-карий взгляд в зеркале. Знакомый вопрос. Не улыбается. Ямочка на твердом подбородке. Неужели злится?

Я пожалала плечами. Мы приехали.

Кухня нашей гостиницы встретила меня гробовым молчанием. Только телевизор негромко рассказывал новости. Кристина тяжело смотрела на меня в упор. Давид сделал вид, что меня нет. Не отрывал глаза от экрана своего планшета. Айк с грохотом отодвинул стул и вышел вон, едва не задев меня плечом в дверях. Гарик хотел войти с улицы, передумал, остался стоять с братом на крыльце.

— Доброе утро, — объявила я в пустоту. Не знала, куда мне теперь идти. К себе наверх или сразу на все четыре стороны.

— Мы искали тебя до двух часов ночи. Потом позвонил Рафик и сказал, что ты у него в мотеле с каким-то столичным мужиком. Ты не могла позвонить? — негромко проговорила Кристина. Страшным таким голосом. Не отрывала от меня немигающего взгляда.

— Простите меня, пожалуйста. Я не подумала, — я низко опустила голову. Меня искали? Все они? Ком в горле. Нечем дышать от этой удивительной, никак не заслуженной заботы. Стыдно.

Никому и никогда не было дела до того, где я и с кем. В последней моей жизни. Кто хотел, тот знал и так. Я отвыкла отчитываться. Забыла, как это делается. Может быть, не делала этого никогда.

— Сколько тебе лет! Три? Ты не подумала о том, что люди беспокоятся! Не спят, переживают о тебе! Как можно так поступать?! Как можно быть такой бессовестной! Мы места себе не находили! Думали, ты утонула! Купальщица хренова! Шторм на море! — бушевала Кристина. Резко встала из кресла, подскочила ко мне. Замахнулась трудовой ладонью в праведном гневе. Я, на инстинкте, закрыла голову руками и съежилась.

— Не надо! — тихо крикнула я. И присела, пряча живот. Забыла от испуга. Где я и с кем. Тишина. Горячие руки обнимают везде. Поднимают на ноги.

— Господи! Девочка моя, тебя били? Я не думала... — слезы. Рыдаем вместе. Громко и сопливо. С наслаждением.

— Это что у вас тут за море разлитое! — три брата смеялись с радостным облегчением. Новый интерес в трех парах темных глаз. Знать хотят. Про столичного мужика на черной бэхе.

— Здравствуйте. Я в садик пойду сегодня? — малыш в полосатой пижаме глядел требовательно и спокойно. Вышел из боковой двери и ждал ответа. Подобные мокрые сцены ему явно были не в новинку. Давно живет на этом свете. Лет пять уже.

— Одевайте его. Я отведу, — благородно вызвался Давид. Джентельмен.

— Нет. Я хочу, что бы Лола со мной пошла, — велел маленький командир.

— Что ты можешь хотеть, мелочь пузатая! — возмутился парень. Хотел дать малышу подзатыльник. Поймал взгляд Кристины и передумал.

— Я сейчас. Только сбегая, умоюсь, — охотно отозвалась я. Меня простили! За это я готова была мыть все полы на свете и водить всех нахальных мальчишек во все детсады

мира.

— Душ прими, — сердито донеслось мне в спину. Кристина. Уловила мой неоднозначный запах.

— Я с вами пойду, — заявил Давид.

— Зачем? — я завязывала шнурки на кедах ребенка.

— Надо, — непреклонно ответил он.

Втроем мы вышли на улицу. Я поняла. Я снова сенсация дня. Давид ловко и смешно отшучивался на вопросы, где меня нашли. Как и в каком виде. Прикрывал. Вся улица была в курсе моего исчезновения. Да, неслабо, видать, меня вчера искали. В отсутствии курортных забот, люди с жадно-искренним любопытством жили жизнью соседей. Радовались счастливому концу моей истории. Никогда не было со мной такого в больших Городах. Лицо пылало от смущения. Прятала его за отросшей челкой. По душе разливалось незнакомое тепло.

Глава 10. Шалава

Коричневая, сухая лапка оперлась о косяк. Порыв ветра принес запах винного перегара, нечистого тела и сладких духов. Женщина неизвестного возраста смотрела на меня надменно и без интереса. Красное платье опасно-коротко обтягивало тощее тело. Блестящий бант в черных волосах. Золотые туфли на ногах в мелкую черную сетку. Кроваво-красные губы. Кармен. Главное, не подходить близко и не присматриваться. Лучше, не принимаюхиваться.

— Кирка! Выходи, засранец! — высказалась дама, игнорируя меня в принципе.

— Он уехал с Айком в магазин, — сообщила я. Стояла прямо перед ней. Интересно, как ей удастся так ловко глядеть и не замечать. Меня в упор. Женщина, наконец, соизволила. Я поймала ее взгляд и поняла. Пьяна она в крайней степени. Вертикально стоит только на инстинкте.

— Кристина. Где? — собрала фокус. Изумилась, обнаружив меня. Попыталась улыбнуться. Губы очевидно не подчинялись. Кивнула. Качнулась. Я успела поймать ее непослушное тело. Не удержала, мы обе упали на диван. Какая хрень залетела в дурную голову этой сумасшедшей? Она дико заорала и вцепилась в мои волосы.

— Сука! Блядь! Урою! — острые, твердые, как камень ногти полосовали кожу на моей голове. Рвали волосы из меня нафиг. Я выдиралась, как могла, из цепких, отвратительно сильных рук. Не выходило, хоть убей. Сумасшедшая Кармен держала меня крепко. Пыталась кусаться, пихалась коленками. Достала пару раз острыми золотыми каблуками, разнося боль по ногам. Лезла ногтями в глаза. Я еле успевала перехватывать ее скользкие запястья и пальцы. Откуда столько силы в этом тщедушном тельце? Больно!

— Мама дорогая! — раздался громкий крик. Кристина.

— Гарик! Зови ребят! У Наташки беляк!

Нас растащили. Парни вдвоем повалили женщину на пол. Скрутили руки за спиной. Я отползла в угол. Меня начало жестко трясти. Отходняк. По лицу текла кровь. Соленая. Попадала в рот с расцарапанных губ. Вдруг, притихшая было, Наташка вырвалась и на четвереньках, со скоростью зверя, ринулась ко мне. Жуткое, искаженное ненавистью, белое лицо. Безумие в зеленых выпученных глазах. Резко двинула головой мне прямо в лицо. В дверях стоял маленький Кирилл и спокойно наблюдал происходящее. Больно! Мир поплыл и кончился.

— Ну, давай, открывай глаза, красавица. Хватит нас пугать, — теплый мужской голос обращался явно ко мне. Я разлепила мокрые ресницы. Егор. Низко склоненное лицо улыбается. Красивого все-таки цвета у него глаза. Ореховые. Я хотела протянуть к ним пальцы. Неприятная боль привела меня в чувства окончательно. Я в своей комнате на кровати лежу. Спрятала глаза под веками. Доктор присел на краешек рядом.

— Ну, вот и слава богу, — снова улыбнулся Егор. — Давайте-ка все вон. Я должен ее осмотреть, — шорох шагов. Стук двери. Ну-ну.

Жжение на царапинах. Йод? Шипение перекиси. Холод хлоргексидина.

— Это старые синяки. Кто тебя так? — теплые пальцы на плечах. Стягивают вниз лямки бюстгалтера. Ладно. Пусть полюбуется. Что скажет? Выдох. Едва видная полоса по соскам. След от трубы полотенцесушителя. Синяк на животе уже сошел. Резковато перевернул меня

на живот. Пятна на плечах ушли в желтое. Сутки назад дело было. Жесткие пальцы, уже забыв о том, зачем они здесь, стягивают узкие, неприятно-плотные джеггинсы вниз, обнажая меня до колен. Присвистнул. Не удержался. Что там? По пятерне на каждом бедре? Никогда не видел женщину после жесткого секса? Верни все назад, придурок, и забудь. Рваный выдох. Слюну сглотнул. Дошло. Застыл, гад. Никак не налюбуется. Все. Достало ума, или чего еще. Натянул на меня одежду. Вернулся к обмазыванию меня. Чем? Неужели противной зеленкой? Я отпихнула чужую руку от себя и села.

— Ты зачем меня так разрисовал? — возмутилась я искренне, забыв выкатать.

— Чтобы ты дома посидела, хотя бы сутки, — сразу ответил, не раздумывая. Мазнул тампоном по щеке. Да он злится. Этот чистюля-доктор. Я хлопнула с силой по его руке, нацелившейся мне в другую щеку. Зеленая вата прочертила след по его дорогой рубашке. Даже запястье зацепила. Прямоугольные желтые часы изгадила собой. Егор бросил зажим с тампоном на пол. Резко встал. На меня не смотрел. Прекрасно! Отлично! Так даже лучше. Не стану больше колыхаться по его безупречному заду. Вернусь к своим. Словно услышав мои мысли, доктор быстро вышел вон. Да, поход в кино с ним мне явно не светит.

— Всегда она была плечевкой, — заявил Овик. Повадился торчать в ресторане каждый день. Чтобы его перманентный начальник не наглед, требуя пива на халяву, Аик всегда посылал меня к нему в качестве официантки. Понимая, что девушки с подносами живут от процентов и чаевых, большой мужчина всегда честно оставлял здесь деньги. Что думала об этом его жена — не известно. Овик глянул в мою сторону покрасневшими от ночных возлияний глазами и продолжил свою мысль:

— Такая порода. Все они бляди. Я помню наташкину мать. Мой отец по молодости к ней таскался. И к Наташке. Я сам на Лариске девственность свою похоронил. Или на Людке, ее сеструхе? Забыл. Что-то давно ее не видно. Замуж, говорят, вышла где-то. Ничего, к лету нарисуетя. Всегда у этих блядей девчонки рождались. Только Кирюхе не повезло. Заделал Лариске какой-то залетный пацана. Не повезло мальчонке, — Овик хлебнул темного пива из бутылки. Махнул мне рукой, что бы принесла еще. Глядел на мой бюст мутным глазом. Набрался. Я поставила перед ним на стол очередную бутылку. Он схватил мою руку, густо изукрашенную щедрым на лечение доктором.

— Ты почему такая зеленая? — опешил большой мужчина. Заметил.

— Это Егор ее раскрасил. Специально старался, что бы никто не приставал, — усмехнулся Аик. Остряк. С раннего утра тренировался на мне. Шутил, как бы. Сам глядел на полосы зеленки, убегающие под платье. Хотел узнать, где они заканчиваются. Это вряд ли.

— Запал на тебя, что ли, наш уважаемый сосед? — заржал громко Овик. Не отводил черных, немигающих глаз. Только этого мне не хватало.

— Запал, точняк! Каждый вечер сюда приходит, как на работу. Прямо, как ты, — ухмылялся довольно хозяин заведения. Поприкалываться и заработать — его все.

Аик следил за порядком в зале, копаясь в кнопках музыкальной установки. Что-то там не ладилось в недрах караоке. Ура! Хоть уши мои отдохнут.

Днем в гостиницу заселилась семья. Мама, папа, трое детей. Откуда-то с Севера. Ужинали здесь, как положено. Я работала и не думала о ненужном мне. Таскала подносы, мыла тарелки, варила бесконечный кофе. Плечи ныли, ноги мечтали присесть. Я привыкала понемногу к физическому напрягу. Тяжеловато. А ведь это еще далеко не сезон.

Я вышла покурить в служебную дверь ресторана. В ту, что смотрела на море. Заметила,

как в узкой щели между домами протянулось белое блестящее тело знакомого мерса. Привет, доктор. Айк не смеялся, когда говорил об уважаемом соседе. Который вечер здесь отсвечивает. Не подходит близко. Трусит? Колыхается. Ну?

— Принеси Георгию Аркадьевичу его любимые баклажаны, — крикнул из-за стойки Гарик.

— И пива, — неожиданно добавил доктор. Странно. Он, вроде бы, за рулем. Хотя, такой мелкой дозой алкоголя здесь многие пренебрегали. Ехать белому мерседесу до виллы на горе всего ничего. Пара километров.

Он поймал мою руку сразу, как опустила перед ним на стол поднос. Сухие, твердые пальцы. Я оторвала глаза от столешницы и посмотрела мужчине в лицо.

— Мы не договорили в прошлый раз, — Егор даже не поздоровался. Не стал тратить время на вежливость. Смотрел серьезно. Как-то даже чересчур. Я улыбнулась. Интересно. Ну?

— Помнишь, что ты мне тогда сказала? Или мне послышалось? — не улыбается, ответа ждет, руку держит. Сколько пар глаз греют мою спину? Дымится уже.

— Приятного аппетита, — я открыто улыбалась в серьезные ореховые глаза. Пальцы свои, уже горячие, не отнимала. Егор сам убрал руку, придвинул тарелку ближе к себе. Отвернулся. Светлые волосы лежали плотной волной на затылке. Интересно, какие они на ощупь? Еле руку удержала. Так хотелось потрогать.

— Как насчет кино? Завтра вечером? — он быстро взглянул мне в глаза. Решил старый разговор вспомнить с известного места? Молодец. Я, мимо воли, рассмеялась. Ладно, поглядим, каков ты храбрец.

— Нет. Сначала в постель. Сегодня. В час ночи, у меня. И славы народной мне не надо. Услышит кто-нибудь, не открою. Решай, — я проговорила все ровным голосом прямо в его красивые глаза, хотела подмигнуть, не стала. На лице мужчины не дрогнул ни один мускул. Убрал глаза. Кивнул, типа услышал. Взял вилку и стал аккуратно поглощать жирные, в оливковом масле баклажаны. Через полчаса он спокойно уехал.

Не пришел. Неужели сдрейфил? Похоже на то. До двух часов я еще надеялась. Даже на галерею выходила, вглядывалась в ночь. Тучи висели низко, спрятав луну. В начале третьего пошел мелкий противный дождь. Я замерзла и промокла. Залезла в горячий душ и разревелась от злой досады. Какая сволочь! Яростно надраила зубы, плююсь горькой мятной пастой. Глядела в маленькое зеркало над раковиной, в сотый раз обзывая себя дурой. Сорвала майку с крючка. Вышла в комнату. Включила ночник.

Егор стоял, подперев собой входную дверь. Руки скрестил на груди и улыбался.

— Слово дура я слышал раз двадцать, — сообщил он тихо. Здесь не следует громко говорить. Гипсокартонные стены дают лишь иллюзию интима.

— Ты опоздал! — прошипела я. Простила его моментально. Пришел, все-таки, безупречная задница!

— Мне уйти? — не двигался с места. Смотрел на меня голую с майкой в руке.

Не-ет! Я подошла к нему вплотную. Взяла за руку и вывела на середину крошечной комнаты. Кроме кровати-полуторки и двух стульев здесь ничего больше не помещалось.

— Раздевайся, — ухмыльнулась я. Села на кровать и приготовилась смотреть.

— Так сразу? — он не стеснялся. Просто стоял и ничего не делал.

— А чего тянуть? Утро близко, — не стала я прикидываться. Говорила, как есть.

— Обычно, девушки раздеваются передо мной. Странно как-то, — Егор медленно, по одной стал расстегивать мелкие пуговицы белой льняной рубашки. Те плохо поддавались. Время шло. Я уже готова была его убить. Придушивается, гад. Ладно. Я влезла с ногами на кровать, выпрямилась, подперев головой потолок. Соски моей груди прилились точно в уровень его губ. Я провела ими, уже острыми, по его лицу. Он отстранился и посмотрел на меня с неясной улыбкой. Не спешил делать. Как я хочу.

— Это ведь твоя партия. Играй, — проговорил он. Даже брюки не расстегнул. Ждал.

— О кей, только, чур, не сопротивляться, — легко рассмеялась я. Тихо, в его волосы. Жесткие, как проволока.

— Ты меня пугаешь, — он тоже смеялся беззвучно. Я спрыгнула на пол и заткнула наглый рот поцелуем.

Как я всегда угадываю то, что нужно мне? Какое тело совпадает идеально с моей похотью? Размером члена, силой и частотой фрикций, запахом. Движением рук, касанием пальцев, ритмом любви. Абсолютно чую, что в этом мире создано и ходит рядом только для меня. Зверь во мне не ошибается никогда. Что будет с нами обоими, если получим отказ? Даже боюсь себе представить. Но страх этот, великий и ужасный, живет во мне. Добавляет остроты к сладкой победе обладания. М-м-м. Я получила то, о чем мечтала.

— Спасибо, — зачем-то ляпнула вслух. В твердую, соленую грудь партнера. Может быть, не услышал?

— Пожалуйста, — прилетело сразу в ответ. Самодовольно и с улыбкой. Легкий поцелуй в макушку. Хватит глупостей. Солнце проснулось за морем.

— Да. Пора, — откликнулся тут же на мою невысказанную мысль мужчина. Поднял меня за руку, не спросив желанья. Поставил под душ рядом с собой. Налил в свою и мою руку гель для мытья. Понюхал, скривил правильный европейский нос. Дешевая роза воняла удушающе. Ничего, перетопчешься, элегантный мой. Обойдешься, тем, что есть. Мы быстро мыли друг друга. Как будто соревновались на скорость. Я ясно видела его тяжелый, приподнимающийся член. Мужчина поймал мою руку и отправил прочь от себя. Нет времени.

— Сделай мне яичницу. У Кристины наверняка есть вчерашние пирожки или хинкали. Разогрей. Есть хочу, как людоед, — Егор выставил меня из душа в том же темпе, в котором привел. Вытирал голову моим запасным полотенцем и руководил.

— Ты хочешь пойти вниз, на кухню? — я обалдела от такой наглости. Хотя, чего уж вилять перед собой, ожидала подобного. Процентом на девяносто. И все же надеялась тупо на то, что он уйдет по-английски. Ну да, как же.

— Красавица моя, подумай своей прелестной головкой хоть чуть-чуть. Моя машина с ночи стоит на парковке, почти под твоими окнами. Только полный кретин не поймет, что ночевал я где-то рядом. Весь городок к обеду уже будет в курсе любых подробностей. Вплоть до того, сколько презервативов мы выбросили в мусорное ведро. Я не привык прятаться и скрываться. И я жутко хочу есть. Почему ты еще не одета? Пошли, — он обул мокасины и выпрямился. Смотрел серьезно и недовольно. Чего я стесняюсь, раз так все предельно ясно? Чего тут непонятного? В субботу мужик на черной бэхе, сегодня он сам на белом мерсе. Еще одна шалава в городе, только и всего.

Я кивнула, надела платье и пошла вниз. Если бы этот чисто вымытый господин не сделал все, как мне нужно, этой ночью, то впору вешаться на лифчике от злости на себя. Почему каждое мужское тело, которое я так исключительно удачно выбираю, непременно на утро

желает называть меня красавицей или, того хуже, деткой и рассказывать мне, как нужно жить? С лицом у меня, видимо, что-то не так. Никакой яичницы он от меня не получит. Фиг! Нашел прислугу за все.

На кухне, хвала всевышнему, хозяйничала Кристина. Радужно приняла Егора, словно он завтракал здесь всю жизнь. Каждое доброе утро. Мне кивнула спокойно. Я сразу отказалась от еды. Даже кофе пить не стала. Сбежала с Кирюшкой в детский сад.

Вечером Егор не приехал. Его баклажаны достались кому-то из посетителей. Никто из моих друзей никак не прокомментировал это. Зачем? Все всем понятно без слов. Моя половая жизнь, если обсуждалась, то без меня. Спасибо и на этом.

Глава 11. День рождения

Я нежилась под утренним ласковым солнышком. Начало девятого утра. Отдыхающие, которых с каждым днем становилось все больше, собирались потихоньку в загорающую массу. В девять мне нужно вернуться к работе. Никаких выходных дней мне Кристина не обещала. Я сама не спрашивала и не хотела их. Суббота. Вечером обещал приехать Саша. Ни разу, за то время, что мы знакомы, он не нарушил своего слова. Поглядим.

Пришел, давя мелкие камни подошвами кедров, Давид. Принес полосатый зонт и воткнул его в гальку надо мной. Дуется. Еле слова выталкивает из себя уже третий день. Не может простить мне чистоплюя-доктора. Сел рядом. Камушки подбрасывает.

— Криста сказала, что, если хочешь, то можешь завтра взять выходной день. Аик сказал, что, если хочешь, то он даст тебе машину. Вдруг, тебе в Город надо или еще куда, — глядя в сверкающее море, рассказал парень. Равнодушно и, как бы, не мне.

Я кивнула, не открывая глаз. Разговаривать не хотелось. То, зачем я приехала в этот чудный край, случилось со мной. Творилось в эту самую минуту. Солнце, тепло и море. Хорошие люди кругом. Через пару недель или раньше, море нагреется. Можно будет купаться. Что еще нужно для счастья? Мне — ничего.

— Зеленка отмылась почти вся, только царапины еще остались. Можешь снять лифчик и так позагорать. Я посторожу, — предложил явно оттаявший Давидик.

— От тебя меня кто будет сторожить? — рассмеялась я. Под веками плясали красные тени. Ветерок колыхал полосы зонта над моей головой.

— От меня не нужно. Что у тебя с Егором? — осмелевший Давид аккуратно развязал бантик купальника на моей груди. Выяснил, что под ним есть застежка. Вздохнул. — Он в Мюнхен улетел позавчера. У него там какая-то операция. Он часто летает в разные части света. Знаменитость. Что у тебя с ним? — мальчишка упрямо желал допрашивать меня. Чертил, едва касаясь, длинным ногтем на мизинце по моему животу. Щекотно.

— Перестань. Щекотно.

— Ты с ним спала? У него есть женщина. Не жена. Но приезжает к нему часто. Сегодня утром прилетела, — он знал все на свете. Я молчала. Мне-то, что за дело? Этой безупречной задницы мне точно больше не хочется. Хотя... я невольно облизала соленые от морского ветра губы. Во рту предательски скопилась слюна. Вот напасть.

— Который час?

— Девять, без четверти, — голос улыбался. Егор? Вот помянешь черта к ночи...

Я села от неожиданности и потеряла лифчик. Давидик добрался все же до застежки. Я и мои соски смотрели точно на улыбающегося мужчину рядом. Не скрывались ничуть.

— Прикройся! — мой верный сторож не стал дожидаться, пока я приведу себя в порядок. Кинулся в меня майкой. Своей собственной. Метит меня постоянно своим, как зверь. Подорвался на ноги, стоял между мной и Егором, светя безволосым, смуглым торсом. Смотрит дерзко.

— Привет, Давид, — улыбка.

— Здравствуйте, Георгий Аркадьевич, — вызов.

Они что-то говорили друг другу. Я смотрела на влажное тело, покрытое редкими светлыми волосами. Мало, кто отваживается лезть в воду в это время. Егор плавал в море

круглый год. Все это знали. Взгляд от его темно-синих плавок отлепить не могла себя заставить.

— Пошли, — Давид поднял меня за руку с полотенца.

— Ты не купалась? — услышала я над ухом. Рядом.

— Холодно еще. У тебя есть пятнадцать минут? — я забыла о мальчишке рядом.

— Только пятнадцать? — усмехнулся Егор, поправляя ворот майки у меня на шее. Не стесняясь, провел большим пальцем правой ладони по моим мягким губам. Давид с грохотом захлопнул зонт.

— Мне на работу пора. Времени нет, — я понимала всю нелепую откровенность этой сцены, но поделаться ничем не могла. Так хотела почувствовать его в себе и вокруг, что дышать стало нечем. Он внимательно смотрел мне в глаза. Словно хотел испытать, насколько далеко я зайду на этот раз. Я схватила его за руку и притащила в ближайшую дверь. Кладовка ресторана была пуста. Пахло хлебом, костром и бананами. Я сообразила, что презерватива нет, и застонала в голос.

— Давай сзади, — тихо проговорил Егор. Снял с верхней полки жестянку с оливковым маслом. Я мигом стянула трусы и прижалась попой к его возбужденному паху. Он плеснул масло на мою спину. И пошел разглаживать по мне. Развел половинки, ласкал и растягивал. Терпение мое стремительно таяло. Я нашла сама его и втолкнула в себя. Секундная боль и все. Дальше все нарастающий ритм, его пальцы на клиторе, одна волна, другая. Я вцепилась зубами в предплечье руки, которой он упирался в стену. А-ах! Общий вдох и разрядка. Глухой, трудно сдерживаемый стон. Выдох. Егор осел на ящики с бананами, прижимая к себе обессиленную меня. Поцеловал в ухо.

— Ну? — усмешка и еще один поцелуй.

— Что? — я усмехалась не хуже.

— Я жду, — он отъединился, но еще не отпускал меня. Гладил живот, спускаясь все ниже. Я шире раздвинула ноги.

— Хватит, умоляю. Мне... — я не успела закончить. Егор снял меня с себя. Поднял на ноги вместе с собой. Заглянул близко в лицо.

— Скажи мне, детка, то, что я хочу услышать, — придвинул губы к губам. Не целовал. Ждал.

— Спасибо, — прошептала прямо в рот и сама поцеловала его.

Натянув на тела то небольшое, что у нас было, мы вышли в узкий коридор между подсобкой и кухней. Здесь нам в разные стороны. Егор прижал меня к себе. Мы снова целовались.

— Егор, с тебя сто евро, — насмешливый голос Айка разорвал нашу идиллию.

— За что? — мой партнер совсем не собирался отпускать меня. Держал горячей рукой за скользкую попу, другой прижимал за затылок к себе.

— За аренду кладовки, — смеялся хозяин ресторана. Потом добавил: — И официантки, — не удержался. Была ли обида в его голосе? Насмешка точно была.

— Ты ведь не хотел обидеть мою девушку? Да, Айка? — услышала я. Ушам не поверила. Чья девушка? Подняла лицо вверх. К лицу мужчины. Он подмигнул мне и чмокнул в нос.

— Твою девушку? Никогда! Лолочка! Тебя Кристина обыскалась, беги скорее, а то убьет, — парень стоял в начале коридора, против света. Лица не разглядеть. Я вывернулась из масляных рук партнера и понеслась к нему. Айка ловко убрал себя в сторону, пропуская

меня. И встал обратно, загородив проход. Я умчалась в гостиницу. Пусть болтают, о чем хотят. С меня хватит.

— Лола, зайди, — раздался резковатый голос Кристи из кухни. Я весь день ждала чего-то подобного. Знала, эта женщина захочет выяснить, что к чему. Расставить точки над е. Вечер надвигался неотвратимо. Неужели принесет еще Сашу на мою бедную голову? Устала я зверски, бегая по этажам с тряпками и остальным. Гостиница заполнялась постояльцами. Минуты не нашлось у меня свободной. Мы даже не пообедали толком.

— Сядь, поешь, — бесповоротно приказала женщина. Запах стоял на кухне добротный, мясной. Я села возле огромной белой фаянсовой миски. В ней дымилась гора огромных хитрых пельменей, щедро политых растопленным желтым маслом. Мелко порезанный зеленый лук и кинза. Хинкали. Кристина положила рядом ложку и вилку. Это мне? Одной?! Взрослому мужику столько не срыть вовеки. Напротив меня сидели Давид и Кирилл. Маловато для судного дня. Смотрели, как я режу ножом единственный пельмень на блюде.

— Пекинес у соседки больше ест, чем ты, — высказалась Кристина. Я взяла еще одну хинкалину. Давид протянул руку через стол и навалил сверху белой сметаны. Потом нахально раскрасил мою еду красной жгучей аджикой. Кирюша сидел тихо, держал в ручках яркую коробку. Пазлы. Он их обожает. Ждет, пока я поем, освобожу стол, и можно будет начать игру. Чистый разум и степенные манеры. Словно не из блядского гнезда выпал, а из кадетского корпуса. В кого он такой? В Кристину? И почему все молчат? Не станет же Криста воспитывать меня при детях? Ничего не понимаю. От удивления съела третий пельмень. Все, больше не лезет.

— Компот? — женщина уже ставила передо мной высокий белый бокал. Компот из прошлогодних вяленых персиков — нечто неизъяснимо-прекрасное.

— Дело, тут вот какое, дорогая, — она села за стол рядом со мной. Положила на скатерть усталые руки. Сцепила пальцы. Я замерла. Выгоняет? — Наталью, бабушку Кирюши, закрыли в больничке месяца на два, не меньше, а у матери его родительских прав давно нет. Надо опеку над парнем оформлять или его в детский дом заберут. Мне отказывают потому, что я инвалид и сердечница. Может быть, ты попробуешь, а? Скажешь, что ты его дальняя родственница, из Столицы Северной приехала...

Я оторопела. Мне? Ребенка? Ответственность? Она в своем уме?

— Да ты не бойся. Это же просто формальность, бумажка и все. Летом приедет моя сестра из Столицы, переделаем все на нее. Мальчик мне давно, как родной. Я и за садик его плачу. Наташка только пособие на него получала, все пропивала, мне ни копейки не отдавала, да не в этом дело. Здесь его настоящий дом, комната, игрушки... — Криста все говорила, говорила. Слеза катилась по полной щеке. Я решилась. Чего я боюсь, в самом деле? Это же только формальность, не больше. Доброе дело. Как сказал недавно Овик: не повезло мальчонке? Я допила компот. Кивнула согласно.

— Вот и хорошо, деньги я им уже отнесла в их комитет или как там называется, путаю всегда. Взяли, не побрезговали. В понедельник вместе туда пойдем, оформим, как полагается. Спасибо, хорошая моя! Прямо камень с души свалился. Да! Я вот, что еще сказать тебе хотела. Давид, сходи с Кирюшей в магазин, — Кристина выпроводила недовольных парней за дверь. Развернулась лицом ко мне, глянула темными глазами и отвела взгляд в сторону, — Ты, конечно, девушка самостоятельная, взрослая и умная. Двадцать два года по паспорту. Но ведешь себя, как выглядишь: на шестнадцать лет. Егор

тебе не пара, пойми. Он — богатый человек, а такие мужики на простых девушках не женятся! Поиграется с тобой, как с котенком, и выбросит, — добрая женщина честно пыталась спасти маленькую дурочку. Меня. Уберечь от коварных, нечестных мужчин. Я смеялась. Замужество, как верх женской карьеры. Как идеальный финал отношений. Ну да. Ну да. Кристина обняла меня и шлепнула тяжеленькой ладонью пониже спины:

— Будешь рыдать потом над разбитым сердцем, домой не приходи!

Домой? Вот это да! Вот это тема. Придется еще одну подбросить.

— Сегодня ко мне один знакомый должен приехать, — начала я о своем. Кристина сразу поджала упрямо губы:

— На черном бээмвэ?

— Да. Вы уж меня не теряйте, ладно? — я состроила умильное личико. Вспомнила, как это делается. Давно не тренировалась. Расслабилась в этом добром раю. Бедная моя Криста. Обманула я ее. Сначала пряталась от всех местных мужиков. А теперь обзавелась сразу двумя. Да еще так скандально. Эх! Саму себя я надуть пыталась, да не вышло.

— Возьмешь завтра выходной? — она нехотя улыбнулась в ответ. И тут же: — А как же Егор?

— Как получится! — рассмеялась я, отвечая сразу на оба вопроса.

Ночь манила меня. В любом варианте. Забыла про усталость и остальное.

— Людк, а Людк! Глянь, родственница наша новая! Эй, ты, длинногачая, двигай к нам свою тощую жопу!

Две потрясающе раскрашенные дамы стояли напротив входа в ресторан и приглашали меня подойти. Даже сквозь тяжелый слой макияжа было заметно, что они сестры между собой. А заодно всем другим, патрулирующим дороги и веселые заведения. Родственница?

Я не имела желаний общаться. Но у девушек явно имелись собственные планы. Продолжали громко диалог через полотно проезжей части.

— Ты Кирку теперь опекать будешь? — Лариска орала на всю улицу и смотрела на меня с неясной ухмылкой на перламутровых губах.

Вот это да. Скорость полета местных новостей шкалила за скорость звука. Часу не прошло с тех пор, как мы договорились с Кристиной. Я подошла к веселым дамам. Кричать на всю улицу не интересно. От слова совсем.

— Да, — ответила в две пары темных глаз в густо-черных ресницах и жирных стрелках. Дальше, что? Девушки поразглядывали меня еще немного. Кивнули с разной амплитудой.

— Ладно! Пошли с нами, познакомимся, выпьем, потрындим за жизнь. Только не здесь. Сука Аик нас к себе не пускает. Пошли, — мать Кирилла взяла меня уверенно под руку. Я отстранилась. Вот только этого счастья мне не хватало.

— Пошли, не парься! Хватит подносы таскать! Сегодня же суббота, — не отступала от своего Лариса. Ее сестрица живохватила меня под другой локоть.

Пахло от них удушливо-сладкими духами и табаком. Неприятно-тревожной свободой. Злости от них я никакой не чувствовала. Родственнички. Разговаривать с ними все равно придется. Рано или поздно. Кавалеры мои не появились, ни тот, ни другой. Не пропадать же субботе. Гарик, стоя в дверях караоке, смотрел на нашу троицу внимательно. Забрал черный длинный фартук официанта из моих рук. Ничего не сказал.

— Рассказывай! — велела Лариса. Мы уселись в полупустой кафешке возле входа на пляж. Море темнотой гнало волны совсем близко. Хорошо.

— О чем? — я сделала глоток апельсинового сока. Поморщилась. Водки многовато. Коктейль.

— Про то, какая ты нам родня, — засмеялась вторая сестра. Людка.

Почему бы нет? Здесь следовало рассказать историю. Сейчас нарисую. Я сделала добрый глоток отвертки для вдохновения.

— У моего любимого дедушки было двое внебрачных детей. Он признался в этом бабушке на смертном одре. Она разозлилась страшно, прокляла несчастных женщин страшным проклятием и хотела мужа убить, но рак успел раньше. Так вот. Случилась у моего деда в этих краях в юности невозможная любовь.

Но прадедушка вмешался и увез рыдающего отпрыска назад на север. Встал непреодолимой преградой на пути счастливой любви. Дед узнал потом, уже в старости, что родила его прекрасная возлюбленная дочь и назвала ее Натальей. А потом от бедности и горя пошла по рукам и ушла в профессионалы. Тоже случилось с дочерьми бедной Натальи. Проклятие венца безбрачия повисло над ничего не подозревающими женщинами. Ничего и никак не выходило у них по-другому. Даже если удавалось им выйти замуж, то только ненадолго и несчастливо. Возвращались они всегда к своей трудной профессии, — я увлеклась и не заметила, что вещаю от лица автора. Девчата слушали меня заворожено, бутылка водки показывала дно. Людка махнула официантке, чтобы принесла вторую. Подперла щеку нетвердой рукой. Я гнала дальше в лучших традициях сериалов.

— Мой отец был тем самым вторым ребенком, которого дед прижил на стороне, будучи уже взрослым человеком. Страдал и плакал светлыми слезами, признаваясь в греховной связи с секретаршей. Стоял на больных коленях перед суровой женой, умоляя не попустить. В смысле, не бросать сиротку, чья легкомысленная мать увялась в неизвестном никому направлении. Бабушка разыскала его после смерти неверного супруга. Мальчик жил в детском доме, маленьком и бедном. Не доедал и обижали его там страшно. Забрала, воспитала, как смогла, и отошла в мир иной. Отец стал моряком. Или летчиком. Моя мама мне не рассказывала. Бросил бессердечно ее со мной, маленькой крошкой на руках. Она тоже повыходила пару-тройку раз замуж, да только все неудачно. Проклятие старухи, видно, ей тоже как-то передалось. Потом продала бабушкину квартиру и уехала с последним. Ой! Крайним мужем за границу. Бросила меня одну на произвол судьбы. Я не знала, что мне делать, погоревала, поплакала и пошла к гадалке, — тут я почувствовала, что природа и три стакана водки с апельсиновым соком зовут меня неудержимо. Встала на нетвердые ноги.

— Ты куда? — смахнув непрошенную слезу, удивилась одна из сестер. Икнула громко.

— Сейчас вернусь, — я направилась в сторону стойки бара. Скорей.

— Интересно рассказываешь, — Саша отловил меня у самых дверей. Не заметила, когда он появился. Вообще. — Я заслушался весь.

— Дай пройти или упущу, — я вбежала в туалет. Он зашел следом. Смотрел, как и что я делаю, и ухмылялся. Не водилось за ним раньше такого натурализма. Боится, что сбегу?

— Что уставился? Не видел никогда, как люди писают? — спросила, опуская платье. Руки мыла.

— Трахну сейчас тебя прямо здесь, — Саша прижал меня к холодной раковине.

— Давай попозже, — тихо попросила я. Откинула голову назад, чувствовала его мягкие губы на своей шее. Член, мучающийся под замком брюк. Голова закружилась. Водка вернулась из желудка в рот. Я отпихнула партнера и быстро откинула крышку унитаза. Все

отдала белому другу, вплоть до обеда.

— Мой руки и поехали отсюда, — сердито заявил мой парень и вышел вон.

— А дальше? — возмутились мои новообретенные родственницы по линии Кирюши. Я развела руками и кивнула в спину уходящему мужчине. Девчата одновременно подняли вверх большие пальцы, одобрили.

Меня тошнило всю дорогу. Отравилась я этой водкой, судя по всему. Саша крепко держал меня злыми руками над крутым склоном обочины, пока я отдавала природе горькую желчь. Потом заставлял пить воду, через пару поворотов меня снова тошнило. И так по кругу. Я была похожа на мокрую, вонючую тряпку.

— Давай остановимся где-нибудь. Я не могу больше. Я хочу лечь, — просила я шепотом каждый раз.

— Нет, — он упрямо вез меня к своей какой-то цели. Огни Большого Города сияли неприятно в лобовое стекло. Потом окружили и полезли в мозг, сквозь закрытые веки, со всех сторон.

Отель. Свет, зеркала и пафос. Невозмутимое лицо боя в лифте. Горячая вода. Наконец-то. Саша встал рядом на теплую плитку пола. Обнял, гладил душистой пеной по моему телу. Везде, где хотел. Сил нет. Неужели не видит? Я обмякла на его сильную, покрытую черными завитками волос грудь. Спать.

— Доброе утро.

Я открыла глаза. Саша сидел в кресле рядом. В белом пушистом халате. Золотой вензель вышит на груди, эмблема дорогого отеля. На кровати ждал меня поднос. Кофе в белой чашке. стакан холодной воды. Таблетка алказельтцера. Синяя коробочка с серебряной надписью известного бренда. Тест на беременность. Ого! Глянула на мужчину. В каком порядке прикажете принимать эту невиданную заботу?

— Просыпайся, девочка моя. Пойдем завтракать. Потом по магазинам. Такой план. Другого, не будет, — как обычно, предельно коротко и ясно. Саша смотрел голубыми прозрачными глазами, как я вылезая из-под одеяла.

— Ты тест забыла, — он лично принес упаковку следом за мной в туалет. Я не стала спорить и спрашивать, мол, зачем.

— Лично будешь проверять? — я села на унитаз и развела широко ноги. Бесцеремонность его меня явно зацепила. Вдруг безумно захотелось нахамить, наплевав на известные последствия. Хотя ссориться с ним, сейчас не место было и не время. Мой парень, такой брезгливый и аккуратный раньше, вел себя в последнее время как-то не так. Нет, дойти до конца он все же не смог. Вскрыл картонку и протянул мне. Ладно. Сунула полоску под струю. Вернула. Взял двумя пальцами за самый краешек. Тест ясно выдал одну черту. Ого! Какое облегчение на выдохе. Придурок! Этот вопрос я закрыла давно. Много лет назад. В розовой юности своей. И приглядывала за ним регулярно. Или чуда ждал? Выкинул бумажку в мусор. Убрался из ванной, наконец.

Кофе остыл. Вода в стакане нагрелась. В синей коробке, что?

— Открой, — велел Саша. Стоял, готовый на выход, одет, по обыкновению, во все черное.

Я открыла. Шикарно. Двойное кольцо. На два пальца сразу. Восьмеркой. Как знак бесконечности. Один белый камень. Три зеленых. Наручники, наверное, хотел купить, да не

нашлось в ювелирной лавке золотых. С камнями. Или слишком дорого?

— Не нравится? — он точно угадал мое настроение.

— Зачем? — я не прикасалась к подарку.

— У тебя вчера был день рождения. Поздравляю, — Саша вынул кольцо из зажима на белом шелке. Нашел мою правую руку и надел. Впору. Не просто угадать с размером в таком кудрявом варианте. Но он справился. Поцеловал пальцы с кольцами.

— Я люблю тебя. Закончу дела с разводом и поговорим, — произнес спокойным уверенным голосом. Добавил: — Одевайся.

Вот так. Без вопросов. Без вариантов. Надо что-то сказать. Выяснить, объяснить. Но ссориться не хотелось. Лучше пойти погулять. Поесть чего-нибудь. Потом. Кстати!

— Почему ты решил, что у меня вчера был день рождения? — я направилась с интересом к новым коробкам, что ждали меня на столе.

— В паспорте твоем написано.

Верно. Этот гребаный паспорт. Совсем забыла о нем.

Пробка сковала движение и отправила меня в сон. Даже не в пустоту равнодушного ожидания движения, а в тягостное ничегонеделанье на заднем сиденье. Саша сидел за рулем со спокойствием человека, давно привыкшего к безнадежной неотвратимости подобной жизни.

Я не хотела вспоминать. Память просто поймала меня в бесполезном, тупом безвременьи.

— Подойди к окну, — Олег снял меня с колен и легким шлепком по пятой точке отправил в нужную сторону. Я подошла к низкому стеклу французского окна. Шел, естественно, дождь. В этом каменном городе он идет в девяти случаев из десяти. Особенно весной. И осенью. Что мало отличается одно от другого. На проезжей части, между тротуаром и гранитной набережной стоял черный автомобиль с красной крышей. Джон Купер. Всегда мечтала о таком. Бешеная муха. Смеялся Олег над моей мечтой.

— Нравится? — он ухмылялся в мою макушку. Я выросла за последний год. Еще немного и придется ему лыбиться в мой затылок.

— Это мне? — не стала я кормить его самолюбие дурацким визгом. Хотя именно этого мне хотелось больше всего. Еще чего!

— Разумеется. Старшая версия. Сделаешь всех на Окружной. И вот еще что. Надоело платить бесконечную мзду ментам, — он протянул мне новенький паспорт и водительские права. — С днем рождения, малышка!

Я повисла у него на шее и вlepилась в довольный, ухмыляющийся рот. Втянула в себя язык и быстрыми пальчиками расстегнула джинсы. Он довольно выдохнул и вернул нас обоих в кресло. Я направила в себя его крепкий член. Задвигалась в знакомом обоим ритме. Ему всегда нравилось, когда я все сама делала. Слово он не при делах. Я плохая. А он добрый. Беззащитный перед окаянной судьбой. Жертва обстоятельств. Наверное, он прав. Плевать. Я не куксилась и не дулась больше за то, что накануне он заставил меня изображать примерную девочку в приличном доме каких-то своих друзей. Стянула майку через голову и подставила себя его умелым губам. Ура! Мне наконец-то восемнадцать! Вместо дурацких шестнадцати. Я стала старше на два года и забыла, когда на самом деле родила меня женщина, которую я когда-то звала мамой.

— Спасибо, папочка, — прошептала я и счастливо кончила. Это он умел со мной абсолютно. Не то, что глупые мальчишки, то и дело возникающие на моем пути.

Глава 12. Длинный, длинный день

Черная машина стала набирать скорость. Я очнулась и разозлилась на себя. Зачем вспомнила? Настроение упало.

Саша делал все, как он хотел, как считал нужным. Я каждый раз удивлялась, насколько поразительно точно он в этом походил на Олега. Водить женщину по магазинам, выбирать ей белье, одежду и остальное и получать от этого удовольствие. Наверное, во всем мире существовало всего двое мужчин, способных на подобные вещи. И обоим попалась в игрушки я. Послушная вешалка для их амбиций, мужских фантазий и банковских карт. Не сопротивляясь, никак не проявляя себя. Самое интересное, что вкус у них был тоже отвратительно похожий. Определялся он простенько: Очень-очень-очень дорого. Девчонки в бутиках глядели восторженными глазами на внимательного, щедрого, красивого и молодого мужчину. Горячечный сон, а не кавалер. Мое волшебное кольцо не оставалось ими незамеченным. Восторг и зависть всех цветов-оттенков тянулись ко мне со всех сторон. Тошнит от такого развлечения. Все это уже было со мной в прошлой жизни. Давно уже не веселило никак. Только крыло гранитной тяжестью, заставляя ниже опускать голову. Расплачиваться за эту гребаную щедрость придется, по любому. Про это я давно знала. Устала страшно от четырехчасового блуждания по магазинам. От липкого чужого внимания. От неотвязных, смертельно надоевших мыслей об Олеге. Хотелось подпрыгнуть и удрать ко всем чертям, или лечь лицом к стенке и умереть.

— Я есть хочу, — сказала я негромко в очередной примерочной. Стояла в розовом атласном комплекте белья, отделанном черным кружевом. Тонкие телесного цвета чулки с широкой, обязательно кружевной резинкой. Саша плотно глядел в мое лицо, бледнеющее в зеркале. Ничего, кроме зеленой тоски, в нем не отражалось. Он судорожно сглотнул. Пауза. Он смотрел. Похоть широким языком шла от него ко мне. Я просто стояла, как солдат, опустив бессильно руки вдоль тела. Молчала и не двигалась. Он кивнул и вышел вон. Злитесь на неблагодарную меня. Пошел бы и трахнул кого-нибудь, хоть эту блондинку справа, вон как смотрит на него, съесть глазами готова. Я переоделась, опустила взгляд в пол и стремительно покинула стеклянный рай женских радостей. Быстро шла, втыкая тонкие высокие каблуки в скользкие плиты галереи. Мне хотелось выйти наружу, к свету, солнцу, запаху моря. На свободу.

Второй эскалатор двигался мне навстречу через высокое прозрачное стекло. Пара обнималась, не думая о любопытных взглядах кругом. Сдобная блондинка с прямыми волосами ниже лопаток, хорошая круглая попа в ярко-голубых джинсах. Счастливое лицо прячется на груди партнера, постреливая кругом темными быстрыми глазками. Проверяет, все ли посетители торгового центра оценили по достоинству ее красивого парня. Тот что-то нашептывал в светлую макушку, сдувая поднимающиеся тонкие волосы подружки с губ. По черной его футболке белые пряди приклеились и размазались, как щупальца. На правом предплечье выглядывала из-под короткого рукава татуировка. Парень поднял лицо от головы девушки. Мы встретились глазами. Андрей. Я тупо смотрела в пораженные серые глаза. Он, как всегда, смотрел мне в душу. Не улыбнулся. Не кивнул. Ничего не успел. Механические лестницы растащили нас в разные стороны.

Я машинально, ничего не замечая вокруг, спустилась на нулевой этаж. Парковка. Стеклянная клетка для курящих. Неприятный запах машинного масла и грохот вытяжки внутри. Еще немного и нас станут показывать в зоопарке, как зверей. Человек табакокурящий за стеклом. Присела на лавочку возле огромной урны из нержавеющей стали. Стала искать сигареты в новой сумке от Биркин. Нет тут ни хрена! Ничего нет! Нет! Нет! Нет! Этого не может быть! Не сегодня! Это не он! Мне показалось! Это тупо не он! Отбросила от себя бесполезную вещь. Молочно-белая кожа проехала по сигаретному пеплу нечистого пола. Новехонькая косметика показалась в прорези незакрытой молнии. Я откинулась в досаде назад. Не рассчитала: стекло стены оказалось ближе, чем я думала, и крепко ударило меня по затылку. Внезапная, незаслуженная боль разбила напряжение нудного дня. Я разревелась. Горько и шумно. Мне казалось, что я в этом загоне для курильщиков одна. Выпустила себя наружу. Стучала затылком по стеклу и плакала в голос. Нет! Не хочу! Нет! Не он! Господи! Пусть это будет не он! Не хочу-у-у! я просто выла. Истерика.

— Простите, я могу вам чем-нибудь помочь? — мужская рука протянула мне носовой платок. Господи, кто сейчас пользуется настоящими носовыми платками? Я взяла в руку жесткую ткань и громко высморкалась. Так ведь поступают героини сериалов с предложенной им благородно вещью?

— Что случилось? — человек поднял с пола мою сумку и несколько предметов, все-таки выпавших из нее. Его платок у моего лица имел исключительно прекрасный запах. Не знаю, что это и кто. Но запах!

— Что это? — гнусаво спросила я, имея в виду искомый аромат.

— Я не понял, простите? — мужчина аккуратно сложил выпавшие футляры с помадой и что-то еще внутрь. Поискал глазами вокруг, чем бы оттереть безобразные пятна с кожи, не нашел, потряс сумкой в воздухе и поставил ее рядом со мной на лавку. Я благодарно кивнула. Сопела носом и разглядывала исподтишка своего случайного спасителя. Около пятидесяти. Сухой, подтянутый, среднего роста. Серые легкие брюки и пуловер. Часы и туфли. То, что говорит в мужчине о многом. Без претензий. В смысле, хорошего качества. И запах. Слезы кончились. Внутри было легко и пусто.

— Вы что-то спросили? — он заглянул мне в лицо. Тонковатые губы, четких линий нос. Настороженный взгляд холодных, светлых глаз. Симпатичный мужик. Трус, как все его племя. Но держится. Явно желает помочь.

— Интересный запах, — я показала платок, возвращать не собиралась. Зачем ему мои сопли.

— Это не важно. Вы успокоились? Ничего страшного не произошло? Я серьезно предлагаю вам свою помощь, — он продолжал смотреть на меня внимательно. Дернулась рука на колене, словно он хотел дотронуться до меня. Не стал. Положил ногу на ногу, пальцы рук переплел. Хорошие руки. Широкие кисти, сильные пальцы. На левом мизинце темнеет непрозрачным плоским камнем золотое кольцо. Седоватые редкие волосы на ребре ладоней уходят выше к локтям. Интересно, на груди они такие же седые? А в паху? Как там, вообще? Жизнь есть? Я невольно рассмеялась сама над собой.

— Я вижу, что вам явно стало лучше. Может быть, вас подвезти? — он так хотел для меня сделать хоть что-нибудь. Или не желал расставаться?

— Больше всего на свете мне хочется закурить, — улыбнулась я и зачем-то раздвинула колени. Полы платья, все от той же Биркин, разошлись, явив миру кружевные края тонких чулков. Я его клею, да неужели? Быстро свела ноги и закрутила вдвое. Выпрямила спину и

выдохнула. Теперь раздвинулись пуговицы в низком вырезе декольте. Вылезли кружева бюстгалтера и грудь, куда же ей деваться. Саша выбирал это платье под свои вкус и ощущения, и работало оно на раз-два-три. Знает толк в женских приבלудах, гаденьш. Только нет его здесь. От слова совсем... боже! Где-то он ведь есть, тут, неподалеку.

— Я не курю, к сожалению. Или к счастью. Сам не знаю, — мужчина рассмеялся. Лучики морщин разбежались от глаз к вискам, сняли строгость отчуждения.

— Лев Иванович, — он решительно протянул мне руку.

— Лола, — я искренне приняла крепкое мужское рукопожатие. И добавила: — Лев, мне нравится имя, — не удержалась. Не смогла. Чуть откинула голову назад, пробуя звуки нового имени на вкус. Не стала глядеть в лицо, проверяя реакцию. Зачем? Он сжал на инстинкте мои пальцы в своей руке еще раз. Разжал.

— Я рад, — он подержал осторожно мои пальцы в своих еще короткое время и отпустил.

— Вы позволите... — начал он. Неуверенность в глазах. Никак не может решиться на что-то. Слова забыл за последние годы? Интересно. Ну? Или он хочет, что бы я сама напросилась на номер телефона? Это уж фиг! Хотя...

Пауза затягивалась. Мы смотрели друг на друга. Я вопросительно. Мой сосед — без улыбки, как бы взвешивая что-то для себя.

Ладно. Пусть себе живет дальше. Я убрала взгляд.

— Я должна вернуться к своему другу. Спасибо, что поддержали меня. Правда. Спасибо, — я поднялась на тонкие, неправдоподобные шпильки каблучков. Тридцать девятый размер моей ноги разрешал моему бойфренду любые обувные фантазии. Не хотелось вот так просто уходить. Мужчина определенно стоил того, чтобы задуматься о разном. Староват? Ровесник Олега... забыла! Саша! Инстинкт жизни погнал меня под коленки назад. Мой старый телефонный аппарат умер без подзарядки еще вчера. Спасибо ему за это. Иначе этих тридцати минут свободы не видать мне, как... не важно. Ну? Решится этот волшебный дядя хоть на что-нибудь?

— Всего доброго, Лола. Приглядывайте за собой, — он вежливо пропустил меня вперед на выходе из курилки. Улыбнулся и ушел в лабиринт припаркованных машин. Жаль.

Андрей? Еще чего не хватало! Амстердамско-иокагамско-кавказские бордели ждут тебя! Развлекайся, разносторонний мой. Плевать мне, с кем ты и сколько раз!

Этот день не желал заканчиваться. Видно, сегодня уж такое мое вышло везение. Кто-то сверху включил мою жизнь в план воскресных развлечений.

— Где ты была? — сердитый возглас Саши встретил меня, когда двери лифта разошлись в стороны.

— Курить ходила, — просто ответила я.

— Что с твоим лицом? — он по-хозяйски оглядел меня с ног до головы. Проверял, как обычно, все ли у меня на месте.

— Голова разболелась, — рассказала я вечную женскую отмазку.

— Это от голода, идем быстрее. Я заказал обед, — он взял в руку мою ладонь и потянул в нужную сторону. Второй рукой провел по заду. Проверяет снова, не потеряла ли я где-нибудь трусы. Придурок.

Надо было уехать с этим добрым Львом, как его там, Ивановичем обратно к моим друзьям. Или еще куда подальше. Сбежать. Скандала мне не хотелось. Зря я взяла это гребаное кольцо и свечу им до сих пор. Я терпеть не могу выяснять отношения. Особенно с

криками и мордобоем, которые мой серьезный парень вполне мог устроить, наплевав на весь белый свет. Терпи, Лола. Смалодушничала вчера, хлебай сегодняшнее полной ложкой. И есть хочется.

— Суп из дикой куропатки и... — что-то там еще договорил официант, ставя передо мной тарелку. Я кивнула. Попробовала. Вкусно, даже очень.

— Александр, какая приятная и неожиданная встреча!

— Георгий Аркадьевич! Здравствуйте!

Саша встал и мужчины обменялись рукопожатиями. Я тупо глядела в суп. Веселый сегодня выдался денек!

— Присаживайтесь к нам. Разумеется... — Саша. Голос искренне доброжелательный. Не часто он радуется мужчинам рядом со мной.

— С удовольствием! — Егор. Тоже, вроде бы, довольный.

Я вся в разглядывании микроскопического бедра куропатки. Какая-то дама села напротив. Коллега и подруга Егора по имени Бригита. Немка? Мне присвоен статус девушки по имени Лола. Саша так и произнес:

— Моя девушка Лола.

Про мой якобы день рождения не добавил. Не стал входить в подробности. Я проглотила усмешку. Кивнула и подняла лицо к окружающим меня людям. Интересно, как там Егор? Сутки назад я, вроде бы, называлась его девушкой. Он не смотрел на меня. Умудрялся разговаривать и улыбаться, не встречаясь со мной взглядом никак. Словно я красивое пустое кресло. Ладно.

Шел оживленный общий разговор. Какую-то клинику они вместе планировали открывать. То ли здесь, то ли в Столице, то ли на Луне. Аппетит пропал. Я отвернулась и смотрела в синеву за окном. Ранние сумерки. Мой выходной день катил к финалу. Если он упрется и не отпустит меня, то я тупо выпрыгну в окно, пришло краем сознания. Крайний этаж. Как раз в тему. Открыта дверь на балкон. Курить там разрешалось.

— Потрясающе красивое у вас кольцо, Лолочка, — голос Егора застал меня врасплох. Я оторвала глаза от неба.

Он смотрел на меня с доброй улыбкой. Так смотрит прохожий на хорошенького ребеночка в коляске. Мило и чуть преувеличено, что бы угодить родителям.

— Это... — Саша назвал имя модного дизайнера. Рассказал все тайны и премудрости авторского украшения. Цену не озвучил, здесь не принято о таком, но дал понять, что она изрядная. Я опять сидела красивым пустым местом. Надоело.

— Я хочу курить, верни мне сигареты — произнесла я посередине чужого разговора.

— Это вредно, — заявил тут же мой кавалер. И накрыл мою руку на столе своей ладонью. Сжал. Я с заметным трудом, но, все же, освободилась.

— Я могу вас угостить, — с акцентом отозвалась подруга доктора.

Я встала и, не оглядываясь, вышла на балкон.

— Алекс ваш жених? — спросила без лишних затей немка.

— Нет, — я подставляла лицо ветру. Он нес с собой запах воды, сосновой нагретой смолы, сигарет и далекого дыма. Кто-то внизу, у невидимого моря жарил непреходящий шашлык.

— Георгий ваш жених? — сделала я алаверды. Разглядывала крепкую даму с интересом. Натуральная блондинка в льняной белой хламиде. Никакой косметики. Не красавица. Ровесница Егора. Грудь нет. Зад, как три моих. Вряд ли он с ней спит. Может быть, когда-то,

лет пятнадцать назад.

— Нет, — рассмеялась весело Бригита. — Я не использую мужчин в этом качестве. Мы только друзья. Ты красивая девушка, — она вдруг подмигнула мне, весело и задорно. Мы рассмеялись, каждая о своем. Не знаю, о чем она. Я — над насмешкой судьбы. Саша так тщательно сторожит меня, а слон — вот он. Я выбросила окурок на головы беспечных горожан и пошла к столу.

Поймала впервые взгляд Егора. Смотрит в глаза. Точно в меня. Серьезно и зло. Ого! Я улыбнулась всем, зацепилась каблуком за ножку кресла, обходя его фигуру по кругу, схватилась за твердое плечо. Он поймал меня рукой мгновенно на лету. Горячей и жесткой. Злитесь доктор. Молодец.

— Простите. Ужасные каблуки.

— Ну, что вы! Это так очаровательно. Будьте осторожнее.

Все. Мы больше не смотрели друг на друга. Я видела, как сжались в кулак его пальцы на тонкой ножке высокого бокала. Дзынь. Вдребезги. Вино красным пятном растеклось по скатерти. Красиво. Извинения, официанты, суета. Я ухмылялась довольно, глядя в его напряженный профиль. Простила скуку обеда. Бригита подняла свой бокал и сказала:

— За красивых женщин! — выпила, глядя на меня смеющимися глазами. Интересно, она знает? Про наши игры с безупречным доктором.

— Предлагаю продолжить вечер, — начал Саша, когда мы выбрались из ресторана на волю. Все трое почему-то разом посмотрели на меня.

— Нет. Мне пора домой. На работу завтра рано вставать, — заявила я. Не стала извиняться и разводить политес. Больше всего на свете хотела очутиться сейчас в безопасной гавани отеля дорогой Кристины. Устала от этой троицы, словно не обедала, а подносы таскала с грязной посудой.

— Вы работаете? Кем? — искреннее, удивленное любопытство немецкой дамы.

Я кивнула. Саша и Егор напряглись очевидно и разом. Смотрели одинаково на меня, словно хотели взглядами заткнуть мой глупый рот. Жаль, что не друг на друга, порадовались бы.

— Горничной в отеле на берегу, — я не стала шокировать эту чистую компанию своей посудомойкой.

Пауза. Хорошая, с выдохом кавалеров. Мне понравилось. Саша отмер и стал прощаться. Я глядела в веселые глаза Бригиты и улыбалась беззаботно. Просто так. Что и как смотрел Егор, проверять не стала. Обойдется.

День упорно не желал заканчиваться. Что-то случилось на центральном выезде из парковки торгового центра. Тревожные красно-синие огни Скорой помощи и полиции. В боковых проездах моментом образовались заторы. Стадо машин наглухо заперло себя в подземной ловушке.

Саша развернулся ко мне в салоне автомобиля. Я сидела сзади, скинув узкие туфли и вытянув ноги на сиденье. Он протянул руку между спинками и погладил меня по коленке. Заглянул в лицо. Я отвернулась.

— Ты весь день отворачиваешься. Что-то не так? — его пальцы пошли выше, к краям чулков.

— Там надолго? — я спрятала ноги за спинку водительского сиденья, игнорируя вопрос.

— Минут на тридцать-сорок, — он вздохнул. Не стал настаивать здесь. Вышел из

машины. Открыл заднюю дверь, хотел пересесть ко мне.

— Я сбегая в маркет, куплю своим конфет, — сказала я Саше. Выбралась на волю с противоположной стороны.

Сбегая! Ха! На этих каблуках можно только стоять. Лучше — сидеть. Я медленно шла сквозь деловито-задумчивых людей, важно катящих перед собой железные телеги с едой и прочим. В некоторых сидели сосредоточенные дети. Следили, наверное, чтобы взрослые не забыли купить очередную хозяйственную хрень. Где же игрушки? Нелегкая занесла меня совсем не туда.

Андрей стоял возле стойки с мужскими сорочками. Один. Я замерла. Сегодня уже не удивлялась ничему. Он повернул ко мне лицо.

— Не может быть! — высказал он вслух нашу общую мысль. И подошел вплотную. Улыбался и смотрел. Снова туда, в то самое, темное место. Где пряталась моя душа.

— Я ничей, — улыбнулся он, вспомнив старое, забыв поздороваться, сразу к главному. — А ты?

— Я не могу, — призналась быстро, что бы не было соблазна. Игнорируя всякую логику, протянула руку, провела пальцами по его губам. Он поймал их, поцеловал. Я провела другой рукой по его груди, невольно задела ремень на поясе джинсов.

— Совсем нельзя? — он коснулся пальцем моих губ. Я поцеловала шершавую, теплую кожу. Смотрела в серые глаза заморожено. Желание пульсом билось везде. Он это ясно видел. Держал меня светлым взглядом, приковывал.

— Совсем, — я облизала губы, сглотнула слюну. Андрей взял мою ладонь и приложил к губам. Заметил кольца. Прямые брови приподнялись в вопросе. Сразу отстранился и оглядел с ног до головы, как будто только сейчас увидел. Задрал мою руку вверх и заставил сделать оборот вокруг себя, как в танце.

— Вот это да! Шикарно выглядишь. Замуж вышла или продала себя подороже? — он снова ухмылялся. Как-то не слишком добро. К себе уже не приближал. Но смотрел с заметным восхищением. — Или и то и другое?

— Не твое дело! — высказалась я. Своим откровенным цинизмом он снял с меня оторопь наваждения. Похоть осталась. Другое что-то спряталось испугано и жалко. Я отвернулась. Если в глаза ему не смотреть, то дышать становится определенно легче. Из примерочной в углу вышел толстый мужик, освободив место. Нет! А вдруг Андрей уйдет навсегда? Я не встречу его никогда-никогда? Я обернулась. Он стоял, смотрел на меня и думал тоже самое. Или нет? Или да? В кабинку втиснулась семья с детьми и ворохом цветастой одежды. Мы упустили шанс.

— Мне нужно купить... не важно. Прощай, — я направилась в другую сторону. Он поймал меня через секунду. Прижал к себе наконец-то. Я прятала лицо, не позволяя себя целовать. Вжималась в его горячее тело, что было сил. Желание стягивало нас неумолимо в одно целое. Он гладил меня по голове, целовал быстро и коротко в шею.

— Бросай все и пойдем со мной.

— Нет.

— Ты же хочешь, я вижу. Зачем мучаешь себя и меня?

— Нет.

— Я не знаю, что тебя держит. Я все решу. Не бойся. Все будет хорошо, я обещаю, — целовал и говорил негромко в ухо. Я упрямо покачала головой. Что он может решить,

морячок, веселый покоритель борделей? Застыл. Почуял мою насмешку. Разозлился. — В последний раз предлагаю. Пойдем со мной.

— Нет. Нет. Нет, — я повторила три раза. Как заклинание.

— Тогда свидание окончено! — Андрей с силой оторвал меня от себя. Посмотрел сердитыми глазами, хотел что-то сказать, передумал, махнул рукой:

— Бывай здорова, Лола! Береги себя.

И ушел. Растворился в барахле и людях огромного магазина. Я собрала себя из кусков обратно в целое. Выпрямилась. Выдохнула. Отдел с игрушками ждал меня сразу через проход. Двое взрослых кавказцев громко цокнули языками, когда я продефилировала мимо в своем красивом платье на невозможных каблуках. Вот это правильно. Просто отлично! На душе, не смотря ни на что, переливалась веселая, честная отвага. Я удержалась на краю. Я выстояла. Никто не будет мной управлять. Только я.

— Вещи возьми, — напомнил Саша. Машина остановилась возле дверей маленькой гостиницы доброй Кристины. Всю дорогу обратно я делала вид, что сплю на заднем сиденье. Если он мечтал поговорить или еще что-нибудь, то у него не вышло. Между нами совсем ничего не случилось. Никакой ссоры. Никакого секса. Ни сегодня, ни накануне. Саша подозрительно спокойно принимал мои отказы. Не настаивал, словно действительно приехал только для того, что бы водить по магазинам. Всучить кольцо и признаться в любви. Улыбался сейчас и поглядывал на меня в зеркало заднего вида. Я замечала его глаза в отражении, прячась за спинки сидений. Не нравятся мне эти загадки. Скорей бы он уехал. Я взяла послушно ворох картонных сумок, поцеловала мужчину в щеку, ввернувшись в щель между сиденьями.

— Спасибо, — поблагодарила. Глупая, бесполезная, пафосная фигня. Куда мне все это надевать? Кому здесь показывать? Вышла вон и махнула рукой на прощанье. Бээмвэ, коротко библикнув, черной тварью исчезло в ночи.

— Добрый вечер! — я вошла в кухню отеля. Бросила яркие пакеты небрежно к ножке стола. Прозрачную сумку с игрушками и конфетами водрузила на столешницу. Охи-ахи Кристины вокруг моего наряда. Радость Кириуши при виде сладостей и большой коробки с его любимыми пазлами. Красный монстр-робот — туда же. Словно домой вернулась. Как же это хорошо, оказывается. Плюхнулась на стул и прикрыла глаза.

— Кушать хочешь? — вечная фраза в этом добром краю.

— Да!

Час ночи. Дом спал. Никто не орал песни в соседнем заведении. Тишина. Ручка на двери осторожно повернулась. Заперто. Подергалась едва слышно туда-сюда. Костяшки пальцев ткнулись дважды в стекло. Я видела силуэт на фоне темноты. Проглотила смех. Ну?

— Открой. Это я, — попросил тихо Егор. Я хмыкнула и открыла. Еще днем, в ресторане сделала ставку, споря сама с собой. Пока текло вино по белой скатерти. Придет, не придет? Поставила новые, неудобные туфли и выиграла. Придется носить.

Никаких слов. Никаких вопросов и признаний. Быстро скинул спортивный костюм, разнес свой запах по комнате. Кардамон, мята, что-то там еще. Целовал долго, тщательно. Не насмехался и не старался показать, кто здесь взрослый и главный. Как будто даже прислушивался, что мне нравится, как. Словно хотел угодить, доставить удовольствие. Зря переживает. После победы над собой в гипермаркете, меня устраивало абсолютно все. Я

прервала его затянувшуюся прелюдию, сама накатала резинку на давно ищущий меня член, расставила ноги, как можно шире, притянула сверху. Схватила доктора за безупречный зад и втолкнула в себя до самого дна. Обняла руками и ногами, даже переплела их на его спине. Словно он мог сбежать.

— Да! Да! Да! — орала шепотом в соленую шею. Грызла плечо. Синяки останутся. Он не возражал. Все терпел сегодня. Держал себя честно на краю. Вдруг замер. Мое сердце стукнулось трижды в его грудь. Его не отвечало. Мгновенный ужас. Его толчок и снова ритм внутри и снаружи. Я выгнулась и долгожданный, премиальный оргазм освободил меня от долгого напряжения дня. Все. Я уснула, оборвав эти бесконечные сутки.

Глава 13. Гуров

— Может быть, переедешь к нам насовсем? А, Егор? — ухмылялся Айк, глядя, как доктор пьет кофе, забрав чашку из моих рук. Мы сидели втроем на лавочке перед входом в гостиницу. Давид развешивал и раскладывал товар в магазинчике напротив. Подрабатывает везде и всегда.

Восемь утра. Я закрыла глаза и подставила лицо солнцу.

— А виллу твою мы сдадим. Какому-нибудь америкосу. Бабосы поднимем нереальные! — прикалывался своеобразно парень. Егор улыбнулся светлыми губами на загорелом лице. Вернул мне пустую чашку.

— Ты хотела бы, что бы я переехал? — наклонился близко к уху. Щекотно.

— Не-а, — я не желала открывать глаза.

— Почему? — удивился.

— Ты слишком много ешь, — ухмыльнулась я.

— Давид! Ты все на свете знаешь, — Егор поднялся на ноги. — Кто такой Андрей?

Я открыла глаза. Доктор спрашивал Давидика, а смотрел на меня. Внимательно и непонятно. В чем дело?

— Лола, пошли в сад! — заявил Кирилл. Появился на пороге готовый к новому дню, с рюкзаком, из которого торчала голова нового красного робота.

— В сад. Все — в сад, — пробормотала я, готовая сбежать. От плотного взгляда мужчины.

— Андреев никаких я не знаю, — донеслось с другой стороны улицы. Сердито. Ревнует, дурачок.

— Я провожу, — сказал Егор.

— А вот это хрен вам, Георгий Аркадьевич, по всем бакенбардам! Я всегда хожу с ними в наш детский сад! Айк, брат, присмотри за товаром! — Давид одним движением перемахнул через прилавок и в секунду оказался рядом. Вытянулся злой струной между мной и Егором.

— Ого! Да у нас тут, оказывается, конкуренция! — рассмеялся мужчина. И тут же: — Или ты, золотце мое, и его девушка до сих пор? — ореховые глаза потемнели. Снова смотрят плотно. Ответа ждут. Неужели, он воображает, будто я сплю с мальчишкой? Краев не видит доктор.

— Лола! Я пойду сегодня в садик или нет?! — гневный детский голос. Еще один хозяин на мою бедную голову. Кто следующий? Я взяла ребенка крепко за руку и увела, не оглядываясь. Пусть делают, что хотят. Давид догнал нас. Дулся всю дорогу. Ни слова не сказал.

Я вернулась со своим злющим конвоиром обратно. Чмокнуть его в щечку, чтобы расслабился? Не успела. Айк протянул мне телефон. Древний кнопочный аппарат. Дежурный для всех в гостинице. Мой собственный сдох давно, забытый в старой сумке. Мне нравилась такая свобода.

— Егор велел, чтобы ты ему позвонила.

Номер, написанный четкой, уверенной рукой белел на черной доске объявлений у входа. Мел разлетался в стороны, когда рука давила цифры. Точка в конце сияла особенно жирно. Что же так завело этого безукоризненного господина? Обойдется. Я вытерла доску мокрой тряпкой. Работать пора.

- Девушка, — полная дама глядела на меня сквозь солнечные очки. Ее дочь, точная копия, стояла тут же на открытой галерее гостиницы. Отдыхающие. Вчера заселились.
- Меня зовут Лола, — повторила я, приветливо улыбаясь. Редко кто не запоминает мое имя с первого раза.
- Сколько раз вы делаете влажную уборку в номере? — она ковырялась в замке двери.
- В среду и субботу, — ответила я. Забытый телефон в моем кармане заиграл старую мелодию.
- Один раз в три дня?! — возмущение яростное и пронзительное. Словно ее надули в пяти звездах.
- Это гостевой дом. Если... — я скороговоркой перечислила правила. Убралась в сторону и ответила на звонок.
- Ты не хочешь со мной общаться или забыла позвонить? — Егор улыбался на другом конце мифического провода.
- Я работаю, — сказала. Тетка сверлила меня взглядом. Ждала, когда можно будет продолжить выяснения. Я жестом показала ей в сторону рецепшена.
- Окей. Я предлагаю тебе подработку: хочу, чтобы ты отвезла меня сегодня в аэропорт. В двадцать один ноль-ноль. Пять тысяч. Потом встретила послезавтра. Еще пять тысяч. Плачу наличными. Ну как? — он ухмылялся довольно.
- Есть же такси, — напомнила я. Хотя, предложение звучало заманчиво. Еще как!
- Зачем? Мне будет гораздо приятнее, если провожать меня будет прелестная девушка, а не уса́тый, потный мужик. Согласна?
- Еще бы! Десять тысяч за два часа езды в, чего уж вилить перед собой, приятной компании. Долг наконец-то верну доброй Наринэ. Как она там, родное сердце? На брабусе прокачусь и за доктора подержусь на прощание.
- Ты что-то долго думаешь. Денег добавить? — шутливо забеспокоился Егор.
- Я буду, — я сглотнула и рассмеялась.
- Не опаздывай, — приказал мужчина и отключился.

Я курила, сидя в знаменитом кабриолете, и глядела на часы. Темно-зеленые жалюзи ворот никак не отреагировали на мое появление. Вилла, казалось, крепко спала. Спряталась по крышу в елях и соснах. Свет только в мелких фонариках на солнечных батареях, рассеянных в неясных очертаниях за забором. Да синее глазок камеры под козырьком ворот. Нарядно. Егор опаздывал на двадцать минут. На тридцать.

Белые фары. Длинное, красивое тело мерседеса.

— Пересаживайся быстрее.

Егор сам повел машину в аэропорт. Аккуратно. На пределе разрешенной скорости. Гладил мою ногу правой рукой на длинных перегонах между редкими светофорами. Ничего не говорил и улыбался. Я тоже молчала. На всякий случай. Жалко, все-таки, что он опоздал. Желание теплым мячиком перекачивалось внутри, нагреваясь от его такого близкого и недоступного тела. Я непроизвольно раздвинула ноги, подавая навстречу его руке на моем колене. Он почти дотянулся до главного и убрал пальцы. Положил на руль. Улыбался довольно. Гад. Я отвернулась и стала смотреть в ночь. Приехали.

— Пойдем, — сказал, отстегивая ремень безопасности.

— Зачем? — я не смотрела в его сторону. Проклятый доктор! Завел меня и сваливает.

— Церемония провожания входит в стоимость, — пошутил он. Взял мое лицо пальцами за подбородок и повернул к себе. Я закусил нижнюю губу. Глаз не поднимала.

— Так. Обиделась. Я знать не хочу почему. У нас с тобой договор. Вылезай из машины и иди, работай. Проводишь меня до таможни. Вот тебе моя сумка с документами. Бери и неси.

Он всучил мне изрядно потертый кожаный портфель. Гуччи. Мой ровесник, не иначе. Лет двадцать хранит бумаги доктора. Талисман. Я втянула обратно злые слезы и подчинилась.

Солидная публика. Хорошо одетые дяди и тети. Никаких матросов и собак. Респектабельно и ненавязчиво дорого. Заграничная речь. Егор в своем сером костюме вписывался в это европейское стадо абсолютно. Я светила голыми, уже слегка тронутыми загаром ногами в маленькой джинсовой юбочке под корень. Оранжевый лифчик под синим, в больших дырах вязки, коротким свитером. Белые кеды на босу ногу. Заинтересованные взгляды обшаривали меня по всему полю. Я покачалась с носков на пятки и обратно. Всем хорошо видно?

— Здравствуйте. Летите в Милан? — мужской голос с легким акцентом подобрался ко мне сзади. Я не успела обернуться.

— Извините, — Егор обнял меня за плечи и отвел в сторону.

— Тебя нельзя оставить одну даже на пару минут. Уведут, — он снова шутил и смотрел довольно. — Всегда хотел спросить у тебя: как ты выживаешь в гостинице? Столько горячих парней вокруг вертится. Или тебе только я один приглянулся? — он хотел притянуть меня к себе опасно близко. Ну, уж нет. Я отошла на шаг. Откровенничать здесь и сейчас мне не хотелось. Когда он улетит, наконец? Молчала. Смотрела на толпу в зале. Егор спросил еще что-то. Не дождался ответа.

Высокая худая дама придерживала черную инвалидную коляску. Та, негромко гудя мотором, двигалась мимо. Оттуда выпал маленький полосатый мяч и покатился к моим ногам. Я подобрала и понесла следом, прервав мужчину на полуслове. Бледный парень, ноги накрыты серым пледом. Лет двадцать. Белесые ресницы, брови, волосы. Я протянула мяч. Он медленно, сантиметр за сантиметром вел глазами по моей фигуре. От носков белых кедров до зеленоватых глаз. Потрогал осторожно взглядом выгоревшие на южном солнце волнистые пряди разметанных ветром кудрявых волос. Грустно стукнуло сердце.

— Данке шон, — забрал резиновый мячик, коснувшись сухой кожей пальцев моей руки.

— Битте шон, — я присела в книксене и улыбнулась. Он открыто улыбнулся в ответ. Восхищение в светло-синем взгляде. Мужское и трогательное.

Женщина сказала что-то. Мой немецкий закончился. Я развела руками и вернулась легкой, танцующей походкой к своему парню. Он притянул меня к себе, наплевав на сопротивление и взгляды кругом. Поставил спиной к стене и закрыл собой от остального мира. Поцеловал, высасывая губы и толкая в рот язык. Всунул колено между моих ног, прижался всем своим к моему бедру. Как призывник к подружке, что обещала дожждаться. Я погладила его напряженный член через брюки. И отодвинулась. В порядке мести. За опоздание и самодовольные ухмылки в пути.

— Куда! — доктор жестко вернул меня на место. Я упрямо отворачивала лицо от его губ. Мстила с удовольствием.

— Не хочу, — соврала я. Стучалась пульсом в его ладони.

— Вставил бы я тебе, по это самое не хочу, но посадку уже объявили, — сказал Егор горячо мне в ухо. — Встретишь меня обязательно! Кто такой Андрей?

Я онемела от такого поворота темы. Замерев, молча, смотрела, как он проверяет на себе, все ли пуговицы на месте. Стирает салфеткой мою помаду со своих усмехающихся губ.

— Молчишь? Ладно. Вернусь, расскажешь. До встречи! — Егор легонько шлепнул меня по попе и ушел к стеклянным дверям.

Я курила, стоя на парковке рядом с машиной. Какой Андрей? Что за ерунда крутится в башке командира-доктора? Деньги наверняка нарочно не отдал, чтобы встретить не забыла. Стратег и тактик, гребаный.

— Здравствуйте, Лола.

Я обернулась. Взрослый мужчина в темном костюме улыбался. На согнутом локте серое, в елочку пальто. Градусов двадцать пять в плюсе выдавала южная ночь. Рядом с ним из-под задранного вверх капота черного кружака торчала половина человека. Ищет там что-то, знает, наверное, что делает.

— Лев Иванович! Добрый вечер, — рассмеялась я.

— Вас не просто узнать в таком наряде, — он продолжал улыбаться. Подошел ближе. Запах. Тот самый, что вспомнила сразу. Хорошо.

— Мне не идет? — я легко сделала оборот вокруг себя. Провоцирую? А как же. Сам нарвался.

— Прекрасно выглядите. Смотря на вас, сразу чувствуешь, что приехал в лето, — он закинул пальто к себе на плечо. Водил по моей фигуре светлыми глазами с удовольствием. Не скрывался. — Встречаете, провожаете?

— Уже проводила, — я грациозно метнула бычок в далекую урну. Не попала. Тот рассыпался искрами в темной траве.

— Ничего не выходит, Лев Иванович, эвакуатор надо вызывать, — человек вынырнул из недр тайоты. — Здрассте, — это мне. Парень с удивлением воззрился на нашу пару, мило торчащую под фонарем.

— Вызывай, — махнул рукой мужчина. — Лола, вы же местная. Подскажите, как мне добраться до... — он назвал место. Заповедник шикарных вилл и редких в цене особняков. Там, где обитала европейская знаменитость Георгий Аркадьевич. Чью безупречную задницу унес лайнер в далекую даль.

— Вам зверски повезло, Лев Иванович. Именно туда я и направляюсь, — Хмыкнула я. Судьба. Не иначе. Мой зверь принялся и сделал стойку. Пока-пока, доктор!

— Ты уверена, девочка? — мужчина аккуратно отлепил меня от своего рта и заглянул в глаза.

— Я ни в чем не уверена, — посмеялась я, не пряча взгляд. Попыталась дотянуться снова до твердых губ.

— Я хочу сходить в душ. Десять часов в воздухе, — он решительно снял с себя мои ищущие руки.

— Пойдем вместе, — я выпила виски, которые он наивно предложил мне. От дурацкого шампанского отказалась сразу. Другие планы у меня на эту ночь. Как пойдет? Плевать. Как там, в старом анекдоте? Не потрахуюсь, так хотя бы согреюсь. Прикололась над собой. Интересно.

В хорошей форме. Серые волосы на теле. Как я и думала. Стесняется, но взял себя в руки. Не отворачивается. Смотрит, как я раздеваюсь. Я не спешила, ухмылялась, держа его взгляд.

Стянула оранжевые трусы на пол и встала рядом под горячую воду. Гель для душа разнес сложный, мужской запах по нашим близким телам. Он перестал осторожничать и гладил меня везде. Я встала спиной и прижалась попой к его паху. Жизнь там пробудилась и обещала. Я терлась по его коже, плотно и нетерпеливо. Он целовал меня в шею и не торопился.

— Резинка есть? — выдохнула я.

— Увы. Я не планировал приключения, — улыбнулся он. Водя пальцами в нужном месте. Похоть и виски давно перемешались во мне. Пора.

— Все! Хватит чистоту наводить. Ворона унесет. Пойдем, — я скорым маршем отправилась к карману на своей юбке. Там у меня хранился стратегический запас презервативов. Я-то как раз приключения планировала. Везет же мне на стратегов. И тактиков. Ё!

— В спальне... — начал он, приходя в синем халате следом за мной в большой холл, с которого все началось. Да ладно! Я уже стояла во весь рост с силиконовым кружком на кончике языка. Тот дрожал, клеясь смазкой к моим губам. Ткнула пальцем в белый диван по центру. Мужчина спрятал эмоции под веки. Сел передо мной, широко раздвинув ноги. Полы халата разошлись, явив полутьме одинокого бра у входных дверей его готовый конец. Я опустилась перед ним на колени. Все мое. М-м-м.

Мне привиделся старый сон. Из тех, что приходят с редким постоянством всю жизнь.

Раз в год обязательно. Мои ноги в красных туфельках. Белые гольфы. Удобные плечи отца. Покачиваются в такт шагам. Я держу его обеими руками за подбородок, уткнув нос в макушку. Жесткая, короткая, круглая борода. Сколько мне лет? Откуда и куда мы идем? Лица я не помню. Только ощущение колючих волос в пальцах. Запах табака, лета и далекого дыма. Неведомых стран и путешествий. Серый нагретый камень лестницы. Потертая береза в плену асфальтовой амбразуры. Отец придерживает меня за ноги и останавливается. Сосед с вечной гитарой поперек худого наркоманского тела прислонился спиной к чугунной ковке крыльца. Дубовое дерево просвечивает в крашенных-перекрашенных дверных перекрестьях двухсотлетнего, парадного когда-то подъезда. Отец кладет руку на зеленоватую медь львиной лапы. Хочет войти.

— Не спеши домой, Вовка. Там занято. Рановато ты вернулся. Гы! Из командировки. Давай лучше споем, — лохматый парень ударяет по струнам любимой гитары:

— А не спеть ли мне песню о любви...

И все. Ничего. Только имя, ставшее моим отчеством.

У меня отличное чувство времени. Всегда было.

Еще со времен, недоброй памяти, балетной школы. Всегда просыпаюсь, когда мне нужно. Шесть утра. Я открыла глаза. Неприятный зуммер чужого будильника. И тут же. Блям-блям. Мобильник звал хозяина чьим-то ранним интересом.

— Гуров, — коротко ответил четкий, совершенно не заспанный голос. Словно ждал звонка. Мой партнер встал из простыней и вышел вон из комнаты. Сухая мускулатура тренированного тела. Быстро исчез. Всего не разглядела. Только синий рисунок на предплечье той руки, что держала смартфон. Где-то мне уже попадался похожий. Андрей. Тьфу на него. Пусть будет здоров. В любой части света.

— Привет, Гуров, — я наконец-то придумала, как его называть. Этого мужчину рядом.

Имя само выскочило из меня.

— Кофе? — он стоял в мягких, домашних брюках возле стерильной чистоты белого кухонного гарнитура. Я кивнула и ушла в ванную. Ходила голая, не стеснялась его ничуть.

Глотнула горький, остывший эспрессо. Поморщилась. Вылила чернильное пойло в большую чайную чашку. Добавила горячей воды из блестящего чайника и сахар. Надо поговорить. Моя основная жизнь слишком близко отсюда. Под горой, у моря. Два километра всего. Ночь прошла. Закончилась.

— Как спалось? — первым задал взрослый мужчина вопрос. Смотрел на мои манипуляции с кофе без улыбки. Внимательно.

— Так, Гуров, — сиганула я в холодную воду противных выяснений. Ну да. Все, как всегда. Прыгай, девочка, тут не глубоко. — Я предлагаю забыть все, что вчера было. Отличное приключение. Мне понравилось. Спасибо. Мой друг возвращается завтра, и я не хочу, что бы он узнал. Ты же не выдашь нас? — улыбнулась нежно в холодные глаза напротив. Сократила неприятный разговор до минимума. Надеялась проскочить известной мужской прямоотой. Без бабских слюней и вопросов. Типа: как ты могла, раздеть все наши чувства догола? Говорить другому те же слова. Бла-бла-бла. И дальше по тексту.

— Хочешь сказать, что ты меня использовала? — холод в светлых глазах стал непроницаем. Вот она, пресловутая прямоота. Ешь.

— Мы, — я нажала нежным голоском на местоимение. — Друг друга использовали. В приятном обоюдном плане, разве тебе не понравилось, милый? — я сделала умильно-детское личико. Гнала наивность на всю катушку.

Гуров помолчал. Подумал, ощупывая мою уже одетую к бегству фигуру, неясным взглядом.

— Хорошо. Если мне или тебе захочется повторить? — спросил. Молодец. Зрит в корень. На ходу подметки режет.

— Гостиница «у Кристины», номер телефона есть на известном сайте. Я работаю там горничной. Звони, — улыбнулась я. Он кивнул. Добилась своего. Светиться третьим любовником на все местное побережье мне совсем не улыбалось. Но отказываться от него не хотелось. От слова совсем. Что-то было в этом мужчине. Не знаю. Подходящее мне. Зацепило древним сном.

— Вечером вернешься? — он наконец раздвинул губы в улыбке. Стоял, разделенный розоватым камнем столешницы.

— Боялась, что не спросишь, — я продолжала улыбаться слегка раздраженными его седой щетиной мягкими губами. Лыстила откровенно. Обошла стол и обняла твердые плечи в синем халате. Заглянула в серые глаза недалекой дурой. Прижалась короткой юбочкой и четвертым номером груди в оранжевом лифчике. Пора уходить.

— Ты его любишь? — идиотский вопрос. Кого? Чисто женская логика. Спрашивать внезапно и поперек разговора. Странно звучит в исполнении взрослого, явно неглупого дяди. Попытка поговорить со мной на моем языке? Не сейчас.

— Я не знаю. Позвони, если не передумаешь. Пока, Гуров, — поцеловала в подбородок и ушла.

Оставила брабус скучать у ворот виллы доктора и отправилась домой пешком. Сердитое небо обещало скорый дождь. Надо бежать.

Глава 14. Давид

— Поезда гудят в тональности си-бемоль, — проговорил Кирилл, ведя меня из детского сада.

— Чего? — поразилась я. Тому, как безупречно он произносит все, без исключения, звуки давно уже не удивлялась.

— Нам сегодня Ольга Петровна рассказывала. Ты знаешь, что такое си-бемоль? — мальчик строго посмотрел на меня снизу.

— Я не знаю, прости. У меня нет музыкального слуха.

— А у меня есть. Меня надо поступить в музыкальную школу. Так сказала Ольга Петровна. Купи мне мороженое, — остановил нас возле холодильника.

— Денег нет совершенно, — подумала я вслух.

Стелла, хозяйка магазинчика протянула Кирюше вафельный рожок, улыбнулась нам обоим:

— Лично от меня лучшему парню в этом городе.

Деньги-шменьги. Нет их у меня. От слова совсем. Даже тупо полтинника на мороженое ребенку. Зачем мне деньги? Крыша есть, еда есть. То немного, что заплатила мне Кристина, я спустила в гипермаркете на конфеты и игрушки. Я посмотрела вниз. Из старого кеда на меня смотрел большой палец левой ножки Кирилла. Через дырку в носке тоже. Я словно увидела нашу парочку со стороны. Я — в успевшем вылинять на беспощадном здешнем солнце дишманском сарафане дикой расцветки и шлепках на босу ногу. Кирюша — в драных кедах и костюмчике, который велик ему размера на три, чумазый после детсадовских трудов. Добрые соседи по очереди подкармливают его мороженым. Потому что мы с моим мальчиком — нищелюды. Побирушки. У меня в анамнезе три богатых мужика. А я новые сандалии ребенку купить не могу. О чем я думаю? От кого из них оргазм круче?

— Дура! — я вслух вынесла себе приговор.

Саша предлагал деньги напрямую. Отказалась. Гордая блядь. Независимая. В результате получила гору бесполезного здесь, пафосного барахла. Даже трусы, которые он мне купил за несуразные деньги, на такой жаре носить невозможно. Знаменитый доктор не заплатил пока ни копейки. Заплатит, никуда не денется. Дошло. А ведь он затеял историю с провожанием, что бы поддержать меня. Чтобы не выглядело, будто он платит за секс. Не без личного известного интереса, понятное дело. Когда же я начну наконец-то мозг включать? Жить этой гребаной, обычной жизнью? Не хочу. Куплю только сандалеты Кирюшке и долг Наринэ отдам. И все. Я хочу быть свободной. Я — ничья.

— Ты много куришь, — заметил Айк, протягивая мне пачку сигарет. В счет зарплаты. И здесь мне наличные не нужны.

— Разориться боишься? — пошутила я. Повернулась в сторону подсобки. Там мыла посуду незнакомая женщина. Мое рабочее место было занято.

— Я уволена?

— Сезон пошел, работы много. Перевожу тебя строго в официантки. Ты такая тоненькая. Боюсь, как бы не сломалась. Ты не ночевала сегодня, — парень ненавязчиво обнял меня за талию. Заговорил тихим, интимным голосом в шею. Касался чутким носом волос.

— Не надо, — я попыталась высвободиться. Ссориться не хотелось. Неужели придется?

Айк не отпускал.

— Егор вчера улетел в Европу. Где была? — дунул в шею, отгоняя длинный завиток от своих шепчущих губ. Щекотно.

— Не скажу. Не дам, не старайся, — ухмыльнулась. Инстинктивно приподнимая плечо и нарвавшись кожей на поцелуй.

— Пятихатка, — он снова потянулся губами.

— Чего? — я перестала заниматься ерундой и с силой высвободилась.

— Штука, — он ухмылялся, вроде как бы шутил. Глядел черными, острыми глазами.

— Ничего не понимаю. Ты какие-то странные вещи говоришь, дорогой. Пойду-ка я работать, — я потянулась рукой к черному фартуку на крючке. Айк поймал меня и прижал к стене. Горячий, напряженный в понятном месте. Мне стало смешно и противно. Надо эти игры прекращать. Догнала меня слава. Сейчас накроет.

— Имей совесть, Айк. Я девушка Егора. Он ведь сам тебе это сказал, — попыталась я выстроить отмазку. Выбралась из-под него подальше.

— Он-то сказал, да только по тебе этого не заметно. Но если так, то прости. Не говори ему, ладно. Ты такая красивая девушка. Черт попутал. Не говори, пожалуйста. Нам нельзя с ним ссориться, сама понимаешь, — он продолжал бубнить мне в спину, хотел влезть следом в темноту кладовой. Я захлопнула перед ним дверь. Блин! Почему я зарплату у него не отжала! Тянет с деньгами третий день. Тысячу рублей давал. За что? За десятиминутный перепихон в кладовке? Охренел совсем!

Айк сам протянул мне кровно заработанное, когда я вернулась в зал с подносом в руке. В глаза не смотрел. Поверил, похоже. Восемь тысяч. Ого! Да я миллионерша.

В прошлой моей жизни деньги были просто цифрами. Зеленые сообщения от банка на экране айфона. Прибыли-убыли. Я совсем не думала о них.

Гуров вечером не позвонил. Я весь день молилась об этом.

Включила мозг и понимала, что так безопаснее всего. А когда получила желаемое, расстроилась. Захотелось сразу в кондиционированную роскошь под внимательную осторожность серых глаз. Вопрос-ответ. Интрига и игра. Дуэль взглядов и слов. Занятно. И в постели он неплохо справлялся. Не волшебник Андрюха, конечно, с его оглушающей потенцией. С маленьким стальным бонусом на... о-о! нет! Знакомые искры родились в пальцах ног. Доктор вернется только завтра. Терпи, Лола. Возьми себя в руки.

Гарик выставил за дверь последнего любителя орать в микрофон всякую музыкальную гадость. Я устало опустила свой зад на стул. Моя напарница Роза одна благородно протирала тряпкой столы. Завтра моя смена в гостинице. Какой секс в задницу или передницу. Хотелось только вытянуться в пустой кровати и заснуть. Не тут-то было.

Айк дал полный свет. Хэппи бездэй ту ю! Кристина внесла здоровый торт со свечками. Я на мгновение испугалась. Слава богу, нет. Давид стоял в центре. Его все поздравляли с днем рождения. Он явно не ожидал и светился от счастья. Криста поманила меня незаметно к себе. Мы вместе вручили парню яркий пакет с чем-то полезным внутри. Поцеловали каждая в свою щеку. Подняли пластиковые стаканчики, кому с чем нравится. Мне досталось шампанское. Ладно, выпью, не прерывать же красивый, по-кавказски цветистый и трогательный тост.

Мы танцевали с Давидом ровно в центре зала. Он обнимал меня при всех, прижимаясь плотно. Ему сегодня можно. Он же именинник. Оба его брата оживленно что-то говорили

между собой, делая вид, что не замечают нас. Кристина пила красное вино, сидя в глубоком кресле в углу. Смотрела на нас блестящими в приглушенном свете фонарей черными глазами. Откровенно и чуть улыбаясь. Остальные шумно ели торт, уже подогретые алкоголем по вкусу.

— Пойдем, покурим, — произнес вечную формулу мой кавалер. Вот это уж точно нет. Полбутылки шампанского и его близкое желание. Нельзя.

— Не пойду, — я погладила его по плечу в новой рубашке.

— Почему? — музыка стихла. Он не отпускал. Его старший брат тут же завел следующую мелодию. Такую же медленную и несчастную.

— Не надо, потому что... — тут погас свет и музыка заткнулась.

— Кнерек, ребята. Электричество кончилось. Все на выход. Давид, выходи последним и запри дверь, — распорядился хозяин заведения весело. Подгонял гостей в спину. Те споро хватили бутылки и пластиковые тарелки с закуской.

Молодцы, братишки. Устроили младшему подарок на день рождения. Аккуратно и незаметно для всех. Я вздохнула и позволила себя целовать.

Если он что-то и умел, то сейчас это не играло. Исстрадавшееся его желание настолько рвалось наружу, что он дышать не успевал. Я сдерживала смех, как могла, принимая его судорожные губы на своей коже с одеждой пополам.

— Брюки испачкаешь, дурачок, — я расстегнула ремень, потом молнию. Давид замер. Я повернула его к себе спиной. Провела рукой по гладкому, мелко дрожащему животу. Потом по бедрам, спуская штаны вместе с трусами ниже, выпуская замученное все его на волю. Мошонка в одной ладони. Ого! Весьма прилично. Член обняла пальцами другой руки. Просто отлично! Раз-раз-раз. Громкий стон. Горячая волна в моих пальцах. Он кончил в бесстыдном свете половинки луны. Обмяк на меня. Я присела на стол. Тяжелый, засранец. Давид опомнился и быстро развернулся ко мне. Я поправила его конец на своем животе над платьем. Лизнула палец.

— Вкусно? — ухмыльнулся парень. Явно пришел в себя.

— Горько, — пошутила я. Зря. Давид полез целоваться. На вторую серию собрался. Шестнадцать лет. Он и на десятую соберется. Секс мне с ним светил нереальный. Нельзя. Не отвяжется потом. Зря я сразу не ушла. Кровь стучала в ушах, везде. Давила. Поцеловать его наконец в губы. Втянуть в рот голодный язык. Содрать нафиг с себя платье. Кожа к коже. Ласкать себя его пальцами. Сжать до боли круглый маленький зад. Вцепиться ногтями. Потом... Нет, не так. Сначала... Все!

Я встала и побежала к дверям. В прямом смысле слова. Мальчишка догнал меня. Я не успела. Закрыв собой дверь. Брюки держит одной рукой. Другой ручку двери.

— Ты куда? Ты куда? — отчаяние на размытом бледном лице.

— Я пошла. Все. Баста.

— А я? — он дернул животом. Там стоял, выглядывая на меня гладкой головкой поверх пояса брюк, его хороших размеров член. Демонстрировал упущенные возможности. Я сглотнула. Нет.

— Ничем не могу помочь. Все. Прости.

— Ты сука, блядь! Дура ебанутая! — он почти плакал. От злости, от боли, от незаслуженной обиды. Сердце гремело, разрываясь от жалости в куски. Похоть скручивалась в спираль. Давид дрожал так невыносимо близко. Руку протягивать не надо. Можно сразу губы. Острый запах его тела, волос, спермы лез мне под юбку. Тянулся между ног. Не-ельзя.

Он влюблен. Проходу мне не даст, если не устою. Полезет выяснять отношения с Егором, со мной, не приведи господь, Саша узнает! Рухнет вся моя прекрасная здешняя жизнь. Зачем мне это? Нет! Рванула ручку. Давид демонстративно разжал пальцы. Отошел в сторону. Я вырвалась на свежий морской воздух. Стеклянная дверь звонко захлопнулась. Музыка ветра железными трубками спела песню разбитого сердца мне в след.

Красиво конечно выступила. Мне, как быть с собой прекрасной? Шампанское и похоть гремучей смесью гнали кровь внутри. Повернула к морю. Выручай, дружище. Холодная вода обняла везде, прогнала муть души и жадность тела. Я нырнула пару раз. Что-то шершавое коснулось меня сразу в нескольких местах. Я заорала и выскочила на берег.

Кристина сидела на холодной гальке возле моей одежды. Протянула мне толстый махровый халат. Запах пирожков и стирального порошка. Я благодарно закуталась. Села рядом с доброй женщиной. Мы с наслаждением закурили.

— Дала? — с прямою невозможной поинтересовалась после паузы моя взрослая подруга.

— Нет, — сразу ответила я.

— Это правильно. Одному дашь, все сразу прискачут. Как ком с горы. Жалко бедного парня. Он с ума по тебе сходит, а тут еще такой облом. Ну, ничего. Переживет. Начнет хотя бы на других девчонок смотреть. Зачем ему такая старуха, как ты? — рассмеялась она, тяжело поднимаясь на ноги. Я поддержала ее под локоть. — Как же ты устояла? Я бы ни в жизнь не смогла. Шестнадцать лет! Это же песня! Мечта, а не любовник. Без мозгов, зато полная готовность в штанах круглые сутки.

— Сама не знаю, — ухмыльнулась я. Многое могла бы порассказать про эту самую готовность. Смеясь, мы медленно пошли к дому.

— Бедный Давидик. Да! Лола, тебе какой-то мужчина звонил. Приятный голос. Два раза. Айк не передавал? — Кристина оглянулась на меня у порога гостиницы.

— Нет, — вот скотина! Ну, погоди!

Глава 15. Аля

Толстая девица смотрела, стоя в проеме открытой двери, как я мою унитаз в ее номере. Та самая, чья мамаша желала иметь у нас пятизвездочный сервис по цене хостела.

Что-то дамы не видно. В море изволят тонуть? Дочь отправила надзирать, достаточно ли тщательно я надраиваю отхожие места. Девушка смотрела равнодушно. Моя худая персона занимала ее не больше, чем мыльная тряпка в моих руках.

— Куда здесь люди ходят отдыхать вечером? — вдруг спросила она в мою согнутую над корытом душевой кабины спину.

— В смысле? — я оглянулась удивленно. Дурацкий вопрос. Вот же площадь перед самым носом. Рядом с ней с десяток заведений. Вот набережная полукругом возле бухты. Там кафе и ресторанчики друг у друга на головах сидят. Выбирай, не хочу.

— В караоке по-соседству, — честно прикололась я. Не такая уж это смешная шутка. Желающих дуть пиво и горланить немзыкально текст с экрана находилось каждый вечер предостаточно.

— Давай пойдем туда сегодня. Мама уехала в Город, а мне одной идти неловко. Пиво я оплачу, — барышня глядела на меня каким-то примороженным взглядом. Хоть бы улыбнулась или представилась для начала.

— Давай, — легко согласилась я. Все равно собиралась туда вечером. Айк просил помочь с залом, несмотря на выходной. Самолет вернет доктора на родную землю в ноль часов. Время есть.

— Меня зовут Наташа, — сказала барышня ровным голосом. Заказала большой стакан портера, пила его так же бесстрастно, как выговаривала слова.

Я назвала себя в ответ.

— Я за рулем, — ответила на немой вопрос о пиве.

Наташа в той же спокойной, молчаливой манере прикончила свой стакан.

— Ты как, нормально сидишь? — спросила я сквозь бесконечное страдание женского голоса про все, про то же самое. Глаза, руки, ноги, губы и вся анатомия любовного дела. Караоке набирало обороты.

Наташа кивнула. Я ушла на пост к кофе-машине. Здесь было гораздо тише и пахло приятно. Девушка явилась следом. Села тяжело на стул в углу. стакан, опять полный пристроила на сжатых тесно коленях.

Прогнать? Пусть торчит. Мне не мешает. Я варила нескончаемый кофе. Наташа сидела, все так же молча в углу, тянула свое горькое темное пиво.

— У тебя есть парень? — открыла она рот. Смотрела мутным глазом.

Я небрежно передернула плечами:

— Есть.

— Правда, что все они любят тощих и блондинок?

— Что случилось? — я не хотела знать, если честно. Бросил ее, наверняка, какой-нибудь придурок. Страдания страдальческие. Дошло. На таблетках сидит. Потому и тормозит постоянно. Сейчас накидается пива и устроит нам толстушка веселую жизнь. Подобная фигня попадалась мне по жизни. Я поискала глазами кого-нибудь из ребят. На всякий случай.

— Сегодня должна была состояться моя свадьба. Бракосочетание, — похоронным голосом объявила моя собеседница. Хлебнула теплого пивка. Заткнулась.

Я молчала. Где ее мамаша? Знает про все и свалила подальше. Молодец! У меня был собственный опыт общения с матерью. Отчего-то я считала, что мой случай редкий. Как гремучая змея в родных северных широтах. Не знала, выходит, про эту жизнь ничего.

— Он умер? — прикинулась я недалекой дурой. Воспользовалась паузой и отошла к двери. Впустила звук и запах моря в зал. Закурила на пороге.

— Он пришел три недели назад и сказал, что встретил другую девушку и полюбил, — рассказала ровным голосом Наташа. Свежая история, ничего не скажешь. Не понимает, дурочка, как ей повезло. Он мог вообще тянуть до последнего. Тупо не явиться сегодня в ЗАГС. Реально повезло. Деньги за банкет, наверняка, удалось вернуть. И платье.

— Потом я узнала, что это моя лучшая подруга. Худенькая блондинка. Такая, как ты, — барышня оторвала глаза от пива и посмотрела на меня. Слез я не увидела. То ли они закончились, то ли таблетки держали ее на краю. История светила новизной чем дальше, тем резвей.

— Банально это и скучно, — с неприятной трезвостью согласилась Наталья с моим молчанием. — Мама права. Мне повезло, что он заранее рассказал. Мы не потратились. Не так сильно, как могли бы, если бы Сережа сбежал сегодня. Просто на свадьбу не пришел, — закончила девушка, лишив меня любых слов. Слезы выступили, не смотря на заслоны химии, из голубых глаз. Катились по круглым щекам. Крупные. Прозрачные. Полные плечи не тряслись. Опустились вниз, заставив руки безвольно упасть вдоль большого, рыхлого тела. Пустой стакан с глухим звуком стукнулся о линолеум.

— Не реви, подруга. В жизни бывают вещи и похуже, — я присела перед ней на корточки. Стала белым вафельным полотенцем стирать воду с побледневших щек. Всучила стакан с минералкой для успокоения.

— Какие? — бледная искра интереса проскочила за стеной ее горя.

— Смерть, к примеру, — улыбнулась я открыто и несообразно случаю. — ее нельзя отменить или переделать. Нельзя ничего доказать. Ибо некому. Тупо тот, к кому ты обращаешься, больше не существует. Ноль. Стена. Хоть всю голову разбей. Ты остался один на один со своей глупой злостью и детской обидой. Твой Сережа хотя бы жив. Есть, кому мстить. Похудей, перекрась волосы, купи черный мазерати и едь перед его носом. Туда-сюда. Что бы сдох от отчаяния, от того, как он страшно пробросался. А лучше наплюй и забудь. Не трать свою жизнь на это. В мире столько красивых мужиков с во-от такими членами, — тут я наглядно показала с какими.

Наташа посмеялась одними губами. Взгляд ее снова уполз внутрь. Я не надеялась слишком на свои слова. Предательство. Чтобы пережить его, нужно время. Я — в курсе.

Пять лет назад.

— Не засыпай, детка, иди к себе, — против логики мужские руки обнимают меня сильнее. Влажное горячее тело, слегка липкое местами. Простыни сбились в комки. Все подушки на полу, кроме одной, самой маленькой под нашими щеками. В воздухе душный запах роз, французской смазки и сигарет. Я заключаю пальцы мужчины в замок на себе. Прижимаюсь плотно спиной к нему. Никуда я не пойду. Ни в какую свою детскую. Я выросла. Надоело.

— Я прошу, иди, — Олег улыбается и целует меня в макушку. Обнимает для верности левой ногой. Я благодарно трусь скользкой попой по его уже спящему члену. Устал, наработался сегодня, бедняжка.

— Скандал утром будет, — притворно вздыхает Олег. — Я маркиз де Сад. Ждет меня Бастилия. Или костер.

— Ничего не будет, — небрежно говорю. Спать.

Слышу сквозь сон, как открылась утром дверь в спальню. Пауза. Закрылась. И все. Я выбралась из-под просыпающегося Олега. Семь утра. Пора. Школу я прогуливать не собираюсь.

— Перестань курить на кухне. Существует для этого курительная, — раздраженно заявила Аля, входя в дверь. Моя мать.

Ей всегда нравилось, когда я называла ее по имени. Вроде как мы сестры. Или подруги. Она старшая, я младшая. Хотя не тем, ни другим мы никогда не были. Даже не начинали. Высокая, стройная. Почти натурально красивая. Я похожа на нее, как чертов клон. Двадцать лет в минусе. Отсюда: никаких забульбенистых причесок, километровых каблуков и чудесных платиц. Стрижка. Вечные джинсы. Кеды, в пиковом случае — балетки. Я даже пыталась есть побольше пирожных, что бы растолстеть. Не походить на нее так сильно. Одно роднит нас абсолютно. Слабы мы обе на передок. Так говаривала когда-то моя бабушка. Мама отца. Я ее почти не помню.

Никак не реагируя на замечание, я вытащила из холодильника батон докторской колбасы. Лично вчера притащила эту вредную еду в дом. И буду есть. С хлебом. Пусть она сдохнет от зависти на своей вечной диете. Зажав сигарету в зубах, я отрезала толстые куски. Дым плыл по воздуху, утекая в приоткрытую щель окна. Аля скривила идеальные губы, забыв на секунду о морщинах. Терпела. Сели на противоположных концах дубового стола. Моя разделочная доска с бутербродами. Сладкий честный кофе в аляповатой китайской кружке. Пепельница с дымящей сигаретой. Ее мюсли тонут в обезжиренном кефире и зеленый чай, почти невидимый в костяном фарфоре.

— Доброе утро, девочки! — Олег вошел в гробовую тишину нашего завтрака. Свежий, подтянутый, энергичный. Глаза блестят. Губы припухли красно. Какие сорок пять? Тридцатник, не старше. Модная щетина, костюм, галстук, часы, туфли, парфюм. Безупречен. Эспрессо в белом императорском фарфоре подан ухоженными руками прелестной супруги, как финальная точка идеального утра. — Спасибо, дорогая, — он как бы коснулся губами нежной щеки.

— Ты готова? — повернулся ко мне. Мой лицей торчит по дороге в его министерство. Восемь раз сказали «до-о-нн!» часы в гостиной. Пора.

Целовал меня в машине, как дурной восьмиклассник. Еле вырвалась. Чуть на первый урок не опоздала. Литература. Моя любимая. У единственной из всего класса. Это физмат школа.

— Ты не можешь продать квартиру. Она принадлежит твоей дочери.

— Только половина. Старая дура завещала ее нам обеим. Но я все уже сделала. Дала денег, кому полагается, и квартира теперь полностью моя, продам в конце месяца.

Муж и жена говорили громко, не стесняясь. Я аккуратно прикрыла за собой входную дверь. Слишком рано вернулась сегодня домой. Неожиданно. Здесь это опасное дело. Можно

вляпаться в любое дерьмо. Проверено неоднократно. Я осталась стоять у большого зеркала в темноте прихожей. Не люблю подслушивать. Гниль какую-нибудь запросто можно узнать. Но входить еще противнее. Подожду.

— Ты не продашь квартиру, я возьму адвоката и не позволю, — резкий звук отодвигаемого кресла. Мужчина встал.

— Ты не успеешь. И не посмеешь, — довольный женский смех. — Вальтер сделал мне наконец-то предложение. Смотри. Три с половиной карата. Не Тиффани, как ты в свое время, но тоже не плохо. Мы уезжаем в Женеву. Я не могу жить там без собственных средств. Мало ли...

— Сколько отдашь дочери? — тихая злость.

— Нисколько. Зачем? У нее же есть ты, — насмешка. Щелчок зажигалки. Курит. Это редкость. Неужели нервничает?

— Возьмешь с собой в Европу?

— Ну, уж нет! Она ужасно не слушается, грубит всегда. Одевается хуже мальчишки. И потом. Взять с собой эту малолетку, чтобы она залезла к Вальтеру в постель? Так же, как в твою? Слава богу, я еще в своем уме.

— Совести у тебя нет, — выдох обивки кресла под тяжелым задом.

— Совести? У меня?! Ты мне говоришь про совесть! Ты трахаешь девчонку третий месяц чуть ли не у меня на глазах! В нашей спальне! Ей только пятнадцать вот-вот исполнится! — заорала Аля, как обворованная тетка с Сенного рынка.

— Так ты знала? С самого начала знала и молчала? — оторопь.

— А что я должна была сказать? Бедная девочка... — притворное вздыхание.

— Девочка? Ну, девицей она не была. Совсем, даже наоборот. Кто-то из твоих бесконечных дружков постарался! Или все по очереди?!

Они заорали хором. Всякую гадость. Одна, задыхаясь от ревности и обиды. Другой — от облегчения и возможности тупо поорать. Выговориться. Я заткнула уши, села на пол между дверями и шкафом. Я нищая, бездомная сирота. Никого у меня нет. Даже собаки. Плевать. Равнодушно разглядывала трещины в темном лаке старинного дерева. Сквозь них проглядывала тонкая роспись. Цветы. Кто их замазал, когда?

— Я хочу тебя усыновить. По всем правилам, — решительно заявил Олег, выковыривая меня из-за шкафа. Его супруга громко треснула дверью, скрываясь в своей спальне. Будуаре, как она выражалась. Забавно.

— Я девочка. Нас обычно удочеряют, — ухмыльнулась я. — Я хочу поставить условия. Иначе не соглашусь.

— Не понял, — не понял Олег. Стоял столбом, смотрел, как я стягиваю высокие кроссовки, не расшнуровывая. Носком об пятку. Присел на корточки, дернул за шнурки. Те, завязанные насмерть моим придурком-одноклассником, не поддавались.

— Я буду, есть, что хочу, одевать, что хочу, — я прикурила над его головой сигарету.

— Перестань курить везде! — Олег порвал шнурки пальцами. Стянул резко кроссовки, успел поймать рухнувшую меня. Обнял.

— Курить буду, где захочу, когда и сколько, — сказала уже ему в губы. Приняла поцелуй с удовольствием. За дверью будуара скрипнула паркетная плашка. Подслушивает красавица Аля. Наверняка. И подсматривает. Олег прервал нежную сцену.

— Посмотрим, — неопределенно бросил без улыбки. Отобрал сигарету. Сунул себе в рот. Затянулся и пошел вглубь квартиры.

Дверь будуара приоткрылась. Она. Стоит, наряженная к выходу в темно-изумрудный костюм от Гальяно. Этот цвет идет нам обеим бесповоротно. Бабушкины серьги с уральскими камнями. Мое наследство. Подсвечивают зеленым порочным огнем рыжеватый оттенок умело растрепанных светлых кудрей. Мои глаза, нос и рот. Даже брови. Жесть. Пару секунд мы смотрим друг на друга.

— Что? — я нагло оскалилась. Аля вздрогнула и быстро закрыла дверь. Захлопнулась.

Как оказалось, навсегда. Больше я ее никогда не видела. Она разбилась в своей шикарной ауди на превосходной дороге в золотой Швейцарии. Не вписалась в поворот. А вписалась в грузовик. Я даже фоток с похорон не смотрела в инсте.

Самолет Егора опаздывал на час. Дождь проливной. Мокрый холод лез под короткую юбку, когда курила одна под козырьком специальной площадки. Примороженная Наташка своим невыплаканным горем пробила дыру в моей личной стене.

Глава 16. Нудная

Доктор достал из кармана пиджака коричневое портмане.

— Вот возьми, — он толкнул две красные купюры по скользкой полировке столешницы в мою сторону. Ветерок из открытых настежь дверей сдул деньги на пол. Вышло не слишком красиво. — Прости.

Егор поднял бумажки и подошел. Хотел обнять. Посмотрел в лицо, передумал. Несколько раз за эту ночь он пытался приблизиться. Я вытерпела только раз. При встрече в аэропорту. Потом все время отворачивалась и молчала. В машине. В красивом его, просторном, не местному, пустом доме. Даже не прошла внутрь. Стояла на пороге, обещанных денег ждала. Егор ничего не понимал. Все его попытки целоваться и болтать разбивались о напряженный, пустой холод во мне.

Нет настроения. Никакого.

— Давай выпьем, — не дожидаясь ответа, мужчина вытащил бутылку из шкафа. Виски. Это хорошо. Это правильно.

— Вот и славно, девочка моя, — усмехался Егор, принимая мои губы на своей груди. Животе. Ниже. Загнанное в самую темноту моей души вчерашнее желание алкоголь быстро выпустил на свободу. Проклятый холод уполз восояси. Затаился до следующего раза. Плевать.

— Лола, плыви ко мне, — Егор сел на край небольшого бассейна.

Все-таки он сноб. Зачем вода в доме, если море рядом? Но придумано было красиво зверски. Чаша бассейна балконом выступала над склоном горы. Строго на восход. Солнце вставало над изгибом бухты. Налитая всклянь вода выплескивалась на сосны и пихты внизу. Пахло хвоей, цветами из сада. Где-то, как заведенная, спешила считать года далекая кукушка. Врунья. Столько не живут. Я ушла под воду с головой. Вынырнула рядом с его коленями.

— Вылезай. Ты спать совсем не собираешься?

Я поискала взглядом хоть что-нибудь, что рассказало бы о времени. Сколько? По ощущению, часов пять. Подтянулась на руках на низкий край. Получилось. Подкачала тощие мышцы, бегая с подносами. Егор завернул меня в полотенце, кинул на плечо и понес в спальню.

— Опять! — возмутилась я. Сколько можно? Даже мы с моим обожаемым зверем наелись любовью под завязку.

— Нет? — он улыбался. Доволен был собой невозможно.

— Кофе хочу, — я с силой ткнула его кулаком по лопаткам.

— Как скажешь, золотце. Все для тебя!

Овечий сыр, пахучий, явно местный. Французский бри в жестянке. Холодная говядина в стекле кастрюли. Кто готовил? Гигантские оливки, помидоры, огурцы. Зелень. Ого! Матнакаш еще горячий. Я подняла брови.

— Заказал специально для тебя. Углеводы тебе не помешают, — рассказал Егор. Нарезал продукты своими знаменитыми руками быстро и хирургически точно. Раскладывал салат по тарелке методично, по собственной схеме. Красиво. Красный круг помидора. Зеленый овал

огурца. Квадрат белый сулугуни. Черное кольцо оливки. Лапки нежные кинзы. Брызги масла. Капли бальзамико. Треск горошин белого перца в прозрачной мельнице. М-м-м! Я столовым, тупоносым ножом свалила изрядную долю этой безупречности к себе в тарелку. Перемешала и начала отправлять пальцами в рот, ухватив сразу огурец и сыр. Мой любовник моргнул на такое вопиющее варварство, но ничего не сказал. Оторвал руками кусок мнущегося теплого хлеба, положил внутрь кусок мяса. Аджика, вечная кинза. Протянул мне. Я откусила. Я в раю! Ела из его рук с удовольствием. Вкусно!

— Где я могу покурить? — вежливо спросила. Научена горьким опытом сегодняшней жизни. Кофе, черный и сладкий, ждал меня в большой стеклянной чашке.

— В саду.

Он взял мой кофе и свой стакан с рыжим морковным соком. Вынес все это на волю.

— Почему я не знаю твоего номера телефона? — тянул свой сок и смотрел, как я курю. Неясным таким взглядом. Белое поло и белые шорты. Теннисист.

— Потому, что у меня его нет, — легко махнула я рукой, отравляя дымом своей сигареты оглушающий запах белой сирени. Май.

— Хочешь быть недоступной для всех?

— Ага, — новая затяжка и глоток кофе. Синяя майка Егора едва прикрывает мою голую попу. Нахальный, утренний ветерок с моря трогает кожу прохладой. Моя жизнь прекрасна.

— Как же Алекс с тобой связывается? — доктор невольно поморщился и заглянул в свой стакан. Полезный морковный сок никак не желал заканчиваться.

— Кто? — я не поняла.

— Александр Баграмян. Вспомнила такого? Что у тебя с ним, кстати? Если я правильно понял, он назвал тебя своей девушкой пять дней назад. Или я ослышался?

Мир вмиг перестал быть прекрасным. Потерял краски. Я села в плетеное кресло. Лакированная лоза неприятно прилипла к голому заду. Начинается. Какая я молодец, что отшила Давида. Хотя бы одним выясняльщиком стало меньше. Моя девушка. Не моя девушка. Я — своя собственная девушка.

— Нет, — выдавила из себя после длинной паузы. Пора одеваться. Поднялась на ноги.

— Стой, — Егор успел поймать меня. Усадил на колени, как маленькую. — Мужчина называет тебя своей девушкой, дарит дорогое кольцо с камнем, а ты не в состоянии сказать, какие у вас отношения?

Господи! Что ему нужно? Я слегка поелозила по его паху голой попой. Выпрямила спинку. Повела пальчиком от его колена выше.

— Не отвлекайся. Я все равно выясню все, что хочу. Отвечай, — он убрал мою руку от пояса своих белых шорт. Держал за талию крепко. Ладно. Нет, так нет.

— Убери руки, пожалуйста, — попросила я.

Он развел ладони в стороны. Я слезла с его колен. Пошла к своей одежде. Доктор явился следом.

— Не хочешь ничего говорить. Хорошо. Тогда я скажу. Во-первых. Мне не нравится, когда женщину, с которой я сплю, трогают еще чьи-то руки. Это не ревность. Это просто негигиенично. Во-вторых. Я не терплю лжи и не хочу выглядеть идиотом и скотиной перед человеком, который имеет серьезные намерения относительно этой самой женщины, ничего не подозревая. Это не порядочно. Тем более, не имею желания ставить под угрозу важные деловые отношения с ним и серьезные планы. Скандал мне не нужен. Ты должна определиться, чья ты девушка. В-третьих. Что за игры у тебя с мальчишкой? Давид

постоянно смотрит на меня так, будто зарезать хочет. Похоже, что ты и его водишь за нос. Его братья ухмыляются так, словно у меня на голове рога, как у северного оленя. С бубенцами. Если ты мне не объяснишь все перечисленное, то тогда, прости, это наша последняя встреча. Я — человек серьезный, люблю полную ясность в своей жизни, — закончил свою длинную речь красавчик доктор. Говорил нарочито спокойно. Только глаза смотрели зло. Из ореховых превратились в желтые. Руки глубоко засунул в карманы белоснежных шорт.

Я вздохнула. Александр Баграмян. Он уже размазал бы меня по плитам мраморного пола. Раскрасил бы в синий цвет и слушать бы не стал. Ревнует бешено по поводу и без. Но зато мозг не ест чайной ложкой. А, эта умница европейская: во-первых, во-вторых. Отчитайся на раз. Выполни и доложи. Шаг влево, шаг вправо, прыжок на месте — побег. Расстрел без предупреждения. Знаем, проходили. Не хочет встречаться, не надо. Переживу.

Я, молча, одевалась.

— Кто такой Андрей? — спросил он негромко.

— Кто? — я удивленно обернулась. Опять этот вопрос.

— Ты называла меня Андреем. В моей постели, подо мной. Один раз, три дня назад. Этой ночью — раз двадцать. Виски развязал тебе язык. Кто это? — Егор отлепился от косяка. Подошел близко, взял жесткими пальцами за лицо, повернул к своим глазам. Так вот где собака порылась! Вот оно, то, что его так завело.

— Не знаю. Никто, — я вывернулась из его рук. Он так глядел на меня, что ужас потный прошиб. Ударит. Убьет. Одним ударом успокоит навсегда. Ничего не случилось, кроме мертвой тишины. Голова разболелась страшно.

— Не хочешь разговаривать, хорошо. Ты сама сделала выбор, — утвердительно в спину. Отвратительно самоуверенно. Какое было утро!

— Послушай, Егор, — я присела у входной двери. Шнурки на кедах завязывала.

Глядела в глянцевый пол. Оттуда на меня смотрела растрепанная, испуганная и очень симпатичная барышня. Чего я боюсь, в конце концов? Я выпрямилась.

— Во-первых, я ничего не обещала Саше. Не было такого разговора. Во-вторых, я ничего не обещала тебе. Ничего подобного между нами тоже не было. В-третьих, я не сплю с Давидом. Даже не собираюсь. Флиртовать мне с ним или нет, не твоя забота, точно. Что и как себе думают его братья — их дела. Я за это не отвечаю. И последнее. Я рассталась с Андреем давно. Еще зимой. С какого перепуга вспомнила это имя, не имею понятия. Все. Захочешь увидеться, приходи в гостиницу. Чао-какао, — я осмелела до такой степени, что подошла и поцеловала доктора в утреннюю щеку. И хлопнула слегка по безупречному заду. Вышла навстречу доброму дню.

Про Андрея я приврала, не без того. Как же меня так угораздило? Не помню вобще. Шансы увидеть его еще раз в этой жизни стремятся к нулю абсолютно. Почему Андрей?

Глава 17. Бригита

Маленькая собачка сидела под лавочкой. Забилась туда, прячась от дождя. Грязная, бурая шерсть прилипла к ушам и отчетливо различимым ребрам. Мелкая дрожь. Узкая мордочка. Я курила в проеме двери и разглядывала бедняжку. Никогда у меня не было домашних животных. Никаких собак. И кошек. И морских свинок. Моя мать их терпеть не могла. Потом у меня не стало дома.

— С верхней улицы приبلудилась. Кто-нибудь из отдыхающих забыл, — сообщил Давид, неслышно подойдя ко мне сзади. Оттаивает потихоньку. Или дура-надежда снова юношу питает? В любом случае, здорово приятно, что он больше не злится. Обидно лишиться друга из-за ерунды.

— Как можно забыть собаку? — поразила я.

— Нормально. Сбежала она куда-нибудь, а людям на поезд пора. В какую-нибудь Воркуту. Не пропадать же билетам из-за придурастой собаки. Знаешь, сколько билеты на север стоят? Ого-го! Собачка вернулась, а люди тью-тью, — рассмеялся парень. Провел пальцем по моей обалдевшей щеке.

— Так ведь они же сами ее сюда привезли. А если бы у них ребенок потерялся? Так же спокойно сели бы в поезд и тью-тью? Что бы билеты не пропали? — я отказывалась понимать подобное.

— Может быть, они не спокойно уехали. Может быть, они громко рыдали и бились в истерике, когда залезали в вагон. Собака — это не ребенок. По башке за утерю не дадут. Сама посмотришь потом, в октябре, сколько кошек и собачек здесь останется. Хотя по-разному бывает. Некоторые отдыхающие наоборот. Приехали налегке, а возвращаются с питомцем. Кто как. И с детьми тоже. Кто-то бросает, а кто-то подбирает. Вот у тебя теперь ребеночек есть, — заржал Давидик. Быстро ткнул твердыми губами в мой рот и удрал. Собака дернулась было за ним. Дождь все лил, не переставая. Сбивал сережки с огромного грецкого ореха, пачкая дорожку к морю. Поджав хвост и выгнув дугой от холода тощую спинку, собачка забилась обратно в щель. Я сдернула сухую тряпку с крючка и побежала к лавке. Ветер с моря поддавал резкими порывами мне ускорения в спину.

— Это понятно, — сказала Кристина, увидев меня на пороге со сказочно грязной собакой в руках.

— Фу-у, какая вонючая! — высказался Кирюша, морща брезгливо аккуратный носик. Выбежал из-за стола ко мне и остановился, как вкопанный.

— А мы сейчас вымоем ее твоим шампунем и она заблагоухает, как ты, — засмеялась я.

— Зачем она нужна? У нас же нет собачьей будки. Нам ее негде держать. У бабки Наташки тоже была собака. Шарик. Она привязывала его веревкой за шею и забывала кормить. Шарик перегрыз веревку и сбежал. Потом укусил Овика за ногу, и он его пристрелил. Я видел. Во-от такое большое ружье, — ровным голосом рассказывал мальш, глядя любопытными глазами, как я купаю чумазое животное в низком корыте душевой кабины. Собачка дрожала, но не вырывалась. Терпела. А может быть, вспомнила другую свою жизнь. С горячей водой и ежедневной кормежкой. Мягкой лежанкой или даже хозяйской подушкой. Хотя хозяйская подушка — это вряд ли. Не может человек, который так близко... Да о чем это я? Все может быть. Я закутала горячее тельце в старую чистую тряпку. Быстрый язычок успел лизнуть мою руку.

— Зачем она нужна? — повторил Кирилл в своей неподражаемой, требовательной манере.

— Затем, — я остановилась и присела около него.

Как он смотрит. Серые глаза в упор. Хозяин. Желает знать, что происходит в его жизни. Значит, такими они становятся уже в пять лет. Интересно.

— Когда я осталась одна и никому не нужная, тогда Кристина приютила меня. Взяла к себе. Теперь я возьму к нам домой эту брошенную собачку. Чтобы она не оставалась одна, понимаешь? — я заглянула в глаза ребенка. Кирилл важно кивнул. И сразу:

— У нас есть ружье?

— Зачем? — поразилась я. В мою воспитательную схему вопрос ребенка никак не вписывался.

— Если она укусит тебя за ногу, то я ее пристрелю, — серьезно ответил мне малыш. Н-да.

— Она не станет кусаться. Это хорошая собака. Придумай-ка ей лучше имя, — отозвалась с другого конца комнаты Кристина. Подошла, погладила узкую мордочку, чуть выглядывающую из теплой тряпки. Доброй женщине снова нездоровилось. Лицо серое и дышит тяжело.

— Свинка Пепа, — сразу сказал ребенок и громко засмеялся. Я удивилась.

— Есть такой мультик, — пояснила Криста. Про это я ничего не знала. — Тебе придется переселиться в комнату Кирюши. Сезон начался.

— Ура! Моя Лола и моя Пепа будут жить у меня! — обрадовался мальчик и запрыгал по комнате, как все нормальные дети.

Мои личная жизнь и пространство накрылись медным тазом. Я не возражала.

— Смотри! Месяц народился, бежим скорее домой. Надо срочно ему монетки показать, чтобы деньги водились, — Кирюша потащил меня за руку вперед. Тоненький серп висел низко в темнеющих закатных небесах.

— У твоей подружки наверняка бы водились монетки, если бы она поласковее была с дядей Овиком, — раздался насмешливый бас рядом. — Привет, Лолочка, как дела?

Я махнула рукой, не оглядываясь. Большой мужчина не впервые намекал мне на это. Пошел вон, собачий убийца.

Егор исчез из моей жизни, как не был никогда. Давид мне даже сплетен о нем не рассказывал. Знает все про всех и молчит. Саша в субботу не приехал. Серьезный Гуров больше не позвонил. Ни разу. Я таскала тяжеленные подносы с пивом в караоке через день. Носилась по трем этажам гостиницы, обслуживая гостей, во все остальное время. Кристина слегла. Молоденькая армянка участковый врач выписала ей какие-то таблетки. Те очевидно плохо помогали. То ли лекарства ввали, то ли новорожденный доктор не знала в профессии ничего. Я уставала, как лошадь, крутясь жестко в таком режиме. Криста жалела меня. Три брата помогали, когда могли. У них своих дел было под завязку. Взглядывали черными глазами, каждый о своем, не приставали. Выжидали явно, куда случай повернет. Один Кирюша был доволен. Я и собачка Пепа спали рядом с его кроватью на скрипучей раскладушке безвылазно восьмую ночь. Спасибо физическому напрягу, не до глупостей. Спать. Спать. Спать. Закрывает глаза. Открывает. Новый день. Привет, Лола. Трудовые подвиги ждут тебя. Разве не об этом я мечтала, когда ехала сюда? Сбылось.

— Лолочка, тебя у нас в зале какая-то тетка спрашивает, — Гарик заглянул в холл гостиницы. Я только-только закончила общение с оператором известного туристического сайта по поводу свободных мест. Мечтала залезть в душ, а потом в постель. Пепа оглушительно твякнула при виде парня. Освоилась, красавица. Я слегка сжала ее тонкую мордочку:

— Нельзя! Нельзя лаять, дурочка. Люди отдыхают, — собака глухо бухнула мне в пальцы. — Фу! Нельзя.

Пепка лизнула меня в нос. Из комнаты вышел Кирюша в пижаме. Забрал собаку с моих колен.

— Уложи ее спать, хороший мой. Я закончу дела и приду.

Мальчик подошел ко мне и ждал. Я наклонила к нему лицо. Он поцеловал меня в щеку:

— Спокойной ночи, — прижал рыжее, явно потолстевшее тельце к себе и отчалил. Пепа честно вылизывала ему правое ухо. Вдруг мы его плохо помыли.

— Что сказать? — Гарик с неясной улыбкой наблюдал происходящее.

— Что за тетка? — я не хотела идти.

— Немка, — ответил Гарик.

Случайное, залетное такси доставило нас к воротам знакомой виллы за пять минут. Я даже задуматься ни о чем не успела. О чем думать? Ясно все.

— Я хочу выпить, — сказала я, входя в пространство холла. Туда, где больше недели назад безупречный доктор диктовал мне условия наших с ним отношений. Бригита засмеялась. Включила мягкий, нижний свет. Открыла известный мне шкаф. Разлила виски по широким, тяжелого хрусталя стаканам. Сноб-доктор тяготел к настоящим, старым вещам. Отличный, односолодовый Хайленд Парк потек по моим жилам огненной водой. Я выдохнула свободно. Я и мой зверь соскучились по другой жизни.

— Ты была когда-нибудь с женщиной? — спросила Бригита, улыбаясь. Отпила из своего стакана чуть. Я выхлебала свой до дна. Протянула ей, требуя еще. Налила на треть. Я глотнула, смакуя добрый напиток.

— Была, — засмеялась я. Мозг утонул в расслабке хорошего алкоголя. Меня несло. Чем дальше, тем верней. — Хватит болтать, милая. Займемся делом.

Я курила, сидя на низком бортике знакомого бассейна. Приятно было делать это в доме безукоризненного доктора. Если камера здесь есть, то еще веселее. Виски нормально грел изнутри, прогоняя холод морского бриза, поднимавшегося снизу в раздвинутые настежь окна балкона. Я выпила остатки из стакана и бросила внутрь окурков. Нырнула снова в трезвящую воду. Забылась и приложилась лбом о стену короткого пространства. Выбросила себя вверх, смеясь и отплевываясь. Бригита ждала меня у края бассейна с толстым мохнатым полотенцем в руках.

— Я набрала горячую воду в джакузи. Пойдем. Простудишься, — она улыбалась, с удовольствием разглядывая мое голое, мокрое тело.

— Между вами есть любовь? — она гладила меня везде под горячей водой. Разложив на своем большом, тренированном теле. Приятно.

— Между кем? — придурилась я.

— Я не правильно сказала? Ты делаешь любовь с Егором? — Бригита поцеловала меня в щеку. Заводила умелыми пальцами. Звала на вторую серию. Хорошо.

— Как-то так, — я покачала ладонью в воздухе. Неопределенно.

— Я давно его знаю. Ты абсолютно в его вкусе. Внешность. Но есть два нюанса, — она взяла мою свободную руку и стала ласкать себя.

— Какие? — я не скрывала своего интереса. Принимала ее пальцы в себе с удовольствием.

— Слишком молодая. И. Я не знаю, как это точно сказать. Бедная. Нет. Прости. Не так. Женщина непонятного происхождения. Опять не правильное слово. Ты работаешь горничной. Для Егора — это нонсенс. Не может быть. Мы знакомы шестнадцать лет. Егор любит статусных женщин. Образованных или знаменитых. Умных. Лучше — все сразу. Красивых обязательно. Я таких не люблю, — женщина, улыбалась, рассказывая о нашем общем приятеле. Сноб. Так я и знала.

— Каких ты любишь? — мне стало интересно. Мы вылезли из надоевшей воды. Пошли в комнату Бригиты. Я прихватила бутылку с собой. Там еще плескалось на доньшке чуть.

— Я люблю веселых и легких. Таких, как ты. Смешно. Никогда у нас с Егором не было одной подруги на двоих. Даже, когда учились в Первой Медицинской, — рассмеялась довольно Бригита. Похоже, нарушать правила чистюли-доктора в его собственном доме ей доставляло не меньшее удовольствие. Чем мне.

— Мы расскажем ему? — ухмыльнулась я, подаваясь навстречу ее теплым губам на своем животе.

— Сумасшедший дом! Нет. Не так. С ума сошла? — расхохоталась моя подруга. Я допила остатки виски прямо из горлышка. Красота!

— Ты странная горничная, Лола. Богатый человек Алекс Баграмян называет тебя своей девушкой. Как это возможно? — мою подругу интересовали ненужные мне сейчас совершенно тайны.

— Ну, их всех в жопу, Бри, — я залепила ее рот поцелуем. Виски окончательно отправил мой мозг нафиг. Куда-то в область клитора. Надоело! Ну, их всех...

Шесть. Блякнуло в моем спящем мозгу. Пора. Я выбралась из кровати. Аккуратно прикрыла спину ночной своей подруги одеялом. В голове бродил приятной тяжестью вчерашний виски. Тело отзывалось легкой, сытой пустотой. Я потянулась вверх, вытягивая руки и ноги. Хорошо.

— Доброе утро, — сказала Бригита, всегда улыбочиво.

— Привет! — я улыбнулась в ответ.

— Так рано. Куда идешь? — она максимально сокращала варианты русского текста.

— Меня ждут. Ребенок. Работа. Собака, — я засмеялась над собой. Понимая, что разговариваю так же, как она. Словно родной язык мне в тягость.

— У тебя есть ребенок? — Бригита не скрывала своего удивления. Открыто, по-человечески.

— Есть такое дело. Я пошла, — я, не дожидаясь расспросов, скрылась в душевой. Эту часть дома теперь я прекрасно знала. Где эта безупречная задница, его хозяин?

— Можно я приду днем? Туда, где ты живешь? Хочу познакомиться с твоим ребенком, — женщина протянула мне желанную чашку кофе. Когда я, уже готовая бежать, стояла у входных дверей. Кивнула благодарно. Мы вышли к воротам. Курили. Я пила кофе. Глаз камеры торчал в кусте рододендрона. Мерседес хозяина дома спокойно дожидался его в гараже.

— Днем он в детском садике. Приходи после шести вечера, — я легко поцеловала ее в

щеку и ушла. Топтать знакомые два километра вниз.

Кирюшка с рыжей Пепой в обнимку сидел испуганно на диване. Злой Давид сверлил меня черным глазом. Карета скорой помощи, воя сиреной, промчалась мимо меня по дороге. Криста.

— Приступ случился в шесть утра. Где тебя носило? — злой, шелестящий вопрос.

— Что сказал врач? — я игнорировала наезд.

— Не знаю! Ничего не понимаю в этих их гребаных словах. Пацан испугался. Где ты была, блядь?! — заорал шепотом Давид.

— Не твое дело! Фильтруй базар, мальчик. Еще раз назовешь меня так, забуду, как зовут! Ясно тебе?! — я не шутила. Надоело, в конце концов. Весь мир сошелся на бедной мне. Словно не существовало до меня ни Кристины с ее больным сердцем, ни пятилетнего ребенка, знакомого здесь всем и каждому.

Парень опомнился и отвернулся, пряча глаза.

Белый, холодный пластик коридора. Запах больничной еды и дезинфекции. Женщина-врач что-то уверенно говорила мне, глядя профессионально в область левого уха. Не встречалась со мной глазами никак. Я поняла из ее слов только то, что спасет добрую Кристину пересадка сердца, что, по понятным причинам, практически невозможно в этой стране. Опасность летального исхода сегодня вроде как миновала. Женщина останется в больнице на месяц. Потом отправится домой, дожидаться нового приступа, который переживет или нет. Как повезет. В реанимацию нас с Кирюшей не пустили. Несолоно хлебавши, мы вернулись в кабриолет. Айк сидел за рулем. Непривычно серьезный и молчаливый. Я вдруг вспомнила свою первую поездку на этом красном чуде. Веселую и беззаботную. Словно полжизни назад было. Двух месяцев не прошло.

— Айк, раз уж мы приехали в Город, давай заедем в Мегу. Мне нужно кеды ребенку купить. Гамбургеров поедим в Лучшей Забегаловке мира, а? — я погладила парня по плечу. Согласился.

Кирюша крепко держал меня за руку. Первый раз в жизни в таком огромном магазине. Его пятилетний мир весь помещался между нашей улицей и морем. Понятно, что в телеке ему показывали много чего. Но в реале это походило на испытание. Ребенок, отчаянно тихий, вертел давно нестриженной головой во все стороны и жался к моей руке. Я сразу направилась в известный спортивный магазин. Ликвидировать дыры в обуви и самолюбии.

— Вам помочь? — чужой мужской голос улыбается за спиной. Я застыла перед электронным меню, выбирая еду.

— Мы справимся, — недовольная реплика Айка отогнала неведомого помощника прочь.

— Я хочу в туалет, — объявил ребенок.

— Айк, отведи его, пожалуйста.

— Я пойду в мужской туалет? — поражение в серых глазах. Одни женщины вокруг пацана. Женское воспитание.

— Да, пора становиться мужчиной, — пошутил Айк.

Что-то тронуло легко волосы на затылке. Взгляд. Чей-то интерес. Внимательный и долгий. Я обернулась. Ничего. Подняла глаза. На открытой галерее третьего яруса за столиком хорошей кофейни я увидела Гурова. Он смотрел на меня. Я помахала ему рукой. Обрадовалась, честно. Он ответил. Женщина, сидевшая напротив него возле самых перил

балкона, обернулась. Около тридцати. По ощущениям. По подробностей не видно. Все же я не сокол.

— Здравствуйте. Вас к телефону, — знакомый парень протягивал мне смартфон. Тот самый человек, что копался в недрах лендкрузера на стоянке перед аэровокзалом. У Кирюши от удивления выпала картошка изо рта. Айк заморозился не хуже льда в стакане с колой. Мы добрались до гастрономического счастья Лучшей Забегаловки.

— А-ле, — пропела с улыбкой в трубку.

— Здравствуйте, Лола, — тоже улыбаясь и на вы. Дистанцию выстраивает или соседки своей стесняется?

— Здравствуйте, Гуров, — поддержала я его официоз наполовину. На вы и одновременно предельно фамильярно.

— Приятно снова увидеть вас. Вам удобно говорить? — он очевидно намекал. На то, что ему самому не очень, но упустить шанс пообщаться он не в состоянии.

— Да, мне удобно, — я сделала жест доброй воли. Вылезла из-за стола и подошла к перилам своего уровня. Гуров торчал напротив, этажом выше. Мы говорили сквозь шум торгового центра, тесно прижав телефоны к ушам и губам. Глядели друг на друга через большую дыру в конструкции, с детскими аттракционами в самом низу полета архитектурной мысли. Яркий поезд для малышни звонко надоедал своим колокольчиком, выписывая зигзаги по этажам. Как в гребаной мелодраме. Кино.

— Я звонил.

— Мне не передали. Это был заговор моих друзей. Против моей личной жизни.

— Я могу сделать еще одну попытку?

— Ты можешь перестать разводить конспирацию и пойти с нами вместе на первый этаж. В Детский дворик. Поболтаем. Смелее, Гуров, решайся! — предложила я, ухмыляясь.

— Это неудобно. Я позвоню вечером, если ты не против. До встречи.

Это понятно. Секс отдельно, котлеты и барышни отдельно. Ладно.

— Кто это? — поинтересовался делано небрежно Айк, блестя черными любопытными глазами.

— Никто, — дала я исчерпывающий ответ. В стиле осторожного Гурова. Улыбалась сама себе, возвращая посланцу его телефон.

На большой парковке под открытым небом подстерегла меня еще одна интересная картинка. Когда Айк медленно выруливал кабриолет сквозь бесконечные ряды ждущих хозяев автомобилей. Знакомый до боли бээмвэ втащил свое черное тело на стоянку Хилтона напротив. Лакированные двери распахнулись одновременно. Саша, Егор, Бригита и неизвестная мне молодая шатенка в алом платье. Кавалеры взяли дам под руку и скрылись за зеркальными дверями знаменитого отеля. Ну-ну. Кто принимает ставки на сегодняшнюю ночь?

Я сбежала из караоке. Ненадолго, посмотреть, заснул ли Кирюша. Никто, кроме собачки Пепы, не присматривал за ним в мое отсутствие. Ребенок сидел на кровати, скрестив ноги по-турецки. Бегло читал по слогам толстую книжку про девочку Элли в отечественной версии. Давид честно спал на моей раскладушке рядом.

— Тихо, — прошептал мне ребенок.

— Спать давай, — попросила я тоже шепотом. Кирюша кивнул. Давид перевернулся на другой бок.

Глава 18. Жесть

Вернувшись в заведение Айка со стороны двора, я чисто случайно выглянула на площадь. Черный бээмвэ и белый мерседес украшали собой парковку перед караоке. Нарядно. Упс!

— Где ты шляешься? Народу до жопы. Поссать некогда! — сердито бросила мне на ходу моя напарница Вика. Выгрузила с грохотом грязные тарелки и стаканы в мойку. Помчалась обратно в зал.

Я повязала длинный черный фартук официанта, взяла поднос и вышла навстречу судьбе. Три брата стояли за стойкой и смотрели на меня веселыми глазами.

— Прими заказ. Во-он тот стол заждался, — ухмыльнулся Айк.

Трое близких моему телу людей сидели на моей половине зала. Егор всегда выбирал это место. Самое далекое от радостей самодельного пения.

— Добрый вечер, — сказала я. — Меня зовут Лола. Что желаете?

Желали они разное, судя по выражению их лиц. Бригита честно рассмеялась на мое заявление, листала, не глядя, пластиковые страницы меню. Егор сидел нога на ногу, боком к столу. Дорого одетым нездешним господином. Словно на минутку зашел. Мазнул по мне взглядом и кивнул подруге. Мол, все для тебя, дорогая, решай сама. Саша, не принимая моей шутки, встал. Отобрал поднос и отвел в сторону. Даже перед друзьями своими не извинился. Встал близко. Впритык.

— Я соскучился. Егор приглашает нас к себе в гости. Бросай все и поехали. Или я, клянусь, увезу тебя силой, — он поднял мое лицо к своим глазам. Улыбается. Губы мягкие, поцелуя ждут. Нифига не знает. Про мои здешние дела. Ну, доктор, ну, красавчик. В дом к себе приглашает. Трахаться вместе будем или по очереди? Соседа позовем? Что-то он не звонит, осторожный Гуров. Только его здесь не хватает. Это было бы феерично! Баграмян убьет всех, но это будет потом. Армянский миллионер зарезал двух всемирно известных хирургов, застукав их в постели со своей невестой-официанткой из караоке. Класс!

— Чему ты улыбаешься? Поехали, — Саша нежно поцеловал меня в висок. Горячее его желание тянулось ко мне сквозь воздух между нами.

— Я никуда не поеду. Оставайся здесь. Или возвращайся через три часа, — я твердо решила не рисковать жизнью. И Кирюшку я бросить одного не могла. Вот засада! Я вдруг поймала взгляд Егора в отражении черного стекла. Застывший и отчаянно несчастный. Ореховые глаза смотрели в упор. Не скрываясь.

Я быстро вернулась к столу, растянув улыбку от уха до уха.

— Большое спасибо за приглашение Георгий Аркадьевич! Но я, ей-богу, не могу с вами поехать! Очень хочу! Мечтаю, просто! Но у меня работа и Кирюшу оставить не с кем! Простите, пожалуйста! Вы будете что-нибудь заказывать? Нет? Тогда я пойду! Меня другие гости ждут! Надумаете, зовите! — трындеца я радостной скороговоркой. Аккуратно бочком смылась к другому столу. Там хотели холодного пива и жареного мяса. А не моего тела в разных комбинациях. Нормальные обжоры. Не людоеды.

Ничего у меня не вышло. Через десять минут в кухню, где я грузила заказ на поднос, вошел Айк:

— Оставь. Снимай фартук. Ты свободна на сегодня. Давид переночует в комнате пацана.

— Я не хочу, — сама не заметила, как призналась. С места сдвинуть себя не могла.

— Давай ты на улице сама с ними порешаешь, ладно? Не здесь. Зачем нам неприятности? Завтра ведь тоже жить придется, — рассказал правду жизни всегда рассудительный Айк.

Войдя в дом, Бригита громко заявила, что меня непременно надо отправить под душ. Смыть жуткий запах караоке. Шашлыка и пива. Мужчины весело ее поддержали. Она взяла меня за руку и повела показывать, где это. Как будто я не знаю. Потом стояла и смотрела, как я поворачиваюсь под шумной водой, держала в руке свое собственное, приготовленное для меня платье. Нежно вытирала меня мягким полотенцем. Руками кожи не касалась, хотя ясно было видно, как ей хочется. Смеялась, как обычно, бледно-голубыми глазами. Я не отвечала на ее улыбки. Страшная усталость навалилась на меня со всех сторон. В знакомой гостиной залезла с ногами в угол низкого дивана. Саша уселся рядом. Они что-то терли, как всегда о своем. Общие дела и планы. Говорили негромко. Шутили. Даже Егор. Я тянула ледяную колу и не смотрела в его сторону. Тупо боялась. Вдруг он опять посмотрит на меня. Так же, как в черном стекле караоке. И кто-нибудь из нас не выдержит. И я не знаю, что тогда произойдет.

Я не могла уснуть. Никак. Саша беззвучно дышал рядом. Редкий мужчина. Никогда не храпит. Ничего у меня сегодня не получилось. Делала вроде все, как надо. Те же пассы и толчки. Ничего. Словно сухой пресный хлеб жую. Ни вкуса, ни сытости. Разглядываю то потолок белый, то простыни в полоску. Туда-сюда, обратно. Имитирую оргазм положенными звуками. Мнится только, что где-то рядом ходит неслышно зверь по имени Егор и считает. Сколько раз трахнул меня мой партнер. И как.

Я выскользнула, накинув черную рубашку мужчины, за дверь. Зря надела. От воротника, как и от моей зацелованной кожи, несло осточертевшим сегодня запахом. Неприятного парфюма, чужих выделений любви. Море, дружище, где ты? Хлопну стакан виски и утоплюсь в бассейне. Лучшее место в этом пустом, бездушном доме.

Я преувеличила. Одна душа здесь была. Егор сидел на знакомом бортике у темной воды. Голый, мокрый. В позе известной статуи. Отловил меня мгновенно за руку. Прижал к себе.

— Я знал, что ты сюда придешь. Боялся только, что не одна, — проговорил он в мой уже ищущий рот. Я целовала его так голодно, словно не видела живых мужиков с начала времен. Он отвечал не хуже. Высвободил мое тело из чужой одежды. Вошел сразу, не тратя время на ненужное. Мы оба были на таком взводе, что простое сжатие горячих тел казалось счастьем невероятным. Раз-два-три-не-помню-дальше. Мой шумный вдох, общий стон на выдохе. Обмяк тяжело, забывшись. Сердце словно в животе. Стучит в такое же напротив. Где чье?

— Раздавишь, — прошептала придушенно в плечо сверху.

— Прости, — он лег рядом на жесткий каменный пол.

— Мне кто-то как-то говорил, что трогать женщину после чужих рук негигиенично, — ухмыльнулась я.

— Сам не верю, что делаю это, — он усмехнулся мне в тон. Наклонился надо мной. Повел языком от левой ключицы к соску.

— Не надо. Не заводи меня снова. Мне пора обратно, — я вытащила себя из-под его губ.

Егор сел. Смотрел снизу, как я всовываю руки в черные рукава. Рассветное небо подсвечивало воду в бассейне розовым.

Ветер с моря нес запах белой сирени. Мужского, такого желанного сегодня тела. И бергамотового масла. Словно кто-то внизу пил ранним утром чай на террасе. Из белой

фарфоровой чашки в синюю клетку. Сидел в плетеном кресле. Толстая, старая книга на коленях. Красота.

— Я поговорю утром с Алексом. Надо... — заговорил своим нормальным голосом доктор. Поднялся на ноги, обернул бедра полотенцем. Запах ветра исчез.

— Не надо! — взмолилась шепотом я. Заглянула снизу в серьезное лицо пушистой собачкой. Пепа, выпрашивающая кусочек колбаски. Хвостик умильно туда-сюда, туда-сюда. Мягкие лапки на жестких плечах.

— Он уедет сегодня. Мы встретимся. Если ты, конечно, захочешь. Ну, пожалуйста-а-а, — я поцеловала уголок упрямого рта. Потерлась о плечо четвертым номером бюста через сашину рубашку. Прижала ладошкой в нужном месте полотенце.

— Хорошо. Но вечно так продолжаться...

— Да-да-да, — я скрылась в широком пролете лестницы. Вечность! Он в своем уме?

Поздний завтрак обещал испытание. Взглядов, нервов, разговоров. Я не боялась ничуть. Есть хотела зверски. Сидела на своем стуле. Не в первый раз в этом доме. Привыкну скоро. Потянулась вверх, не стесняясь. Волосы, влажные после мытья, подняла вверх руками. Белая майка из сашиного чемодана плотно обтянула грудь. Соски проступали в тонком трикотаже наглыми горошинами.

— У вас очень красивая подруга, Алекс, — Бригита, сидя напротив за большим столом, смотрела на меня с удовольствием. Как сытая кошка на механическую мышку. — Как ваш ребенок, Лола? Он не боится оставаться один? Сколько ему лет?

Сашина рука опустила чашку на блюде обратно. Егор перестал водить ножом по хлебу, размазывая масло. Потрясающе одинаковые у них лица. Удивление, смешанное с отрицанием. Не может быть. Им послышалось. Ждут моего объяснения. Замерли.

— Моего мальчика зовут Кирилл. Ему пять лет. Он не остался один. У него есть няня, — простенько отгарабанила я. Словно саму себя перевела с иностранного языка. — Егор, мне почему-то кажется, что вам не хочется бутерброд. Отдайте его мне, если не жалко.

Доктор медленно протянул мне хлеб. Я чуть не откусила прямо из его рук, заигравшись. Он положил кусок на тарелку. Глаза отлепить не мог. Смотрел заморожено, как я ем, слизывая масло с припухших от его поцелуев губ. Я подмигнула. Он чуть вздрогнул и очухался.

Всегда бдительный Саша ничего не учуял, был весь в детской теме:

— Какой еще мальчик Кирилл? Почему я ничего не знаю? Даже Бригита в курсе событий. Где ты взяла ребенка, девочка моя?

Мой главный кавалер смотрел немигающими, чуть выпуклыми глазами. Ждал ответа. Вот и случай. Пусть узнает. Интересно, чем закончится.

— Бабушка Кирюши заболела. Надо было оформить над мальчиком опеку. Я согласилась. Меня Кристина попросила. Хозяйка гостиницы, где я работаю, — я сократила рассказ до минимума.

— Где его мать? — ошарашено выдавил из себя Саша. Переварить пытается новость. Не получается пока.

— А! — легко махнула я рукой с остатками бутерброда. — Ее давно лишили родительских прав.

— А бабка в сумасшедшем доме! — расхохотался Егор. Веселится, доктор. В себя пришел.

Саша тут же повернулся к нему:

— Как, Егор, вы тоже знаете эту историю?

— Я иногда спускаюсь с гор в долину, — самодовольно усмехнулся доктор, не вдаваясь в подробности. Придурок! Лучше бы промолчал. Еще чуть и мой квазилояльный друг сложит два и два. Это он умеет. Чемпион в этом деле.

— Пора завязывать с этой маргинальной компанией в твоей жизни, милая, — проговорил уверенным тоном Саша. На-ча-лось. Даже из-за стола не вышел.

— Бригита, угостите меня сигареткой, — я умоляюще взглянула на женщину напротив. Она ответила мне понимающей улыбкой. Мы дружно вышли в сад.

— Зачем ты так сложно делаешь жизнь, Лола? Егор нравится тебе. Алекс — нет. Они оба состоятельные мужчины. Оба любят. Возьми, того, который лучше для тебя. Зачем так все путать? — женщина с вечно улыбочивыми глазами смотрела на меня. Любопытно ей.

— Тебе я тоже нравлюсь, — рассмеялась я, своеобразно игнорируя неприятные вопросы. Интересно, что скажет?

— Ты очень красивая девушка, Лола. И умеешь любить. Увы. Ты слишком любишь мужчин. Я стала бы очень несчастной, если бы привязалась к тебе, — Бригита осторожно и нежно провела пальцем по моей руке.

— Я тоже не хочу привязываться. Неужели нельзя просто... — я поискала точное выражение. Нашла. — Я хочу просто делать любовь. Без всяких выяснений и разговоров на утро. Не хочу, что бы мне указывали, как и что я должна делать в своей жизни. С кем дружить, где работать. Что носить и кого опекать. Моя жизнь — она только моя. Как-то так, — я улыбнулась своей подруге. Она кивнула и показала глазами за мою спину. Я быстро оглянулась. В стеклянных дверях стоял Егор. Давно? Он помедлил пару секунд, переводя глаза с одной женщины на другую и обратно. Развернулся и ушел в дом.

— Он слышал? Все? — одними губами спросила я.

— Достаточно, — кивнула мне Бригита. — Я считаю, что это к лучшему. Ему полезно. Слишком любит только свои правила. Пусть помучается, — закончила немка, не подозревая, моими словами. Мы засмеялись.

— Я улетаю в Азию. На две недели. Поедем со мной, — сказал Саша.

Мы сидели в его машине. Напротив гостиницы. Едва слышно работал двигатель, гоня климат-контроль. Городок беззастенчиво заглядывал в абсолютно черную тонировку стекол. Строил смешные рожи.

— Я никуда не поеду. Не хочу, — про больную Кристину, ребенка и собаку, свою работу в гостинице объяснять я не видела смысла. Не интересно это ему. Не вписывается в его схему идеальной жизни. И похоть его давно не трогала меня никак. Только после дозы верного виски. Не спиваться же мне из-за этого. Была уже со мной подобная радость. Спасибо. Я приглядываю за собой. Стараюсь, как могу.

— Ты любишь меня?

Вот он добрался до главного. В своем роде. Как я люблю говорить? Прыгай, девочка. Здесь не глубоко.

— Нет.

Пауза.

— Ты боишься, девочка моя. Не надо. Я не трону тебя. Пальцем не прикоснусь. Больше никогда. Клянусь, — мужчина взял мою руку и поцеловал, обещая. Мы сидели рядом. Слишком близко на мягком заднем сиденье удобного бээмвэ. Я осторожно высвободилась.

Взялась за ручку двери. Уйти хотела. Он положил свои пальцы сверху на мои и не позволил.

— Ты не веришь мне?

— Нет.

— Я поклялся.

— Отпусти меня.

— Кто он?

— Никто.

— Кто он, я тебя спрашиваю?!

И все. Все полетело в тартарары. Все его добрые намерения отправились знакомой дорогой. Две звонкие пощечины наотмашь. Треск платья сверху вниз. Короткий удар поддых. Воздуха нет. Оба моих запястья в одной его железной руке. Лицо мое в коже сиденья. Его член разрывает меня на сухую. Больно, но пока еще терпимо. Потом удар ладонью по заду слева. Короткий, как ожог. Справа. Еще пару раз. Развернул к себе лицом. Загоняет себя в меня. Жестко. До гланд дотянуться хочет. Р-раз. Левая щека. Р-раз. Правая. Зацепил переносицу в тесноте машины. Кровь воняет ржавым железом. Звериной, разрезанной утробой. Голова моя мотается следом за его рукой. Кровь брызгает на телячью кожу сидений. Не всякая химчистка отмочет. Край сознания уже близко. Он снова сует мне кулак в живот. Я корчусь от страшной боли. Мой партнер — от судороги оргазма. Вталкивает в меня свою сперму. Стонет честно. Обваливается на меня всеми своими ста десятью килограммами. Так я и знала. Больно! Господи, как больно. А теперь самое ужасное.

— Прости. Я не хотел. Сам не понимаю, как. Крышу снесло. Вечно с тобой так. Ты сама виновата. Прости. Прости, — целует колени. Руки. Лицо мокрое. И мое. И его. Слезы. Сопли. Кровь воняет.

Бежать! Я ничего не слышу. Ни о чем не думаю. Я тихо открываю дверь машины. Мужчина рядом не мешает мне. Смотрит на свои испачканные руки. Брезгливо и неверяще. Застыл. Бежать! Выползаю наружу. Людей нет. Час ночи. Ура. Встаю с колен. В гостиницу. Опрометью. Свет рецепшена. Удивленное лицо Давида. Рев мотора на улице. Газ в пол. Слава богу! Прячусь в душевой кабине. Снова — все.

— Лола! Что случилось? — голос Давида. Противный звук раздвигаемых створок пластика двери. Горячая вода собирается красным на полу вокруг слива.

— Ё... твою мать!

Я не вижу лица парня. Оба глаза уже заплыли и не открываются. Как жалко, что Наринэ нет рядом. Она придумала бы что-нибудь. Примочки, капустные листья. Дверь кабины встала назад. Я стягиваю с себя изуродованное платье вниз. Порванный надвое лифчик бросаю туда же. Трусы остались на заднем сиденье проклятого бээмвэ. Мимо воли заглядываю в узкое зеркало. Знаю тупо, где оно. Ничего не вижу. Веки отекают верно и быстро. Нос болит адски, заслоняя собой боль в остальных местах меня. Я включаю холодную воду на полную мощность. Оседаю на пол и трясусь. Как он мог? Так со мной снова больно. Всегда так будет. С ним. Всегда. Двигаюсь наощупь. Стучу зубами. Чьи-то теплые руки суют мне в ладони майку и трусы. Помогают надеть. По мокрому телу не получается сразу. Запах знакомый.

— Давидик, спасибо.

— Тише. Кирюху разбудишь. Ложись, вот сюда.

Меня вдруг осенило, почему его веселая мать назвала мальчишку таким заковыристым именем. Кирюха. От слова кирять. Бухать. Прикололась, сука. Пошутила. Не в честь же

святых равноапостольных ребенка называть. Я упала в невидимую кровать и зашлась в беззвучной истерике. Кто-то хлопнул с силой по моей избитой щеке, выбрасывая новой болью в действительность. Пауза в сознании. Холодная вода в пересохшем рту. Чьи-то руки поддерживают мою больную голову. Суют горькую таблетку. Мокрый лед и спасительный холод ментола на моем бедном лице. На животе. Головная боль уходит. В животе гораздо легче. Нос.

— Спасибо.

— Да ладно. Бывает, — всегда спокойный голос Айка. В третий раз — все. Я отправилась в страну своих нелегких сновидений.

— Приперлась, блядища! — сухонькая старушка открыла мне дверь. Чистенькая такая. Пахнет стиральным порошком. А рот, как выгребная яма. Только матом разговаривает.

— Здравствуйте, Елена Павловна, — улыбаюсь я.

Короткий коридор, заставленный всяким барахлом. Велосипед прикован к стене. Древний, как все здесь. Какие-то тазы и непонятного назначения штуки. В высотах четырехметрового потолка теряется мутная лампочка. Пыль с нее стирали еще до Великой войны. Открываю когда-то белую дверь. В комнате светло и чисто. Деревянная, настоящая мебель довоенных времен. Книги везде. В застекленных полках шведского происхождения. До потолка. На подставке для знаменитых слоников над спинкой дивана. Из-за имперски просторного письменного стола поднимается тощий длинный парень в очках. Мишка Гринберг. Мой сосед снизу. Будущий академик в четвертом поколении. Он занимается со мной физикой и математикой. Я за это занимаюсь с ним сексом. Преподаватель он отличный. Так ведь и я не пальцем делана.

Сначала, ясное дело, секс. Физика тела. Тренировка мозгов — после.

— Привет. Сегодня вторник, — сообщает он мне, накрывая чистой простыней старое продавленное сиденье узкого, коротковатого дивана. В высокие тумбы по его краям, с балясинами и зеркальными дверками мы регулярно стучимся то макушками, то пятками. Старуха слушает за дверью и считает. Наверняка.

— Ну и что? — я делаю вид, что не понимаю. Медленно расстегиваю пуговики на бежевой блузке. Такая игра.

— У нас договор, Лола. По вторникам минет. Среда и четверг — обычный секс, но не короче тридцати минут. Дополнительные занятия — по желанию обеих сторон. Давай, я сам, — он притягивает меня к себе ближе. Начинает целовать и раздевать одновременно. Садится на диван, широко раздвигая ноги, и опускает меня за плечи перед собой на колени. Торжественно, словно в рыцари посвящает. Обязательно голую. Пол чистый, ничего не колет в мои коленки. Делаю все, что положено. Это не трудно вовсе. Член у него тонкий, как карандаш. Не буквально, но сравнение само напрашивается. В мозги, видать, все пошло. Гляжу, как носятся его глаза под сжатыми веками. Что он там себе воображает? Губы распустились. Задышал. Сейчас кончит. В моем рту он делает это быстрее всего. Алес. Выплываю сперму в цветочный горшок. Фикус в нем огромный, как африканский баобаб. Заслоняет кожаными листьями весеннее солнце в высоких окнах эркера. Белковая подкормка раз в неделю явно идет растению на пользу.

— А ты? — спрашивает Мишка. Не спешит натягивать трусы. Его небогатое хозяйство спит праведным сном, укрытое краем простыни.

— Обойдусь, — машу я нежно лапкой.

— Может быть, после занятий? — не слишком уверенно предлагает мой честный учитель. Я уже одета. Собираюсь пойти вымыть руки, лицо и выслушать коммент от милой Елены Павловны.

— У меня полно планов на вечер. Не парься. Давай работать.

— Что я буду делать, когда ты поступишь в политех? — вздыхает Миша наполовину притворно, на вторую половину грустно.

— Женишься, наконец! — смеюсь. Выхожу из комнаты и сразу нарываюсь на свистящий звук.

Блядищца!

Хороший сон. Вспомнить будущего академика Мишку — добрая примета для меня.

Глава 19. Айк

— Кто же тебя так отпиздил? — спросил меня ребенок.

— Кир, мы же договорились. Никакого мата, — я уже смотрела на белый свет обоими глазами. Выйти на улицу пока не могла. Даже в солнцезащитных очках. Фингалы ушли в желтое по щекам вниз. Синяки ныли на всякое движение, таблетки хоть как-то помогали.

— Я другого, такого же хорошего, слова не знаю, — заявил твердо Кирюша.

— Гав! — громко высказалась собачка Пепа с его колен. Поддерживала. Черные круглые глазки. Быстрый язычок мазнул любимого хозяина в уверенный нос. Подлиза.

— У меня тот же вопрос. Не хочешь говорить, не надо. Если эта черная бэха снова появится на нашей площади... — начал Давид и не закончил. Взгляд старшего брата поймал.

— Собирайся. Надо рентген сделать. Не в поликлинику, не страдай. К частнику поедем. Я договорился, — сказал Айк и отправился к своему драгоценному кабриолету. Крышу нужно поднять, что бы соседей не радовать сине-желтой мной. Два дня сижу в гостинице безвылазно.

— Кристина шлет тебе привет. Я сказал ей, что ты простудилась и поэтому не приехала навестить. Мне очень жалко тебя, дорогая. Очень хочется убить твоего друга, который с тобой такое сделал. Но у меня два брата и ресторан. Больная тетя и красивая девушка с ребенком. Поэтому, очень сильно тебя прошу, дорогая. Сделай, пожалуйста, так, что бы уважаемый Самвел Баграмян больше не появлялся здесь. Ты же не хочешь, что бы мой младший брат сел в тюрьму далеко и надолго за то, что слишком любит одну девушку. Которая очень любит богатых садистов. И богатых знаменитых хирургов. И не любит бедных, добрых армян, — ровным голосом говорил Айк, ведя аккуратно машину в узких поворотах городка. Вперед смотрел. Стыд и горечь. Я заплакала на заднем сиденье. Впервые, после того, как уехал Саша. Двое суток назад.

Айк остановил кабриолет возле розового домика с надписью «Стоматология». Сидел и ждал, когда я успокоюсь.

— Не плачь, дорогая. Сейчас доктор Фрунзик посмотрит тебя. Все мы к нему ходим, если надо. Он все лечит, даже огнестрел зашивает. Он, конечно, не мировое светило, как наш драгоценный сосед, но опыта у него не меньше. А может в чем-то и побольше. Уважаемый Георгий Аркадьевич в любимую Европу подался вместе со своей белобрысой немкой.

Когда вернется, только черт один знает. Так что, пойдем показывать твое красивое лицо бедному армянскому врачу. Не плачь. Морщинки заведутся, — парень улыбнулся и стер пальцем воду с моей щеки.

— Вай, вай, — круглый доктор обошел меня кругом. Его крупный национальный нос едва доходил мне до плеча. Принюхивался очевидно. — Это твоя девушка?

— Да, — мгновенно ответил Айк. Я промолчала. Знает, наверное, мой друг, что надо говорить.

— Это ты с ней сделал? — доктор усадил меня на стул. Сам сел напротив, вывинтив ножку круглого табурета до упора вверх.

— Давай без лишних вопросов, дядя Фрунзе, — хмуро сказал Айк. Из смотровой не вышел. Может быть, охраняет? Старый, добрый запашок мужского интереса тянулся от

доктора ко мне. Ни с чем не перепутаешь.

Яркий свет. Большая стоматологическая линза на манипуле.

— Вай, вай, кто же это сделал с тобой, детка? — словно напевал доктор. Обшаривая мое лицо и шею через увеличительное стекло.

Рентген. Темнота процедурной. Доктор надевает на меня защиту. Словно случайно провел горячей рукой по заду.

— Замри, — и снова. — Вай, вай, кто же сделал это с тобой, детка? Все в порядке с костями. Все хорошо, красавица. Просто прекрасно, — припевает и смотрит снимок на мониторе.

— Больше нигде не болит, дорогая? — ласково спрашивает доктор. Водит черным глазом по мне. Хочет поглядеть, как там у меня под сарафаном? Ничего полечить не нужно?

Потом оборачивается и мягкой скороговоркой на родном языке что-то говорит Айку. Я не понимаю. Дядя Фрунзе улыбается снова ласково и показывает большой палец вверх. Я улыбаюсь в ответ. Разбитая губа лопается, и кровь течет с подбородка на потертый линолеум пола.

— Вай, вай, бедная моя девочка, — вместо ваты он вытирает кровь с моей губы шершавым пальцем. Что это? Я в легком шоке. Доктор смеется и моет руки в раковине. Что-то еще весело говорит Айку по-армянски.

— Спасибо, Фрунзик, — резковато отвечает тот. Кладет на стол бумажку в пять тысяч и выводит меня за руку на волю. Не дешево берет за осмотр бедный армянский доктор.

— Зачем ты сказал ему, что я твоя девушка? — спросила в машине. Настроение, вопреки всему, наладилось.

— Знаешь, что он сказал мне, когда смотрел тебя? — глядя строго вперед, спокойным голосом проговорил парень.

— Нет, — я невольно улыбнулась. Примерно догадывалась.

— Он сказал: поделись, Аик-брат. Еще сказал: давай ширну ее по-тихому и отдеру куда захочу, она и не вспомнит, что да кто. Тогда за рентген можно не платить.

Я замерла. Не угадала. Совсем.

— Почему не согласился? — тихо спросила. Пять тысяч — деньги реальные для делового хозяина караоке.

Аик впервые посмотрел мне прямо в глаза:

— Жалко, — улыбнулся и подмигнул. Кабриолет выруливал на знакомую площадь.

Я судорожно выдохнула, моментом припомнив жирного, потного дядю Фрунзика:

— Спасибо.

Здесь мне расплачиваться придется? Или проскочу?

Синяки синяками, а работа не ждет. Наутро я уже тащила повседневные дела, спрятав лицо за огромными, стрекозино-синими стеклами очков. Постояльцы изумлялись в первый миг, потом забывали мгновенно, интересуясь только собственными желаниями. Постельное белье, уборка, кухня, тарелки-чашки-ложки. Общение с операторами сайтов на предмет свободных мест. Улыбки, заверения в хорошей погоде. Мои губы больше не кровили. Зажили. О других неприятностях времени думать не оставалось. Ждала подспудно, когда наступит вечер и долгожданная свобода. Море манило меня. Хотя бы на закате.

— Лолка, привет! — родная мама Кирюши стояла рядом с моими шортами и майкой, брошенными небрежно на гальке пляжа. Я вырвалась к любимой воде поздним вечером.

Собачка Пепа оглушительно лаяла, охраняя мою небогатую собственность. Лариса неуверенно тыкала в ее сторону ногой в босоножке на высоченном толстом каблуке. Пепа откровенно скалилась, но кусаться, пока не лезла. Вся была размером с пресловутую обувь.

— Привет, — кивнула я, поднимая полотенце с плоских шлепанцев на земле.

Лариса вместе с каблуками едва доходила ростом мне до уха. Яркое платье в красных мясистых розах делало ее крепкое тело еще плотнее. Заметнее.

— Сигарету дать? — она с плохо скрытой завистью рассматривала мою фигуру в белом купальнике.

— Спасибо, у меня свои, — я завернулась в полотенце. Ветер с моря гнал резкие, еще теплые порывы. Волны спешили к берегу, становясь на глазах все крупнее. Повезло. Я успела поплавать. Шторм надвигался. Чем дальше, тем верней.

— Я че пришла. Представляешь, сегодня в Городе встретила одного козла. Папашку моего сыночка. Цветет и пахнет. С дурой очередной сосет. Я ему сразу: где ж ты, гад, шесть лет пропал, морячок! Пацана мне заделал и смылся. Девка его в ахере. Лапками своими, наманекюренными машет на меня. Пошла на! Прости, я знаю, ты не любишь, когда маются. В общем, слово за слово, х...ем по столу! Третьим номером сисек прикрывает живот этого засранца. Орали, орали на всю набережную. Народ кругом оглядывается, стопорится. Не врубается, пока, кому по морде раздавать. Тут, эта сука забывчивая, говорит, спокойненько так: Ладно, если пацан мой, то я не отказываюсь. Вспомнил, говнюк, нашу прежнюю любовь. Анализ на ДНК делаем. Если докажут, что ребенок от меня, то алименты за мной. И ржет. Уверен, сука, что я вру, — Лариса бросила окурок на холодную уже гальку. Раздавила платформой.

— От меня, что тебе нужно? — я натягивала короткие шорты на голое тело под длинным полотенцем.

— Надо завтра поехать в Город, в этот гребаный Центр. Исследования чего-то там. Сдать анализ на ДНК. Эта свинья хочет все официально сделать. Что бы я не дое...валась больше. Вот сучара! Не верит мне ни хера, глумится. Сам же потом пожалеет, да только поздно будет. Попадет на бабосы, как миленький. С такой бумажкой можно в суд пойти, если от слов своих откажется. Лолка! Ты ведь теперь главная над Кирюхой. Без твоего разрешения нельзя, — женщина закурила новую сигарету и смотрела на меня весело.

— Зачем? — Я не понимала. Зачем это все нужно. Для чего знать Кирюше кто его отец? Из-за денег? Я не верила рассказам шалавы Лариски. Вые... Тьфу! выделяется перед непоймиком. Что она может помнить шесть лет спустя? Лишняя травма для ребенка. Ей — дурацкое развлечение. Рисовка перед старым любовником. Мальчику, зачем вся эта дурная фигня?

— Алименты! Если признает своим, то лаве будет капать. Хорошее! Че Кристина одна за все башляет! А теперь еще ты! Ты, конечно, нам родуха и, слава богу, что нашлась! Пусть отец помогает. Он за кордон ходит, зарплата до х...я! Чем на блядей все спускать, пусть лучше о сыне позаботится! — уверенно в своих мыслях говорила Лариса. Не видела здесь никакой проблемы. Честно верила, что права абсолютно.

— Я подумаю, — попыталась я уклониться от прямого ответа. Кирилл. Он такой умный. Внимательный. Чуткий. Вряд ли явление папы, каким бы он ни был, добавит счастья в его существующий, устоявшийся мир. Не хорошо. Не правильно. Меня бы точно не обрадовало. В подобном варианте судьбы.

— Че тут мозги е...ать, Лолка! Мы уже добазарились. Берешь завтра тачку у Айка... —

мамаша Кирюши бодро рассказала мне сценарий завтрашнего дня. Четко и по пунктам, с реальной привязкой событий по времени. Не могла эта, не способная в своей жизни даже маникюр вовремя сделать, женщина так спланировать завтрашнюю жизнь. Кто-то другой решил и расставил по местам за нее. Ладно. Я невольно подчинилась чужому, уверенному решению.

— Одно условие, — я уже поворачивала к воротам пляжа.

— Ну? — Женщина слушала невнимательно. Нет ей дела до моей ерунды. Стреляет глазами по редким людям кругом.

— Они не должны встретиться. Не зачем Кириллу видеть твоего козла. Вдруг окажется, что это не его отец. Не надо, — я твердо, как гранит, смотрела в ярко раскрашенное бездумное лицо рядом.

— Не ссы, Лолка. Он это. Сто пудов!

Пепа громко лаяла и просилась ко мне на руки, царапая когтями передних лап кожу голых ног. Я подхватила ее теплое тельце. Прижала к себе и велела замолчать, несильно сжимая тонкую мордочку. Собака отрывисто тьякала мне в пальцы. Терпеть не может многих людей вокруг меня и Кирюши. Сторожит.

Холодало на глазах. Море тащило в берег тяжелые валы. Ветер подталкивал зло в спину из короткой полосы пляжа вон. Прогонял домой. Шторм. Мы с Ларисой побежали, ясно чуя сырое дыхание дождя сверху и с боков. В разные стороны. До завтра.

— Тебе звонили. Два раза, — сказал негромко Гарик. Сидел на моем месте возле компьютера на рецепшене. Никто не просил его дежурить. Сам пришел.

Я пожалала зябко плечами. В холле гостиницы стояло нежное тепло. Телевизор тихо гнал новости на известном канале. Опять про очередную войну. Никак не успокоятся. Дождь зло затарабанил в стекла. Я отправилась закрывать створки. Зальет холодная вода линолеум и мягкие дорожки. Кому вытирать? Мне.

— Лола, — начал Гарик, негромко, в своей манере. Я чуяла абсолютно, о чем. Восемь дней одна. Он правильно выбрал время. Трель телефона не дала продолжить.

Шесть. Прозвонили внутренние часы. Солнце глядело в спальню. Чуть слева оно уверенно красило в новое утро белые простыни и наборный паркет. Красиво. Я повернула голову. Он лежал гораздо выше на подушках. Проснулся. Мохнатый плед укрывал меня выше носа. Холодный воздух свободно разгуливал по комнате. Лез беспрепятственно в открытое настежь окно, надувая тонкую сетку тюля куполом. Выгнал давно дым моих сигарет. Зеленъ щедрой майской травы. Сирень. Близкая вода. Море.

— Привет. Давай что-нибудь съедим, — я потерлась щекой о плечо мужчины.

— Давай, — Гуров легко поднялся на ноги. Натянул тонкие домашние штаны и подал мне руку. Я уцепилась. Он вынул меня из простыней и прижал к себе. Поцеловал в лоб. Как маленькую.

Из широкого окна столовой открывался вид на склон горы. Сосны, ели, пихты и тд. Соседняя вилла свешивалась оттуда зеленоватой чашей бассейна. Так вот куда льется вода из корыта доктора. К Гурову в сад. Интересно.

— Тебя соседи сверху часто топят? — засмеялась я.

Гуров поставил передо мной тонкую фарфоровую чашку и блюдце. Белые, в синюю с золотом сетку. Чай исходил прозрачным паром с ясными нотами бергамота. Этот запах я учуяла в саду Егора. Забавно.

— Иногда бывает. Особенно под утро. Я даже подозреваю, кто это, — усмехнулся Гуров, продолжая накрывать на стол.

— Кто? — изумилась я.

— Одна рыжеволосая девушка, которая подвезла меня из аэропорта на машине моего соседа и очень не хотела, что бы ее друг об этом узнал, — мягко улыбнулся мужчина. Только серые глаза смотрели непонятно. Трезво.

— Это ты снизу пил эрл грей в пять утра. Я курила в саду наверху и чувствовала запах бергамотового масла, — расхохоталась громко я. В этом был явный оттенок мести. За всезнайство Гурова. — А голоса слышно?

— Я не большой любитель подслушивать. Особенно звуки чужой любви, — он продолжал улыбаться одними губами. Снял защитную пленку с тарелки. Икра в тарталетках. Красная и черная.

— Неужели слышать? — я нахально облизала губы. Икринки прилипли. Он через стол протянул руку. Провел большим пальцем по нижней губе. Я поймала его и втянула в рот. Чуть сжала зубами и обвела по кругу быстрым язычком. Отпустила.

— Это намек? — глаза напротив стали добрее.

Я обошла стол. Скинула с плеч на пол халат. Зря. Бледно-желтые пятна еще слишком видны на плечах. Может быть, не заметит? А, плевать. Прижалась заострившимися сосками к его груди под мягкой тканью одежды. Собой к молчащему пока паху. Всем телом. Какие еще вопросы будут? Не хочу. Потянулась поцеловать.

— Что тебя вдруг так завело? Мысль о том, что я мог услышать, как ты занимаешься сексом с Вагнером на полу возле бассейна? — чемпион холодных усмешек Гуров спокойно принимал мои губы на своей груди. Ниже.

Я попыталась спустить с него штаны. Он снял с себя мои руки. Отошел. Я выпрямилась. Подняла халат с пола. Надела и завязала крепко пояс. Вернулась на свое место напротив. Уселась на табурет и занялась едой. Пропустила вопрос мимо.

— Ты обиделась? — он мягко провел пальцем по моей щеке. Снова через безопасность столешницы. Я залпом допила остывший чай.

— Нет, — я улыбнулась беззаботно. Еще чего! Нет, так нет. Что я — зверь какой? Да, зверь. Но не сегодня. — Очень вкусно. Очень приятно. Спасибо. Мне пора.

— На работу в гостиницу? — Гуров хотел поймать меня рукой, но я ловко увернулась. Пошла быстрым шагом к своей одежде. Разговаривать сейчас захочет. Выяснить что к чему. Надо смываться.

— Да, — ответила, убегая. Не стал догонять. Молодец.

Ждал меня возле калитки. Руки скрестил на груди. Я обреченно подошла. Надо попрощаться. Потянулась губами. Отстранился. Взял за подбородок жесткими пальцами. Смотрел в глаза. Я опустила веки.

— Это, разумеется, не мое дело, можешь не отвечать. У тебя все тело в старых синяках и кровоподтеках. Вариант — споткнулась и упала, не проходит. Отпечатки явно мужской ладони на обеих ягодицах. Если тебе нравится такой секс, тогда у меня нет вопросов. Но если тебе нужна помощь, то я предлагаю свою защиту. Я говорю абсолютно серьезно, — ровный, мягкий голос Гурова меня чуть не усыпил. Гудел в ухо, словно маленькую девочку уговаривал. Кто этот злой волк, который обижает тебя, моя Красная Шапочка? Никто. Конь в пальто. Не ваше дело, мсье Гуров.

— Как только, так сразу. Ты будешь первым, клянусь. Я говорю абсолютно серьезно, — я

посмеялась в серые взрослые глаза. Коснулась легко щеки губами и вышла за калитку. К моим здешним двум километрам дороги добавились еще пятьсот метров. В этом элитном загоне для небедных людей еще восемь особняков. Не податься ли мне в марафонцы?

Какая-то бодрая птаха звонко провожала меня до самого городка. Я легко бежала по пологому спуску, пружиня по хорошему асфальту подошвами белых кедров. Загорелая кожа моих нижних конечностей, едва прикрытых красными шортиками, тревожила воображение ранних автомобилистов. Они украшали мой утренний бег короткими сигналами клаксонов. Я делала ручкой им в ответ. Многие из них узнавали меня:

— Привет, Лола! Бежишь? Молодец!

Я стала местной. Хорошо бежать. Легкость в теле. Радость в душе. Море вышло на меня из-за поворота дороги. Сияло, слепило, ждало и обещало. Я скоро буду, любимое!

От Саши ни слуху, ни духу скоро две недели. Вдруг он забыл обо мне навсегда? Амнезия, например. Кирпич на голову упал и амба. Редкое его кольцо вместе со всеми остальными подарками я запихнула в клетчатую сумку известного фасона и закинула на шкаф. Выбросить рука не поднялась. Я подумую об этом завтра.

День приезда. День отъезда. Люди, дети, чемоданы. Деньги, паспорта, пропавшие полотенца. Суэта. Звук дежурного телефона вырвал меня из ада гостиничного сервиса.

— Ты едешь? — Лариса кричала в трубку так громко, словно хотела доораться напрямую.

— Куда? — удивилась я и вспомнила. Куда и зачем. ДНК тест. — Я попрошу Айка. У меня работа.

Айк выслушал меня с привычным спокойствием. Кивнул согласно.

— Дорогой, умоляю. Не дай Кирюше встретиться с тем человеком, — я взяла в руку его сухую, узкую ладонь. Для обозначения важности момента.

— Почему? — парень удивился. Смотрел черными глазами. Руку не отнимал.

— А вдруг это не его отец? — приступ сентиментальности накрыл мозг.

— Ну и что? У него по жизни столько папаш сменилось, пока Лариску прав не лишили, не считаешь.

Этой темой его не удивишь, — рассмеялся он. Сжал мою ладонь. Я высвободилась. Я дура. Забыла, что история Кирилла не вчера началась. Не с того момента, когда я стала его родственницей, согласно собственным рассказам. За пять лет до этого.

— Да. Ты прав. Двигай. Увидимся, — я расстроено повернулась и ушла встречать очередных гостей.

— Как твои дела, малыш? — я присела на корточки перед вошедшим Кирюшей. Он сразу обнял меня за шею. Любит обниматься. Но только по собственной инициативе. Попробовала бы я начать первой, он бы сразу сбежал. Характер.

— Норм. Мне делали анализ. Совали ватную палочку в рот. Протии-и-ивно! — мальчик соорудил трагическое лицо. — Есть хочу.

Я кивнула и посмотрела на Айка.

— Когда мы с Киркой приехали, остальные уже смылись. Никого не видели. Пять минут и все свободны. Я купил пацану новую майку потому, что некоторые не научили его пить колу через трубочку, — посмеялся парень.

— Вычти из моего жалования, — ответила я весело. Не встретились. Слава богу! Не смотря на железные доводы рассудка, я переживала. Расслабилась я тут. Привыкаю.

— За счет заведения, — отозвался Айк.

— Нет уж. Я не хочу быть тебе должна, — полушутя, сказала я.

— А я хочу, — он смотрел черными глазами, не двигался с места. Я отошла к столу и спряталась за стойку рецепшена.

— Ничего не выйдет, — сказала я оттуда.

Подняла глаза. Парень положил руки на высокую полку:

— Ты опять не ночевала дома. Егор не прилетел назад. Баграмяна не видно. Чья ты девушка, Лола? Почему не моя?

— Я — своя собственная девушка. Устраивает это тебя? — я начинала злиться. Почему я должна отчитываться перед каждым встречным в штанах? Нет.

— Ну-ну, не заводись. Просто так спросил, — откатил тут же назад Айк.

Прибежал Давид. Застыл взглядом на секунду, заметив нас. Никакого криминала. Никто не обнимается, ничего такого.

— Когда будет готово? — спросил. Все здесь в курсе ларискиных дел. Деревня. Давидик нахально поцеловал меня в щеку. Я, как лошадь, махнула головой. Давно уже перестала обращать на это внимания.

— Послезавтра, — старший брат обнял младшего за плечи и с силой увел в караоке. Работать пора, а не за непослушными девками гоняться.

— Я останусь здесь до воскресенья, — сказал Гуров. Сидел в кресле напротив и неясно в темноте спальни смотрел оттуда на меня.

— А, — сказала я. Вылезла из простыней и направилась в душ.

— Ты хочешь уйти прямо сейчас? В час ночи? — он пришел следом в своем синем халате. Смотрел в мое отраженное зеркалом лицо.

— Да, я пойду. Кирюша ныл весь вечер. Как-то беспокойно на душе, — призналась неожиданно для себя. Гуров обнял меня за плечи сзади. Мы были одного роста. Его синий халат выглядывал из-за моей худой фигуры в трусах и лифчике с обеих сторон.

— У тебя есть ребенок? — удивился мой партнер, но как-то не слишком сильно.

— Да, — улыбнулась в его глаза в зеркале. — Я пойду.

— А муж есть?

— Нет. Только любовники.

— Один из них — я, — усмехнулся Гуров. Не отпускал меня пока. К себе развернул. — Вагнер, как я понимаю, тоже в списке. Есть еще?

Я вздохнула. Придется отвечать. Лучше бы я прикинулась спящей. Или мертвой, как опоссум. И сбежала втихаря.

— Господи, ну зачем тебе это знать? — я умильно наклонила к плечу кудрявую голову. Я твоя Красная Шапочка, при-вет! Господин добрый охотник.

— Что же, по-твоему, мне следует знать? — Гуров с живым интересом наблюдал за моим кривлянием.

— Ничего. Только то, есть ли у меня время и желание встретиться, — я вывернулась и ушла к своей одежде.

— Секс без обязательств?

— Да. Ты за? — я уже шла к воротам, вытаскивая сигареты на ходу.

— Вызовешь такси? — Гуров забрал из моих пальцев зажигалку и дал прикурить.

— Не-а. так добегу, — махнула я легкомысленно. Надо прощаться.

— Одна, пешком, в час ночи? Это невозможно. Я вызову такси.

— Да не надо. Здесь близко. Все меня знают, — каждая собака, хотела сказать. Я не желала никаких свидетелей своих здешних знакомств и связей. — Я пошла.

Потянулась губами к его серьезному лицу. Он отстранился.

— Нет. Пешком ты не пойдешь, — твердо заявил Гуров.

Я разозлилась.

— Ты мне не разрешаешь? За руки хватать будешь? — громко в тишине ночи сказала я.

— Зачем? Ворота автоматические. Пульт в моем кармане. Заперто, — спокойная, холодная уверенность сильного мужчины.

Я отвернулась. Сунула следующую сигарету в рот. Гад.

— Лола, будь благоразумной. Возьми мою машину. Вечером вернешь, — Гуров включил в голосе уговаривающие ноты доброго охотника на Красную Шапочку.

— Я не приеду вечером, — пошел нафиг, властелин ворот. Надоел.

— Почему?

— Не хочу, — это хороший аргумент в споре. Мало, что можно на него возразить.

Гуров развернулся и ушел в дом.

Я не успела докурить, как зашуршали ворота гаража и щелкнул замок калитки. Лендкрузер деликатно постукивал дизелем. Ждал. Я села.

Квадрат монитора на торпедо подсвечивал профили наших лиц в салоне. Три минуты ровно, и, никогда не спящая в разворачивающемся пляжном сезоне, трасса преградила путь к знакомой площади. Туда, где невидимые в ночи глаза и уши ведут счет моим приключениям.

— Здесь, — открыла я рот, пока автомобиль не успел нарисоваться перед гостиницей.

Гуров зарулил в дорожный карман. Я взялась за ручку двери.

— Подожди. Ты обиделась. Я не хотел. Объясни, пожалуйста, что не так, — он надежно замкнул пальцы на моей левой руке.

Ладно. Говорю для особо тупых умников в больших черных тачках:

— Это очень маленький городок. Все хотят знать все про всех. Кто с кем, сколько раз, на какой машине. Я не хочу народной славы. Что тут непонятного? Я могу выйти? Двери открыты?

— Я не подумал. Извини. Не убегай. Меня пригласили завтра на морскую прогулку. Составишь мне компанию? Мальчика своего можешь взять с собой. Ребенку наверняка понравится. Большая яхта. Паруса, — Гуров снова заговорил своим усыпляюще-уговаривающим голосом. Господин добрый охотник из сказки. Зачем ему это?

— Зачем? — прямо спросила. Повернула к нему голову. Смотрела в плохо различимое в темноте салона выражение лица.

— Ты красивая девушка. Я хочу выглядеть красиво перед своими знакомыми, — он точно сейчас улыбался.

— Эскорт? — прикололась я. Стало легко и весело. Интересно.

— Да. Денег хочу заплатить, чтобы было, как в кино, — поддержал шутку Гуров.

— Пятерка? — я смеялась. Простила сразу замки на воротах и дверях.

— Что ты говоришь, малышка! Десятка, как минимум, — улыбался взрослый мужчина. Доволен был собой абсолютно.

— Минет в галюне? — я перешла на сторону зла. Очень хотелось узнать, как далеко продвинется осторожный Гуров. Если не в действиях, то хотя бы в юморе.

— Никаких приключений. Никаких провокаций. Чинно пьем шампанское положенные

два часа. Наслаждаемся видами берегов и дельфинов. Потом я плачу гонорар и люблю тебя дома весь вечер. Идет?

— Идет! — я расслабилась. Потянулась губами к его щеке. Да! Один вопрос: — Егор...

— Не узнает ничего твой драгоценный приятель! — сердито оборвал меня Гуров и вдруг крепко поцеловал. Долго, раздвигая губы языком. Как в постели. Я хотела было проверить, как там, в штанах, но не успела. Он оторвался. Сел прямо за рулем:

— В час жду тебя здесь. До завтра.

Ого! Я все же достучалась до мужского сознания.

В темноте холла светился только экран компьютера в закутке ресепшена. Айк честно спал, вытянувшись во весь рост, в глубине большого старого кресла хозяйки. Кристина. Как она там в больнице? Не удастся мне завтра навестить ее. Ночной холодноватый ветер прорывался в комнату через приоткрытую створку окна. Я осторожно тронула парня за плечо. Он моментально открыл глаза.

— Иди, ляг нормально, — я улыбалась.

Айк резким движением схватил и усадил к себе на колени.

— Не надо, — попросила я шепотом, не желая ссориться.

— Тсс! — шепнул он мне в ухо. — Сиди тихо и слушай. Есть человек, который стучит на тебя Баграмяну. Докладывает, что ты, с кем и как, — Айк мягко касался губами моей щеки.

Я застыла. Пепа процокала когтями по линолеуму. Поскреблась лапой по ноге. Я машинально подняла ее к себе на колени. Так мы сидели друг на друге в три ряда. Монитор мигнул сиротливо и ушел спать. Только диск луны, почти полный глядел на нашу троицу сквозь стекло.

— Я без понятия, кто это. Встретил сегодня дядю Фрунзика на рынке. Он между разговором намекнул. Сказал: твоей блондинкой интересуется сам Самвел Баграмян. Зенки здесь. Грабли свои в жопу засунь и не трепыхайся. Вот такие дела, Лолочка, — про руки-грабли сказал добрый армянский эскулап не зря. Они уже пытались прихватить меня горячо за попу. Я стукнула с силой Айка по доске груди. Руки вернулись ко мне на талию. Прикинулись равнодушными. Как подлокотники кресла. Или опоссумы.

— Будь осторожнее, дорогая. Особенно со своими постоянными заходами под утро, — прошептал Айк, целуя меня уже неприкрыто. Я всунула ладонь между его губами и собой. — Ну почему?

— Потому что, — я аккуратно встала на ноги. Маленькая Пепа чуть не скатилась с моих колен на пол. Я поймала ее в последний момент. Чмокнула в нос. Та ответила. Пахла Кирюшей и блинчиками с творогом.

— Даже собака получает от тебя больше любви, чем я, — усмехнулся парень.

— Не плачь. Я хочу завтра взять выходной.

— Один поцелуй и получишь, — беззвучно засмеялся мой друг. Снова тянул к себе.

— Иди нафиг! — ушла с собакой в комнату Кирюши.

Правду сказал Айк или накрутил меня на всякий случай, чтобы вела себя тише? Саша. Не летают кирпичи на головы. Нелетная погода. Поживем — увидим.

Глава 20. Прогулка

Белое платье колоколом длиной под самый корень. Матросский воротничок.

Синяя полоска, белая. Галстучек такой же под треугольником выреза. Альый лифчик слегка просвечивает через полотно. До белых трусов осталась пара сантиметров. Я купила это платье за копейки в соседней лавочке.

— Детский вариант. Чума! Хочется трахнуть тебя и удочерить одновременно, — грубо рассмеялась Стелла, хозяйка заведения.

— Как пойдет, — ответила ей в тон.

Эскорт так эскорт. Подумала и полезла в сумку, заброшенную на шкаф. Вытащила из коробки туфли, которые купил мне Саша. Пазолини. Не старик Маноло, как в прежние времена, но тоже неплохо. Носок и пятка. Кожа цвета тела. Каблук, как естественное продолжение ноги.

— Девушки с такими ногами должны отстреливаться при рождении, — заявила Вика, моя напарница и сменщица. Она курила у входа в караоке, сидя на корточках, как сидят зеки, выставив предплечья и кисти рук вперед. Смотрела на меня снизу оценивающе, по-мужски. Мужиков она обожала, но лесбийский опыт наверняка был. К гадалке не ходи. — Зачем ты надела такие трусы? В стрингах было бы круче!

— Хорошо, в следующий раз так и сделаю, — я не стала спорить.

— Куда ты собрался, парень? — вопрос к Кириллу. Тот скакал вокруг меня, изображая пассы известного рэпера.

— Мы с подружкой моей Лолой, — широко расставил ноги в синих шортах. — Едем по морю в яхте ходить, — поднял обе руки вверх, переступил на полусогнутых ногах вперед. — Будем рыбу большую с пацанами ловить, пить виски с колой и с девчонками мутить. Ё! — Кирюша сделал руками все положенные махи и расстопыривания.

— Давай, давай! Не укачает вас в море-то? — Вика встала и подошла ко мне.

— Не, меня никогда не укачивает, — заверил мальчик и пошел дальше, сочиняя и пританцовывая.

— Слушай, Лолка. Где ты берешь этих богатых мужиков на крутых тачках? Я, вроде, рядом с тобой подносы таскаю, а ни одного в глаза не видела. Поделись опытом? — Вика внимательно смотрела снизу в мое лицо, еле до подбородка мне доставала. Обветренные губы кривили усмешку. Жесткие, обесцвеченные волосы стояли торчком. На шее виднелся свежий засос. Не она ли секретный агент Баграмяна? Эта мелкая шлюшка-любовельница? У меня паранойя.

— Это ты о чем? — я сделала простенькое личико.

— Это я хотя бы о докторе Георгии Аркадьевиче, — не отступала от своего интереса барышня.

— А, — махнула я лапкой небрежно. — Он пропал в далеком далеке. Пока-пока, Викуся. До встречи в караоке.

Затылком чувствовала ее непрстой взгляд через дорогу, когда садилась в пресловутый крузак. Ладно.

Здравствуйте, здравствуйте. Как поживаете? Какой милый мальчик? Внук? Сын? Какая прелестная у вас спутница, Лев Иванович! Дочь? Подруга?! Сколько лет, сколько зим! И все

в таком роде минут пятнадцать. Рукопожатия, поцелуи в воздух, никогда — в лицо и с чувством. Яхта действительно большая. Свежий лак на дереве, бронза и сталь надраены до солнечных зайчиков. Народу хватает с избытком. В основном, лет около тридцати, плюс-минус. Старшее поколение присутствует в возрастной категории Гурова. Детей — человек шесть с Кирюшей вместе.

Щуплый парнишка-аниматор, ненадежно болтаясь внутри костюма Карлсона, технично забрал моего младшего кавалера в детский кружок. Там кругленькая девушка, изображавшая Мальша, что-то бодро говорила уже улыбающейся ребятне.

— Им бы персонажами поменяться, — заметил негромко Гуров, слегка обнимая меня за талию. Хочет показать остальным собравшимся, что я все-таки не его дочь.

— Мне скромницей держаться или у нас любовь? — я шептала близко в седые короткие волосы. На своих каблучицах могла свободно смотреть поверх его головы.

— Пусть будет любовь. Но! Интеллигентно.

— Это как? Не лезть прилюдно в штаны и не целоваться взасос? — я ухмылялась.

— Ты сама знаешь все лучше меня, — ответил Гуров и плотно провел ладонью по моему заду. Хлопнул несильно и отдвинулся на приличное расстояние.

— Интеллигентно ли дать тебе сейчас по физиономии, дорогой? — я дотянулась и поцеловала его в щеку. Нежно.

— Первый и единственный раз я видел такие ноги наяву лет двадцать назад во Фриско! Здорово, Гуров! — большой мужчина шел к нашей паре, протягивая лапищу в приветствии. Огромные рубаха и штаны развевались от стремительного хода этой гигантской машины для поглощения еды и других удовольствий жизни. Веселые голубенькие глазки потерялись в щеках, поросших короткой седой щетиной.

Гуров пожал предложенную руку, но как-то вяло, никак не соответствуя счастью с другой стороны.

— Примите мое искреннее восхищение, мадемуазель! — дядя ловко отловил мою кисть и прижал к губам.

— Представь нас друг другу, генерал, — велел здоровяк моему спутнику.

Генерал? Я повернула к Гурову удивленное лицо. Он не смотрел на меня. Он вообще не смотрел никуда конкретно. Неприятная вялость чувствовалась во всей его подтянутой, безукоризненно выглаженной фигуре.

— Сергей Петрович, мой бывший коллега. Лола, — сказал сухо. Взял меня под руку, явно хотел увести.

— Здравствуй, Лева. Я очень рада, что ты нашел время посетить наш скромный праздник, — чуть хриловатое контральто. Тяжеловесная волна Пуазона при свете яркого дня подобралась к нам и остановила.

Ухоженная миниатюрная брюнетка лет пятидесяти. Красное платье. Отличной сохранности фигура. Умеренный макияж прячет лицо за тщательной прической.

— Здравствуй, Ирина. Прекрасно выглядишь. Где виновник торжества? — Гуров держался очень прямо. Вот зачем он притащил меня сюда. Что бы прятаться от старых приятелей за мои ноги и острую, на грани приличия, разницу в возрасте. Как эта тетка за длинную челку.

— Ждем-с. Телефонировал, будет через две минуты.

Две минуты растянулись в двадцать.

На меня в сочетании с Гуровым не пришел посмотреть только трехлетний мальчик,

сосредоточенно блямкавший игрушкой в планшете. Остальные все приперлись. Кто засвидетельствовать почтение, кто просто из любопытства. Ветерок слегка колыхал тело яхты. Звал за собой.

Наконец чиркнули тормоза по бетону причала. Аплодисменты и громкая музыка. Гости, уже накидавшись шампанского на жаре, радостно приветствовали прибывшую пару.

Гуров не повел меня в общую толпу. Что там? Помолвка, свадьба, юбилей? Их дела. Я обняла своего кавалера за талию. Прижалась. Шампанское мелкими пузырьками гнало кровь в пальцы ног, подталкивая вместе с потным мужским вниманием со всех сторон. Хотелось нырнуть с палубы в глубокую воду. Рыбкой войти в зеленоватую глубину. Наплаваться до судорог. Потом залезть в чистую постель и натрахаться до того же самого.

— Слушай, ну их всех к черту. Поехали отсюда, пока не отплыли, а? — я провела пальчиком по пуговицам его рубашки сверху вниз. Постучала по пряжке ремня.

— Нет, не получится, девочка моя. Я должен закончить свои дела, посиди здесь, поскучай. Не пей больше, ладно? Я вернусь, — он снял с себя мои руки, легко поцеловал правую кисть и ушел на нос судна. Люди расступались перед ним, вежливо и сразу. Генерал? Ну, надо же.

Яхта вздрогнула и начала движение, чуть слышно гудя движком. Паруса спали, надежно убранные на рангоут. Штиль. Не повезло. Я села в низкое кресло, вытянув блаженно ноги. От шампанского потянуло в сон. Хэппи бездей... донеслось с носа. День рождения.

— Человек за бортом! — истошно заорал кто-то.

— Кирилл! — подорвалась я. Где он? Скинула надоевшие туфли и понеслась к левому борту. Туда, где видела его в последний раз.

— Я ничего не успела, я ничего не сказала. Он сам. Разделся и прыгнул, — плакала в голос от испуга толстая девчонка-Мальш. Знакомые шорты и остальное она держала зачем-то в руках.

Кирилл! Я стянула платье через голову и полетела в долгожданное море. Оно приняло меня всей своей толщиной. Сначала теплой, потом все холодней. Потом в обратном порядке.

— Лола! Я плыву к тебе! — радостно заорал Кирюша, быстрыми мальчишескими саженками двигаясь ко мне. Всю пятилетнюю жизнь у моря. Я поплыла навстречу.

— Вот я все-таки везучий, — раздались на параллельном курсе знакомые слова.

Я от неожиданности замерла и попала в сильные руки. В открытый от изумления рот залетела горькая соленая вода.

— Привет, рыбка моя золотая! Где бы я тебя еще нашел? — смеялся Андрей. Хотел поцеловать и тоже наглотался воды.

— Эй ты! Руки убери от нее! — Кирилл уже был рядом. Вцепился в локоть моего спасателя и повис.

— Так, Андрюха, хватай пацана, я потащу девушку, — незнакомый мужик нарисовался и отдавал команды.

— Не-ет! Никогда. Бери мальчишку. Девушку я не отдам!

— Да отстаньте вы! Я умею плавать! — брыкался Кирюша в железных руках мужчины. Тот, как неумолимая моторка, тащил его к веревочному трапу на коричневой скуле судна.

— Давай поплывем к берегу. Ну, их всех нафиг, — Андрей обнял меня левой рукой, притянул тесно к себе, плывя на месте. Держался на воде, казалось, без малейших усилий. Моряк. Я прижалась. Боже! Его естество в плавках рвалось ко мне не хуже, чем я к нему.

Сейчас залезу и плевать на все! Ноги сами разбегаются в стороны.

Гости выстроились вдоль поручней левого борта. Глядели на нас сверху с веселым интересом.

— Андрюха, возвращайся назад! Оставайся там! Тебе шампанского сбросить? — орал пьяно и насмешливо его друзья.

— Не, ребята! Я тут такую рыбку поймал, что вам и не снилось, — отвечал он, глядя на меня счастливыми глазами. Раздвигал меня бедрами.

— Андрей! Я ведь тебя жду! — раздался высокий девичий голос. Как будто в слезах. Я очнулась. Но оторваться не могла. Не-ет! Невозможно.

— Я замерзла, поплыли назад, — сказала я, наконец. Отмерла.

— Как ты в море очутилась? — он явно не слышал ни меня, ни девушки на яхте. Улыбался мягкими светлыми губами. Возбужденный и чуть пьяный. Нет!

— Отпусти меня. Я хочу назад, — я отпихнула от себя его руку. Он сдался.

— Ладно, но на палубе ты мне все расскажешь, — услышала я в спину.

Сам все увидишь. Настроение упало до нуля. Вода стала тяжелой и страшно холодной. Крики чаек неприятно клевали мозг.

Гуров помог мне перелезть через борт, завернул в толстое полотенце. Я замкнула его руки кругом себя и спряталась, уткнув лицо в ткань белой сорочки на плече. Звук мокрых тяжелых ступней о дерево палубы. Тишина. Пауза. Топ-топ-топ. Босые ножки. Кирюша обнял меня снизу руками и полотенцем.

— Интересно, — спокойный голос Андрея раздался у меня за спиной.

— Возьми полотенце, любимый. Почему ты тут застрял? Пошли, там тебя ребята заждались, выпить хотят за твое здоровье, — настойчивой скороговоркой убеждал все тот же высокий девичий голос.

— Да, спасибо.

Я осторожно глянула сквозь мокрые пряди на лице. Господи! Какой же он красивый! Какой голый, мокрый, загорелый, сильный! Как двигаются руки, стирая полотенцем воду с груди! Мышцы напрягаются на икрах, бедрах, на крепкой заднице. Все мое заметно выступает в низких плавках. Нельзя! Какая шея, подбородок... Я попалась. Андрей поймал мой взгляд. Смотрел туда, куда один только умел. Я сама не знала до него, что есть это место во мне. Нет! Я зажмурилась и отвернулась.

— Стерва! — тихий и слышный возглас. Хлопок полотенца о борт.

— Друзья! Что же мы стоим! Пора выпить за мое здоровье! И закусить! Дражайший Лев Иванович, ведите вашу спутницу к столу! А ты, парень, что предпочитаешь колу или виски? Как тебя зовут? Меня — Андрей! — он протянул Кирюше открытую ладонь. Тот важно пожал. Купился. Отлип от меня и ушел с ним. Мало кто может устоять перед обаянием этого человека.

Гуров подал мне платье. Присел на корточки, помогая надеть туфли. Это произвело впечатление на публику. Чей-то нетрезвый голос хохотнул:

— Ого! — жирный бывший коллега, кажется.

Ты чей? Стучало гребаным пульсом в бедной мне. Взгляд Андрея сковал, как дурной цыганский приворот. Меня усадили в кресло. Сунули на колени тарелку с разной снедью. Я занавесила пылающее лицо высыхающими кудрями. Кусок не лез в горло. Ты чей? Его голос. Андрей громко и удачно шутил. Его девушка звонко смеялась следом за всеми. Тосты. «Динь-динь!» — веселились гости, стукаясь пластиком стаканов. Пробки и шипение

шампанского. Приличные и не очень байки из жизни героя дня. Кирюша ходил за ним, как привязанный. Ел буквально из его рук. Музыка. Танцы. Ты чей? Я глотала теплую воду из нагретой бутылки и не могла заставить себя пошевелиться. Жизнь вытекала из меня с каждым новым «ты чей?» в чумной голове. И взрывом смеха чужих ненужных людей.

— Выпьешь? — голос Гурова прорвался ко мне кодовым словом.

Я выглотала виски в один заход. Разгрызла лед на закуску. Алкоголь снял тормоз с души легко и непринужденно, как чужой волос с лацкана пиджака.

— Пригласи меня танцевать, Гуров.

Это не я сказала. Стряхнула тяжелые от морской соли локоны с лица. Брюнетка в красном протягивала Гурову руку. Он не помедлил ни секунды.

— С удовольствием, — спокойный ответ мужчины.

На меня она внимания не обращала. Меня для нее тупо не существовало. Вывела партнера в самый центр небольшого танцпола. Обняла обеими руками за плечи. Уже топтавшие палубу пары раздвинулись максимально. Музыка заткнулась на секунду.

— Там, где клен шумит над речной волной, говорили мы о любви с тобой, — запел в динамике высокий мужской голос. Мне доводилось в прежней жизни слышать эту заунывную древнюю байду. Олег ее обожал. Гадость.

— Потанцуем? — Андрей протягивал мне руку. Белая рубашка распахнута на загорелой груди, черные брюки, босиком. Нет! Я встала и пошла.

— Рассказывай, — приказал он мне теплыми губами в висок. Обнимал обеими руками, наплевав на зрителей кругом.

Я молчала. Жалась вся к оглушающему меня телу. Слушала общие удары сердца. Умирала снова от сладкой невозможности продолжения. Что рассказывать? Зачем? Желание, так жарко перетекающее от него ко мне и обратно, снова лишало меня воли и разума. Быстро. Хоть куда-нибудь. Хоть на пять минут. Только он и я. Только...

— Облетел тот клен. В поле бродит мгла. А любовь, как сон, стороной прошла-а-а, — музыка доживала последние аккорды.

— Молчишь, стерва! Всегда молчишь! Протекаешь сквозь пальцы, как холодная вода, — зло сказал мне в лицо Андрей. Звуки закончились. Померли вместе с горячими его объятиями. Оторвал от себя, как тогда в маркете. Бросил посреди зала и ушел к друзьям. Пить и рассказывать похабные анекдоты. Его сегодняшняя девушка льнула к нему счастливо и откровенно.

Я приземлила себя обратно в кресло. Закрутила ноги в два оборота. Ох!

— Самое отвратительное в морских прогулках то, что нельзя уйти в любой момент, — сказал раздраженно Гуров, опускаясь на пластик рядом. Не заметил, похоже, моих здешних напрягов. Своих ему хватало с избытком.

Я отхлебнула коричневый напиток в своем стакане. Вишневая настойка. Какой идиот догадался налить? Фу!

— Пойдем, потанцуем, — предложил, вдруг сменив досаду на улыбку, мой взрослый друг.

— Танго? Ты шутишь, — рассмеялась я. Сладкая бурда, упав на честное основание, отпустила наваждение.

— Я поведу, а ты слушайся, — велел мне, уже в который раз за эту гребаную прогулку, мужчина.

Слушайся? Даже не смешно. Пять лет балетной школы со мной. Давно, но пришито

насмерть.

Там-там-там-там. Вечная мелодия повела меня вместе с Гуровым по квадрату. Ловко, уверенно. Глядя точно в глаза. Назойливая цыганская скрипка следом за руками мужчины заставляла делать все, как он хотел. Его бедро у моего. Колено между колен. Тарира-ра тарира. Бедро, колено, глаза. Уронил на грудь в финале.

— Ты мастер! — выдохнула, когда музыка закончилась. Зрители улюлюкали, как на футболе. Обняла за талию, когда шли вместе обратно. Хорошо. Просто отлично! Андрей? Видел, не видел. Смотрел, не смотрел. Забыла, как страшный сон.

Прибежал Кирюша и залез на колени. Я поцеловала его в растрепанную макушку. Он поерзал и внезапно заснул. Как умеют это дети, устав и оказавшись в безопасности.

Яхта мягко, как жирный тюлень, ткнулась транцем в резиновые покрышки причала. Конец истории. Я попыталась встать. Двадцать килограммов живого веса вернули меня обратно в кресло.

— Давай я отнесу, — Андрей возник рядом, как так и надо. Словно это нормально и только так должно быть. Я растерялась.

Подошел Гуров. Встал рядом. Спокойно и очень прямо.

— Я возьму, — бесповоротно объявил молодой мужчина. Снял с меня спящего ребенка и понес. Кирюша доверчиво обхватил его за шею.

— Интересно, — проговорил негромко взрослый мужчина, помогая мне выбраться из низкого кресла.

Тойота преданно ждала хозяина на старом месте. Гуров пикнул замком сигнализации издали. Андрей аккуратно сложил свою ношу на заднее сиденье. Вернулся.

— Лев Иванович, ты позволишь мне сказать пару слов твоей даме? — усмехаясь, спросил Андрей в темноте скоростной южной ночи.

— Пожалуйста, — холодный быстрый ответ. Гуров сел за руль и включил двигатель.

Андрей взял меня за руку и отвел к краю причала. Алкоголем и женскими духами от него несло за версту. Гребаный Брайт кристалл. Ненавижу.

— Че у тебя с ним? — коротко и по теме. Пьяно и зло.

— Не твое дело, — тоже зло и не слишком трезво.

— Поехали со мной. Бросай все.

— Отвали. Куда я поеду? Третьей в твою постель?

— Не обращай внимания. Эта не при делах.

— Зато я при делах! До первого борделя! — я заорала и потеряла лицо. Загнанное глубоко и внутрь старое отчаяние вырвалось на свободу.

— Ты ревнуешь? Снежная королева очнулась! — рассмеялся Андрей и прижал меня к себе. — Поедем ко мне! Я соскучился. Я думаю только о тебе. Поехали, — он трогал губами мою кожу. Заводил эрекцией в черных штанах. Говорил то, что мечтала услышать.

— Андрюша, что ты там делаешь? — звонкоголосая его подруга нарисовалась в чернилах ночи.

— Лара, иди в машину. Я скоро, — резко ответил барышне, едва отлепив губы от меня.

Я вдруг увидела себя со стороны. Хороший человек ждет меня честно в машине. На заднем сиденье спит ребенок. Я сосусь, как последняя тварь, с придурком, который забудет, как меня зовут через десять минут, как только вернется к этой несчастной, которая ищет его, как собака, в темноте. Потому, что бешено хочу отсосать его член с кольцом на крайней плоти. Тут же на пирсе. Не-ет!

— Нет! Все! Хватит! — я собрала все, что было у меня, и оттолкнула его от себя.

— Ты так просто не уйдешь! Я, — Андрей сделал паузу, гася руками мое сопротивление.

Тихо. — Я люблю тебя.

— Нет! Иди к своей подруге. Люби ее, сколько хочешь, — я вырвалась и побежала к тихо работающей машине.

— Сука! Чтоб ты сдохла! — прилетел мне в спину женский крик.

Давно. Не помню насколько.

— Я не хотел, — смущение моего одноклассника смешило.

Я вытерла лужицу со своего живота вафельным полотенцем. Слезла с его колен и натянула джинсы вместе с трусами. Он чуть не упал с табуретки.

— Давай завтра после школы, — тихо предложил. Без надежды, но попытался. Есть у этого мерзкого мелкого хлюпика характер, точно.

— Нет, Петров. Я один раз проспорила. Один раз был. У кого как. Баста, — я подошла к раковине и стала мыть руки. Шла из крана ледяная вода. В нержавейке горой стояла грязная посуда. Никогда бы не пришла на их дурацкую вечеринку, если бы не спор. Он сказал, что напишет оба варианта семестрового теста по физике, свой и мой, за один урок на высший бал. Справился, гаденьш.

— Тогда я всем расскажу, — Петров подошел сзади и попытался сграбастать меня за толстый свитер. Его ярко-красные уши прилипли мне на подбородок.

— Давай. Всем Расскажи, как кончил на мой живот, — рассмеялась я, отпихивая руки от себя. Отошел сразу. Обиделся.

В узорное стекло постучали:

— Эй вы! Открывайте! Курить охота не только вам.

Я подошла к двери и скинула крючок. На Петрова не оглядывалась. Не успел штаны надеть, его проблема.

— Чем вы тут занимаетесь? — красотка Любочка влетела в тесное пространство кухни. Застыла посередине. Принюхивается?

— Курим, — усмехнулась я, выпуская дым ей прямо в любопытную мордочку. Кукольное личико. Нарисованные бровки, нарисованные губки. Платице, в складочку юбочка. Бантик в кудряшках. Первая красавица по официальной версии лицейского тв.

— Синенькая юбочка, ленточка в косе, кто не знает Любочку, Любу знают все, — пропел Петров, садясь рядом со мной на подоконник. Не курит, запах терпеть не может. Сидит со мной за одной партой. — Начала курить?

— В смысле? — Любочка продолжала беззастенчиво разглядывать нашу парочку. Водит сероватыми глазами везде. Только что в штаны не заглядывает. Дать ей полотенце понюхать, что ли?

— Ты же сказала, что тебе курить охота. В нашем классе только одна Лола курит, — насмешливо сказал Петров и положил мне руку на коленку. Погладил нахально.

Люба застыла на миг. О-па! Влюблена в него. В этого ушастого Петрова?! И он, гад, это знает. Нарочно выводит ее из себя.

— Нет, я не курю, — брезгливо сморщила носик барышня. — Это Северов рвался.

— Юлик? Придумай что-нибудь поинтереснее, — обнаглевший Петров ткнулся губами в мою щеку. Я сунула кулак ему в бок. Он увернулся. Схватил меня за руку. Сдернул с подоконника и прижал к себе. Бедная Люба смотрела на нас огромными и блестящими, как

блюдца из парадного сервиза, глазами.

— Петров, отвали, — разозлилась я. Попыталась вырваться. Сильная свинья! Ниже меня почти на голову, а руки, как стальные потные клещи, не отдерешь.

И тут в кухню вплыл Юлик Северов. Мечта и сладкий сон всех лицейских дам. От первоклассниц до директора с техничкой включительно. Двухметровый блондин с карими глазами. Манеры и зад безупречны. Математическая умница и хоккеист. При всем при этом — добрый, щедрый и не под седлом. Без девушки. Никого обидеть, наверное, не хочет.

— Юля! Помоги! — воззвала я к гиганту. Места в кухне не осталось совсем.

— Не жмите барышню, поручик, — легко, как бумажные, он развел руки Петрова в стороны. Тот, красный от натуги и злости, вывернулся и вылез из тесноты забитой людьми и мебелью кухни. Любочка прошуршала юбочкой следом.

— Фу, накурила, — хоккейно-математическая безупречная задница заняла освободившееся место рядом со мной на холодном подоконнике. — Говорят, ты даешь за пятерку по контрольной?

— Уже говорят? — притворно удивилась я. Знала про такую свою славу. Плевала далеко и искренне.

— Про тебя чего только не говорят, — улыбнулся дамский любимец, аккуратно поправляя пальцем волосы на моей щеке. Пах он дорогим мылом и мятной жвачкой.

Я потрясла головой, возвращая пряди на место. Отросли, гадство, надо обрезать.

— Зачем ты всегда так коротко подстригаешься? Все время в штанах уродских ходишь? Это ведь не красиво, тебе совсем не идет. Ты такая красивая девушка, — Северов снова потрогал волосы на моем лице.

— Что бы вы все не ослепли, если я приду в юбочке и с ленточкой в косе, — прикололась я.

— Подвезешь меня домой? — Юлик взял осторожно мои пальцы в широкую свою ладонь. Смотрел грустными щенячьими глазами. И этот туда же. Про нас давно сочиняли кудрявые небылицы. Похабное, злое вранье.

— Поехали.

Пора. Надоели они мне все здесь до зубовного скрежета. Малолетки.

— Ну что, блядь, следующего повела? — мелкий Петров, блестя водой в отчаянных глазах, торчал у входной двери. Загораживал.

— Что мне с ним сделать, Лолочка? — Юлик прижал хама за шею к обоям в цветочек.

— Брось ты его. Больше поплачет, меньше пописает. Поехали, — смотреть на них было неприятно. Не весело совсем. Скорее за дверь.

Хоккейный математик осторожно опустил свой знаменитый зад на переднее сиденье моего драгоценного купера.словно натянул машину на саженные плечи. Развернулся весь ко мне и улыбался довольно. Хороший он парень. Шикарный просто. Только есть у меня внутри один индикатор. Гребаное животное с алиными глазами. Мой личный зверь. Сейчас он фыркает и нос воротит от красавчика Северова. Такие огромные мужчины — самые бесполезные. Раздавит еще. Не хо-чу.

Глава 21. Неприятности по заказу

— О чем задумалась? — тихий голос Гурова улыбался.

— Вспомнила одну фигню, — я с удивлением увидела известные ворота.

— Мальчик крепко спит. Уложим его в комнате для гостей. Ты мне обещала вечер. Не дожидаясь моего ответа, лендкрузер мягко въехал во двор.

Я курила у открытого окна. Добрый ветер нес любимый запах моря. Второй час ночи. В знакомом окне, напротив, над чашей бассейна горел свет. Вода с тихим всплеском падала в крошечное озерцо на газоне Гурова. Доктор вернулся. С кем он там, интересно? Тишина. Никаких голосов, только звуки воды. Шлеп-шлеп. Кап-кап.

— Я женился на его матери еще в училище. По залету, как у нас это называлось. Два свидания и влип, — Гуров в серой домашней одежде ставил тарелки на стол. Есть хотелось зверски. Банкет на яхте ничем не порадовал мой пустой желудок.

— А, — сказала я. Пропустила начало рассказа, разглядывая панораму за окном. Переспрашивать неловко. Запахнула надежнее полотенце на чистом, приятно отзывающемся сытой усталостью теле. Гуров сегодня был в ударе.

— Промучились друг с другом год. Я получил назначение на Владик. Ирина отказалась ехать, к счастью, и мы развелись. Видел сына раз шесть за все время. Даже не знаком с ним толком. Вот и вся история, — он улыбался и смотрел взрослыми глазами доброго господина охотника из той же сказки.

— А, — снова крайне многословно ответила я. А что тут скажешь? Редкая в своей оригинальности история. Вытащила нож и вилку из льняной салфетки и ждала, пока хозяин вынет из микроволновки еду. Гастрономия Гурова носила строго ресторанный характер. Шофер его, похоже, расстарался. Или кто там, у генералов? Денщики? Ямщики? Камердинеры?

— Теперь твоя очередь рассказывать, — Гуров поднес квадратную бутылку к моему стакану. Я накрыла тот ладошкой. Хватит. — Не молчи, пожалуйста. Я жду.

— О чем рассказывать? — я сделала рот корытцем. Состроила дурочку, на всякий случай.

— Вот любишь ты недалекую строить из себя. Просто слов нет, одни выражения, — усмехнулся мужчина. — Что у тебя с Андреем? Говори, не тяни.

— Ах, с Андреем, — протянула я все гласные. Оглядела стол, якобы в поисках соли.

— С ним самым.

— А, что с ним? — гнала я в той же дурацкой манере. Говорить не хотелось, хоть убей. Вспоминать и признаваться.

— Ваши взгляды и танцы на яхте не заметил только слепой. Финальная сцена на пирсе особенно впечатлила, — Гуров все так же улыбался. Терпения генералу было не занимать.

— Ну вот, ты сам все видел, — я удовлетворенно кивнула. Мечтала соскочить с опасного разговора. Как же.

— Лола, перестань кривляться. Я обижусь, в конце концов, — Гуров встал и отошел к окну. Спинай повернулся: я обиделся раз и навсегда. Хитрый, гад.

Ссориться мне с ним не хотелось страшно. Ладно, навру что-нибудь. Я вдохнула, как перед прыжком в ледяную воду.

— Мы случайно познакомились этой зимой. Так, ерунда, никакого романа.

Перепахнулись пару раз и разбежались. На яхте он предложил повторить. Я отказалась. Ты же сам видел. Вот и все. Как ты говоришь: конец истории, — я с облегчением выдохнула. Вода оказалась не такой уж холодной и страшной.

Гуров вернулся, подошел, поднял за руку с высокого табурета, обнял и заглянул в лицо: — Тогда скажи. То, что происходит между нами, как, по-твоему, называется?

Крепко держит, внимательно смотрит. Ответа ждет.

— Я не знаю. Мне хорошо с тобой. Интересно и приятно. Я не хочу думать об этом и как-то называть. Я хочу просто жить, — призналась честно и до конца. Улыбнулась и поцеловала в твердый рот.

— Да. Я забыл. Секс без обязательств, — грустно улыбнулся. Не ответил на поцелуй.

— Да, милый. Это ведь так удобно. И, главное, честно. Ты же улетаешь в понедельник? Вернешься, увидимся. Как повезет, — я снова поцеловала тонкий рот. Злитесь. Ладно. — Смотри, у доктора свет горит.

Стерва я, конечно. Прав тут Андрюха. Но завязывать с гребаными выяснениями пора. Хватит с меня этой отвратительной фигни. Глаза Гурова стали глухо серыми.

— Это Вагнер тебя? — спросил он негромко.

— Ты о чем? — я не поняла.

— Его руки отсвечивали на твоей прелестной заднице?

— Не-ет! — рассмеялась я легко и высвободилась. — Никогда!

— Значит, есть кто-то третий? Четвертый-пятый? — раздражение пробило брешь в спокойствии идеального генерала.

— Гуров. Хватит этой ерунды. Это моя жизнь и только мои правила. Нравится — звони. Не нравится, пошел в жопу, — я устала. От них всех.

Вдруг пришел Кирюша. Проснулся. Глядел удивленными глазками вокруг. Не узнавал. Заметил меня, подбежал и прижался.

— Лола. Мы где?

— Все хорошо, малыш. Сейчас я вызову такси, и мы вернемся домой, — я поцеловала теплую макушку.

— Может быть... — начал Гуров.

— Не надо ничего. Я устала. Домой хочу, — призналась честно. Не в первый раз рядом с ним.

— Я отвезу, — он спокойно подошел ко мне. Хотел взять на руки Кирюшу. Тот крепче прилип ко мне. — Иди ко мне, малыш. Твоей маме слишком тяжело носить такого большого мальчика.

— Лола мне не мама. Она — моя тетя, — заявил Кирюша и вдруг пошел к Гурову в руки.

Тот глянул на меня. Я пожалала плечами неопределенно. Не хватало еще здесь разборки устраивать. Кирилл доверчиво прислонился щекой к мужскому плечу. Я подчинилась и пошла следом.

День начался в шесть утра. Радовало это безумно, если учесть, что легла я в три. Аик увез вторую горничную на рыбалку и не вернул. Давид умчался куда-то. Я осталась одна. И понеслось.

Выезд сразу из двух номеров. Деньги, ложки, плоски, полотенца. Заезд. Приехали две

семьи в один номер. Оператор сайта накосячил. Долго разруливала, заливая в себя кофе ведрами. Дети ныли, взрослые орали. Мест нет свободных кругом. Разрулила кое-как. Потом забила канализация на втором этаже. Двое здоровенных, животастых мужчин смотрели, как я прочищаю ее металлическим тросом. Водили по мне идентичными, водянистыми глазками. Братья. Рук своих жирных не подняли помочь. Зато грели глаза на моем заду без устали.

Крик ребенка позвал меня вниз. Я полетела. Кирилл тыкал ногой в собаку. Пепа валялась на спине. Подставив беззащитное брюхо новенькому кроссовку. Лежала и писалась от страха.

— Она нассала в комнате! Я наступил! Мой найк! — орал истошно Кирилл. Продолжая тыкать ногой в обнаженный собачий живот.

Я схватила его за шиворот и бросила на кровать.

— Ты понимаешь, что нельзя бить того, кто не может дать тебе сдачи! Нельзя! Тупо невозможно! — орала я, забыв про уши кругом. — Это же Пепа! Наша Пепа! Ты — мужчина! Ты большой и сильный! Ты — человек! Она — только маленькая собака! Живая! Маленькая! Доверяет тебе! Нельзя! Бить ее нельзя!

Слезы вырвались из меня страшной усталостью. Я стекла на пол и прижала собачье сердце к себе. Как они все мне надоели! Все-все-все! Дождусь Кристину и свалю отсюда нахрен! Пепка быстрым горячим язычком слизывала соленую воду с моих щек. Меня трясло от ужаса безысходности. Кирилл, такой. Монстр. Маленький злой монстр.

— Прости меня, пожалуйста. Я больше так не буду. Прости меня, пожалуйста, я больше так не буду...

Я оторвала взгляд от пола. Мальчик стоял на коленях между своей кроватью и моей раскладушкой, опустив голову, и бубнил, как заведенный. Я обомлела. Просто пошевелиться не могла. Господи! кто же его так научил? В какую гребаную башку зашла эта дикая рабская хрень? Лобастая, умная голова ниже опущенных плеч. Ручки нервно сжимают край футболки. Подошвы найковских кроссовок застыли напряженно. Носки вместе, пятки врозь. Сердце громко дзынькнуло и разбилось. Осколки опали серым пеплом. Я усадила ребенка на колени, обняла и прижала к себе. Сунула собаку в детские ручки. Пепа! Щедрость собачьего сердца неисчерпаема. Всепрощение бесконечно. Язык в носу, в губах, в ушах ребенка. Забыла все раз и навсегда. Как не было.

— Фу-фу! Дура, отстань, — Кирюша счастливо подставлял лицо навязчивым собачьим поцелуям. Я поняла. Его личные звери спрятались. Уползли. Чтобы вернуться в любой момент. Затаились. Ладно.

— Не называй ее дурой, пожалуйста. Ее зовут Пепа, — машинально поправила я.

— Ты моя свиночка Пепочка, — гладил ласково собачку Кирюша. Добавил. — Надо ее помыть. И пол.

Я кивнула обреченно. Голова разболелась страшно. Со стороны ресепшена раздались голоса. Снова на повышенных тонах. Сегодняшний дурдом продолжался.

Молодожены громко ссорились. Прямо в общем холле. Орала друг на друга так, словно прожили вместе двадцать лет. Только третьего дня заселились в лучший номер наверху. Люкс, как гордо именовала его Криста. Два дня совсем не выходили наружу. Трахались, как кролики. Сегодня выползли на пляж и на тебе.

— Ты смотрел на нее!

— Я не смотрел!

— Нет, смотрел! Пялился все время!

— Нет!

— Да!!!

И дальше по кругу. Красная от солнца и ревности бледнокожая блондинка, худенькая и нервная. Зелененькое парео на минусовом номере груди и скромненькой попе. Ее новорожденный супруг лез в глаза проходящим мимо гостям крепкой задницей в красных плавках и разноцветными рисунками на разных частях накаченного тела. Кто кого подцепил и как?

— Ребята, успокойтесь, пожалуйста, поднимитесь к себе... — доброжелательнейше улыбаясь, завела я примирительную песню.

— Пошла на х... — яростно ответила мне девушка. Прелестно.

— Не ругайся, зая, не надо, — проговорил парень вполне спокойно.

— Ты мне еще будешь указывать! Хочу и ругаюсь! — не снижала звука и темпа барышня.

— Пойдем наверх, зая, — парень легко закинул на плечо супругу. На правильном лице его не отражалось ничего. Даже скуки. Унес.

Через час девица вышла в костюме снова цвета молодой жабы с кисло-волевым выражением на слегка обгорелом лице. Чемодан скрипел колесиками следом.

— Я вернусь, — бросила слова, не удостоив ни жестом. Такси увезло ее прочь.

Моя бедная голова раскалывалась. Айк вернулся с рыбалки. Счастливый и свежий. Горничную вернул на место. Довольную и веселую.

— Иди, отдохни, — сказал, подойдя вплотную, заветные слова. Забрал Кирюшу играть в нарды с собой в караоке. Пепка увязалась за ними. Давид сел на мое место у компа. Спать!

Теплые губы обшаривают меня. Втянули сосок. Язык нежно ласкает кожу. На втором умелые пальцы. Слегка сжимают. Горячая ладонь прошлась по животу, нырнула в трусы. Я раздвинула ноги и проснулась. Большой палец на клиторе, остальные давят на промежность, собираясь залезть внутрь меня. Темнота в комнате полная и чужой запах.

— Ты кто? — заорала я шепотом.

— Тихо-тихо, девочка моя, — зашептал в мою правую грудь мужской голос.

— Пошел вон, а то заору! — я попыталась вывернуться из посторонних рук.

— Не кричи, не надо. Сейчас я сделаю тебе приятно, — чужак залез ко мне на раскладушку. Схватил мою руку и прижал к стоящему члену, уже выпущенному из расстегнутых брюк.

— Да ты охренел совсем! — я с силой отпихнула от себя все это в абсолютной темноте. Человек не ожидал и с грохотом свалился в узкий проход между раскладушкой и кроватью.

Я подорвалась к двери. Сдернула что-то с крючка и выскочила в холл. Никого, слава тебе, господи. Натянула с пожарной скоростью тряпки. Это оказалась моя майка и шорты Кирюши. Облепили меня в ноль, еле влезла. Сердце стучало, как сумасшедшее. Где Давид, засранец? Вытащила из ящика стола дежурный телефон. На первой кнопке забит номер Айка. Я в треморе попала только с десятого раза. Гудки и тишина. Не слышит. Хор из караоке доносился в открытые окна отеля. Я набрала снова. Круглые часы над входом показывали половину девятого вечера.

Дверь комнаты медленно открылась. В проеме нарисовался молодожен из люкса. Он, виновато улыбаясь, сделал шаг ко мне.

— Стой там, где стоишь! — прошипела я, наставив на него телефон, как пистолет.

— Прости, детка. Я думал... Мне показалось... Ты так смотрела на меня сегодня днем.

Ты, правда, не хочешь? — он замер и не двигался.

— Ты охренел, придурок? Стой там!

— Стою, — он застыл возле кулера с водой.

Я включила полный свет. Голоса отдыхающих на улице. Семья из Мурманска возвращалась после вечерних купаний. Я спрятала телефон-пистолет за спину.

— Лолочка, у тебя майка надета шиворот-навыворот. Это для того, чтобы не сглазили или нынче мода такая? — пошутила полная дама, глава семейства. Голоса ее мужа я не слышала ни разу за всю ту неделю, что они жили здесь.

— Ой! — ответила я и ушла переодеваться. Неудавшийся мой любовник испарился. Жесть!

Трель телефона заставила меня вздрогнуть. Айк.

— Лола, дорогая. Выручай, приходи постоять на кофе.

— Лолка, привет! — нетрезвое лицо Ларисы всунулось осторожно в дверь подсобки со стороны моря.

Большая вода с шумом билась о гальку пляжа. Штормит. Соленые брызги долетают даже сюда, мешаясь с ночным дождем. Лариса ввинтила свое плотное тело в тепло. Айк давно запретил ей появляться в своем заведении. Тихорится.

— Привет, — кивнула я, открывая ключом дверь кладовой. Взяла двухкилограммовый пакет кофе и тщательно заперла за собой. — Говори быстрее, меня в зале ждут.

Лариса вдруг громко расхохоталась. Подшофе. На кочерге изрядно.

— Там в твоём зале один красавец тебя ищет. Задница — огонь! Где ты их находишь? Расскажи? — маменька Кирюши сунула в рот сигарету.

— Не кури здесь. Ты за этим пришла? — я отодвинула ее нетвердое тело в сторону и хотела вернуться к вечной кофе-машине.

— Не. погоди, — Лара ухватила мою свободную руку, — Я вот зачем. Тест все подтвердил. Теперь этот хочет увидеть Кирюху. Законное желание. Да? Документ собирается сделать.

Женщина победно ухмылялась. Рада была до жирных складок в тесноте лимонного сарафана.

— Какой документ? — опешила я.

— Метрику. Хочет, что бы вписали его в отцы. По закону.

— Зачем? Усыновить хочет? — я чуть кофе не выронила из рук.

— Без понятия. Какая разница! Главное, чтобы денежки капали. Хрен его знает? Вдруг себе заберет? Избавишься от этой приبلуды. Давно пора. Короче, завтра в девять он приедет. Смотреть и решать. Серьезный мужчина! — расхохоталась мама Кирилла.

Я стояла, зависнув. В голову не могло прийти, что этот неведомый мне козел пойдет так далеко. Документ, ну надо же! А Кристина? Она ведь привязана к ребенку абсолютно! Считает своим. Кирюша здесь, как дома. Не как, а реально дома. Господи! что я наделала!

— Нет, — сказала твердо.

— В смысле? Как нет? — добрая женщина отказывалась понимать.

— Я законный представитель ребенка. Я не разрешаю. Никаких свиданий, пока Криста

не выйдет из больницы. Все! Так и передай, — я сделалась упрямей гранита. Вплоть до драки.

Женщина явно уловила мое настроение через алкогольные пары в мозгу.

— Кристина! Блин, я забыла. Да, без нее нельзя. Тут ты права, Лолочка, — согласно закивала Лариса. И тут же быстренько. — А когда она выйдет?

— В конце недели.

— Ага-ага. Я поняла. Ну, пока, — вечная девушка, не глядя на меня, убралась за дверь. Оставила после себя запах все тех же духов и портвейна.

Вот засада. Я мечтала вернуться к компу и прочитать все, что следует. Про усыновления и тому подобное. Делала кофе с остервенением. Вышла в паузе покурить и подумать. В голове вертелись варианты и разные если. Что толку! Одно я знала прочно: без Кристины никакая гребаная лошадь в судьбе Кирюши не поедет. Нет!

— Добрый вечер, — улыбающийся голос Егора подобрался ко мне со стороны моря. Я обернулась.

Песочного цвета френч. Зеленые штаны, ловко имитирующие галифе. Тонкой кожи рыжие мокасины на голую ногу, как носят нынче. Ладони, глубоко спрятанные в карманы. Легкая волна светлых, точно жестких волос. Индийские специи европейских духов. Ореховые глаза. Губы в улыбке. Я расслабилась. Хочу! Не стала дожидаться всегдашних разговоров и танцев с бубном. Раз сам пришел, значит, можно. Я прижалась первая и поцеловала. Соскучилась.

— Меня, кажется, ждали? — усмехнулся он довольно в мой висок.

— Ну, не так, что бы умирали, но рады, безусловно, — я так обрадовалась паузе в колебаниях и мыслях, что сама верила в то, что говорю. Погладила плотно доктора по безупречному заду. М-м-м.

— Поехали? — спросил.

— Пару минут. Я сдам смену и все, — как же я люблю короткие диалоги!

— Жду тебя в машине.

Да чудно. Айк кивнул мне на вопросительный взгляд сразу. Георгий Аркадьевич вне конкуренции.

Кирюша, крепко держа одной рукой Давида, другой — свою незатейливую мать, стоял на площади перед караоке. На грани света и ночи. Кто-то еще трындел там с ними. Мне не хотелось влезать. Хотелось оказаться подальше от местных дел. В дорогой уверенной роскоши знакомого бассейна. В отлично сделанных руках умелого доктора. Завтра все...

— Лолка! Гребни к нам! — громкий возглас Ленки поймал меня у самого мерседеса.

Я не хотела подходить. Зачем? Давид уложит Кира, у нас с ним старое соглашение. Он ночует в комнате вместо меня, я прикрываю его в караоке, если нужно. Молчаливое, но верное. До сегодняшнего дня.

— Иди к нам! Успеешь еще слинять! — орала пьяно Ленка на всю площадь.

Ее сестра помалкивала. Егор ждал меня, прислонившись к средней стойке автомобиля. Руки на груди скрестил. Смотрел с интересом.

— Лола! Гляди, кто здесь! — Кирюша вырвался от своих спутников и подбежал ко мне. Смотрел счастливо. Схватил за руку и тянул обратно в компанию.

— Ну, кто там? — я не хотела идти.

— Андрей приехал! Представляешь?!

Море грохотало шестибальным звуком.

Глава 22. Одни разговоры

— Ты напилась, — смеялся Егор, глядя, как я пытаюсь выбраться из коротких шорт и падаю.

— Отвали! — мне удалось раздеться. Лифчик не поддавался, да и хрен с ним.

Я рыбкой нырнула к нему на грудь. Повела сразу широким языком ото рта по телу. Сосок. Другой. Живот. Пах. Член. Мошонка. Я была везде. Слюна текла такая, что наполнить ею я могла все бассейны мира. Всосала в самое горло. Да-а! м-м-м! Я не думала о чудесах и разных фокусах. Хотела и делала. Все мое...

— Назовешь меня Андреем, убью, — усмешка довольная партнера.

— Иди в жопу! — я выплюнула озеро слюны себе в ладонь. Провела, размазывая, по резинке на члене. Всунула мокрые пальцы в себя, растягивая, и направила долгожданное туда, куда послала. Содрогалась им внутри, слушая громкий, ничем не сдерживаемый стон Егора.

— Вот я все-таки везучий, — сказал Андрей, когда Кирилл притащил меня в компанию своей матери, тетки и его самого. Улыбался слегка обалдело. Зря.

— Лола! Познакомься — это Андрей, отец Кирюхи. Здорово, да? — Ленка радостно до невозможности провозгласила на всю площадь.

— Да охренеть! — честно призналась я. Мелодрама. Неожиданная и дешевая. Как все они.

— Это точно, — согласился Андрей.

Смотрели друг на друга. Словно не узнавали. Никаких заходов в душу. Нет! Нет больше со мной этой хрени. У него своя компания. У меня своя.

— Чего тебе надо? — я спросила прямо.

— Ничего, — он как-то растерялся. Не понял еще, причем здесь я.

— Если ничего, то зачем тогда приперся? — я все равно не смотрела прямо в его лицо. Так, на всякий случай. — Твоя блядь Лариса всегда подкидывала его Кристине. Когда ее прав лишили, Кирюша совсем переехал к ней. Криста вырастила мальчика. Хочешь теперь отобрать? — я несла все, что сумбуром носилось в моей голове весь этот гребаный вечер. Хотела только одного: что бы это был не он. Тупо не он. Что мне все это снится. Но нет. Жизнь подобралась ко мне вплотную. Сейчас накроет.

Пауза. Длинная. Андрей собрался. Посмотрел на меня знакомо. Тепло и близко. Губы светлые. Мальчишеская улыбка. Я потянулась.

— Добрый вечер, — спокойный голос Егора. Я очнулась.

— Добрый, — ответил Андрей.

Егор обнял меня за плечи. Взгляд Андрея на его руках. На пальцах. Слегка прижимающих мочку моего правого уха. Егор честно показывал мужчине, что он здесь не просто зритель. Я не отстранилась. Наоборот. Прижалась щекой к его пальцам. Подтвердила права прибывшего. Да только Андрей не пожелал принять правила по умолчанию.

— Я не понял, — сказал отчетливо мне в глаза. Ждал ответа.

Я не знала, что сказать. Что? Сказать?

— Меня зовут Егор. Мне помнится, Лев Иванович знакомил нас, — Егор блистал толерантной европейской улыбкой.

— Я помню, спасибо, Егор, — усмехнулся глухо-серо Андрей.

— Это Лола! Андрей, ты, что забыл? — громко влез, как тот малец с поправкой, Кирилл.

— Я-то все помню. Интересно мне, что барышня скажет.

Теперь они, все трое, уставились на меня. Я прикрыла веки. Неужели нельзя без меня?

— Пора спать, Кирюша. Где Давид? — я уцепилась за руку ребенка.

Тут же нарисовался Давидик. Усмехался. Вся площадь с нами в одном разговоре. Заворковали сестры о своем: мальчики, мальчики, пойдем, выпьем.

— Иди спать, Кирюша, пора уже, — я присела и заговорила быстро на ухо ребенку. — Давид побудет с тобой, я вернусь. Спокойной ночи.

Поцеловала, как обычно, в макушку, подталкивая к Давиду. Тот глянул на нашу троицу с веселым интересом. Повел оборачивающегося ребенка домой. Андрей смотрел на меня в упор. Я не стала дожидаться, пока он найдет во мне пресловутую точку невозврата.

— Поехали, — сказала, беря Егора под руку. Повернулась спиной ко всем.

— Всего хорошего, Андрей, — попрощался доктор.

— Удачи, — не помедлил тот с ответом.

— Да-да! Еще, — я цеплялась за плечи мужчины надо мной.

— Презервативы кончились, — он целовал меня в распухший рот. Толкался жарко. В который раз за эту нескончаемую ночь.

— Плевать! Андрей, — я высасывала язык из горячего рта.

— Замолчи! Я! Это я! — вместо того, что бы оторвать меня, он только крепче прижимал к себе. Загонял в меня каждое слово.

Я втягивала в рот его пальцы. Скользила ниже по животу. Бесконечный мой сегодняшний маршрут. Нежная, замученная кожа головки. Он застонал громко. Я втянула его в самое горло. Я — одна большая глотка.

— Как меня зовут? — он грубо оторвал мое лицо от паха. Подтянул по себе к губам.

— Егор! — засмеялась и кончила в его руках. Громко и счастливо. Не хо-чу-у.

Шесть утра. Гребаные шесть утра. Удастся ли мне выспаться хоть когда-нибудь? Голова трещала. Я села и сжала ее руками. Нет! Упала обратно на подушки.

— Я пытался остановить тебя вчера, бесполезно. Ты выпила почти всю бутылку, — голос Егора молотком отлетал от сознания. — Доброе утро. Открой глаза, золотце.

Я открыла. Почти. Холод стекла у воспаленного рта. Аспирин в ледяной воде пузырьками погнал спасение по крови.

— Мне надо идти. Я не могу, — я расплакалась. Зарылась лицом в подушку и тихо ревела, вздрагивая разбитым похмельным телом.

Мужчина лег рядом. Прохладная кожа груди. Добрые руки гладят волосы на остывающей голове, водят по напряженной спине, разминая осторожно мышцы. Чудо старой доброй химии и ласка. Как же хорошо. Я вздохнула.

— Успокоилась? Вот и славно, давай я тебя отнесу.

Горячая вода на голову. Руки снова. Егор даже вымыл мои волосы шампунем. Повел пальцами по попе, скользя ненавязчиво к известным местам. После ночных игрищ все там болело и страдало. Каждая складка, каждый кровеносный сосуд.

— Не надо, дальше я сама, — я ушла в сторону от его касаний.

— Хорошо, не задерживайся. Я пошел варить кофе, — он поцеловал мою мокрую щеку и

исчез. Золото, а не любовник. Настоящий доктор. Полегчало.

— Каша? — изумилась я, глядя на дымящееся варево перед собой. Из овсянки торчал откровенно изюм и другие цукаты-орехи. — С молоком?

— И с сахаром. С белым хлебом и сливочным маслом. Ты похудела, золотце мое, за эти две недели, что я тебя не видел. Одними сигаретами питаешься пополам со спермой? — прикололся доктор. Смотрел внимательно ореховыми глазами.

— Да, — я осторожно попробовала кашу. Вкусно. Чересчур сладко.

— Ничего рассказать не хочешь? — полувопросительно сказал Егор. Без надежды. Молодец.

Я умоляюще посмотрела в красивые глаза. Принялась за еду. Он вздохнул и смирился на время.

— Бригита шлет тебе привет. Вот он.

Большой пластиковый пакет от известного магазина. Упаковка разноцветных трусов с названиями дней недели. Пачка таких же носков. Маечки разного калибра и расцветки. Пижама в винни-пухах в финале. Бри! Ты супер! Так передать привет способна только старшая подруга. От сердца к сердцу. От кожи к коже. Я смеялась до слез. И от умиления тоже.

— Как ей это в голову пришло? Не понимаю, — мужчина слегка растерянно глядел на гору полудетского трикотажа. Даже прикоснуться побаивался. Отодвинулся со своей чашкой кофе от опасностей белья подальше.

— Ну как же ты не понимаешь, дурачок! Я вечно в твоём доме хожу голая, как обезьяна. Бри позаботилась обо мне, трусов прислала, — смеялась я радостно. Отодвинула от себя полупустую тарелку. — Не могу больше. Спасибо.

— Ты называешь её Бри? — спросил Егор. Удивился.

— Да, — я взяла чашку и вышла в сад. Птички пели. Врунья-кукушка как не улетала. Ветер с моря. Бергамот. О!

Подошла к краю прямого участка садовой террасы. Соседняя вилла темнела крышей у подножья горы, как на ладони. Забытый венский стул на буковых досках открытой веранды. Пусто, окна заперты белыми ребрами жалюзи. Почудилось.

Егор возник неслышно сзади. Обнял.

— Нет никого дома, — пробормотала я тихо.

— Генерал только что уехал, — ответил чуткий на ухо Егор.

— Надо бежать, — я отодвинулась, понимая, что разговаривать придется. Лучше — потом. Как-нибудь... Пошла в дом.

— Бежать, бежать. Опять ты бежишь. Мне не нравятся круги у тебя под глазами. Худоба. Когда ты последний раз была у врача? — он стоял у дверей. Смотрел, как я натягиваю вчерашнюю одежду.

— У врача? Только что, — ухмыльнулась в серьёзное лицо.

Он взял меня за руку. Остановил. Не принял шутки.

— Лола, скажи, что мне сделать или сказать для того, чтобы ты пришла ко мне в клинику на медосмотр? У меня работают прекрасные специалисты. Отвечай.

— Боишься, нет ли у меня какой-нибудь заразы вроде гепатита или СПИДа? За гигиену борешься? — усмехнулась я. Не вырывалась. Ждала, когда он закончит.

— Ты похудела с прошлой нашей встречи на два килограмма, как минимум. Я это и без весов могу определить. Мои пальцы на твоём запястье раньше сходились так, а теперь вот

так, — доктор показал как. — При твоей конституции это слишком много...

— Как ты думаешь, он сможет отобрать Кирюшу у Кристины? — перебила я о главном для себя.

Егор помолчал.

— Я не знаю законов и ситуации, но у меня, как у всякого нормального человека, есть юрист. Меняю медосмотр на консультацию. Идет? — он улыбнулся, наконец. Смотрел грустным взрослым дядей на неразумную меня.

— Идет, — я разрешила обнять себя и целовать.

Егор хотел меня отвезти обратно, но я не позволила. Отказалась. Эти два километра вниз. Одно из лучших удовольствий доступных мне здесь. Свет. Солнце. Море. Небо. Дорога и свобода. Хочется расправить крылья и улететь. Шорох шин. Тормоза.

— Привет.

Я открыла глаза. Такси. Андрей.

— Садись, подвезу.

— Нет, — я, не останавливаясь, пошла дальше.

Желтая машина обогнала меня и скрылась за поворотом.

Он ждал меня в старом кресле Кристины на ресепшене. Положил длинные ноги на низкий подоконник и листал небрежно древний глянцевый журнал.

— Доброе утро! — сказала я новым постояльцам с Севера, уже спешащим на пляж.

— Доброе, доброе, — покивали они, таща матрасы, круги и детей к верному морю.

— Привет! — чмокнул меня в щеку нахал Давид, выходя из общей кухни, где уже гремели кастрюлями мамы семейства. — Видок у тебя еще тот.

Хотела треснуть его по плечу. Увернулся и сунулся в другую щеку:

— Папаша Кирюхи приперся ни свет, ни заря. Что ему надо, козлу?

— Вот сейчас и узнаем, — я не успела обернуться.

— У меня нет чистых носков и трусов, — секретно, но так, что слышали все, объявил Кирюша. Пижама мокрая на животе. Зубная паста в уголке рта. Подбежал ко мне. Я присела. Он важно ткнулся губами мне в щеку. Мята и ни с чем несравнимый детский запах. Пепа, не рискуя громко лаять, чихала и фыркала, прыгала вокруг нас, зависая на задних лапах.

— Доброе утро, хороший мой. Ты в сушилке смотрел?

— Там высоко, мне не достать. Привет, Андрей! — ребенок и собака бросили меня тут же. — Ты пришел!

— Привет, Кир. Я же обещал, — Андрей встал, и мужчины обменялись рукопожатиями. Пепа тонкими лапками скреблась по джинсам старшего. На руки просилась. Предательница.

— Как похожи, сука! — высказал мою мысль из-за спины Давид.

Одно лицо. Отец и сын. Как я раньше не замечала? В другое место смотрела. Точно.

Вся улица вышла поглядеть, как мы идем в детский сад. Весь городок. Кирилл важно вел нас сквозь строй глаз и приветствий. Всем показывал отца. Гордился. Ольга Петровна ждала нас у калитки детского садика. Всеобщее любопытство не миновало эту строгую женщину. Окинула мужчину профессиональным взглядом. Не улыбнулась. Только если чуть. Одними глазами. Видела по жизни разные чудеса. Хорошие, в основном, в кино.

— До вечера, — кивнула мне и захлопнула калитку.

— Нам надо поговорить, — сказал Андрей.

Я промолчала. Что, правда, то, правда. Надо. Какую только правду я могу рассказать? Я и

так уже лоханулась с тестом. Хотя, эта глупая баба Лариса могла его сделать и без моего согласия. Ладно.

Мы сели в пустом, по раннему времени, кафе на берегу. Море. Манило меня. Звало смыть похмелье и вчерашнюю любовь. Я физически страдала по его очищающим объятиям вокруг себя.

— Я окунусь. Я быстро, — не дожидаясь ответа, я ушла. На Андрея не посмотрела еще ни разу. Трусила.

Ночной шторм пригнал мусор к мелкой гальке пляжа. Щепки, дохлые мальки, пластик, всякая гадость. Я сняла сарафан и перешагнула через обломки вчерашнего дня. Сделала пару больших шагов и ушла под воду с головой. Долго плавала. Не хотела возвращаться назад. Но навечно зависнуть в море не получится. Живым еще пока не удавалось. Я устала, замерзла и протрезвела. Пора.

— Я уже хотел тебя спасти, — Андрей стоял возле моей одежды. Смотрел, как я иду к нему. Мокрая, в черном белье, которое врядли могло сойти за купальник.

— Полотенца нет, — сказал он, глядя, как я невольно дрожу под ранним солнцем. Снял рубаху и подал на вытянутой руке. Я отказалась. Надела на мокрое тело сарафан. Отвернулась. Стянула из-под юбки трусы, лифчик через бретели платья. Выжала, сунула в карман и пошла обратно к столу кафешки.

Подошла молоденькая официантка, заспанная и очевидно зацелованная с ночи. Напомнила мне меня. Я осторожно потрогала языком свои губы. Больно. Морская соль щипала кожу немилосердно, добавляя яркой бесстыдной красноты.

— Скажи, ты нарочно это делаешь? — спросил Андрей, когда девушка ушла.

— Что? — я смотрела, как ребята, приятели Айка, притащили из сарая здоровенный резиновый банан. Потом другие известные пляжные увеселения.

— Плаваешь, раздеваешься при мне, губы облизываешь. Чего ты добиваешься? — его голос не улыбался. Я не смотрела в ту сторону.

— Нет.

— Это уже сотое по счету нет, которое я слышу от тебя. Не переживай, я тебя насиловать не собираюсь. Нет, так нет. Нет и не надо. Ты сестра Ларисы?

— Нет.

— Другие слова знаешь?

— Да, — я повернула к нему лицо.

Холод и даже презрение в серых глазах. Так Кирюша смотрит на манную кашу и на нянечку в детском саду, которая жалуется мне сердито на то, что он отказывается есть сладкую размазню. Очень похоже. Я улыбнулась, не удержавшись. Зрачки напротив потемнели, расширились. Андрей шумно выдохнул:

— Прекрати.

Я отвернулась. Но улыбка сама лезла наружу. Как там у него в штанах? Горячо, или я ничего в этом не понимаю. Зверь во мне поднял голову и принялся. Кьш!

— Вот ты стерва, — тихий, не злой, знакомый до иголок в пальцах ног, голос. Этого еще не хватало. Говори, Лола, быстрее. Иначе, кто знает, чем все закончится.

— Настоящий опекун Кирюши...

Я рассказала про больную Кристину, про то, как она воспитала мальчика и как сильно любит. Про ее больное сердце. Про веселых шалав, его прямых родственниц. Про опеку. Про свое вранье о том, какая я им всем родня, говорить не стала. Незачем.

— Ясно, — после паузы проговорил Андрей. Смотрел прямо перед собой. Сидел свободно в кресле. Сильные руки скрещены на груди, нога на ноге. Замок. Дурнотная тяга между нами таяла. Уползала знакомым зверем вглубь. Я тихо выдохнула. — Ладно. Я подумаю над тем, что ты мне рассказала. Теперь...

— Доброе утро!

Я чуть не подскочила от неожиданности. Саша стоял возле облезлого пластика стола.

— Доброе, — Андрей с дежурной улыбкой смотрел на мужчину, так бесцеремонно влезшего в его слова.

— Не помешаю? — Саша уже разворачивал к нашему столу свободный стул.

— Извини, приятель. У нас серьезный разговор. Подожди в сторонке. Мы не долго, — жестко остановил его голос Андрея.

Саша застыл на секунду. Выпрямился.

— Лола, я жду тебя в машине возле отеля, — рука с грохотом вернула неповинный стул на место. Ушел.

— Господи! — я закрыла лицо руками. Нет!

— Что случилось? Кто это? — Андрей пересел на стул рядом и с силой оторвал мои руки от бледных щек. — Ты боишься?

Тремор в холодной мне. Я отвернулась от внимательных глаз. Вытащила себя из жестких пальцев. Стала растирать кисти, пытаюсь унять вибрацию. Стук крови оглушал.

— Ты скажешь мне хоть что-нибудь? Ты боишься, я вижу! Кто это, черт тебя побери! — он обнял меня за плечи. Хорошо, плотно. Вдруг заговорил тихо, трогая дыханием ухо. — Ну, сестренка, скажи мне, он тебя обижает? Не бойся, мы же теперь родня. Ну, давай колись. Как брату.

Как брату? Вот это новость. Я позволила прижать себя к груди в синей ковбойке. Сердце там стучало. Громко и вместе с моим. Тум-тум-тум. Брат? Бывают же чудеса на свете.

— Это Саша. Я с ним раньше встречалась. Теперь не хочу. Мы поссорились, — как восьмиклассница признавалась я новоявленному старшему брату. Как положено, честно и, как водится, далеко не все. О страшном рассказать не могла. Нет.

— Его время закончилось. Как и мое, — усмехнулся Андрей. Цинично. Грубо. Горько.

Я постаралась выбраться из братских объятий. Он крепче сжал меня.

— Все, сестренка. Все. Забыли, зарыли, кол осинового забили, — он ласково провел ладонью по моей голове. — Точно не хочешь с ним? — он сделал паузу. Выдохнул. Собрался. Включил свое знаменитое обаяние. Братик.

— Я не хочу его больше видеть никогда! — отчеканила я в такое знакомое лицо.

— Ясно. Пошли, — мужчина встал.

— Куда? — я опешила. Куда? Зачем?

— Я объясню твоему дружку, что моя сестра встречается только с тем, с кем сама захочет. И по-другому не будет, — он улыбнулся мне своей обезоруживающей мальчишеской улыбкой. И подмигнул.

— Ты его не знаешь, он сумасшедший! Он может в драку полезть, — попыталась я остановить героя.

— Вот это было бы в тему! Кулаки у меня со вчерашнего вечера чешутся, — сказал он в пространство. Взял крепко за руку и повел на площадь.

Поздний тихий вечер. Мы сидели в давешней кафешке возле мирного сегодня моря.

Нейтральная территория. Айк наотрез отказался впустить в караоке двух сестер. На дух их не выносит. Сам сидел тут же, слева от меня. Объявил себя тамадой, словно кто-то сомневался. Справа развалился в пластиковом кресле Давид. Пепа свернулась калачиком на его животе. Андрей сидел напротив, между Ларисой и Леной. Отвальная. Так он назвал вечеринку. Завтра отчаливает в просторы Мирового океана. Платил за все и меньше всех говорил. Кирюша пристроился на его коленях. Тыкал пальчиком в новый планшет. Шашлык, вино, пиво и треп лились рекой.

— Бабы, хорош курить. Нам с пацаном дышать нечем, — высказался мужчина недовольно. Напрасно. Бриз уносил дым сигарет с ментолом мгновенно в темноту.

Лариска притворно помахала лапкой, как бы разгоняя мух. Жалась бюстом к его локтю на подлокотнике откровенно. Ее сестра не отставала. Андрей время от времени резко убирал ту или другую руку. Накидавшиеся дармового винища дамы падали от неожиданности. Он ловко успевал ловить их раскрашенные лица у самой столешницы. Все хохотали. Я тянула надоевшую колу и ждала, когда этот странный вечер закончится.

— Лолка! Ты совсем не пьешь. Или запахло жрать с нами дишманское винишко? Ты же у нас блядь дорогая! Тебе же только виски подавай или армянский коньяк! Только дорогих знаменитых врачей или столичных миллионеров. Как наш Андрюшка прижал твоего приятеля на бэхе, а? — разродилась злорадно Лариска. Куражилась. Давно мечтала выступить.

Андрей удобнее откинулся в кресле. Поправил Кириллу на своих коленях. Тот сидел, как пришитый. Словно вырос тут, а не в городке напротив. Пиво в стакане нагрелось давно. Мой названный брат не отпил даже половины.

— Андрюха молодец! — вступила своей арией в застольную оперу Ленка. — Как он газу дал! Лолка, че молчишь? Съе...ся без звука, этот твой столичный любовничек. Все покрывки на асфальте оставил. Пошел на х... со своими бабосами! Как он тебя отп...здил в прошлый раз! Любо-дорого! Я такого уже лет пять не видела даже у нас...

— Что он сделал? — раздался голос Андрея.

— Отпиздил Лолу, — сказал спокойно Кирюша, не отрывая глаз от планшета. — Такая синяя была, прямо, как бабка Наташка. Плакала, у-у-у...

— Это дела старые, — вклинился Айк. Вспомнил, кто сегодня тамада, — дорогие мои, предлагаю выпить...

— Погоди, — Андрей не повысил голос ни на грамм, но услышали все. — Что он сделал?

— Господи! Ты глухой совсем? — Лариса влезла под руку парня и поцеловала все-таки того в щеку. Андрей дернулся, грубо убрав ее лицо от себя рукой. — Ну, чево ты злишься? Приревновал он ее, наверняка. Нормальное дело. Разье...л всю морду нах..., отодрал в своей дорогой бэхе и выкинул. Ничего, вон сам гляди, зажило, как на собаке. Сидит жива-здоровая, лыбится. Таскается еб...ся каждую ночь к Георгию Аркадьевичу. Утром только домой приходит. Все знают, — рассказала подробности моей жизни Лариска. Смеялась громко и счастливо.

— Так вот как ты поживаешь, сестренка, — сказал Андрей, глядя на меня в упор. — Весело, ничего не скажешь.

Я отвернулась.

— Да не напрягайся ты, Андрюха! Все бабы здесь так живут. Ты думаешь, легко девчатам в этой е...ной жизни? Наливай! — Ленка махнула нетрезвой рукой Айку.

Тот не шевелился.

— Ты себя, блядь плечевая, с Лолой не равняй! — выкрикнул Давид. Резко выпрямился, Пепа упала с его колен на цемент пола. Заплакала.

— Ну да, конечно! У меня пи...да — плечевая, а у нее — золотая! По морде ловит, как нормальная блядь! — ржала в голос над мальчишкой Лена.

— Если Баграмян еще раз появится здесь! — Давид вскочил. Лицо пылает, кулаки сжаты.

— Ну, что ты сделаешь, сопляк, что? Он тебя посадит... — и дальше по списку перспективы местного разлива. Матерно и в красках. Девушки знали много подходящих случаю слов. Пепа не отставала.

— Хватит орать! Пепа, иди ко мне, малышка. Дело прошлое, зачем вспоминать? Наливай девушкам, Айк, — сказала я, подбирая заходящуюся лаем собаку на руки.

— А вот и доктор, — спокойно объявил Айк, разливая по стаканам красное вино.

— Добрый вечер, — улыбнулся Егор, входя в круг света над нашим столом.

Снова полувоенная одежда от известного дизайнера. Парфюм заморский. Прямоугольные желтого металла часы на запястье. Кому он их здесь демонстрирует? Смотрелся своей европейской безукоризненностью странно у народной простоты нашего стола.

— О-о-о! — разом воскликнули дамы. Захлопали лапками в восторге.

Айк моментально подсуетился со стулом. Но места своего рядом со мной не уступил. Андрей залпом выпил вино в стакане рядом. Айк быстро налил снова.

— По какому поводу веселье? — тонко поинтересовался Егор. Сел. Понюхал вино в стакане, отставил.

Девушки наперебой принялись докладывать красивому мужчине обстановку. Слава богу, тумблер в их слабых мозгах переключился, и обо мне они забыли. Сделали стойку на красавца доктора и вырубил соображение нафиг. Айк вспомнил о своих обязанностях тамады и повел общество к финалу. Шутил, говорил тосты, рассмешил всех. Кирюша спал на коленях у отца, я не смотрела на них. Нет.

— Егор. Я уйду в море на месяц. Я могу доверить тебе свою сестру? — вдруг сказал поперек общего разговора Андрей.

Все замолчали и уставились на него.

— Сестру? — мгновенно обернулся ко мне Егор.

Я пожала плечами. Прикрыла глаза. Не стану на них смотреть. Без меня.

Пауза. Смотрят на друг друга. Молчат.

— Ты знал, что Баграмян ее избил? — негромко. Жестко.

— Нет, не может быть, — сразу ответ. Заткнулся. Переваривает.

Пауза снова. Только слышно, как булькает вино в горле у кого-то из сестер.

— Он был сегодня здесь. Я объяснил ему, что моя сестренка сама выбирает с кем ей, — тут Андрей сделал вдох. — С кем ей встречаться. Раз она выбрала тебя, то я могу не беспокоиться. Так?

Я сидела с закрытыми глазами. Замерла перед стартом. Надо уходить. Напряжение стопудовой гирей повисло над столом.

— Лола, золотце, открой глаза. Раз уж твой брат, — тут спокойный, даже равнодушный голос Егора сделал четкое ударение. — Андрей желает здесь, при всех, услышать мой ответ, то расскажи, как, на самом деле, обстоят дела? Чья ты девушка?

— Пора спать. Давидик, возьми, пожалуйста, Кирюшу. Пойдем, уже поздно, — выдала я скороговоркой, глядя в пол.

Давид аккуратно вынул мальчика из рук Андрея. Тот привычно уцепился за него руками и ногами. Парень ловко поймал новенький планшет, выпавший из детских уснувших пальчиков.

— Пошли, — скомандовал он мне довольно и как-то даже сердито. Мол, сколько тебя можно ждать? Я кивнула в пол, как бы всем, и ушла.

— Вот так, Андрей, — услышала в спину голос Егора.

Дождь пошел внезапно. Упрятал звезды, как ластиком стер. Я упрямо тащилась в ночи вверх по дороге, обняв себя за плечи мокрыми ладонями. Я не могла оставаться больше в комнате.

Серый взгляд Андрея не отпускал, преследовал под бессонными веками. Навязчиво лез в измученную меня. Трогал везде. Искал во мне то место, какое один только знал. Где оно.

На ресепшене дремал Давид. Или не дремал. Не знаю. Я выскользнула, когда он отправился на кухню, что бы заварить себе дешевый суп в кружке. Долгое отсутствие Кристины сделало из нас поглотителей магазинной еды. Готовить настоящую, кавказскую было тупо некому. Я боялась. Чувала. Где-то рядом в молчащем городе не спит мой неожиданный брат. Андрей. Нет. Его власть над собой я отказывалась терпеть. Волшебник. Как он разобрался с Баграмяном. Как припер к стенке чистюлю доктора. И меня. Настоящий. Кто? Не хочу.

Знакомые ворота зеленели в промозглой тьме глухо и непроницаемо. Я нажала кнопку звонка. Дзынь. Лязгнул неприятно-громко замок калитки. Я вошла.

Егор стоял тут же, сразу за железом двери. Мокрый насквозь, словно ждал меня все два часа, что прошли. Обнял и повел внутрь.

— Если бы я не пришла... — начала первая в темноте холла.

— Стоял бы, как дурак, пока солнце не взошло, — закончил мне в губы мужчина. Привел, не медля, в горячую, нагретую паром ванную комнату.

— Ты даже воду приготовил, — восхитилась я.

— Я чувствовал, что ты придешь, — он быстро стягивал с меня мокрую одежду.

— А если бы не пришла? — засмеялась я, погружаясь вместе с ним в душистую, обжигающую благодать.

— Но ты ведь пришла. Ты так боишься своего, так называемого брата Андрея, что заснуть с ним в одном городе не способна, — усмехнулся мужчина, раскладывая меня на своей широкой груди в бурлящем хаосе большого корыта.

— Нет! — возмутилась я почти искренне. Хотела встать.

— Нет, так нет. Как тебе будет угодно, золотце мое, — он вернул меня на место и больше не отпустил.

Больше года назад. Олег

Я бродила по храму. Разглядывала иконы. Синяя косыночка в беленький цветочек на голове. Широкая юбка прикрывает колени. Каблуки высоковаты, так про них никаких указаний нет. Не крестилась. Не верю. Не умею. Зачем кривляться? Но руки из карманов короткой шубки вытащила. Храм, на фоне известных мне столичных, выглядел откровенно бедновато. Здесь, вообще, не богато жили. В этом казачьем краю. Ранняя весна не красила городок никак.

Олег гнал машину полдня и всю ночь. Сам сидел за рулем, что совсем не часто бывает. Зачем? Не сообщил. Мне не интересно. Захочет — расскажет сам. Я выпалась на заднем сиденье и чувствовала себя прекрасно.

Старушка в черном платке прошла мимо меня. Потом девушка, моя ровесница по виду. Зашли обе за колонну. Храм считался нижним, старым. Новый, высокий и белый, стоял на нем, как на фундаменте. Квадратные, толстые колонны подпирали близкий расписной потолок. Так, что же там, за колонной? Заглянула. Ничего интересного. Образ Богородицы в бирюзовом бисерном окладе. Девушка горячо бормотала что-то, крестясь и прикладываясь лбом к заляпанному стеклу. Просит о чем-то. Надо же. Есть о чем просить.

— Врач сказал, что рака больше нет. Понимаешь, Кирюха, я здоров, — горячий, не совсем трезвый голос Олега я узнала. Очень хотелось пить и писать. Стала тихонько вылезать из-под теплого одеяла.

— Слава богу, — высказался густой, низкий голос собеседника. Наш хозяин. Местный священник. Отец Кирилл. Однокашник Олега. То ли школа, то ли Академия.

— Что мне делать, скажи, — звук льющейся воды. Какая вода. Самогон. Хруст огурца. Прекрасно слышно через приоткрытую дверь. Я хотела выйти.

— Я зарок дал перед операцией. Если все пройдет удачно, то вернусь к первой жене и сыновьям. К детям.

— Врешь. Твоему младшему уже двадцать пять. Старшему, скоро тридцать. Очень ты им нужен. Опомнись. А она как же? Тоже ведь твоя дочь, — низкий голос говорил монотонно. Перечислял слова и все.

— Да. Удочерил. Ее мать так захотела...

— Ты хоть себе не ври. Трахать тебе ее так удобнее было. Жить вместе открыто. А матери ее плевать на дочь было изначально. Сбагрила тебе и в Европу подалась. Говори!

Долгая пауза. Самогонка льется. Звон стопки о стопку. Выдох.

— Мне бывший тесть позвонил. Вакансия в Штатах открылась. Консульское кресло. Ты же понимаешь, такой шанс не обсуждается...

Удар мужской ладони о стол. Грохот отодвигаемого стула. Бас.

— Вот! Теперь ты правду говоришь.

Снова самогон льется в стекло. Шумно глотнул и закашлялся. Олег.

— А зарок? Я же обещал...

— Кому? Ему? Или ему? — треск рубахи в резком жесте. — Не ври. Самого себя не обманывай. Если бы ты не прикрыл мою спину той проклятой зимой девяносто пятого в Грозном, никогда бы тебе руки не подал. Сижу здесь с тобой, слушаю все это дерьмо, в которое ты превратил свою жизнь. Ладно. Давай спать. Утро вечера, как говорится...

Пришел. Свет не зажигает. Самогоном несет, мама дорогая. Сейчас описаюсь.

— Ты куда? — поймал меня в темноте. Прижал тесно, до боли.

— Пусти. Я в туалет хочу, — я вывернулась, наконец, из тяжелых рук. Тапки нашарила на холодном полу.

— Я провожу, это на улице, — на ногах он точно не стоял. Упал на кровать.

— Как же я там буду без тебя, девочка моя... — пьяные, шумные слезы. Гад.

Глава 23. Вперед

Айк привез Кристину поздним утром в пятницу.

Умирать. Другого слова подобрать я не могла, видя ее сильно исхудавшее черное лицо. Выглядела она ужасно. Но Криста улыбалась блестящими веселыми глазами. Опустилась в свое кресло. И принялась командовать. Погнала нас с Давидом и новой горничной Люсей по этажам убирать, драить, наводить порядок. Никакая добрая сволочь не донесла ей пока про напряги с Кирюшей. Даже у набитой дуры Лариски хватило на это мозгов.

На следующий день она уже раскатывала тесто для пирожков. Кирюша сидел рядом и ел начинку из большой миски. Аккуратно и ложкой. Он все делал обстоятельно и с умом. Теперь понятно, в кого он такой уродился.

— Как тебе Андрей? Понравился? — Вдруг спросила у меня Криста. Я выронила уродский кружок теста, из которого пыталась изобразить основу для пирожка. Нифига не выходит, хоть плачь. Испугалась вопросу. — Да ты не переживай. Я ведь его помню. Гудел он тогда, шесть лет назад, с веселыми девчатами на весь городок. И Кирюха на него похож, как две капли воды. Он приходил ко мне в больницу.

— Зачем? — я не понимала.

Женщина тяжело осела на стул. Сил не хватает, а туда же. Пирожки, хинкали. Но воли ей не занимать.

— Сказал, что хочет признать сына. Усыновить по всем правилам. Это ведь хорошо...

— Почему? — возмутилась я. — А мы как же?

Криста посмотрела в мое сердитое лицо и рассмеялась:

— Привыкла?

Я смутилась и отвернулась. Стала снова пытаться сделать круг из серого от моих тщетных усилий куска теста.

— Выкинь его! — приговорил мои старания Кирилл. Глядел на изделие с отвращением.

— Ну, зачем же? Пирожок получится не хуже других, — Криста сноровисто слепила из моей безнадеги вполне себе приличный пирожок. — Лолочка, дорогая моя девочка, пойми. Я могу умереть в любой момент. Моя сестра от опекуинства отказалась. У нее своих внуков хватает. Ты совсем молодая девушка, зачем тебе этот груз? Выйдешь замуж, нарожаешь своих детей. Андрей хочет взять на себя ответственность за сына. Это хорошо. Всем хорошо. Кирюше в первую очередь. Он ведь его не отнимает у нас. Просто станет главным. Когда вернется, оформим документы, — женщина улыбнулась в мое растерянное лицо и поставила противень в духовку.

Вдруг стало тяжело и скучно. Пусто. Каждый из нас может умереть в любой момент. Никто не знает про себя, как и когда. Никому здесь не интересно, хочу ли я отдать свои права этому решале всех проблем на свете. Морячку из голландского борделя. Даже добрую Кристину не волнует мое мнение. Будто нет меня никак. Везде одно и то же. Стоит расслабиться и открыться, как уже сидят на холке хозяева. Рассказывают, как надо и зачем. Я ушла. Никто не заметил. Была, не была, какая разница?

— Роскошно выглядишь, Егор Аркадьевич! — голос взрослой дамы-терапевта. — Просто отлично!

Я вышла покурить в крошечный дворик позади клиники. Ненавижу подслушивать. Никогда ничего хорошего.

Егор выполнил свою угрозу, притащил на исследование бедное тело мое. Мучали изощренной медициной долго. Приборы, умные взгляды и вопросы.

В открытое окно булькал звук воды в стакан. Сигарету я так и не зажгла.

— Отлично? Спасибо, — Егор усмехался довольно.

— Прелестная мордашка. Рост, кожа, волосы, конечности. Просто модель. Неужели пробило тебя? Влюбился?

— Так заметно?

— Заметно. Я знаю тебя восемь лет. Никогда не видела таким, — в голосе дамы слышалось удивление. И горечь.

— Каким? — мужчина продолжал улыбаться.

— Легким, — шелест бумаги по столу. — Помолодел лет на двадцать. Улыбаешься. Летаешь над грешной землей. Не видела бы собственными глазами, никогда не поверила, что такое возможно с тобой. Поздравляю.

— Я сам себя не узнаю, Ксения. Работа, учеба, работа. Снова по кругу. Значит, влюбленность мне идет? — Егор пробарабанил пальцами по столешнице быстрый, гордый ритм.

— Определенно. Ты неотразим! Я честно за тебя рада. Есть планы? — голос женщины стал осторожным.

— Все может быть, — мужчина явно вспомнил, кто здесь начальник. Сухо и по делу. — Что там в отчете?

Я убралась в кондиционер холода коридора. Умный, честный, влюбленный. Ну, надо же. А мне казалось, что он просто веселый парень.

— Тебе совсем не интересны результаты? — Егор в непривычном белом халате смотрел на меня профессионально заботливо.

Я пожала плечами. Вали, дорогуша, все, что у тебя там есть в папочке на столе. Закрутила загорелые ноги в два привычных оборота. Выпрямила спинку на низком диване в кабинете его распрекрасной клиники.

— Низкий уровень гемоглобина, низкий индекс веса по соотношению... — мне уже доводилось слышать подобное. Олег когда-то устроил мне обследование, когда я грохнулась в обморок в одиннадцатом классе прямо на уроке. В гребаной жизни моей. Не интересно. — Отдыхать. Никаких физических нагрузок. Здоровая пища...

— Я уеду, — сказала я вслух сама себе. Пора.

— Послушай меня, золотце. Это все не шутки, — доктор постучал по пластику файла чистым ногтем. — Сейчас я занят, но планирую отпуск в июле. Две недели. Поедешь со мной в Акапулько? — Егор присел рядом со мной на белый диванчик.

— С одним условием, — ухмыльнулась я. Не хочу.

— С каким? — он потерся носом о мое ухо.

— Горячих черных парней ты мне будешь позволять хотя бы через день, — посмеялась я.

— Никогда!

— ?!

— Не гигиенично! — рассмеялся мне в тон довольно Егор.

Дурачок. Меня уже несло. Неостановимо. Я знала это за собой.

Больше года назад. Гринберг

— А, это ты, — сказал Гринберг, открывая дверь. Заспанный, хмурый и не удивленный.

Я вошла. Дождь скатывался с меха темными каплями на старый паркет. Мишка снял обезображенную шубу с моих плеч. Встряхнул, обдав обоих холодной водой. Повесил на стул в углу коридора.

— Есть хочу. Чем это у тебя воняет? — я, не разуваясь, направилась в сторону кухни. Стучала громко в пол каблуками. Где эта вездесущая гадина, его соседка? Почему не встречает? Скандал. Мерзкий, с вонючим матом где? Хотелось что-нибудь разбить. Злое одиночество пустого терминала в Пулковое зияло во мне брошенной дырой.

— Ладан. Елена Павловна умерла. Вчера похоронили, — сообщил мой друг, идя следом.

— Да ну? — рассмеялась я. — Значит, дух ее вездесущий и беспокойный еще здесь. Станет подглядывать за нами, как обычно.

— Да. Все сорок дней. Проводила? — Мишка открыл холодильник. Спрашивал небрежно, как о неинтересном.

— Да, — ответила я легко. И заплакала.

Он усадил меня на свои тощие колени. Гладил по голове и молчал. Ждал, когда мне надоест лить соленую воду. Я редела долго и с наслаждением. Слезы кончились. Я пошмыгала припухшим носом.

— Все?

— Ага.

— Тогда давай, омлет сделаем, — он хотел встать.

— Да ну его. Пошли лучше спать, — я улыбнулась.

— Как скажешь, — согласился он. Всегда соглашается. Взял меня за руку и повел в свою комнату.

Целовал долго. Нежно. Успокаивал. Не думал о времени и прочих глупостях. Я впервые за много лет нашей дружбы осталась у него ночевать. Некуда мне идти. Мой дом, что выше этажом, перестал существовать. Другие люди бродят по его комнатам. Мне казалось, что я слышу их шаги над головой.

— Расслабься. Не думай ни о чем, — шептал Миша в ухо.

— Там кто-то есть, — высказала я надоевшую мысль. Смотрела в белеющий смутно в четырехметровой высоте потолок. Двигалась под ним на простыне. Туда-сюда. Туда-сюда.

— Нет там никого. Как твоя мать съехала, ни звука. Тишина. Поцелуй меня, — он заткнул меня мягкими губами. Я отвечала ртом в рот. Все его провалилось в меня, как в бездну. Ничего не чувствую. Бездна. Потрудился еще какое-то время и кончил. Хоть одному из нас повезло. Уснуть не надеялась. И отключилась.

— Лола! Сколько яиц? — крикнул мне утром Мишка из кухни.

— Два обязательно! — прикололась я. Замоталась в полотенце и вышла на солнечный свет. Несмотря ни на что, настроение было отличное. Я выпалась.

Утро радовало. Мой родной город забыл сегодня про свой вечный сплин и гранитную хандру. Весна все-таки.

— Давай я женюсь на тебе, — сказал Гринберг, выкладывая на фарфор мою половину омлета. Бело-желтая еда перекрыла красную фигуру красноармейца на тарелке.

— Давай, — согласилась я. — Доедим яйца. Загоним эту тарелку в антикварном на Марата и свадьбу справим! Кто это? Чехонин?

— Белкин. Не увливай, я серьезно, — он зачем-то взял меня за руку. Сел на стул рядом. Четвертое поколение академиков гладело серьезно в мое лицо.

— Я не хочу серьезно, — заныла я, вытаскивая запястье из его пальцев.

— Надо хотя бы иногда быть серьезной. Хватит дурой прикидываться. Провести меня у тебя не получится. Кто-кто, а я тебя прекрасно знаю. Говори, — Мишка определенно желал добыть из меня все, что думаю.

— Ладно. Только, чур, не обижаться, — я откинулась на спинку старого венского стула с имперским двуглавым орлом под задницей. — Готов?

Так он обычно спрашивал меня в конце наших физико-математических занятий перед проверочным тестом. Сегодня настала моя очередь. Секундная пауза. Кивнул.

— Я не могу выйти за тебя замуж по трем причинам. Первая. Ты категорически не подходишь мне в постели. Анатомически не пригоден. Вторая. Я не хочу замуж в принципе. Зачем мне это? Третья. Последняя и самая завиральная. Предполагается. Что женятся по любви. Или по расчету. А мы как будем? По дружбе? — я засмеялась и полезла за сигаретами.

— М-да, нарвался, — протянул Мишка, машинально давая мне прикурить. — Не ожидал.

— На всякого умника хватает мудаты, — философски заметила я, разогнав дым сигареты рукой. Задрала лицо к высокому потолку. Лепнина в углах пялилась на меня равнодушно. — Привет, старая сволочь, Елена Павловна! Я курю в твоей гребаной кухне. Смотришь на меня со своей сковородки?

— Прекрати, — сердито оборвал меня будущий академик естественных наук. — Имей уважение. Все-таки, она мне приходилась бабушкой.

— Бабушкой? — я от удивления дымом поперхнулась. — Я не знала. Лет пятнадцать бываю в твоём доме, и всегда считала ее противной соседкой. У вас холодильники стоят в разных углах. Причем, ее на замок запирается. Она даже в сортир ходила со своим пипифаксом.

— И все же она была матерью моего отца. Дед женился на ней по залету, шестьдесят лет назад. Всю жизнь терпел. И гулял всю жизнь. Вот такая история, — спокойно произнес Гринберг. Думал о своем. — Значит, нет?

— Нет, — улыбнулась я. Встала. Подошла и обняла сзади за плечи. — Ты же не хочешь, что бы я гуляла от тебя всю жизнь?

— Не хочу. Спасибо. В честности тебе не откажешь, — Мишка нашел мою руку и поцеловал. Смотрел грустно. — Поживи со мной, пока все не утрясется.

Я поцеловала высокий чистый лоб. Моя обида на острой границе оскорбления втянулась внутрь и затаилась.

Самолет Олега уже миновал Рекьявик на пути в Штаты.

— Криста, — я только чуть прикоснулась к руке женщины. Утро серело плотными облаками. Ничего, к завтраку распогодится. Шесть утра. Пора. — Я пришла попрощаться.

— Что? Куда? Что случилось? — Кристина села на постели. Смотрела испуганно спросоня. Белое лицо в черных кудрях, слегка измазанных сединой.

— Ничего. Мне пора. Я поеду, — я старалась улыбаться как можно теплее.

— Почему? Ты обиделась? Что случилось? — она крепко, насмотря на растерянность, ухватила меня за запястье.

— Все нормально. Я давно собиралась, ждала только, когда ты вернешься, — я мягко высвободилась.

Кристина включила бра над кроватью. Посмотрела внимательно в мое лицо. Кивнула:

— Да, конечно. Ты можешь делать все, что хочешь.

Не спросила, почему я ухожу так рано, не повидавшись ни с кем. Оглядела с ног до головы. Надела халат и вышла проводить. Пепа с тихим повизгиванием крутилась под ногами, мешала. Кристина наклонилась и взяла собаку на руки.

— Вот возьми, — она протянула мне две красные бумажки. — Скинешь номер карты на мой телефон, я вышлю тебе остаток.

Я не стала отказываться. Я честно заработала эти деньги, так же, как и остальные.

— Спасибо, хорошая моя. Надумаешь вернуться, здесь тебе всегда рады, — она обняла меня на прощание полными руками. Поцеловала, прижавшись мокрой щекой. Перекрестила в дорогу. Пепка ныла и рвалась из добрых рук.

Глава 24. Клоунада

— Хочу колбасного сыра, — сказал один рыжий другому. В углу витрины валялась кучка страшноватых на вид упаковок. Издавала она, не смотря на вид, вполне съедобный запах.

— Если его не употребляли пару раз во всякие места, то сидели задницей на твоём сыре наверняка! — ответил другой рыжий первому. Схватил две штуки и стал ловко жонглировать ими в воздухе. Его брат бросил ему ещё одну, потом ещё. Близнецы.

— Эй вы, клоуны! Верните сыр на место! — крикнула тетка на кассе и погрозила парням кулаком.

Первый рыжий отловил вонючие куски и положил обратно. Один взял двумя пальцами за край. Поймал мой взгляд и подмигнул. Зеленая футболка.

— Брось ты эту гадость, — сказал второй брат, чуть пониже и в синей майке. — Девушка, я вас умоляю, скажите этому рыжему, что это даже собаки не едят!

Они уставились на меня одинаковыми ярко-голубыми глазами в рыжих пушистых ресницах. Смешные русские лица. Бим и Бом.

— Пахнет неплохо, — улыбнулась я. Двинулась вдоль витрины с продуктами.

— Хочешь, угостим? — они пошли за мной следом по магазину.

— Я Каспер, — сунула лицо ко мне справа синяя майка.

— Я Еспер, — слева очутилась зеленая.

— Где же Юнатан? — пошутила я, вспомнив детскую сказку.

— О! Кас, среди нас человек, который в курсе!

— Да! Ес, это судьба! Юнатана нету и льва. Пошли с нами, дорогая, будешь нашим львенком. Или Юнатаном, как захочешь, — братья смеялись открытыми рыжими лицами. Заразительно и безопасно.

На самом деле их звали иначе. Но на эти имена они не откликались уже лет двадцать. Каспер был ниже на пару сантиметров и старше на столько же минут. Еспер казался тоньше в талии и легко соглашался с ролью младшего в этом рыжем дуэте. Они жонглировали всем, что хоть на пару секунд залетало к ним в руки, болтались по всему побережью, зарабатывая этим на частных вечеринках или просто на улицах.

— Мы сделаем трио. Семейное. Ты ведь тоже рыженькая, — говорил Кас, сидя рядом на границе моря и пляжа. Солнечный день парил над всем, стирая морем лишние мысли. Вечная вода ласково и небрежно целовала мои ноги короткими ленивыми волнами.

— Я не умею ничего, — улыбнулась я. Трио. Мы знакомы едва пару часов.

— Я дам тебе маракасы. Будешь ими трясти и пританцовывать, — он положил мне на нагретый живот холодный плоский камешек.

— У меня нет слуха, — на всякий случай предупредила я.

— Это и не требуется. Чувство ритма есть у всех живущих на земле.

Камешек вдруг побежал по моему животу. Я открыла глаза и резко села. Краб, или кто там, не знаю, упал в воду и исчез.

— Он мог меня укусить! — возмутилась я.

— Никогда! Я вырвал ему все зубы по самые коленки, — Каспер осторожно провел пальцем по тому месту на моем животе, откуда, только что, упал краб.

— Кас! — сказал, не открывая глаз, лежащий на мелкой гальке по другую сторону от меня брат. — Да?

— Ну, не-ет, — жалобно.

— Да! — настойчиво.

— Да, — грустно.

— Что это было? — я повертела головой от одного брата к другому.

— Мы зарыли яблоко раздора, — улыбнулся Еспер. Глаз так и не открыл.

— Яблоко — это я?

— Умнейшее, начитаннейшее существо! Прелестнейшее! И зачем я согласился? — притворно или не очень вздохнул Кас. Встал и подал мне руку. — Пойдем, поплаваем, рыбка золотая. Присоединяйся к нам. Отныне мы будем хранить тебя, как сестру.

Он рассмеялся. Напомнил мне своей рыбкой совсем другие глаза. Серые. Нет. Забыла. Кол осинового забил. Ну вот, опять. Тьфу-тьфу-тьфу. Кьш!

Ночь спустилась на землю в один момент. Зажгла фонари и прогнала ветром с моря душный жар ушедшего дня. Отдыхающие меряли набережную двумя живыми полосами. Туда-обратно. Белые штаны, цветные платья. Велосипедисты и дети всех мастей. Дым мангалов, шипение вок, хлопки поп-корна. Какофония треков из каждого заведения рождала свою особую мелодию. Пряно-пошловатую и симпатично-веселую атмосферу дешевого семейного отпуска.

Я притоптывала и трясла маракасами. Братья слажено делали номер под музыку латино. Суббота. Народ собрался на наше представление. Аншлаг, сияли синими глазами Кас и Ес. Мелочь и разные бумажки сыпались в старый футляр от инструмента. Маленькая девочка лет трех с косичками кружилась в собственном танце перед нами. Ее мама с младенцем на руках улыбалась и прихлопывала мирно спящего в этом ночном бедламе малыша по толстенькой попе. Сколько ей лет? Неужели столько же, сколько мне? Девочка заплелась ножками в красных сандалиях и чуть не упала. Какой-то парень в белой рубашке успел подхватить у самого асфальта.

— Чья красавица?

Благодарная мать приняла спасенную малышку.

— Привет, братишки! — он пожал протянутые руки в рыжих веснушках. — У вас трио?

Парень разглядывал меня с откровенным интересом. Во всех возможных смыслах. Среднего роста, стройный, смуглый. Прямые абсолютно черные волосы заложены за уши. Карие глаза смотрят остро.

— Чао, Кот. Это наша сестренка с Севера. Мы работаем, — не глядя, ответил Кас. Собирал цветные мячи в корзинку. Готовился к следующему выходу.

— Я вижу. Молотки! Подгребайте ко мне в Аврору потом. Есть предложение, — Кот не сводил с меня оценивающего взгляда. Водил им по моей фигуре, словно вымерял. Тонковатые губы разошлись в улыбке, сделав лицо некрасивее и проще.

— Костя, — он протянул ко мне ладонь.

— Лола, — я вложила пальцы в его руку. Неожиданно прохладную и сухую. Стоя босиком на асфальте, я, если перегоняла его в росте, то на пару-тройку сантиметров, не больше.

— Приятно познакомиться. Ты тоже приходи. У меня есть отличное белое вино и форель на углях. Угощу тебя с удовольствием, — он держал мои пальцы. Глядел в лицо плотно и

черно. Что увидеть хотел?

— Как ребята решат, — улыбнулась я простовато. Вытащила себя из холодной руки и оглянулась на братьев, как бы ища позволения.

— Ладно, ладно. Потом решим. Работать надо, — сурово ответил Ес, не поворачивая головы к нашей парочке.

— До встречи, — Кот еще раз так же неудачно улыбнулся и скрылся в толпе.

У парапета целовалась парочка. Взасос, забыв весь окружающий мир нафиг. Парень так жался к барышне, что казалось, залезет прямо тут же на набережной

— Эй, пацан! Хочешь, я тебе футляр от маракасов сдам на полчаса? — прикололся над влюбленными Кас. Те не заметили.

Мы собирали небогатый цирковой скарб.

— Лола, сколько тебе лет? — спросил Ес, чиркая зажигалкой возле наших сигарет.

— Все мои, — ухмыльнулась я. Их нежелание разговаривать с брюнетом по имени Кот я запомнила.

— Восемнадцать есть хотя бы? — вздохнул Кас, отбирая у меня сигарету. Затянулся.

— Есть, — я забрала сигарету назад.

— Мы с братом сейчас пойдем в одно неприятное место, где порядочным девушкам, на мой взгляд, делать нечего. Давай пристроим тебя на ночлег вместе с выручкой и вещами. Утром чистым и нежным встретимся вновь, — старший брат мягко обнял меня за плечи, слегка прижавшись бедром в старых джинсовых шортах. Ну-ну. Похоже, картинка с влюбленными не проскочила мимо.

— А Кот? — спросил Ес, ненавязчиво вкладывая в руки брату рюкзак с реквизитом. Тот вздохнул и отлепился от меня.

— Коту скажем, что у нее менструация, — засмеялся рыжий Кас и, не удержав рук, хлопнул меня по попе.

— А сама я сказать ему это не могу? — обещанная форель манила мое голодное воображение.

— Нет. Он проверять полезет. Он такой, — кивнул согласно младший рыжий. И оглядел меня с ног до головы синими глазами. — Ни в коем разе!

— Похоже, вы решили хранить меня не только друг от друга, но и от всего света заодно, — высказалась я.

Кас в очередной раз отобрал у меня сигарету, затянулся по самый фильтр и выкинул в урну.

— Мы этого скользкого гада терпеть не можем. Но он — самый крутой в нашем деле импресарио. Мы о делах перетрем, выпьем пивка и вернемся. Не обижайся, маленькая мышка. Посиди тихонько в норке. Ну, пожа-а-алуйста, — он вдруг бухнулся передо мной на колени и стукнулся лбом в асфальт. Младший брат тут же запрыгнул к нему на шею. Кас медленно под тяжестью выпрямился, и они синхронно-умоляюще сложили руки на груди. Аплодисменты. Старый грузин, хозяин хинкальной напротив, хлопал широкими ладонями.

— Генацвале, найдется у тебя комната для трех удачливых, но очень бедных артистов?

— Найдется, бичо.

— Хорошие у тебя братья, — одобрительно кивнул седой головой хозяин. — Веселые, заботливые. Хорошо, что ты не такая ржавая, как они. В мать пошла?

Я смотрела, как на чистое дерево стола коричневые взрослые руки ставят тарелки.

Горячие хинкали. Сметана и аджика. Зелень и хлеб. Никогда у меня не было братьев. Ни старших, ни младших. А тут за неполный месяц получила второй комплект. Красота! И не важно, что мы знакомы всего три дня.

— Вина?

— Я не пью.

— Это правильно. В твои годы я был пьян без вина. Влюблен был в свою Софику. Десять лет, как Бог забрал ее к себе. Красавица была, не хуже, чем ты сейчас. Хочешь, фотографию покажу?

— Конечно, хочу.

Старик медленно поднялся и ушел в дом. Запах далекого дыма и влажной земли. Оглушительный стрекот цикады, словно прямо под моим стулом. Зеленый, мелкий еще виноград свешивался с железных прутьев перекрытий двора. Две ночные бабочки бились с неистребимым упорством в тело желтоватого фонаря. Где-то наверху заплакал ребенок. Приснилось что-то. Или животик болит от чурчхелы. Криста, Кирилл, как они там, без меня? И Пепа...

— Вот, смотри.

Старое фото. Черно-белое. Прошлый век. Тонкое национальное лицо с плотно сжатыми губами. Характер просвечивает через толщу лет.

— Долго добивались? — улыбнулась я в темные глаза.

— Как догадалась, чертовка? Все вы красавицы одним мирром мазаны, — захрипел грузин старым прокуренным смехом.

— Так сколько же? — не отступала я, видя, что ему приятно вспоминать.

— Год на коленях стоял, пока не сжалилась, — он запил смех домашним вином.

— Го-од! — протянула я в изумлении. Ничего себе!

— А куда деваться? Она была единственная для меня. Руки мог наложить на себя, если бы не согласилась. Так любил. А у тебя есть тот, для кого ты единственная? — хозяин глотнул вина и смотрел лукаво.

— Нет, — я вздохнула. Честно и тихонько.

— Ничего, девочка, он найдется обязательно, — дед похлопал меня по руке шершавой ладонью. — Ты только смотри сама в оба. Не прогляди его за другими-то.

Трах! Грохот падающего тела. Женский смех. Снова грохот, скрип соседней кровати.

— Давай. Раздевайся сама. Видишь, я...

— Да уж вижу.

— Давай вниз, малышка. Бери в рот...

— Че, так сразу?

— Не ломайся, детка, соси.

Я села на кровати. Светлеющее небо в открытом окне рисовало на соседней койке понятную картину. Кто из братьев? Кас. Я научилась различать голоса. Завернулась в одеяло и вышла на воздух. Знакомые звуки подтолкнули в спину. Неуместно и горячо. Дед этот привязался со своей единственной.

— Сигарету дать? — младший брат сидел на лавке возле виноградника. Нога на ноге. Руки скрещены на груди. Бледное лицо в тени широких листьев. Светает.

— Давай, — согласилась я. Скамейка тихо вздохнула подо мной.

Ес прикурил и протянул мне сигарету. Не пьяный. Ну, не так сильно, как братец. Сердце

гнало кровь в пальцы все быстрее. Я невольно раздвинула ноги. До его бедра. Он положил мне ладонь на голое колено. Я повернулась лицом и поймала губы. Всосала в рот язык. Его рука на моих трусах. Моя — на замке его джинсов.

— Погоди, — здравого смысла младшему брату не занимать. В долг может давать его при случае.

Взял меня за руку, привел в какую-то комнату. Гора постельного белья в углу. Прачечная. Я сунулась лицом к его губам. Он прижал ладонью мой нетерпеливый рот.

— Погоди, — повторил он. — Я всегда хотел. Я сам.

Он закрыл дверь на задвижку. Он ногой раскидал белье по полу. Снял с меня одеяло, кинул сверху на барахло. Стянул вверх мою майку. Трусы я хотела снять сама. Он остановил мои руки. Стоял близко и водил пальцем по мне, едва касаясь, словно рисовал. Грудь левая по кругу. Правая. Маленький кружок вокруг соска. Второй. Палец по середине живота вниз. К центру меня.

— Ложись, — улыбнулся в ухо. Стянул, наконец, с меня трусы вон. Лег рядом, корябая нервы одеждой. Повел языком по тому же маршруту. То острым. То широким. То быстрым, то плотным. Дошел до главного, разведя широко мои дрожащие ноги. Пальцы левой руки во мне, быстрый язык на клиторе. Правой расстегнул джинсы и выпустил себя на свободу. Шесть девять. Я обхватила губами гладкую кожу, стягивая одновременно осточертевшие его штаны. Круглая твердая задница. Тут он добился своего. Волна накатила, я едва успела вынуть его член изо рта, чтобы не задохнуться.

— Носом надо дышать, — засмеялся довольно Ес. Сел рядом. Снял с себя майку. Я тоже села, подрагивающая, с дико стучащим пульсом.

— Можно, я потрогаю? — он протянул руку к моей груди.

— После всего, что между нами было, рискни, — рассмеялась я.?

Он стал гладить и целовать. С тем же старым фокусом: сначала медленно, словно пробуя и смакуя, потом страстно, наращивая темп. Я не удержалась. Завалила его на спину и сделала, как хотела.

— Надо выбираться отсюда, люди скоро проснутся, — он целовал меня сзади в шею. Нежно. Обнимал везде. Хорошо.

— Да, — я отсоединилась и встала. Нашла свое белье. Надо уходить. Подставляться перед хозяином дома после вчерашнего разговора не хотелось. Совсем.

— Слушай, — парень смутился и глядел снизу с одеяла в мое лицо виновато.

— Давай мы ничего рассказывать твоему брату не будем, — перебила я рыжего скромника.

— Да! А то он меня убьет, — засмеялся, чуть ли в голос, младший. Гордился собой очевидно.

Младший рыжий клоун явно переоценил свои силы. Тянуло его ко мне, как магнитом. То плечом заденет, то бедром зацепит, то в ухо примется шептать. Поняв к обеду, что я строго придерживаюсь договора, погрузился и отодвинулся. Страдающий похмельем Кас не имел сил замечать глупости.

— Сегодня работаем на частнике. Ес проверь реквизит. Лолочка, мышка моя, раздобудь себе наряд в стиле латино. Придумай, что-нибудь. Я умираю-аю, — он вылил себе на голову остатки минералки из бутылки. Его ночная подруга смылась, пока мы все развлекались кто

как, прихватив мои солнечные очки от Босс. Кас хлопал рыжими ресницами на мое возмущение. Похоже, бурное свидание никак не коснулось его сознания. Он его тупо не помнил.

Большой белый дом в имперском духе. Вроде сталинского барокко. На дворец культуры похож середины прошлого века. Колонны и фронтоны. Позолота и ливреи на людях с доброжелательно-услужливыми лицами. Таксист перепутал, высадив нашу троицу у парадного подъезда. Шустрый парнишка с атлетическими плечами и точкой микрофона у рта быстренько наладил нас за угол.

— Ого! — высказались хором Каспер и Еспер.

Артистического люда на газоне позади дома хватало. Светились местами лица широко известные по ТВ.

— Волнуешься? — спросил Ес на ухо.

— Нет, — улыбнулась я. О чем переживать? О том, что я не в такт ногой переступлю?

— А сцена? Не боишься? — не отступал он. Похоже, что ему просто нравилось так близко щекотать дыханием мою шею.

— Эй, рыжий! Перестань ее накручивать. Делом займись. Руки разогревай, — велел старший брат. Сосредоточен. Уверен в себе. Похмелья, как ни бывало.

— Привет, тройняшки, — возник рядом крутой импресарио. — Красные носы не забыли? Сделайте мне весело, ребята!

— Да, сэр! — братья одновременно кинули руки к рыжим головам. Развернулись, стукнулись друг в друга, упали на спину и сделали обратный кувырок. Густая трава газона отпружинила их, как батут. Улыбки от уха до уха, глаза серьезные.

— Вижу-вижу, вы в отличной форме. Девочка, как твое здоровье? Животик не болит? — Кот подошел ко мне близко. Принюхивается?

— Болит, — сморщила я носик. Похлопала тяжелыми от густой краски ресницами. Артистка.

— Таблеточку выпей, ласточка моя, — ухмыльнулся парень, снова меряя сантиметр за сантиметром мою фигуру в красном, коротеньком платье с оборками. Ничего более латинистого мне отыскать на местном рынке не удалось.

— Надо репетировать, — сухо сказал Кас, вставая между мной и Котом.

Тот кивнул, снял свой черный взгляд с меня и пошел дальше. Здоровался поминутно с разной долей превосходства. ТВ-звезды жали уважительно его холодную руку.

— Нацелился, сука, — зло сказал Каспер, доставая корзину с яркими мячами. — Лола, не отходи от нас ни на шаг.

— Облезет, сволочь, — кивнул согласно Ес. — Будь рядом, дорогая.

Мы работали на круглой невысокой сцене перед столами гостей. Кто там и как пил и ел, не видно за цветными фонарями рампы. Да что мне там разглядывать? Я приплясывала положенные пассы под щебет маракасов. Принимали благосклонно. Известный всем и каждому, ведущий отпускал удачные и рискованные шутки.

Кот поймал меня на выходе из туалета. Втолкнул жестко обратно, закрыв собой входную дверь. Улыбался. Некрасиво и похабно.

— Детка, давай дружить, а? — он схватил мою ладонь и прижал к своему паху. Я задергалась. — Обожаю, когда девушка не хочет!

Железными пальцами взял за шею и притянул к лицу. Тонкий, жесткий рот. Острые зубы

впились в нижнюю губу. Больно! Кровь солью смешалась со слюной. Я уперлась руками в твердую грудь. Он держал меня за губу, как собака. Холод металла на щеке. Острие уперлось в нижнее веко. Я замерла.

Кот выплюнул кровавую жижу на пол. Усмехнулся черными пустыми глазами. Кривил безобразную улыбку.

— Не дергайся, красивая моя. Порежешься, — он сильнее прижал бабочку к коже. — Давай сама, шевели ручками. Доставай и залезай. Ну!

— У меня... я... — слезы выползли сами, никто их не просил. Трясло.

— Я люблю с кровью. Береги личико, давай, — он облизывал губы и ухмылялся кровавым ртом. Еще чуть и кончит без меня, до того упивается раздавленным моим страхом. Я дрожащими руками пыталась справиться с кожей ремня на поясе. Не получалось. Музыка глухо стелилась из зала знаменитым сладким голосом. Для тебя рассветы и туманы ...

— Ну! — он дернул животом, больно ткнув в меня пряжкой через тонкое платье. Жало ножа потянулось к левому зрачку. Свет лампочки играл на острие. — Нарисую тебе сейчас крестики-нолики. Крестики на щечках, нолики на глазках...

Дверь резко бросила нашу пару к противоположной стене. Нож где? Чужая рука в черном костюме выдернула меня из тесноты туалета в коридор. Снова болезненный захват запястья. Я затрепыхалась в последнем отчаянии.

— Тихо, девочка, не бойся, — сказал огромный незнакомый дядя. Сердце хотело выпрыгнуть через горло. Гремело, как сумасшедшее. — Ты в безопасности.

Дверь дернулась открыться. Кот безумным чертом возник в проеме. Короткий удар в черные глаза. Хлопок двери. В плохо освещенном коридоре стало тихо. Всплеск далеких аплодисментов. Для тебя... Бис.

— Здравствуйте, Лола. Все хорошо? — Гуров шел ко мне из глубины. Я упала в знакомые руки и разрыдалась. Рада была ему до соплей.

Он привел меня в какую-то комнату, усадил на диван. Я прятала лицо в его плечо. Гуров ждал, когда успокоюсь. Терпеливо обнимал левой рукой. Сидеть неудобно. Я отклеилась.

— М-да, — сказал он без улыбки. Протянул очередной настоящий платок. — Я видел ваше выступление. Не знал, что ты артистка.

Не шутил явно. Я поглядела на несчастную ткань, оторвав от лица. Кровь, слезы, сопли. Его запах, всегда не оставляющий меня равнодушной.

— У меня самолет через три часа. Что я могу сделать для тебя? — услышала я серьезный голос взрослого человека.

— Не знаю, — я разочарованно вздохнула. Три часа. В самом деле, что?

— Тебе нужны деньги?

— У меня есть. За помощь спасибо, — я встала и подошла к черному стеклу больших, в жирных дубовых завитушках дверей. Отражение не радовало. Изуродованная нижняя губа распухла. Темные пятна на щеках, шее, даже на лбу. Вертикальная царапина от левого глаза вниз. Кровит. Воняет.

— Где ты тут живешь? — спросила. Было бы неплохо...

— Уже нигде, — ответил. Холодно и равнодушно. Понятно.

— А, — сказала я. И пошла на выход. Рыжие клоуны меня ищут. Хотя, кто их знает? Где-то рыскает кровопийца Кот. Не убил же его насмерть мой спаситель.

— Сядь, — приказал Гуров с дивана.

Я села. На стул у двери.

— Мне все это не нравится. Твое клоунское выступление, этот наркоман с ножом в туалете. Как можно докатиться до такого? Может быть... — он вдруг замолчал. Решает опять что-то для себя или слова закончились? Интересно.

Гуров встал. Прошелся по ковру. Туда-сюда. Правая ладонь сжалась в кулак. Потом расслабилась. Потом снова напряглась. Полезла во внутренний карман пиджака. Портмоне. Деньги.

— Вот возьми. Мне не нравится твое кривлянье в подобных компаниях! — он не кричал. Тихо говорил, но ощущение крайне схожее. Он ревнует, дошло до меня запоздало. Да, обалдеть!

Гуров стоял в центре комнаты. Правая рука с деньгами повисла в воздухе. Я встала, подошла к нему вплотную.

— Резинка есть? — спросила, ухмыляясь распухшим ртом. Кровью несло от меня, как от вампира.

— Нет! — резко ответил он. Отвращение еще не поймало его, но было близко.

— Не планировал приключения? — я взялась за пуговицу его брюк.

— Нет, — он, против воли, явно сдавался. Я видела. Стал мягче подбородок. Глаза испуганно сбежали в сторону. Я пихнула его лапкой в сторону знакомого дивана.

— Лола.

Я заткнула его поцелуем. Он сел и закрыл глаза. Я залезла верхом.

— Гуров. Глаза открой, — ухмыльнулась я. Оттянула вниз оборку широкого ворота платья. Моя грудь в балконе черного бюстгальтера нагло смотрела ему в лицо.

— О, господи, — улыбнулся он. Глянул в лицо и сразу помрачнел.

— Три часа. Неплохо, — рассмеялась я. Полезла в штаны. Там меня точно ждали.

— Перестань. Не надо, — Гуров собрался и снял меня решительно с колен. Проверил пуговицы коротким движением на брюках. — Здесь не место и не время. Я звонил в отель. Мне сказали, что ты уволилась и уехала. Почему?

Я отвернулась. Села к нему спиной совсем. Пальцы заметно дрожали, когда натягивала платье на место. Придурок Кот все же дотянулся до меня своим кровавым концертом. А лощеный генерал вместо дела желает вопросы задавать. Почему мне все время попадают либо насильники, либо умники? С лицом у меня, видимо, что-то не так.

— Лола, — Гуров напомнил о себе.

— Решила сменить обстановку, — ухмыльнулась я нахально в серые глаза генерала.

— Почему? — он не отступал. — У тебя возникли проблемы? Почему ты сбежала? Почему не обратилась ко мне? Я ведь постоянно предлагал тебе свою помощь. Мне казалось, что мы друзья.

— Да какая теперь разница? Все нормально. Поцелуй меня, — я сделал вторую попытку дотянуться до него. Он поймал мою руку в полете, больно прижав кожу запястья.

— Ты б..! — мужчина оборвал себя, в который раз, укротив гнев. Успокоился. — Тебе нужно умыться. Мой человек проводит тебя.

— Спасибо, — перебила я его уверенный тон, растирая покрасневшую руку. Почему так больно всегда? — Я знаю, где здесь туалет. Справлюсь.

— Я видел, как ты справляешься. Пойдем, — он решительно взял меня за локоть и повел в противоположную сторону.

Роскошный сортир для дорогих гостей. Унитаз, биде, раковина потерялись в просторах

сине-золотого интерьера. Большое овальное зеркало в бронзовых розах литья. Бронзовые розы, ну надо же! Низкий диван голубого бархата, вызвавший из памяти дурацкое слово «козетка». Гуров остался у дверей. Стоял, скрестив на груди руки. Смотрел, как я, спустив на талию красное платье, умываюсь теплой водой в широкой раковине. Ничего не говорил. Сверлил холодным взглядом мою неприкрытую спину. Неуютно. Поймал глаза в зеркальном полотне. Смотрел серо и глухо. Не двигался. Я подошла сама. Хотела дотянуться губами до лица. Его запах манил меня по-прежнему. Мужчина отстранился и выпрямился.

— Вот возьми, — он взял мою ладонь и вложил в нее деньги. Я не сопротивлялась. Не драться же с ним, на самом деле. Улыбнулась открыто. Прикрыла веки. Поцелуя ждала.

— Мне показалось, что ты совсем другой человек. Я ошибся. Прощай, — Гуров первым вышел за дверь и исчез на господской половине.

— Где ты была? — рыжие братья обступили меня у выхода на улицу. — Мы обыскались. Почему ты мокрая? Что с лицом?

— Все нормально. Знакомого встретила, — я пыталась прятаться в тень обвалившейся южной ночи.

— Кота Скорая увезла. Набил хороший человек морду этому уроду. Жалко, что не до смерти. Пошли! — они тянули меня в сторону ярко освещенных накрытых столов на все том же газоне заднего двора. Специально для артистов. ТВ-элита ужинала в барских покоях.

Я не хотела есть. Хотела исчезнуть. Совсем. Руки дрожали. Левый кулак разжать не могла. Никак.

— Может быть, уйдем? — моя неслышная просьба утонула в веселье рыжих друзей.

— Смотри, какая классная жратва! Налетай! — Кас и Ес быстро навалили мне разноцветной снеди в тарелку.

— Вина?

— Нет. Я не хочу пить, — отказалась я. Нет.

— Что с тобой, мышка? — Кас заглянул близко мне в лицо. Дышал пивом и едой.

— Ничего, — я откинулась на спинку пластикового кресла, втянула в рот распухшую губу. Чтобы не заплакать.

Что со мной? На душе было пусто и мерзко. Я — совсем другой человек? Не тот, каким меня воображал этот нудный Гуров? Я такая, какая есть. Я не отвечаю за фантазии генералов. Он бросил меня. Вышвырнул от себя вон. В единый миг и навсегда. Ушел, не оглянувшись. В платье от Биркин я ему подходила больше, чем с клоунскими маракасами и блядской прокушенной губой. Деньжат подкинул напоследок. Расплатился. Я, наконец, разомкнула пальцы левой руки и выбросила деньги на стол.

— Ого! Не худо ты заработала за час, — засмеялся Каспер. Его брат смотрел на меня застывшим взглядом. Ждал ответа и заметно бледнел.

— Ничего такого. Это старый долг, — я поспешила убрать купюры в карман. Гуров увеличил свой забытый гонорар впятеро. Оценил в полтос. Все, что было. Тоскадушным сигаретным кольцом сжимала горло. Хотелось разреветься до прозрачных звезд под веками. От идиотской бессильной обиды. Давно я так не подставлялась. Поверила, сама не знаю во что.

— Водки дайте, — попросила я.

Мы нажрались в хлам и занимались любовью втроем возле моря на холодной гальке черного пляжа. Не помню, как и сколько раз.

Глава 25. Искусство говорить «нет»

— Вообще-то, девушка, вы нам не подходите. Но за неимением гербовой, пишут на простой, — заявила дама, принимая меня на работу. Невероятно полная, с бюстом таких размеров, что глазам отказываешься верить.

Я опустила голову, пряча улыбку. Конкуренции здесь не было никакой. И быть не могло. При такой зарплате.

— Я поеду, — сказала я близнецам на утро.

Наша похмельная компания выпросила кофе в спящей кафешке на берегу. Пенсионеры и физкультурники увлеченно встречали солнце пассами утренней зарядки. Чайки охотились в тихой воде. Корабли стояли на рейде в прозрачном горизонте. Свежо. Я, закутанная в рубахи близнецов, глотала обжигающий кипяток, щедро сдобренный растворимым кофе и сахаром.

— Угораздило же, — хмуро высказался Кас. Сел верхом на лавку справа от меня. Левая рука на спинке, правая на столе. Водит пальцем по краю дымящегося стакана. Сквозь виноватую печаль явно просвечивает довольная сытая радость. В первый раз у них такое? Врядли.

— Да ладно тебе, — я отвернулась от его глаз. — Все этого хотели.

Было и было. Прошло. Пора разбежаться. Слева оседлал лавку другой рыжий. Правая рука на спинке, левая на столе передо мной. Кольцо.

— Не уезжай, — попросил младший брат. Обнял меня за плечи.

— Руку убери. У нас договор, — тут же отреагировал старший. Напрягся.

Надо уходить. Точно надо.

— Мальчики, не ссорьтесь, — миролюбиво проговорила я. — Никакая женщина не стоит мужской дружбы. Поверьте мне, как женщине.

Я засмеялась, вытащила сигарету из пальцев Каспера. Пора. Быть пресловутым яблоком раздора для двух рыжих братьев я совсем не желала. Отнюдь. Пустота внутри, что организовал мне серьезный генерал, никуда не делась. Кьш!

— Работаешь? — услышала я в бессчетный раз.

Зря смеялась над фразой администратора. Толстая Роза оказалась права до невозможности. Выглядела я у подъезда отеля неуместно, чересчур длинно и не по правилам. Во-первых, девушка. И, во-вторых, и в-третьих. Униформа не спасала никак. В мою тощую фигуру не верили мамы семейств на коровообразных кроссоверах, не желая доверять ключи. Предпочитали корячиться собственноручно в заковыристой географии подземной парковки. Девушек-подруг важных дяденек в седанах я откровенно раздражала. Сильный пол на серьезных машинах я приводила в замешательство, пробуждая желание удочерить и поиметь на всякий случай. Или хотя бы попытаться. Но только не позволить мне парковать свое дорогостоящее чудо. Водитель я нормальный. Четыре года на этой автомобильной свадьбе. Если бы не навык, то вылетела бы уже через час с работы, как пробка из пресловутой бутылки.

Снять меня вечерами пытался каждый, если не второй, то четвертый. Просто несчастье какое-то. Раздражало повышенное внимание меня зверски. Но я терпела. Не в зарплате дело. Деньги есть. Я тупо не желала оставаться с собой наедине. Дурнотная тоска, крепко

застрявшая во мне третьего дня, не отпускала. Присела на сердце нелепым, острым сожалением. О чем? О несбывшемся. О том, чего на самом деле не было, и быть не могло.

Я тряхнула головой, прогоняя осточертевшие мысли.

— Ты уберешь машину на стоянку или мне самому? — сердитый голос вернул меня к действительности. Ошиблась, ну надо же.

— Да-да, конечно, — я низко опустила голову и двинулась к машине.

Седан вольво. Коряво стоит. Водитель, видать, умелец еще тот. Туфли оксфорд. Брюки со стрелками. Взяла ключи из руки в рыжей гловелетте. Надо же, не жарко ему в коже.

— А мужчины-парковщика нету? — растерянный вопрос.

— Не любите женщин? — я резко подняла лицо в упор на говорившего. Достали, ей-богу!

— Люблю, — растерялся мужчина. Русый, не лысый, без бороды. Лет сорок. Испуганный. Поло от Лакост.

— Не переживай, дядя. Я доставлю твою ласточку в лучшем виде, — с интонацией извозчика посмеялась я.

Старый туксон с помятым правым задним крылом припыхтел ко входу. Молодая женщина за рулем. Три детских кресла с разновозрастными отпрысками. Это недешевый отель. Категория автомобиля слабо вписывалась в здешнее меню. Дети, к тому же.

Женщина вышла, оставив ключи в замке зажигания. Дети. Самый младший приклеился на грудь. Средний ухватил маму за широкую штанину. Старшая девочка уверенно впереди матери вошла в зеркальные двери. В машине пахло тем самым непередаваемым детским запахом и яблоками. И старым пластиком салона. Швейцар дядя Гриша поволок к лифту чемоданы.

— Лола, не в службу, а в дружбу. Слетай в третий люкс, что-то им там нужно, — попросил пожилой мужчина, вернувшись на пост у входных дверей. Я кивнула. Моя смена закончилась пять минут назад. Мне не трудно.

Знакомая компания. Самый мелкий утюжит ладошками и коленками палас. Двое других внимательно глядят в телешоу. Все едят кукурузные хлопья и молоко. Причем, младший прямо с пола, зажав соску бутылки в зубах, как сигару.

— Мы оплачивали детскую кроватку, а ее нет, как нет, — сообщила мамаша, не прерывая телефонного разговора. Зажав аппарат между ухом и подбородком, она решительно мешала что-то белое в кастрюльке. Кухня в номере — весьма распространенное явление местного вип-дизайна.

— Да, мы прибыли. Все отлично. Все нормально себя чувствуют. Передай своему братцу, что он козел, — услышала я на выходе.

— У вас нет услуги няни? — спросила у меня мать семейства, когда дядя Гриша ушел, втащив в боковую спальню громоздкую детскую кроватку.

— Сегодня вряд ли. Слишком поздно. Завтра можно попробовать найти, — улыбнулась я, глядя, как она перекладывает уснувшего на ковре малыша. Кирюша, как ты? Мелькнула теплая мысль.

— Натусик, посмотри за братьями. Я ненадолго уйду, — женщина не стала проверять, что и как ответит ей старшая дочь. Та, с привычным спокойствием переместилась с дивана на пол у границы между детской теперь комнатой и общим залом. Скрестила ноги по-турецки на коротком ворсе паласа. Ела медленно хлопья и смотрела в телек.

— Пошли, составишь мне компанию, — велела решительная женщина, и мы отправились к лифту.

— Устала, — сообщила мне моя спутница, опускаясь на лавку ближайшего ресторанчика. Шашлык, море, ночь. Все как всегда. Хорошо. — Две тыщи верст отмахала.

Я кивнула. Знала по себе, что это такое в один руль. Спина, наверняка, отваливается.

— Катерина, — она представилась, протянув мне узкую сухую ладонь. Твердая и резкая в ярком платье цвета лайм.

Я пожалала и назвала себя.

— Смертельно хочу шашлыка. Детям нельзя. Хоть сейчас наемся, пока спят. И кружку пива, — она рассмеялась хриплым смехом. Над собой.

— Куришь тоже втихаря? — улыбнулась я.

— Да. Приходится. Мой первый бывший — борец за ЗОЖ. Это он оплатил гостиницу и отпуск. Узнает, что курила при детях, вони не оберешься, — Катерина обеими руками притянула к себе блюдо. Мясо, овощи, зелень. Аджика в широкой плоске. Тонкий пергамент лаваша. Пиво в запотевшем бокале.

— Сколько их было, твоих бывших? — интересно. Я оторвала полоску хлеба. Макнула в аджику. Острая.

— Официально? Все трое. Алименты платит только один. Отец Наташи. Два других только обещают, — Катерина ела с удовольствием. Не спеша и с чувством.

— Девочки! — сунулся к нам, было, чей-то национальный нос.

— Пошел в жопу, — беззлобно отправила его вон распорядительная Катя. — Я сама на четверть армянка, но курортную эту братию терпеть не могу.

— Это от того, что у тебя уже трое детей. Наотдыхалась? — засмеялась я. Взяла аккуратно вилок самый маленький кусок мяса. Надо есть.

— Шутишь? Дети — это лучшее, что есть у меня. Их отцы, правда, не идеальные образцы, — Катя громко расхохоталась нелепой рифме. — Но я со всеми ними дружу. Папин день соблюдаю регулярно. Ну и деньги на деток отжимаю, как могу. Они все нормальные парни. С работой им, правда, не всегда везет. Слушай, зачем мы влезли в эту тему? Ну, ee! У тебя тут компания есть?

Катерина смотрела на меня с некоторой надеждой. Я вздохнула:

— Нет. Я только третий день здесь живу. Не знаю никого, — и, слава богу, могла бы честно добавить.

— Вот и отлично! Пойдешь со мной завтра на праздник. Я обязана присутствовать. А ты поможешь мне, побудешь няней. Подзаработаешь. Деньги тебе, наверняка, нужны, — она оглядела придирчиво мой демократичный джинсовый сарафан. Кивнула своему выводу.

Я сделала глоток колы и согласилась.

— Это никуда не годится! — заявила на утро Катерина.

Я явилась пред ее светлые очи, как было условлено, в девять утра. Короткая юбка и топ. Балетки на ногах.

— Сейчас я тебе что-нибудь подыщу, — Катя зарылась в недра шкафа. Говорила оттуда, не оборачиваясь. — Мы идем на большой детский утренник. Будет вся местная бабская элита. Жены и подруги с детьми и собачками, нянями и гувернантками. Выставляются друг перед другом, кто во что горазд. Я веду колонку в Большом Женском журнале, поэтому

следует соответствовать и выглядеть столично. Недешево, надежно и практично. Вот!

Она протянула мне белое льняное платье. На хозяйке оно, наверное, уходило в пол. Мне пришлось на середину икры. Мешок с рукавами. Удобно.

— И поясок, — Катерина подвела меня к зеркалу. Длинная белая фигура перерезанная по центру зеленым кушаком. Загорелые руки, ноги и шея вызывают в памяти чернокожих горничных с плантациях рабовладельцев южан из старых фильмов.

— Волосы оставим, как есть, — моя нанимательница обошла меня кругом. — Губы подкрась и двинули. Какая ты высокая. В модели не пробовалась?

— Нет. Я уже старая для этого, — я улыбнулась, расчесав волосы пальцами. Отросли ниже плеч, вились беспардонно в разноцветные локоны.

— Это точно. Сколько тебе? — Катя подняла с пола разряженного в матросский костюмчик сына. Протянула мне.

— Двадцать два, — усмехнулась я, припомнив запись в паспорте. Малыш легко пошел мне в руки. Привык к няням.

— Да ну? Никогда бы не дала, хотя у меня с женской атрибуцией всегда нормально было, — женщина решительно, как все, что делала по жизни, повела свою армию к лифту. Ее слишком узкий и слишком алый костюм смотрелся бы вульгарно, но яростная независимость, жестко окружавшая ее и всех, кого она брала под крыло, затыкала невидимых зрителей бесповоротно. Я с детской сумкой на плече и малышом на левом бедре пошла в арьергарде.

Газон размером с футбольное поле. Белые палатки спасают гостей от плывущего все выше солнца. Детские разноцветные увеселения. Аниматоры и неслышные официанты. Дети. Девушки от пятнадцати до ста. В красивом или элегантном, кому как повезло. Мужчины бородами и скучающими лицами светятся, как редкие животные на планете женщин. Я в сотый раз представлена очередной материнской банде как столичная заклинательница младенцев.

— Я не держу у себя нянь моложе сорока. А вы рискуете? — ухоженная брюнетка вежливо ткнула французским маникюром в ножку малыша на моих руках. Он заснул благородно в этом жарком раю. Весил он прилично. Мои привыкшие к подносам руки держали ребенка крепко. Сесть хотелось безумно.

— Мне не о чем переживать. Мужчины в моем доме — вещь преходящая, — посмеялась Катерина. — Лола, дружок мой, вон в той палатке есть кровати.

Снова глупая рифма. Ее манера высказываться мне определенно нравилась.

Я с облегчением пристроила ребенка на диван в тихой заводи самого дальнего шатра.

— Где здесь можно покурить? — тихонько спросила у дородной женщины в белой униформе.

— Увы. Нигде, — улыбнулась она. Посмотрела в мое грустное лицо. Поколебалась. Рабочая солидарность сообщества нянь победила. — Иди вон туда, за палатку с едой. Я присмотрю за твоим питомцем.

Между забором и полотняной стеной сновала деловитая обслуга. Пара-тройка затяжек возле белой железной бочки и стремглав обратно. Старшая дочь Катерины весело болтала с красивеньким подавальщиком в униформе. Белый цвет царил над всем, лживо уравнивая это все. Наташа. Скоро тринадцать. Мне не понравился взгляд, каким она улыбалась парню.

Веселая провокация. Невинная и откровенная сразу. Я сама начала во столько же.

— Ой! — Ната выбросила сигарету в урну, заметив меня. Глянула притворно-испуганно и убежала прочь. Ее кавалер обернулся и рассматривал меня с известным интересом.

— Ты няня? — он чиркнул зажигалкой. Растянул красивые губы в улыбке.

А кто же еще, кретин? Первая статс-дама? Я отвернулась.

— Игорь, — он подошел вплотную.

— Отвали. Увижу еще раз возле девчонки, вылетишь с работы на раз-два, — я не стала оборачиваться.

— Пф! Не очень-то хотелось. Я малолетками не интересуюсь. Приходи вечером сюда, пообщаемся, — он попытался дотронуться до меня.

Я передернула плечами. Нет. Выбросила окурочек в ведро с водой и пошла обратно.

Дальний шатер вдруг вспыхнул, как факел. Бешено красиво и страшно. Боже! Я понеслась туда. Внезапный ветер раздувал яркое пламя огромным безумным пузырем, сжирая плотно палатки с яростной скоростью. Ор поднялся мгновенной истерикой. Я споткнулась о низкий бортик фонтана и упала в неглубокую воду. Вперед! Ни о чем я не думала. Только бы успеть. Знакомая толстуха в униформе выла у кромки огня, как пожарная сирена. Наплевав на все, я натянула на голову мокрый подол и метнулась в горячую прореху. Малыш не шевелился в клубах сизого дыма. Пластик душил невозможной вонью. Умер? Схватила и вылетела назад. Рухнувшая палатка выдохнула жарко в спину.

Он даже не проснулся. Дышал у моего загнанного сердца ровно. Тук-тук-тук. Какой-то мужчина резко спросил:

— Еще там люди есть?

— Нет-нет. Только этот, — тетка пришла в себя. Размазывала черную сажу по мне сухим бесполезным полотенцем. Охрана уродовала все вокруг пеной огнетушителей. Остальные участники праздника проверяли себя и знакомых.

— Как ты могла оставить ребенка? — брюнетка с маникюром подобралась ко мне сзади. — Ты преступница!

— Я? — я, наконец, пришла в себя и огляделась. Тут проснулся малыш. Заорал во всю глотку, требуя маму и еду. Пах, как не прожаренный шашлык.

— Тебе доверили ребенка! Ты бросила его в опасности! — не отступала дама.

— Я? — повторила я растерянно, как дура. Местное население собралось вокруг нас тяжело пыхтящим животным. Сообразило: вот же оно! Виновный в жутких событиях нашелся. Спустило себя с поводка. Сожрать! Содрать кожу заживо! В костер!

Мальчишка орал. Бабы всех возрастов подхватили его голодный вой. Вспомнили все слова, что учили в детстве. Поперли. Кольцо вокруг меня сжималось. Бледные, испуганные до ненависти морды с яркими губами. Я трясла ребенка, как грушу и пятилась к сгоревшей палатке.

— Дамы! Успокойтесь. Возгорание ликвидировано! Все хорошо, что хорошо кончается. Мы во всем разберемся. Все хорошо, — высокий мужчина прорвался ко мне сквозь осатаневшую толпу. Загородил собой. Приятный баритон с непонятым акцентом. За ним влезла сердитая Катерина.

— Так! Что за крик? Вы испугали моего сына. У него стресс! Это моя няня и я сама решу, что с ней делать! — чеканила она резким хриплым голосом, забирая у меня ребенка и тут же, без всякого стеснения, расстегнула жакет, прикладывая орущего младенца к груди. Тот

заткнулся и зачмокал. Воцарилась долгожданная отрезвляющая пауза. Кошмар вокруг завис. Застыл на одной ноге.

Меня вдруг крупно затрясло. Я вспомнила. Черные точки парящей копоти. Схлопывающийся, жирно-красный потолок шатра за спиной. Жар и вонь. Удар в лицо травы газона. Больно! Все.

— Ну, что прикажешь теперь с тобой делать? — смеялась Катя. Смотрела, как я люблюсь в отражении синяком на лбу. Приложилась, свалившись в обморок. Ожогов вроде нет. Я распахнула полотенце на себе и попыталась оглядеть спину в большой зеркальной двери шкафа-купе. Мы вернулись в гостиницу.

— Медаль придется выдать. За спасение на пожаре, — прикололась я. Спина белела нетронутой кожей.

— Кхм! — раздался мужской звук. Смущенный и баритональный.

Я запахнулась в полотенце и обернулась. С низкого дивана у входа в номер поднялся мужчина. Тот самый, что пытался днем прикрыть меня от сумасшедших баб.

— Отец Честер, — все тот же акцент.

— Чей отец? — не поняла я.

— Ничей, дурочка. Чез — священник. Англичанин. Мой старинный друг, я год назад жила у него в лондонском доме. Теперь он приехал в гости. Учит русский, готовится... К чему ты там готовишься, Честер? — Катя подошла с длинным халатом в руках. Накинула на мои голые плечи.

— Я должен принять приход в церкви Святого Андрея, но это еще не точно, — смутился мужчина. Отвернулся, чтобы не смотреть, как я переодеваюсь. — Пока учу русский язык.

Это кстати. Английского я не знаю. Внутри стало знакомо тепло. Голос у священника был потрясающий. И сам он производил впечатление. Особенно губы. Чувственные. Четко обрисованные по контуру. И скулы. Резковатые, по-мужски жестко выступающие вперед. Глаза бледные в светлых, беззащитных ресницах. Ох!

— Вы женаты? — спросила я, не подумав.

— Нет, — сразу ответил мне он. Смотрел с отчаянной растерянностью.

Я даже не уловила момента, когда его губы нашли меня. Наверное, это случилось посередине чьей-то фразы. Катерина исчезла незаметно, отчаявшись продолжить разговор. Свет в комнате погасила. Чтобы дети, если вдруг проснутся, не увидели наши бесконечно целующиеся тела. Голодно и сладко врастающие друг в друга.

Невозможно мягкие нежные губы. Чудный голос, бормочущий что-то на родном языке. Я прижала слегка коленкой его напряженный конец под хлопком брюк, взялась за пряжку ремня, хотела выпустить на свободу. Мужчина замер на мгновение. И очнулся.

— Нет, — сказал он тихо сам себе. Улыбнулся виновато в тихом, едва нарождающемся утре. — Прости. Ты очень красивая девушка, Лола. И очень храбрая.

Честер аккуратно снял с себя мои руки. Поцеловал покаянно одну ладонь за другой. Отошел к окну. Поправил незаметно замок на черных брюках. Его желание рвалось ко мне не легче, чем я к нему. Я видела.

— Не убегай, — попросила в светлые сумерки. Четыре утра. Моя нервно подрагивающая похоть тянулась к нему лиловым щупальцем. Звала.

Он сел на подоконник возле сетки открытого окна. Вынул сигареты:

— Можно?

Я вылезла из глубин белого дивана. Запахнулась надежно в длинный халат. Притулилась рядом с его бедром в паре сантиметров. Не прикасалась. Закрутила ноги в два оборота.

— Дай и мне.

— Без фильтра.

— Плевать.

Мы курили, молча, дешевый астраханский табак. Снимали с губ приставшие крошки листьев пальцами. Я не выдержала.

— Почему нет?

Он улыбнулся. Повернул ко мне бледное лицо. Солнце было близко за тонкой линией сегодняшнего дня.

— Седьмая заповедь, — он смотрел на меня, как на ребенка. Доброта и сочувствие. Наваждение похоти уже не мешало ему. Он его перешагнул.

— Ничего не знаю про это, — я отвернулась. Переложила короткую сигарету из одной дрожащей руки в другую.

— Не сердись. Я не умею так, как ты. Не могу.

— Как? — я не хотела знать и слушать дальше. Сейчас начнет вещать про первых встречных. Злилась. Чувствовала его спокойную улыбку на своей щеке.

— То, что сейчас между нами — это грех для меня. Я ведь верующий, обязан соблюдать заповеди. Седьмая так же свята, как и остальные. Бес сегодня попутал, как у вас говорят. Извини. Спасибо, что приняла мой отказ. Прости, что не справился с собой сразу и втянул тебя в это, — англичанин находил слова легко, просил прощения естественно, как дышал. Мне бы так.

Моя похоть с проклятыми алиными глазами испуганно заползла внутрь. Легче мне от признания отца Честера не стало. Сделалось хуже. Вылез на ум чертов Гуров со своими словами и деньгами. И остальное разное, запрятанное далеко и надежно, готово было жирной копотью просочиться наружу. Нет! Я хотела встать и уйти. Чез удержал меня за руку.

— Мы не с того начали наши отношения.

Давай попробуем заново. Я свободен. Ты очень нравишься мне. Если честно, то я давно ничего такого не испытывал. Поэтому я хочу спросить. Мне важно знать. Не хочешь, не отвечай. Ты любишь? Есть человек в твоей жизни, которому ты отказать не можешь? — он своим чудным тембром, словно теплой ладонью, касался моей растрепанной души. Исповедник.

— До фига таких. Я мало кому могу отказать, — я врала грубо. И он это видел.

— Зачем ты так говоришь? Это ведь неправда. Расскажи, если хочешь, — он протянул мне новую сигарету.

— О чем? — я отказывалась откровенничать.

— О чем хочешь.

Я замолчала. Священник не торопил. Ладно. Затевать с ним эти самые отношения не собиралась вовсе. Не хочет играть по моим правилам, да и не надо. Но не уходила. Отчего-то послушно прикурила новую сигарету от старой.

— В твоей церкви Святого Андрея можно молиться об Андрее?

— Конечно.

— О том, что бы он был здоров и всегда возвращался домой, живой и невредимый?

— Да. В любом храме можно просить об этом.

— Я не люблю его. И он меня не любит, — я проговорила то, что думала. Всегда. Вслух, наконец-то.

Пауза. Молчит и ждет, что скажу дальше. Пусть.

— Вот ему я отказываю. Всегда! Да! Я отказываюсь терпеть такую власть над собой! Не хочу. Нет, — я отвернулась к холодному стеклу окна. Прижалась горячим лбом. Слезы, вечные предатели, полезли из-под век. Пожарная беготня и божественные выкрутасы души-викария выбили блок на моей защите.

— Почему? — простенько и даже как-то невинно прозвучал красивый мужской голос.

— Потому. Потому, что он все равно меня бросит. Использует и уйдет за очередной юбкой. Забудет через десять минут. Плевать ему на твою заповедь. Я не могу, — я все-таки разревелась.

Чез обнял меня добрыми руками. Я ткнулась мокрым лицом ему в грудь, и слова посыпались из меня без контроля и разбора.

— Только тебе признаюсь. Это секрет! Никому не рассказывай. Слышишь? — мужчина дунул в волосы на моем затылке. — Он такой, я не знаю... Ты даже себе представить не можешь, какой! Таких просто не бывает... Он красивый. Он благородный. Он великодушный. Он смелый. Он добрый. Он щедрый. Он умный. Он веселый. Он понимает меня. Он трахается лучше всех на свете! Он! Я не знаю! Он единственный для меня! — я вспомнила, не к месту, старого грузина и завывала в голос. — Всегда с ним рядом другие. Просто море баб! Каждый раз разные. Он забудет меня сразу! Я не могу так подставиться! Я не могу-у-у!

Я ревела до долгожданных светлых звезд под веками. Промочила рубаху бедного Чеза насквозь. Он гладил мою голову большой теплой рукой. Раскачивался в ритме моих соплей. Помалкивал.

— Боишься? — проговорил тихо, наконец.

Я кивнула. Что, правда, то, правда.

— Святой сказал как-то: боящийся не совершенен в любви. Только истинная любовь изгоняет страх. Он проповедовал о любви к Господу, разумеется. Но я думаю, что его слова годятся и для любви обычной. Человеческой. Ничего не поделаешь, милая. Либо ты решаешься иходишь в эту воду с головой. Либо остаешься на берегу. Вместе со своими страхами и сомнениями. Одна. Можно всю жизнь простоять там на одной ножке, так и не решившись шагнуть вперед. Это у многих получается. Но мне почему-то кажется, что ты не из таких. Я видел сегодня тебя на пожаре. Ты — очень смелая девушка, — Честер вдруг поцеловал меня в губы. Горячо и неуместно.

Я отстранилась, резко и возмущенно посмотрела в бледное лицо. Что за хрень? Пластик подоконника нагрелся и лип неприятно к голому телу.

— Прекрати! Седьмая заповедь, викарий!

— Вот теперь я вижу, что не зря молот языком! — рассмеялся он, отходя от меня подальше. Смотрел бледно и неясно.

Я кивнула и ушла. Боящийся не совершенен в любви? Я не подставляюсь. Нет.

Глава 26. Запутанная

Рыжие англичане не похожи на рыжих русских. Рыжина отца Честера носила шоколадный оттенок. Или каштановый. Белая, мгновенно обгорающая кожа. Веснушки по всему полю. Яркие губы. Шоколадно-каштановая волна в волосах. Категорически беззащитный синий взгляд. Желание усыновить и кормить грудью викарий рождал во всех женщинах, начиная с категории ноль плюс. А в остальном: тридцать один год, метр девяносто — рост, вес — килограмм девяносто пять, не меньше. Широковат в кости. Плавки позволяют оценить библейские места весьма положительно.

Вторые сутки он канается на тему наших с ним отношений. Быть или не быть. Вечный британский вопрос.

— Катерина зовет тебя сегодня на банкет? — как-то криво построил фразу Чез. Сидел под навесом возле крошечного синего бассейна. Там плескался катин младший. Розовощекий блонд. Колька или Кольша, как она его называла. Видно, отец его вышел из Сибири, как Ермак. И снова зашел. Средний мальчишка, чуть помладше Кирюши, чернел откровенно кавказскими кудрями. Нос и цвет кожи туда же. Панамка стояла на его шевелюре сверху чистой декорацией. Щекотал братана в розовую пятку под мелкой водой. Сама блогерша и колумнистка стрекотала кнопками ноута тут же на пластике лежака.

— Ты к кому обращаешься? — все всегда видит и замечает вокруг быстрая Катя. Выстукивает параллельно диалогу очередную фейк-бомбу в сети.

— К Лоле, — мягкая улыбка чарующего тембра.

— Она спит. Хотела бы я знать, чем вы занимались до пяти утра. Нет! Я не хочу этого знать, — женщина славилась резкими разворотами на сто восемьдесят. И по жизни и в литературе. — Это ваши дела, преподобный. Вечером все идем на очередной местный сходняк. Вход обязателен с детьми, карманными собачками и священниками. Платья и штаны в пол. Улыбнись, дорогой. Про священников я пошутила.

Я слушала их болтовню, укрыв надежно глаза зеркальными очками. Как бы спала на белом пластиковом топчане слева от Честера. Смотрела, как у кромки воды общается с очередным пляжным красавчиком девочка Наташа. Вот он поправил лямку купальника на ее плече. Ухмыляется. Лет двадцать кавалеру. Неужели не видит? Ей же больше пятнадцати не дашь. При неполных тринадцати. Или видит? Или мне мерещится всякая фигня? А он просто болтает с симпатичной девчонкой, как любой нормальный человек. Что на меня нашло?

— Ты спишь? — Чез подобрался ко мне близко. Запах сандала и молочного шоколада. Сладкоежка.

— Нет, — я видеала сквозь зеркала очков, как он смотрит на мой живот. Губы облизнул. Пересыхают, видно. — Я не пойду сегодня с вами. Я работаю.

— Уволься. Нанимаю тебя няней. Будешь жить с нами в люксе. Сэкономим на жилье и заработаешь, — Катя все знала о том, как лучше для всех. Как иные быстро принимают решения.

— Спасибо. Но я не могу. Дядя Гриша...

— Переживет без тебя этот вечер старый алкоголик! — Катерина была несокрушима в своем материнском эгоизме. — Нам ты нужнее! А вдруг снова пожар или потоп? Кто спасет моих детей?!

Наша компания долго ехала в такси. Полтора часа, не меньше. Увидев за стеклом машины проплывающие мимо колонны и фронтоны, чуть не застонала в голос от досады. Автомобиль приземлился и встал, как пень, качнув всех синхронно вперед. Тот самый дворец культуры, где я так мило провела время две недели назад. Теперь я входила сюда с парадного крыльца. Благопристойное общество гостей. Штаны и платья в пол. Мне досталось синее.

Я снова застучала Наташу с дымящейся сигаретой в руке рядом с официантом позади дома. Сама пришла сюда за тем же самым. На этот раз она не спешила прятаться.

— Если я не заложила тебя в прошлый раз, то ты решила, что теперь все можно? — спросила я делано-равнодушно.

Официант оглянулся, и я его узнала. А он меня. Глядел на мою фигуру внутри длинного платья цвета электрик с удивлением. Словно я с маскарада сбежала.

— Привет, — откровенно рад встрече. — Не танцуешь больше?

Тыкает и не спешит признавать во мне гостью дома. Намекает на артистическое прошлое.

— Нет. Пою. Наталья иди к маме, — я тоже хотела уйти.

— Кот вышел из больнички. Передать ему привет? — парнишка ласково ухмылялся. Видел мои застольные подвиги с рыжими жонглерами в прошлую субботу. Таскал нам водку и пил сам рядом. Царапина на моей щеке зажила.

— Передай. Скажи, что в следующий раз мой папик уложит его на кладбище.

Я ровной походкой двинула на хозяйскую половину особняка. Руки тряслись.

— Здесь не курят, — услышала я в спину. Гуров. И этот здесь, Как не уходила.

Я медленно обернулась. Затянулась сигаретой так, словно она была последней трубкой мира. Очень надеялась, что выгляжу независимо.

— Каждый раз, когда я вижу вас, Лола, вы меня удивляете. Здравствуйте, — он протянул мне руку. Смотрел в глаза серо. Что это?

— Добрый вечер, — я вложила пальцы в сухую ладонь. Гуров не спеша поднес мою руку к губам. Ого! Перезагрузка?

— Красивое платье. Вам очень идет, — он еще не отпустил мои пальцы. И держался строго своего всегдашнего «вы».

— Спасибо. Если позволите. Я вернусь к своим друзьям, — я высвободилась и пошла к большой, яркой и шумной компании, центром которой были душка-викарий и хозяйка дома. Встала позади. Гуров остановился рядом.

— Лола, я бы хотел... — начал он говорить и не успел.

— О, Лев Иванович, идите сюда! — хозяйка с властно-уважительной простотой, как умеют только очень состоятельные люди, пригласила генерала в центр. Тот неожиданно нашел мою руку и, взяв под локоть, повел рядом с собой.

— Прелестная у вас спутница, Лев Иванович, — улыбнулась дама, похвалив меня, как булавку на галстук. Быстрый женский взгляд щупом от макушки до каблуков. Нет. Фейс-контроль я не прошла. — Рассудите нас, сделайте милость. Как, по-вашему, кинуться в огонь, спасая чужую жизнь, это благородный поступок или безответственное безрассудство? — если бы могла, она взглядом захлопнула бы меня в кладовке. К швабрам и пылесосам. Улыбалась поверх досады отлично сделанным лицом. Что-то явно сдвинулось в композиции ее вечера. Не в ту сторону.

— Все зависит от результата. Если спасение удалось, то это, без сомнения, благородный поступок. Если все умерли, то тогда это сплошные неприятности, из которых мучительная смерть в огне — самая легкая, — улыбнулся Гуров тонкими губами. Черный юмор, ну надо же.

— Или грудь в крестах, или голова в кустах. Я правильно говорю? — влез в разговор Честер. Похоже, он один среди сегодняшних гостей был в теме пожаров и спасений.

— Говорите вы правильно. Но не очень к месту, простите, — хозяйка обернулась от генерала к викарию. Выпустила нежность из черных глаз. Чез хлопал пушистыми ресницами с обезоруживающей прямоотой.

— Спасти ребенка из горящего дома — подвиг самый настоящий. В любом обществе и стране такие люди называются героями, — высказался викарий, с любопытством разглядывая нашу с генералом парочку. — Разве у вас это не так?

— Конечно, так, преподобный Честер, — проворковала хозяйка праздника, просовывая ладошку ему под руку. — Но разве не правильнее было бы дожждаться специалистов?

— Стоять и ждать, пока ребенка накроет горящим потолком? Я ведь сам там был и растерялся. Как и все. В том числе и охрана, которая обязана следить за порядком. Тоже решил, что тушить пожар должны специалисты, как вы их назвали. И только один человек подумал о маленьком мальчике внутри. Юная девушка. Рискнула жизнью своей и спасла ребенка. О чем тут теперь рассуждать? Дело сделано и, слава тебе, Господи, все живы, — Честер улыбнулся широко и искренне, как немногие умеют здесь.

— Вы говорите о пожаре на детском празднике в среду? Мне докладывали. Случай действительно редкий по своей отваге и исключительному везению. Безумству храбрых поем мы славу, — снисходительно рассмеялся Гуров, слегка проведя пальцами по моей руке на своем локте. Я мечтала провалиться сквозь землю или хотя бы слинять в туалет.

— Да! Как это верно, генерал, — сразу поменяла направление дама, цепко держа в наманекюренных лапках локоть английского святого отца. — Как прекрасно вы сказали! Безумству храбрых...

— Увы. Это не я. Но сказано неплохо, признаю, — генерал небрежно разрешил древнему класснику помочь с цитатой.

— Да, прекрасно сказано. Жаль, что имени отважной спасительницы мы не знаем. Поистине, такой благородный поступок достоин наказания, — хрипловато- интимно рассмеялась хозяйка в лицо викария.

Я впиалась в лицо добряка Чеза огромными глазами. Заткнись! Он сморгнул. И чуть улыбнулся синим взглядом. Неужели дошло? Кивнул.

— Господь видит. Остальное не так важно, — отделался подходящей случаю фразой. — Почему наказания?

— Это шутка, милый отец Честер. Пора к столу! Прошу вас, господа.

— Все-таки, вы странно шутите здесь, — заметил негромко британец. Поглядывал, как Гуров, светски беседуя с хозяйкой, ведет меня к центральной точке местного гостеприимства. Тот держал за руку крепко. Хоть дерись.

Катя сделала большие глаза, когда я проходила мимо нее и детей к главному столу. Я дернулась в ее сторону. Гуров сжал теснее мои пальцы на своей согнутой руке. Катерина незаметно показала открытую ладонь. Все нормально, мол, давай, давай.

Давай? Я ныла сама с собой всю эту неделю. Я угробила дружбу с двумя отличными

парнями, парясь над выходкой этого самодовольного, все знающего про жизнь придурка! Я совсем не тот человек? Ты ошибся, Гуров? Ну-ну.

— Присаживайтесь, Лев Иванович. Познакомьте нас со своей спутницей, — радушная хозяйка широко провела рукой над главным в этой пафосной вечеринке столом. Ешьте, дорогие гости, тут все свежее.

— Моя старая подруга Лола, — пошутил веселый сегодня генерал. Отодвинул для меня стул, обогнав лакея.

— Мне нужно в дамскую комнату, — объявила я, не стесняясь, и ушла. Возвращаться к их крокодильским улыбкам и деликатесам не собиралась. Хватит с меня генеральских закидонов.

Наташка целовалась с тем самым официантом. Он притер ее к стене узкого коридора между господской половиной дома и службами. Я громко хлопнула дверью туалета. Он отскочил.

— Краев не видишь, малый! Ей только двенадцать. Присесть охота? — прошипела я. Нифига мне не мерещится. Так и есть. Что-то происходит с девчонкой. Что-то очень знакомое.

— Я тут не причем. Она сама, — бормотал испугано парень. Отодвинулся в самый конец прохода.

— Ноги делай быстро, пока я добрая. Или...

— Все-все, — он исчез.

— Почему ты все время лезешь? Отвали от меня! — громко, не стесняясь орала Наталья. Публики ей явно не хватало. Зрителей и скандала. Ясно.

— Развлекаешься? О человеке подумала? Его же могут посадить. Статья не самая веселая, — сказала я, машинально вытаскивая сигареты.

— Да плевать мне! Посадят и хорошо! Просто отлично! Пусть их всех пересажают! — зло и громко бросала слова в меня девчонка.

— Понятно. Пстой рядом, пока я курю. Не мечтай, тебе сигарету не дам. Сейчас вернемся в зал. Тихо-спокойно едим и возвращаемся обратно. Дома я расскажу тебе историю. Если твоя круче, то потом ты удивишь меня. Но только, если твоя круче! Поняла? Все. Стой и нюхай дым.

Мы уселись на узкий пролет лестницы для прислуги в закоулках отеля. Ею никто не пользовался. Неудобно. У меня был ключ. Наташа втихаря допивала весь вечер шампанское со стола. Я видела. Не мешала, когда она початую бутылку умыкнула, спрятав в сумку с подгузниками. Удивляло только, что вездесущая Катерина пропустила этот момент в биографии старшей дочери. Теперь эта пузатая асти мартины стояла между нами на бетоне пыльных ступеней. Наталья отхлебнула из горлышка. Прорвало.

Он, разумеется, был самый красивый в школе и старше ее. Нравился всем девчонкам. Понятное дело, она влюбилась без памяти, как все. И соврала, что ей почти шестнадцать. Идиот. Без глаз и мозгов. Уговорил на Новый год. Сказал, что без этого настоящей любви не бывает. Совал ей свой скользкий член в руки, между ног. Ничего не сделал толком. И убил все в момент. Потом хвастался одноклассникам, что получилось. Разразился непонятный скандал. Без имен, зато с намеками. Активная всегда Катерина перевела дочь в другую

школу, так и не разобравшись в спешке, что произошло. Теперь бедная Наташка вообразила, что не нравится мужчинам. Никак, никогда и никаким. Двенадцать лет. Дурочка. Я вытирала сопли и говорила положенные слова. Успокоила и замазала сладким враньем пополам с мартини душевную детскую брешь. Подняла ее уставшее, зареванное тельце на ноги и увела спать. Баю-бай, малышка, пусть тебе приснится заяц на велосипеде. Поцеловала в лоб, слушая спокойное дыхание. Слава богу, что она начала рассказывать свою историю первой. Иначе, наслушалась бы от меня такого, что ни приведи господь.

Честер сидел в гостиной. Я не сразу заметила его темную фигуру в углу большого дивана, разрезавшего зал пополам.

— Уснула? — тихо спросил, заставив меня вздрогнуть от неожиданности. Здесь викарий ночевал. Простынь и подушка в углу белели на фоне одетого в черное мужчины. Половинка луны заглядывала в незашторенное окно. Второй час ночи. Час Быка, как любил когда-то прикалываться Олег.

— Да, — села рядом, держа недопитую зеленую бутылку в левой руке. — Банальности станешь вещать, как всегда?

— Ты сердисься, — улыбнулся он своим красивым голосом.

— Я злюсь, — резко расставила акценты. Надоел этот святоша. Банальности — это еще деликатно с моей стороны.

— А как же тот, о ком ты хотела молиться в церкви?

— Нет его. Не существует наяву. Мечта, как та снегурочка, — я залпом допила шампанское из горла. Повернулась к мужчине. Он шумно выдохнул в сторону, словно горькой водки выпить собрался. И поцеловал меня. Я не сопротивлялась, послушно следуя за его долго и бесполезно сдерживавшим себя телом. Платье, сдающееся под нетерпеливыми руками мужчины, вдруг накрыло меня другим запахом. Гуров.

— До свиданья!

— До свиданья.

— Приятный вечер!

— Чудесный! Нам так понравилось...

Гости разъезжались с парадного крыльца. Такси, дамы и господа, плачущие от недосыпа дети. Хлебосольная хозяйка. Суета.

— Лола, — голос Гурова отловил меня на ступенях широкой лестницы. Я следила глазами за старшей дочерью Катерины. Интерес генерала не трогал меня никак. Пошел!.. Я, не удержавшись, передернула плечами.

— На пару слов, — объявил он.

Я приняла от Кати спящего младшего сына и пошла быстро к подъехавшей машине. Гуров не отставал.

— Лола!

Пошел в жопу. Больше всего на свете хотелось сказать мне. Я передала малыша Кате, уже приземлившей себя в салоне автомобиля.

Взрослый Гуров ухватил меня за локоть. Стоял близко и неуместно под любопытными глазами разъезжающихся гостей. Застыла в профиль.

— Что? — я откровенно грубила. Он не попросил прощения за свои прежние слова. Не успел или не посчитал нужным? Сейчас мне это не важно. Плевать мне на генералов с высокой вышки. Наталья успокоила меня. Где она? Не вижу.

— Мне бы хотелось, — он замялся в своей вечной зависающей манере. Пытался увидеть что там, в моем злом лице. Тянул к себе ближе. Его запах, плюя на все, нравился мне на подкорке. Жил отдельно от душного оскорбления.

— Чего? Чего бы тебе хотелось? Никак не придумаешь? А мне казалось, что мы друзья, — выдохнула я то, что вертелось во мне все эти семь дней. Травило обидным ядом. Если мы друзья, то какая разница, прокусил мне очередной случайный придурок губу или нет? Трясу ли я маракасами на глупой сцене или рассекаю в платье от Биркин на пафосной тусне? Друзья, как обычно познаются? Забыл? Я в друзья не набивалась, господин добрый охотник.

— Я был не прав. Мы не друзья, конечно. Не исчезай. Останься со мной. Прошу.

Он крепко держал меня за руку. Я не повернула головы. Запах? Нет.

— Пошел вон, Гуров. Не до тебя, — я вырвалась и спрятала себя в кондиционированную прохладу такси.

— Я люблю тебя, бэби, — прошептал мне в щеку Чез. Приподнялся на локте и заглянул в лицо. — Можно я так тебя буду называть? Когда одни.

— Наедине. Можно, бэби, — улыбнулась я, переворачиваясь на живот и зарываясь лицом в подушку. Он целовал меня в спину мягкими губами и водил по коже тяжелой горячей ладонью. Нежно. Как же нежно. Безопасно. Как же хорошо, что он решился. Давно мне не было так спокойно и тепло. Я невольно подавалась в след за его касаниями. Честер снова накрыл меня собой.

— Я есть хочу. Нет. Как это по-русски? — говорил мне в шею сзади. Стучался снова в меня гладким собой.

— Голодный, говорят у нас, — посмеялась я. Вывернулась в липких наших объятиях. Силикон старой резинки приклеился к попе. Мысль о детях Катерины заставила спрятать его под простынь. Достала из-под подушки новый презерватив. Не я их там приготовила. Святой отец озаботился. А он не так наивен, этот британский поклонник все того же парня из Назарета.

— Я спрятал их там вчера, — улыбнулся в мои губы Чез. Целуется умопомрачительно.

— Пять баллов, милый! — я лизнула его в мочку уха. Чувствовала, что перебираю с насмешками, но поделаться с собой ничего не могла. Веселил меня новый образ викария страшно. — Как угадал?

— Просто верил, — выдохнул мужчина честно и повел тела к оргазму, как нормальный человек.

Утром нас разбудила Наталья.

— Просыпайтесь, влюбленные! — звонко крикнула она. Впервые слышу от нее такой радостный звук. Полегчало? — Пора вставать! Пошли на рынок, а потом на пляж!

Поехали в стороны полосы занавесок. Солнце взошло над морем.

— Выйди, пожалуйста, я голый, — смущенно попросил викарий из глубин дивана за моей спиной. Своим потрясающим голосом.

— Ты самый стеснительный поп на свете! — заржала Наташка, убегая.

— Ты много видела попов? — когда он смущался, его акцент здорово усиливался, вплоть до непонятности.

— Голых, пока ни одного!

Деятельная Катерина выставила нас всех на рынок. И на пляж.

— Там и позавтракаете, — распорядилась она. — Я, наконец, поработаю без вас. Честер, ты отлично смотришься с Митей на плечах. Лолочка, ты мое золото ненаглядное, памперс на Кольшу не забыла надеть? Натусик, слушайся преподобного и няню. Вперед, дорогие мои, и раньше обедать не возвращайтесь!

— Я тебе не мешаю? — спросил Чез, в сотый раз прикасаясь ко мне.

Он действительно с трудом удерживал свои руки. Тянуло его ко мне трогательно и забавно. Словно он проверял каждые пять минут, существую ли я на самом деле. Или все окружающее — сон. В сотый раз провел ладонью по плечу. На левом моем бедре ребенок сосредоточено сосал круглую, румяную сушку на веревочке. Точил новые зубки.

— Нет, — я улыбалась. Женщины за прилавками улыбались в ответ. Любовались нашей милой компанией неприкрыто и радостно.

— Святое семейство, — прикололась Наташа. И то верно. — Я хочу такую же юбку, как у тебя.

Крытый рынок шумел на разные голоса и языки. Запах чеснока, базилика, укропа, мяты, вечной кинзы и нагретых помидоров. Человеческих тел, убитых дезодорантов и соленой близкой воды. Продавцы смотрели на нашу компанию с одобрением.

— Какой черненький у тебя сынок. Как будто бы из наших, — посмеялся пожилой армянин, поглядывая на абсолютного брюнета Митяя на плечах рыжеволосого Честера. Взвешивал желтую черешню на старинных весах. Те, понятное дело, показывали погоду.

— Здесь нет килограмма, — холодно заявил британец. Не оценил шутки.

— Нет, так нет, — не стал спорить продавец, мгновенно уловив в нем рыночного зануду. Вплоть до контрольных весов. Бросил в пакет щедрую горсть ягод. — А это тебе, красавица.

Он протянул Наташе большой персик. По дороге передумал и отдал мне. Улыбнулся и подмигнул. Я забрала черешню и бонус.

— Нелегко, оказывается, ходить по городу с красивой девушкой, — вздохнул Честер.

— С двумя красивыми девушками, заметь! С двумя. Возьми, Наталья. Он хотел отдать тебе, но побоялся. А вдруг Честер его зарэжет, — мы сообща радостно заржали над смущенным парнем. Он краснел веснушчатым лицом и глядел гордо.

Мы еще поболтались по рынку, разглядывая и пробуя разную снедь. Колбаса и чурчхела. Домашние сыры и пахлава. Compliments и шутки по обе стороны риска. Английский мужчина привык и расслабился. Наташка сияла счастливыми глазами. Сменила шорты на джинсовую юбочку, вроде моей, тут же за прилавком крошечного магазинчика. Старалась копировать даже мою походку. Что ж, здесь я могу подать хороший пример. Балетное детство неистребимо.

— Есть хочу, — объявил Митяй.

В Лучшей Забегаловке Мира стояла благословенная прохлада. Честер разочарованно поджал губы. Недоволен нашим с Наташкой выбором.

— Зачем есть это международное дерьмо, если столько прекрасной национальной еды кругом? — проворчал он, усаживая ребенка на высокий стульчик.

— Не сердись. Нам хочется, — я поцеловала его тихонько в висок и ушла к кассам.

— Здравствуйте, Лола!

Я обернулась. Передо мной стояла... Как ее Андрей тогда назвал? Вечность назад, когда целовал меня захлеб черной ночью на пирсе.

— Лара? — я попыталась улыбнуться.

Девушка была беременна. Беременная девушка. Оксюморон? Ну, надо же. Совсем немного. Больше выпячивает живот. Чем он торчит на самом деле. Но извечный женский жест руки, прикрывающей чрево, перепутать невозможно. Ни с чем.

— Это ваш малыш? На яхте ведь был другой, я помню. Кирилл его звали, — беременная девушка хотела все знать.

— Я работаю няней, — объяснила я сразу это все. Губы в улыбку складываться отказывались.

— А, понятно, — покивала подруга Андрея.

Глаза сами, без моей воли, сползли на ее пальцы. Кольцо известное искали. Нашли. Интересно, знает ли она про Кирюшу? Знает, конечно. Должна. Да мне-то теперь какая разница. Лара что-то говорила, я не слушала. Гадкое у нее имя. Отвратительное. И сама она страшная. Я красивее в сто раз. Голос ужасный, тонкий, лезет прямо в мозг.

— Лола, пошли есть. Бери поднос, — Наташа потрясла меня за плечо.

Я взяла. Пошла к столу. Губы заплясали сами. Руки следом. Со всей тщательностью поставила коробки и стаканы, чтобы не расплескать.

— Что случилось? — Чез пересел ко мне ближе на диванчик.

— Ничего, — хотела я сказать. Ничего не вышло. Я застыла, упрямо отвернув лицо к окну. Слезы текли, размывая жизнь за стеклом, словно дождь. Больше всего на свете я хотела исчезнуть. Не быть. Р-раз и нет меня. Нет этой разрывающей в куски боли. Нет невозможного, непонятного, глухого отчаяния. Я не хочу. Я не могу. Я не умею так страдать. Нет. Это не со мной. Не может быть. Это не он. Это не я.

Давно. Не помню, когда.

— На! — Дрозд не дожидаясь моего ответа, сунул мне наушник в левое ухо. Обнял за плечи, и мы пошли.

Колено болело сильно, но я терпела. Выбросила направление к хирургу, что дала мне врач в лицейском медпункте, в мусорный бак за школой. Дома полно таблеток, съем что-нибудь. Этот чертов сустав вечно вылетал куда-то после уроков физкультуры. Привет из балета. Навсегда.

— Сигареты есть? — спросил мой парень, останавливаясь у дверей нашего всегдашнего заведения.

— Мужчина без денег — бездельник, — ухмыльнулась я. Выкинула его орущий наушник нафиг. Музыка. Терпеть ее не могу. У меня тяжелая наследственность. Симфоническая классика с рожденья.

— Поговори у меня! — покровительственно высказался Дроздов, вытаскивая из внутреннего кармана куртки мятый комок бумажек. Плюет на бабки. Это видно. Молодец! Воняет зверски и страшен, как смертный грех. Зато не трус.

— Ее не пушу. Хоть, что хошь. Проверка сегодня, — сказал охранник на входе.

— Ты охренел? — попер на него Дрозд.

— Это ты охренел! У нее пятнадцать лет крупными цифрами на лбу нарисовано! Завтра приходи.

Вообще-то мне тринадцать. Скоро будет. Об этом если кто и догадывается, то точно не они. Густо нарисованные глаза и рот. Черная куртка, короткая юбка, гринды. Рыжие кудри

подстрижены собственноручно и торчат, как положено. Идем по мокрому проспекту вперед. Ноябрьский ветер запахом реки пихает недовольно в спину. Мимо старых и новых витрин. Минуем известный магазин, где яркий свет в ландышах стекла разбивает темно-серую мглу. Сворачиваем. Подгребаются еще тройка ребят. Тянем одну сигарету на всех. Слабенький душок конопли. Противно, но снова терплю. Широкая арка двухсотлетнего гранита. Холодная вода рядом. Бутылка водки на пятерых. Ладно, что холодно. Добрый Дрозд сует мне сначала в рот конфету, потом свой язык. Опять терплю. Ненавижу целоваться. Что они все в этом находят? Лезет мне под юбку. Тесно сжимаю колени и изо всех сил пинаю его в середину голени.

— Ну, че ты? Че ты? — он уворачивается от моей ноги, не отпускает, но не пристаёт больше.

Че я? Ни че! Я — целка. Узнает, засмеет. Посылаю его в положенное место, и мы все идем дальше.

— Клавка зарезалась! Айда смотреть! — выскочил из низкой парадной знакомый пацан. Айда-шмайда. Где он такие слова берет? Татарин, что ли? Гремя ботинками и еще какими-то железками, мы вперлись на второй этаж. Дверь с парами звонков по обе стороны косяка светила щелью в убитый камень лестницы.

Девушка сидела на полу. Прислонившись спиной к облезлому чугунному корыту. Кругом была вода. Из белых запястий текла красная кровь. Ноги в черных колготках на бело-синем шекере пола выносили на ум каких-то арлекинов и коломбин. Мужики беззастенчиво разглядывали полную грудь в прозрачном от воды лифчике. Потом кто-то догадался вытащить телефон. И понеслось. Пальцы средние и остальные. Рожи глумливые на фоне мясной лавки комедии дель арте. Еще чуть и члены из штанов повьтаскивают. Станут фоткать их возле обескровленных губ.

— Вы хоть в скорую позвоните, ироды! У нас городской отключен! — седая тетка в халате растолкала парней. Присела перед Клавкой. Похлопала ее по щекам.

— Так, валим отсюда. Скорая ментов вызовет. Валим! — скомандовал Дрозд и все громко затопали на выход, оставляя на коричневом, замазанном масляной краской паркете мокрые и красные следы.

Почему она это сделала? Для чего? Я набрала ноль-три.

— Клавдия, отзовись, Клавдия, глаза открой, Клава, Клава, — женщина упорно пыталась достучаться до сознания самоубийцы.

— Она, наверное, еще таблеток наелась, — сказала я. Серебристые блистеры валялись в раковине. Серебристые блистеры. Ну, надо же.

— Ты кто такая? Я тебя не помню, — тетка оглянулась и рассматривала.

— Одноклассница, — соврала я. Тут в айфоне пробудилась неотложная помощь. Адрес, выяснения, что да как.

— Позови ее, может быть, она тебе отзовется, — женщина обматывала руку девушки выше локтя бинтом. Закручивала его в жгут. Сначала одну, потом вторую. — Сто лет не делала ничего такого. Забыла все. Не стой столбом, помогай.

— Привет, — ничего умнее я не нашла сказать. — Привет, подруга.

Клава приоткрыла тяжелые веки.

— Ты кто?

— Я ангел, — прикололась я от растерянности.

— Ага. С таким блядским макияжем? Очень похоже, — растянула улыбку Клава. —

Дроздов приходил? Видел меня?

— Видел. Приходил, — я не верила ушам. Дрозд? Этот вонючий придурок?

— Че сказал? — интерес явно вытягивал барышню назад в этот мокрый мир.

Что же он сказал? Валим? Ей, что мне сказать? Он ее имя хотя бы помнит? Или у них что-то было? Девушка смотрела на меня смутными глазами и ждала.

— Нифига себе. Так сказал, — все, что я смогла придумать.

— И все?

— Ты из-за него? Что у вас было? — я не удержалась.

— Трахались все лето на даче. Потом в город вернулись, и он меня бросил. Сказал, что я ему надоела. Другую завел. Я его люблю. Он у меня первый, — девушка с красивым именем Клавдия заплакала. Кровь выступила сквозь бинты на руках.

Слава богу, прибыла наконец-то Скорая помощь. Мы с соседкой долго одевали послушную, как несчастная кукла, девчонку. Мое платье пропиталось насквозь кровавой водой. Молодой врач ругался матом и глядел на нас испуганными глазами.

Дрозд поймал меня в подъезде. Я так неслась сквозь морозные ночные дворы, что не сразу заметила его худую черную фигуру между стеклами дверей. Запах нечистой одежды, водки и анаши.

— Че так долго? Ты мокрая вся! Пошли ко мне, — он попытался засунуть мне в рот язык.

— Отвали. Я замерзла. Домой хочу, — я выкручивалась, как рыба.

— Них...я себе! Я прождал тебя целый час! Я... — мужская рука задрала мою слегка заледеневшую юбку.

— Лола, это ты? — голос нынешнего парня моей Али раздался с площадки третьего этажа. Пригодился.

— Сука! Завтра в восемь! — храбрый Дрозд спрятал руки в карманы и покинул театр действий. Слинял в свой дом напротив.

Ага! Жди! У меня ты первым не станешь, точно!

— Ничего не говорит уже три часа, — сообщил расстроено Честер негромко Катерине.

— Четыре, — поправила его честная Наташа. — Как в ресторане перестала, так и все.

Мы вернулись с пляжа.

Я пришла в себя. Не страдала больше. Еще чего! О чем? О ком? Пф! Разговаривать не хотелось. Просто рот открывать лень. За моей спиной молчание. Переглядываются между собой. Я уложила спящего Кольцу в кроватку. Как славно было бы залезть в такую же, с высокими спинками-бортиками. С мягкими вставками и веселыми картинками. Что бы, если стукаться в них головой, то не больно и познавательно. Я забилась в угол дивана и закрыла глаза. Устала от чего-то.

Глава 27. Единственный

В конце аллеи Гуров разговаривал с высокой, худой, как жердь, заведующей отделением. Профессор и какие-то звезды на плечах. Госпиталь. Она вещала. Он кивал. Две недели я здесь. Первая — в реанимации. Вторая — в одиночной палате. Капельницы, попытки питаться самостоятельно, рвота и сны. Пожар, Олег, что-то еще, Аля, огонь, снова по кругу. Тошнотворный запах гари во всем. Я стояла под грушей возле перекрестья больничных троп. Ждала, когда генерал и доктор закончат обсуждать мою персону. Мерзла в белом свитере и толстых спортивных штанах. Завтра первое августа. На улице плюс тридцать. Курить хотелось зверски.

— Главное, начать набирать вес. Никаких нагрузок, никаких волнений. Есть, спать, радоваться жизни. Через пять дней мы закончим курс и сможете забрать домой, — они медленно шли по цветным плиткам дорожки. Врач смотрела в пространство. Гуров улыбался мне.

Я села на удобную лавочку. Нога на ногу. Руки крестом на груди. Дама в белом халате попрощалась с генералом, не дойдя до меня пары шагов. Он опустил свой зад рядом на дерево скамьи.

— Привет. Как дела? — Гуров взял мою руку с плеча. Гладил теплой сухой ладонью пальцы.

— Курить хочу, — сказала я, не глядя.

— Нельзя. Доктор не разрешает, — мягко возразил Гуров.

Я не стала спорить. Свалит, сама дойду до магазина. Деньги есть на карте. Я же не в тюрьме. Только бы дойти.

— Ты никого не хочешь видеть. Твои друзья ушли расстроенными. Особенно англичанин, — негромко говорил Гуров. Руки не отпуская.

Я едва заметно пожалала плечами. Я не хочу ни с кем встречаться. Честно. Что еще надо?

— Отпусти мою руку. Мне неприятно, — проговорила. Смотрела на душный красно-коричневый куст. Розы. Воняют.

Гуров послушно убрал пальцы. Отодвинулся на пару сантиметров. Разумница доктор ему как-то объяснила. Что нельзя меня трогать. Не надо прикасаться.

— Я принес разные вкусные вещи. Попробуешь?

Я кивнула. Белый пакет на скамейке неприятно толстым нутром развалился рядом.

— Я бы хотел, — он завис в своей вечно нудной манере. Собрался. — Я бы хотел, что бы мы уехали вместе. Туда, куда ты захочешь...

— Че ты ко мне привязался, Гуров? Я же не тот человек! Ты же ошибся! Че надо! Отвали! Оставь меня в покое! — я подорвалась с места и побежала. Голова пошла кругом, и колючий куст мерзким запахом цветов влетел в лицо.

— Все-все-все, — бормотал он, неся меня на руках в палату. — Все-все-все.

— Не приходи, — шептала я в сильную шею.

— Ладно-ладно. Успокойся. Как скажешь. Так и будет.

— Классный мужик к тебе приходил. Зря не вышла, — мой здешний приятель Тимка полез в гуровский пакет. Вытащил жестянку с датским печеньем, открыл с треском. — Никогда не думал, что рыжие мужики бывают такими обалденными.

— Он священник из Лондона— похвасталась я, протянула руку к крендельку в белом гофре бумажки. Передумала.

— Да ты че! Класс! Он тебя исповедовал? — румяный Тимофей приканчивал второй столбик сухих бисквитов.

— Ага. В архиерейской позе, в основном. Мы с ним прелюбодействовали. Седьмую заповедь нарушали, — мой подбородок предательски задрожал.

— Эй, прекрати! Печенюху зажуй, — Тимка быстро сунул мне в рот свой надкусанный кругляш. — Английский священник. Викарий, что ли? Как у Агаты Кристи? А к мужикам он как?

Тимофей косил здесь под какую-то невыговариваемую болезнь и от армии заодно. Сильный пол явно заводил его вернее слабого. Он не слишком это скрывал, хотя меня шлепнуть по костлявой попе случай не упускал. Забавный, рыхловатый и не злой. Мы дружили.

— Ты воображаешь, что если он британец, то обязательно гей? — засмеялась я и чуть не подавилась сухим печеньем. Парень сунул мне бутылку с соком.

— Да. Он ведь еще и поп, полный набор для сериала, — заржал вместе со мной Тимка. Подсунул мне под шумок колхозный кусок зефира. Я проглотила.

Мы засели под поспевающей грушей за трансформаторной будкой в дальнем углу больничного парка. Устроили пикник на травке. Что бы я могла курить запрещенные сигареты, а Тимка уничтожать деликатесы, что таскал мне Гуров. Генерал не подходил, только издали улыбался. Никто не смел приближаться ко мне, кроме местных, больничных. Красота. Катерина вчера приходила с детьми. Попрощаться хотела, отпуск закончился. Я не вышла. Видела из окна, как ревела Наташка на груди преподобного Честера. Как по покойнику. Но я жива. Точно. Письмо их, самое настоящее, на бумаге и в конверте, спрятала на дно рюкзака. Потом прочитаю. Когда-нибудь.

— Я его обманула, — сказала я, глядя, как Тимка ест пальцем черную икру из банки. Психологиня велела мне валить вслух все, что приходит на ум. Доставалось это все бедолаге напротив, как расплата за еду. — Он сказал мне, что трахаться без взаимной любви не может. Потому как это плотский грех. Я и наврала ему, что сердце мое свободно... он поверил и влюбился. А я ему все наврала...Разбила сердце и мечты преподобного...

— А ты что, замужем? — парень сунул мне в рот галету, обмазанную редкими икринками со дна банки. Я похрустела. Тошнота подкатила.

— Дыши! Дыши носом, давай! Сбереги в себе еду, не отдавай природе, — он откровенно болел за меня, словно деньги поставил на мой вес. Хотя, кто его знает? Все может быть.

— Я не замужем. С чего ты взял? — я упрямо вернулась к разговору о себе. Сидела не шевелясь, хранила в себе еду. Кусочек печенья, зефирка и галета. Пару глотков сока. Остальное только капельницы. Не могу есть. Все выносит из меня проклятая тошнота. Я к стеклам оконным не приближалась, зеркал тут, слава богу, нет. Сама на себя не смотрела. Жуть.

— Кто тебя знает? Я с твоими мужиками запутался в конце. Если бы я их хоть в натуре видел. Какие-то армяне, хирурги, циркачи и немцы. Коты и официанты. Знаю генерала и викария. Поздравляю, кстати. Коллекция охерительная! — ржал надо мной Тимка. Лопал арахисовую пасту, намазывая ее на шоколад. Я посмотрела заинтересованно. В ответ он вывернул мне здоровенный кукиш. Я мстительно наклонилась и откусила прямо от плитки в его руке. Вкусно.

— Это просто гранд-жратва! Выблюешь, убью на месте, — заявил парень, облизывая пальцы. — Че там, дальше? Свободна, не свободна.

— Есть один на свете морячок. Женатый и беременный. И хрен с ним! — я полезла в карман за сигаретами, вспомнила, что их нет, и разозлилась.

— Беременный морячок. Что-то новенькое. Гони свою брехню дальше, — милостиво кивнул мой приятель. Развалился на травке, мешок, еще полный всякой заковыристой еды, под голову засунул. Вытащил из нагрудного кармана электронную сигарету. Я потянулась.

— Дай хоть эту дрянь пососать, — брякнула я.

— Пососать я тебе могу дать хоть сейчас, но курева не получишь, — ухмыльнулся Тимка. Уклонился от моей руки.

— Не хочу я ничего сосать. Лебеда моя засохла и отвалилась. Месячных нет с мая. Я даже забеременеть не могу. Я больше не женщина. Скелет, — подтянула острые коленки к груди, обнялась с ними, как с родными.

— Ну, сиськи у тебя еще остались. Я бы за них подержался, ей-богу, — усмехнулся парень. — Ты бы перестала хреню всякой заниматься. Наела бы десяток kilos. Ты же красавица! Даже сейчас. Девушка-смерть. Красиво?

Я кивнула.

— Зае...сь! Как красиво, — неясно высказался он. Спрятал вейп, так и не задымив. Полез снова в пакет за едой. Вытащил круглый в полоску леденец на палочке. — Вот, пососи на здоровье. Ври дальше, мне нравится.

— Я не вру. Правда все. Самое ужасное, что я ему верила.

Он мне в любви признавался, с собой звал. Я бы не пошла с ним никогда. Но я ему верила. Как-то он умел со мной так, не знаю. Сказал: «люблю» и я поверила. А у нее уже его маленький ребеночек в животе рос. Крошечный, как зернышко...

— Эй! Не влезай в эту тему! Может быть, он не знал, — живо возразил мне Тимофей.

— Как хрен свой без резинки совать он знал. А то, что от этого дети бывают, не догадывался, — я машинально сунула конфету в рот. Кисленькая клюква. Прикольно.

— А вдруг она презики втихую иголкой прокалывала? Бабы, знаешь, какие ушлые бывают, если хотят мужика захомутать! — выступил Тимоха.

Я заржала в голос. Искренне, чуть не до слез. Давно так не смеялась.

— Ты где такую фигню подцепил? Женские романы почитываешь ночью, под одеялом?

— Ночью, под одеялом я другие романы читаю своей правой руке, — ухмыльнулся парень. — Ты как насчет дружеского секса? Я бы тебя белком подкормил.

— Мне показалось, что у душики-викария ты бы сам подпитался. Белком! Знаешь, какая она у него? Вку-у-сная, — я веселилась.

Тимка дотянулся и ткнул меня кулаком в плечо. Шутя. Не сильно. Самую малость. Но я упала. Он сразу посадил меня обратно. Глядел в лицо испугано.

— Ты как, малышка? Больно? Я не хотел.

— Все вы не хотите! Синяк теперь будет. И так страшна, как смертный грех, а ты меня еще больше украшаешь, — я все-таки разревелась. Но леденец из рук не выпустила. Посасывала сквозь соленые слезы. Приятное ощущение.

— Ты красивая, только худенькая очень. Скелетюлечка, — Тимка легонько поцеловал меня в щеку.

— Что? Как ты меня назвал? — слезы высохли. Внутри стало чуточку теплее. Даже

рукава свитера захотелось поддержнуть.

— Скелетюлечка, — он тихо подбирался к моим губам.

Я просунула ладошку между нашими лицами:

— Мне нравится слово. Давай лучше что-нибудь съедим.

Тимка что-то просопел себе под нос и полез в пакет с продуктами. Гуров. Мысль о нем впервые не вызвала приступа тошноты.

— Лола!

Я подняла голову. Давид сидел верхом на кирпичном заборе.

— Привет! Ты зачем туда забрался? Калитка же есть, — я обрадовалась страшно.

— Привет, дорогая! Далеко обходить, — он спрыгнул вниз на траву в высокую крапиву. — Ай!

Я подошла. Он обнял меня, как родную, ткнулся губами в щеку. Горячее солнце, соленое море, далекий дым, машинное масло и пот. Мужчина.

— Какая ты худая! Ох. еть! Ой, прости! Поехали домой, Кристина тебя откормит. Это она умеет! Или нельзя? Ты заболела? Мы за тобой приехали. Криста откуда-то узнала, что ты в беде. Наладила нас по-быстрому сюда. Айк идет через ворота, а я так, через забор, здесь короче.

Я слушала его болтовню, прижавшись ребрами под толстым свитером к твердой груди. Там громко стучало сердце. Дружеское и верное. Как же я соскучилась, боже мой!

Айк шел по дорожке. Длинная дама-врач что-то говорила ему. Я увидела, как сползла вежливая улыбка с его лица, когда напоролся на меня взглядом. Испугался, потом справился, помахал мне рукой. Они остановились. Видно их разговор не годился для моих ушей. Курс лечения заканчивается только послезавтра. Генерал Гуров должен приехать. Не отпустит меня никуда профессорша.

— Я дам вам препараты с собой, распишу обязательную схему лечения, — сказала женщина, внимательно вглядываясь в мое счастливое лицо. — Обещайте, что выполните все назначения.

— Я присмотрю, будьте покойны. Привет, дорогая! Как дела? — Айк обнял меня осторожно, как стеклянную. Я коснулась губами его колкой щеки доверчиво. Безопасно. Уеду с ребятами. Можно. Пора.

Я написала Гурову записку. В больнице этот древний способ общения процветал. На клетчатой бумаге, казенной шариковой ручкой. «Я уехала к своим. Спасибо тебе огромное. Прости меня за все. Будь счастлив».

— Добро пожаловать, дорогая! — Кристина обняла меня полными руками. Прижала крепко к мягкой груди. Я опустила лицо в ее пышные волосы. Запах пирожков, болгарского шампуня, чистоты и вечной еды. Стелла из дверей своего магазинчика помахала мне дружески рукой. Соседи вышли на площадь посмотреть на прибытие. Все как всегда. Тепло разливалось по мне. Захотелось снять свитер. Рановато пока, боюсь, испугаются люди красивую меня.

Пепа лаяла не переставая, закрытая зачем-то в комнате Кирюши.

— Где Кирилл? — я огляделась.

Криста показала молча мне глазами на дверь, за которой заходила истошным визгом собака.

— Кирка! Выпусти собаку и сам выходи! — громко приказал Давид. Бросил мой рюкзак на диван у входа. Подергал ручку двери. — Выходи, я сказал! Лола приехала.

Давид пожал плечами. Я подошла к глухо запертому полотну. Пепа завывала.

— Открывай, Кирюша. Я вернулась, — призналась я светлому дереву створки. — Обними меня. Я соскучилась. Выходи.

Дверь открылась, наконец. Пепа вырвалась на свободу. Плакала, лаяла, визжала и задыхалась. Все сразу. Забралась по мне, как мартышка, цепляясь отросшими когтями за трикотаж штанов. Вылизала моментом нос, рот и уши. Привела в собачий порядок. Мальчик остался в комнате. Я вошла.

— Привет, Кирюша, — я присела перед ним на корточки. Хотела поцеловать. Он увернулся. Я знала, настаивать нельзя. — Я рада тебя видеть. Ты здорово вырос, молодец.

Кирилл не издал ни звука. Смотрел на меня исподлобья светлыми отцовскими глазами. Я выпрямилась и отвернулась. Кирилл обнял меня сзади. Крепко, что было сил. Какой он сильный. Больно!

— Ай! — вскрикнула я. Притворно, но только наполовину. — Больно-больно-больно!

— Ты что творишь, пацан! — кинулся на мою защиту Давид. — Руки убери от моей девушки!

Он подмигнул мне мимоходом, пытаясь отцепить от меня мальчишку.

— Это моя Лола, пацан! Сам руки убери! — бился, как бешеный Кир. Выворачивался отчаянно, зло. Сражался.

— Все-все-все, — я изловчилась и подхватила ребенка на руки. Осела тут же под тяжестью на кровать. Вспомнила почему-то, как нес меня по больничным дорожкам Гуров. Прижала к себе, дождалась, когда успокоится. — Можно я тебя поцелую?

— Можно, — снисходительный ответ. И дальше тихо, на ухо, только мне. — Правда, что ты заболела от того, что скучала по мне? Мне так Кристина сказала.

— Правда, — я улыбнулась сквозь слезы. Мудрость, тепло и верность. Как же мне повезло, боже мой.

Пепка тихо попискивала, зажата между мной и Кирюшей. Успевала пролезать горячим языком по нашим счастливым лицам.

Глава 28

— При какой болезни так худеют? Это заразно? У тебя наверняка рак, просто врачи скрывают, — рассуждала добрая душа Лариса, сидя на диванчике в холле лучшей гостиницы земли. По моей личной версии. Ее поразительно острый сегодня мозг не смог остановиться на достигнутом. — Слушай, может быть, это инфекция? Плюнь в мой стакан, я хочу заразиться. Нажрала еще два кила, ни в одно платье не влезаю.

— Какая инфекция? Ни одна бактерия в тебе не выживет. Отравится винищем, которое у тебя давно вместо крови бултыхается. Оставь девочку в покое. Зачем явилась? — Кристина поставила передо мной на стол ресепшена стакан молока и булочку с творогом. Кормит меня шесть раз в день строго по часам. Два килограмма в плюсе на весах. Как у моей чуткой родственницы. На одежде это пока никак не отражается. И в зеркале тоже.

— Андрюха звонил с каких-то островов. Сказал, что бабки для Кирки перевел. Правда или пи...т? — Лариса, не раздумывая, протянула руку к моей булке. Я быстро отодвинула тарелку, чуть не пролив молоко. Противно.

— Тебе-то, что за печаль? — Криста жестко смотрела на нее, уставив руки в бока.

— Интересно. Он ведь так и не доехал бумажки на Кирюху оформлять. Что-то его задержало...

— Может быть, трое детей, а может быть, директор школы, — пробормотала я слова известной песенки.

— Все у нас с ним в порядке. Тебя не касается. Тебе-то он зачем звонил? — Кристина отвернулась и стала собирать забытые постояльцами вещи. Полотенца, резиновые тапки и детские игрушки. Складывала в большую низкую корзину у входа. Найдут там завтра утром, что кто потерял. Ответ мамы Кирилла ее мало занимал.

— Я сама удивилась, когда голос его в трубке услышала. Сказал, что вернется из похода и навестит Кирку. Привет моей сеструхе передал. С чего бы? Никогда у него с Ленкой ничего не было. Только со мной. Ну, еще с Катькой, соседкой. Или с Галкой? Или с обеими? Не помню.

Это да. Кто ж всех его подружек упомянуть в состоянии? Я жевала мягчайше-свежайшую булочку, проталкивая в горло прохладным молоком. Надо есть.

Прибежал Кирюша из соседнего заведения. Сразу залез ко мне на колени. Обнял. Пепа давно и безотрывно сидела в моем кресле у бедра. Стерегла, не уставая ни на миг. Я дома.

— Папаша твой обещался приехать, — сообщила Лариса. Глядела на сына и радовалась. Обнимать не пыталась. Знала, что в руки к ней не пойдет.

Потрясающая дура! Парень ждет его каждый день, чуть на дорогу не выскакивает. Месяц назад еще грозился нарисоваться, морячок. Кинул ребенка, гад. И эта не лучше: промолчала бы, шалава.

— Ура! — мальчик спрыгнул с меня. — Когда? Он сказал, когда?

Я ушла от них в кухню. Якобы налить еще молока. Меня никто там не тревожил. Боялись спугнуть.

— Стелла передала для тебя домашнего кролика. Я приготовила его в сметане. Съешь кусочек? — Криста подошла ко мне сзади и обняла.

Я уже перестала кутать себя в теплые вещи в жарком воздухе щедрого августа, но чужие прикосновения выносила с трудом. Терпела. Даже любимые руки. Только ребенок и собака

не тяготили. Пахли хорошо. Кивнула. Кристина ведь старалась. Для меня. Профессорская химия держала надежно. Айк беспощадно следил всякий раз, чтобы я честно глотала таблетки. Как обещал. Я слушалась, старалась есть еду и не реветь. По странным иногда поводам. Как сейчас, например.

— Лолочка, хорошая моя. Можно я расскажу? — добрая женщина аккуратно поставила передо мной тарелку с кусочком мяса в белом соусе. Еще одну рядом с запеченным в кожуре картофелем. Дым и хмели-сунели. Нет. Я не смогу это проглотить. Села честно за стол. Кивнула без интереса.

— Тебе звонили. Я не стала звать, ты только заснула днем. Наверное, надо было? — Криста села напротив, подперев рукой доброе лицо. Снова серовато-осунувшееся. Красотки мы с ней, ничего не скажешь.

— Ну, их всех, дорогая, к известной матери, — улыбнулась я, беря в руку вилку и нож, как минер провода. Красный или синий? Есть или нет? Или взорвется?

— Звонил Георгий Аркадьевич. Справлялся о нашем здоровье. Моем и твоим. Спрашивал, не надо ли чего. Я ответила, что у нас все есть...

— Про меня он откуда узнал? — перебила я. Видеть его не хотела. Но интересно.

— Не знаю. Ребята, наверное, рассказали. Он наезжал в караоке пару раз, когда ты ушла от нас. И на этой неделе тоже. Давид сказал ему, что ты болеешь и никого не хочешь видеть, — Криста встала со стула, подошла к плите. Там что-то готовилось. Какая-то еда. Вечный кавказский мотив.

Молодец, Давидик. Прикрывает меня всегда и всюду. Его братья тоже на страже.

— Звонил Лев Иванович, — Женщина сделала паузу. Спина застыла, но не повернулась.

— Кто? — я придурилась, будто не знаю. Кто это и зачем.

— Это он позвонил мне две недели назад и все рассказал о тебе. Сказал, что ты заболела. Просто сообщил, где ты. Я сразу поняла по его тону, что надо ехать, выручать. Он хотел узнать, как твое здоровье. Хороший голос, мужской, — Криста вдруг обернулась и посмотрела на меня. Лукаво и остро.

— Не смотри на меня так, — я смутилась и даже руку подняла, прикрывая лицо.

— Ты бы телефон себе завела, что ли. Сделала из меня секретаршу, — засмеялась женщина.

Я слопала кусок кролика, не заметив. И картошку, почти всю. Вкусно. Видеть Гурова мне не хотелось. Не готова пока. Но его настойчивая забота прошла знакомым теплом по отмирающей мне. Ну, вот и дождалась. Мое личное животное явно вспомнило, что оно живо. Кушать тоже хочет. Или жрать?

Гроза. Грохочет беспардонно, пугая Пепу кривыми линейками вспышек и резким, близким ударом. Словно в крышу дома метит. Для второй половины августа — это нормально.

Падал инжир с мягким шлепом, сдаваясь под сильными струями. Огромное дерево, соперничая с высоченным грецким орехом, перекрывало рыдающее небо над короткой площадкой двора. Завтра Кристина станет варить варенье. Инжирное, с беловатыми половинками грецких ядер, похожими на человеческий микро-мозг. Душистое и необычное. Поставит здоровенный чан на камни очага в защищенном от всех ветров углу дворика. Разожжет суковатые поленья, что Давид напил из старой, прошлогодней, умершей вишни. Запах проплывет по округе потрясающий. Первый, неясный еще, намек на близкую осень. Дым, смола и память. Можно, понятное дело, сделать все проще и короче на электричестве

плиты в кухне. А традиция? А волшебство? А маркетинг? Никому даже предлагать варенье не придется. Сами придут и все дадут, написал классик по совсем другому поводу. Северные люди охотно купят эту сладкую южную экзотику. Увезут небольшие банки с собой в холодные края, как память о растаявшем лете.

Стук уверенный в запертую дверь. Кому не спится в глухую, промокшую ночь? Пепа забухала выучено в сомкнутую пасть. Ух-ух. Подбежала к двери, принялась и завертела радостно хвостом. Кто там? Второй час ночи. Я удивилась и открыла.

Андрей. Промокший до последней нитки. Белая рубашка, синие джинсы прилипли к телу в ноль. Дорожная, черная сумка блестит водой в левой руке.

— Привет. Нежданных гостей принимаете?

— Входи.

Я уже шесть килограммов в плюсе. Как выгляжу? Айк сказал, что отлично. И Давид. И Гарик. И Криста. А вдруг врут?

— Мне бы полотенце. И переодеться. Мокрый, как рыба. Прямо с корабля на бал.

Какой бал? Все спят давно. Я пошла вперед по короткому коридору к душевой. Ни слова еще не сказала. Не могла. Не верила. Что это наяву. Он поймал меня в темноте. Обнял. Так, как мечтала всегда. Как ждала все это гребаное время. Я нашла его губы. Поцелуй. Провидец Климт, всем известным принтом на китайской кружке. Тягучее золото, и время провалилось. Мелкими, яркими, ненужными подробностями. Стекло куда-то мимо нас.

— Я, — он зачем-то хотел говорить. Запах дождя, соленого моря, острого желания. Андрей.

— Нет, — ответила я и засмеялась своему всегдашнему ответу. Стягивала упрямую мокрую рубаху. Потом жесткие, сопротивляющиеся, снова мокрые штаны.

Его руки везде. Мои губы всегда. В моей комнате спит Кирюша. Туда нельзя. Мы занимались любовью на кухне, забыв даже свет погасить. На столе, на полу. Где придется. Мы соскучились. Наверное, шумно. Наверняка. Никто не пришел нам помешать. Никто и не мог. Мы бы не заметили.

— Я, — снова начал Андрей, когда пауза нас все-таки остановила. Я закрыла его рот ладонью. Села рядом на линолеуме пола. Оперлась спиной о теплую плиту. Колени, еще слишком костлявые, притянула к груди. Ребра торчат. Да, красавица я еще та. Он убрал лицо в сторону от моей руки и тоже сел. Смотрел неясно в свете лампочки под потолком. Гольй, сильный. Долгожданный. Большие плечи, грудь в редких темных волосах. Татуировка. Как там его стальное колечко? Не попало сегодня мне в руки. Не успело. Слишком быстро владелец спрятал его в силикон.

— Я могу сказать?

— Говори, — я отвернулась. Стала искать глазами свое платье. Прикрыть надо поскорее мое уродское тело.

— Я не ожидал, — сказал он.

Я пожала плечами. Я тоже. От себя точно. Хотела спрятать себя от навязчивой лампы на потолке и его внимательных глаз.

— Обернись, — попросил он.

Я обернулась. Он улыбался своей знаменитой, лихой мальчишеской улыбкой. Новая вертикальная морщинка появилась между бровей. Губы обветрились и наверняка саднили, зацелованные мной. Провел рукой по моим волосам, убирая их с лица. Коснулся рта. Я поцеловала сухие, шершавые пальцы.

— Я, — начал он и замолчал. Нет слов. Кончились, не начавшись. Убрал ладонь. На безымянном пальце тонким ободом светилось под холодным равнодушным электричеством золотое кольцо. Я не удивилась. Знала о нем. Вопрос: «Ты чей?» больше не существует. Только кольца везде.

— Надевай штаны. Я положу тебя спать в свободной комнате на втором этаже, — сказала я. Платье нашлось. Я натянула его через голову. Спрятала белье в карман.

Андрей разглядывал свою мокрую, скомканную одежду рядом. Фиг натянешь такое. Я протянула ему кухонное полотенце. Мы не смотрели друг на друга. Это было опасно. Мы могли снова. И снова. И снова...

— Я люблю тебя, — сказал он тихо. Взял меня за руку. Сказал. — Веди.

Я люблю тебя. Я говорила это тысячу раз его поцелуюм. Его рукам. Его плечам. Бедрям. Дальше. Стальному колечку, о котором так мечтала. Я люблю тебя. Я признавалась его телу каждой клеткой своего. Внутри. Зачем снаружи? Что это изменит? Только добавит ненужных вопросов. Или сомнений. Или, не приведи господь, страданий. Нет. Зачем? Я знаю это. Пусть думает, что хочет. Как ему проще. Я люблю тебя, мой единственный. Какое счастье, что ты есть. Спасибо.

— Я женился. Она ждет ребенка, — Андрей все-таки высказался. Сидел ко мне спиной на узкой кровати и вертел яростно кольцо на пальце. Холодно-умывтое утро осторожно заглядывало в окно.

— Я знаю, — я улыбнулась. Смотрела на него без страха. Я счастлива и свободна. Что-то вырвалось из меня. На волю и навсегда. Расковало застывшую в невозможном ожидании невозможного душу. Я выздоровела.

— Я женат уже в третий раз! И снова... — он резко обернулся. Напоролся на мою улыбку. — Ты! Где ты, блядь, была все это время! Я искал тебя! Я тебя звал! Ты всегда молчала и уходила!

На секунду мне показалось, что он меня ударит. Я зажмурилась. Он навалился на меня всем телом и стал целовать. Слово не было этой сумасшедшей ночи.

— Я люблю тебя! С первой секунды, как увидел в коридоре. Этой зимой. В общежитии. Помнишь?

— Я помню. Я тоже... — я чуть не проговорила. Нет. Зачем? Не надо.

— Ты тоже? Да? Говори! Я чувствую. Повторяй за мной: я люблю тебя! — он уже не целовал. Вжимал меня в себя. Больно и отчаянно.

— Перестань. Рассвело. Мне надо идти. Скоро Кристина проснется и Кирилл, — я аккуратно выбралась из-под его тяжелого тела. Еле оторвала себя.

— Вот ты стерва! Всегда только пользуешься мной и уходишь. Каждый раз одно и то же. Плевать тебе на меня. Убирайся. Пошла вон, — он сказал это уже спокойно. Выверенными, давно обдуманскими словами. Отвернулся. Гордый и правый.

— Эй! — промолчала я в спину правильного мужчины. Натянула платье и скользнула за дверь. Много могла бы сказать. Вроде горького и совсем не нового: «Это ты женат в третий раз, мой единственный. Это у тебя бабы и дети везде, где надо и не надо. Это ты суешь свой член в каждую подряд. Я в чем перед тобой виновата? В том, что не хочу в эту очередь бесконечную вставать? А потом ждать, когда крайняя твоя подружка в подоле принесет? Или предыдущая? Приглядывай за собой получше! Презервативы купи, придурок. Или телевизор!»

— Поехали, — сказал хмуро Андрей после завтрака.

Никто, казалось, не заметил того, что мы с ним теперь чужие люди. Посторонние. Еще пять секунд и враги.

Кирюша, Кристина, неистребимая Лариса щебетали радостно-счастливо. Смотрели только на него. Мужчина тер периодически лоб сильной рукой и выглядел усталым.

— Куда? — я вдруг испугалась. Документы на ребенка оформлять?

— Нет, — ответил моим мыслям Андрей. Всегда умел это фокус со мной. — Поедем в Город. Прогуляемся. Сегодня же суббота. Проводите меня заодно.

— Я не хочу, — сразу отозвалась я. Встала на ноги. Хотела сбежать из кухни подальше.

— Я не сомневался, — Андрей грубо, ногой, захлопнул дверь, перерезав мне выход. — У меня всего один день. Мы, я и Кирилл, хотим, чтобы ты поехала вместе с нами. Не от-ка-жи нам, по-жа-луй-ста, — он по слогам, не скрывая злости, закончил. Говорил вперед, ни на кого не глядя.

Кристина удивленно посмотрела на нас. Уловила очевидный напряг. Переводила блестящие глаза с одного на другого. Не понимала. Собирала грязную посуду со стола. Остатки рисовой каши, пирожки с мясом и абрикосами.

— Хорошо, — быстренько согласилась я. Расстраивать добрую женщину мне хотелось меньше всего на свете.

— И я! Можно я тоже поеду? — вылезла вперед невозможной простотой Лариска. Ненормальная.

— Нет! — отрезал Андрей.

— Я хочу сделать тебе подарок, — сказал он мне на широкой детской площадке большого магазина. Кирюша, заваленный пакетами с одеждой и игрушками, сидел, болтая ножками на ярком диване Лучшей забегаловки. Есть пора.

— Нет, — я сама не заметила, как сказала.

— Почему я не удивлен? Других ведь слов у тебя для меня нет. Выбери, не зли меня, — ничего сегодня не смогло заставить его сменить тон. Ни радость ребенка при виде игрушек и прочего. Ни наша с мальчишкой суета и беготня за веселым, звонким поездом, когда Кирюше захотелось прокатиться. Ничего. Смотрел глухо-серо, платил без интереса и редко открывал рот.

— Мне ничего не надо, — я отвернулась. По иронии судьбы за стеклом витрин рядом светились предметы женского белья, золотые с камушками заманихи и прочие ловушки для доверчивого мужского кармана.

— Я хочу сделать тебе подарок, — упрямо повторил Андрей. В мое, отраженное в лифчиках и трусах-чулках лицо не смотрел. Продавщица, смазливая блондинка и моя ровесница, пялилась на его сердитую фигуру с заметным интересом. Я ее понимала. Он, без дураков, красивый парень. Морячок.

— Так делай, — я пожала плечами. Взяла Кирюшу за руку и ушла к стойке электронного меню выбирать картошку, гамбургеры и колу.

Достал, ей-богу, своей злостью. Настроение мое, против всякой логики, улучшалось с каждой минутой. Хотелось провести пальцами по его напряженным плечам. Расслабить. Может быть, поцеловать упрямый, сжатый в красивую линию рот. Нельзя. Он не оценит. Решит, что вру и подлизываюсь. Не поверит. Нет. Жалко.

— Наелись? — сурово, как монах в Великий пост, Андрей смотрел на бумажные пустые коробки и стаканы. Мы с Кирюшей, как два сытых клопа, откинулись на спинку желтого дивана. Остался бы с нами на недельку. Я бы точно прибавила в весе долгожданные килограммы. Аппетит мой сегодня шкалил, как никогда. Кирюша согласно кивнул за нас обоих. — Пошли.

Оригинальность никогда не была сильной стороной мужчин вокруг меня. Только Гуров изредка удивлял. Ювелирный сиял на синем бархате известным блеском предложений. Я стояла в центре магазина, держа терпеливую ручку Кирюши.

— Что вас интересует? Кольца, серьги? Сегодня акция... — милая барышня честно отработывала номер.

— Подойди, — приказал холодный голос. Андрей стоял возле витрины. Сколько можно злиться? Кирюша, праздная мужскую солидарность, потянул меня к отцу.

Суммы под украшениями чернели неприличными нулями. Зачем? Что он хочет доказать? Видала я в этих прибрдах разные кренделя.

— Не нравится? — жестко и презрительно. Словно я выпрашивала презент долго и нудно сама, а теперь кобенюсь. Хотела бы я взглянуть на его лицо, окажись он на моем месте. В подобной ситуации и тоне.

— Нет, — я улыбнулась в светлые глаза.

Андрей опустил веки и отвернулся. Провел пальцами правой руки по темно-русые волосам. Золотой ободок обязательства на безмянном подмигнул мне нахально в зеркале витрины. Я усмехнулась в ответ.

— Может быть, вашей супруге понравятся украшения с изумрудами? Они, безусловно, подойдут к редкому цвету глаз вашей жены! Это уральские камни, они, конечно, дороже индийских, но зато их тон гораздо чище и глубже, чем привычные... — барышня-консультант испуганно заткнулась.

Я хохотала. Тупо ржала до слез. Как она вовремя выступила! Вытащила все наше на белый электрический свет магазина. Красавица.

— Спасибо, нет, — отрезал Андрей и первым вышел за дверь, оставив бедняжку ни с чем. Ее продажа накрылась тяжелым медным тазом. Я виновато развела руками и поплелась следом.

Он сидел на холодноватой псевдокоже низкого дивана галереи. Отвернулся в желтую стену и молчал. День, видно сегодня выдался такой: я постоянно гляжу в его затылок и шею. Ворох покупок громоздился рядом откровенно-радостной массой. Кирюша осторожно присел возле подарков. Тихий и тоже молчаливый, на всякий случай. Знает кое-что про эту жизнь малыш. Я примостилась около ребенка. Как пойдет.

— Кир, иди, погуляй, пожалуйста, — сказал Андрей.

— Нет, — тут же откликнулась я. Ребенок слишком мал, чтобы разгуливать в одиночку. — Я пойду с ним.

— Нам надо поговорить, я уезжаю через два часа, — произнес мужчина устало.

— Говори, — ответила я. — Выбирай выражения. Кирюша не может бродить один по магазину.

— Хорошо. Пусть хотя бы к двери отойдет, — Андрей проследил глазами, как мальчик с интересом и некоторой опаской скрылся за дверью мужского туалета. — Прости меня. Все это не должно было случиться.

— Ты о чем? — мне интересно. В самом деле, о чем?

— О нас. Об этой гребаной ночи. Прости меня, за утро. Лишнее сказал. Я не хотел тебя обидеть, честное слово. Я сам во всем виноват. Руки свои не удержал при себе, — Андрей наконец повернул ко мне лицо. Улыбается. Грустно и виновато.

Не только руки. Могла бы я добавить и не стала. Жаль его было до светлых слез. Внутри меня так знакомо потеплело. Что-то маленькое, живое и горячее родилось заново и потянуло меня к единственному. Теперь я это знала точно. Единственному для меня человеку. Я быстро проговорила:

— Я не обижаюсь. Правда. Хочешь снова стать моим братом? Давай! Как ты говоришь: забыли, зарыли, кол осиновый забили? Я согласна! — встала перед ним. Протянула открыто руку.

Андрей медленно поднялся на ноги. Взял осторожно мою ладонь в свои теплые пальцы. Посмотрел в глаза. Не улыбался. Не злился больше. Просто запоминал.

— Привет, сестренка! Обнять тебя я все же не рискну, — сообщил негромко моим глазам.

— Не надо, — кивнула так же тихо я. — Все? Ты все выяснил? Кирюша что-то долго не выходит из туалета. Сходи за ним.

— Я совсем о другом собирался разговаривать. Жди тут.

Как все переменилось между нами. За пять секунд, буквально. Родственный статус снял замок любовного ужаса. Мы спрятались за него охотно оба. Как дети под стол от грозы.

— Я так и не сделал ничего с бумагами, — объявил Андрей, появляясь на пороге туалета. Тут они с Кирюшей одновременно бросили в дальнюю корзину комки бумажных полотенец. Попали.

— Не горит. Сделаешь в следующий раз, — я улыбнулась в пространство. Глядеть на него лишней раз пока не стоило. Рискованно слишком.

— Номер телефона скажи мне. Я хочу знать. А то я только Кристине могу позвонить. Или Ларисе, — Андрей по собственной инициативе снял мокрую майку с сына. Тот сразу стал натягивать новую из упаковки. Какая идиллия! Никого не надо упрашивать.

— У меня нет телефона, — ухмыльнулась я.

— О! — сказал Андрей. Закинул на плечо мешок с подарками, взял Кирюшу за руку и решительно пошагал вперед. Дед Мороз в августе.

Я села обратно на диван. Пусть прогуляются. Сердце прыгало внутри испуганным мелким зверьком. Все-таки лучше бы он злился. В своей грустно-виноватой форме Андрей представлял реальную угрозу. Для меня.

— Вот, возьми, — Андрей бросил мне на колени бело-розовую коробку с надкушенным фруктом по центру. — Цены у них, мама дорогая! Мне последние обручальные кольца обошлись в половину дешевле.

Я пожалала плечами. Его дела. Мог бы не тратиться.

— Снова не нравится? — он сел рядом и очевидно напрягся.

— Нет. Прости. Нравится. Спасибо, — я улыбнулась. Подняла к нему лицо.

— Руку дай, — Андрей улыбнулся и снова нашел во мне то место. Самое главное. Легко и непринужденно. Как не уходил. Я надеялась, что этого больше нет во мне. Померло тогда, в июле, когда мы так нежно поболтали с его женой. Предательские быстрые искры помчались от пальцев рук и ног к центру. Подрагивая и нагреваясь. Я протянула ему ладонь. Сказал бы, иди и прыгни с балкона, я бы прыгнула. Он надел мне на палец колечко. То самое, с уральским зеленым камнем, что безнадежно пыталась продать нам девушка из

ювелирной лавки напротив.

— Что это?

— Ничего. Просто на память. Сестре от брата. Мало ли что может случиться по жизни. Продашь, если деньги будут нужны. Или дочке своей оставишь в наследство, — Андрей быстро коснулся моего лба сухими губами и встал. Хлопнул в ладоши. — Дорогие мои! Срочно двинули меня провожать или я стану догонять свой борт вплавь.

В такси я смотрела в его затылок. Гладила машинально прикорнувшего на моих коленях малыша. Андрей иногда проводил пальцами по волосам. Хотел снять с себя мой грустно-прощальный взгляд. Плевать. Я наклонилась вперед и поймала его ладонь. Прижала к губам и отпустила. Он замер и не обернулся. Такси полетело вперед.

Яркая, в ночных веселых фонарях темнота августовской ночи.

Аэропорт. Терминал. Люди. Его ждала приличная компания из желавших проводить и всплакнуть на плече. Андрей вместе с сыном вошел в центр собравшихся. Я потерялась сразу за стеклом дверей. Вернулась на улицу. Курить. Спряталась здесь.

— Огоньку не найдется?

Я оглянулась. Молодой коренастый мужчина стоял рядом с сигаретой наготове. Я протянула зажигалку.

— Улетаешь, провожаешь? — он оглядел мой зеленый сарафан и решил, что можно на «ты». Его коричневая сигарета пахла абрикосовыми косточками и еще чем-то приятным.

— Провожая, — я улыбнулась. Просто так.

— Может быть, подвести тебя до города? — мужчина сделал шаг ко мне. Уверенное лицо и черная форма каких-то войск. Капитан.

— Не стоит. Куда ты пропала, сестренка? — Андрей обнял меня за плечи. Увел сразу, не дожидаясь ничьей реакции. Я едва успела кинуть окурок в урну. — Посадку уже объявили. Ты хотела, чтобы я исчез из твоей жизни без прощальных обнимашек?

— Там твои друзья. Давай обнимемся здесь, — я хотела притормозить. Он не позволил.

— Пойдем. Я хочу тебя познакомить кое с кем.

— Надеюсь не с теми, с кем я уже знакома? — я не хотела идти, но Андрей был неумолим.

— Не трать. Я не дам тебя никому в обиду, — он рассмеялся и пропустил меня вперед в дверях здания.

Я не зря переживала. Дам в компании поклонников убывающего хватало. Весь его гарем, поди, здесь. Некоторые участники шоу светились знакомыми по морским приключениям лицами. Счастливой супруги не видно. Хоть в этом мне повезло. Пили шампанское из пластиковых стаканчиков.

Я поздоровалась, невольно копируя известную улыбку виновника торжества. Кирюша сразу подлетел ко мне и взял за руку доверчивой теплой ладошкой.

— Возьмите, — парень в сером костюме протянул мне шампанское. Я вежливо взяла. Очки в тонкой оправе. Белая сорочка, галстук, туфли. Он явно диссонировал с остальной, полетному небрежно одетой толпой.

— Познакомься, сестренка. Это мой лучший друг Влад, — Андрей зачем-то провел пальцем по моей шее. Опомился. Крепко взял за плечи и весело потряс.

— Владислав, — лучший друг протянул мне руку.

— Лола, — вежливо пожалала я и сделала зачем-то книксен. От смущения, не иначе.

Откровенно-насмешливое любопытство давно спевшейся компании. Знающих абсолютно, кто с кем и как. Одноклассники-однокорытники. Неуютно.

— К нему ты можешь обратиться в любое время дня и ночи. Влад поможет, пока меня не будет рядом, — объявил Андрей. Не выпускал меня из рук. Братик.

— Впервые слышу, что у тебя завелась сестра. Обычно, это по-другому называлось, — раздался хриплый смех сбоку. Яркая блондинка в узком черном мини смеялась откровенно. Подружка. Экс или в запасе. Номер раз.

— Точно, Андрюша! Что-то новенькое в твоём репертуаре, — опять блондинка, только платиновая. Узкое макси цвета морской волны. Номер два. Точнее не бывает.

— Это ему, видно, от Ларочки навеяло. Фома токсикоза такая, — смеялась вместе с подругами шатенка в узеньких рискованных джинсах на изрядной попе. Бюст вырывался навстречу зрителям из короткой маечки. Номер три. Обязательно. Такие формы он пропустить не мог.

Насмешки посыпались со всех сторон.

— Девочки, не возбуждайтесь! Я в завязке до следующего года, — отбивался весело мой названный брат. Доволен был собой абсолютно. — Лола...

— Ого! Уже планируешь развод? Мило-мило! — девушки не желали ничего знать. Кроме самого интересного. — Андрюшечка-душечка, звякни нам, когда откинешься! Мы дождемся! Гондоны иголками проколем, как твоя тихоня-Ларочка и женим на себе! Возвращайся к нам! Мы самые верные твои подружки!

— Андрей, ты летишь или остаешься? — подошла к нам девушка в форме служащей аэропорта. Снова блонд, каблуки, грудь, попа. Красавица в общем сегодняшнем стиле. Номер сколько?

— Спасибо, Верочка! Иду! — не дав дамам взять себя в плен, он подхватил дорожную сумку. Быстро присел перед Кирюшей. — Не скучай, парень, увидимся. Лолу нашу береги. Я вернусь.

Последние два слова сказал мне, заглянув снизу в лицо. Не улыбался. Выпрямился, хотел что-то добавить, но девушки налетели с прощальными поцелуями и потащили к выходу. Алес.

— Пойдемте, Лола, я отвезу вас с мальчиком домой, — проговорил Влад. Стоял неподалеку и говорил негромко оттуда. Подойти не пожелал.

— Не нужно, я вызову такси, — возразила я. Мне не нравился этот лучший друг. И подруги. Мне вообще никто не нравился здесь. Хотелось страшно домой. Отмыться.

— Я обещал Андрею. До вашего городка почти сто километров. Зачем вам такси? — он не улыбался. Явно не в восторге от нашей общей перспективы.

— Я хочу курить, — заявила я на стоянке перед зданием аэропорта. Влад кивнул и полез в машину. Кирюша вцепился в мою руку и остался рядом, не желая расставаться ни на миг.

Пошел мелкий дождь. Холодало стремительно. Кирюша крепче прижался ко мне в своих тонких шортах и футболке.

— Я, наверное, кажусь вам мрачным типом, — Влад вернулся с сигаретой в зубах. Так и говорил, сквозь зубы. Прикурил и выпустил дым через нос. Курильщик со стажем. — Я только три часа назад сам прилетел. Ждал Андрея в аэропорту, а он опоздал на два.

— Андрей часто нарушает обещания, — заявила я. Получилось резко и горько.

— С чего вы взяли? — тут же отреагировал Влад. Оглядел меня с ног до головы, словно

только что заметил. — Андрей — человек слова. Я знаю его двадцать пять лет. Я не знаю никого, кого бы он обманул или предал. Его честность часто доходит до абсурда. До глупости. Вы не правы.

Лучший друг сверлил меня злыми глазами за стеклами очков. Свет фонаря отражался в них возмущенными бликами. Какая преданность! Кто бы мог подумать.

— Женщин эти чудеса его натуры явно не касаются, — ухмыльнулась я недобро. Ехать куда-то с этим маньяком мужской дружбы? Ни в жизнь.

— Напротив! — выступил резко Влад. Ну-ну! Еще какие слова знаешь? Отнюдь? — Хочу вам заявить, милая барышня, что мой друг Андрей всегда выполняет свои обязательства по отношению к девушкам!

— Поэтому он в третий раз женат? — я издевалась над пылким защитником самого честного любовника на свете.

— Именно поэтому! Как только его девушка объявляет, что ждет ребенка, Андрей, как человек чести, делает ей предложение. И женится, держа данное слово! Что совсем не часто бывает в нынешние времена! — очки, кажется, запотели. Он — адвокат, дошло до меня с опозданием. Но интересно другое. Я прикурила новую сигарету. Адвокат сделал тоже самое.

— Сколько же у него детей?

— Достоверно известен только этот, — Влад махнул рукой на Кирышу. Небрежно и без интереса.

— А остальные как же? — я искренне изумилась. Два и два не складывались в своеобразной арифметике адвоката.

— Знаете, Лола, я очень хочу есть. Ехать нам не меньше двух часов через все побережье. Предлагаю поужинать и поговорить в более приятном и сухом месте, — лучший друг, не хуже известной дамы из восточной сказки, перевел тему. Дождь откровенно усиливался, обещая, как минимум, сопли назавтра.

Я согласилась. А кто бы устоял?

Пять лет назад.

— Жопа! — сказала я, входя утром в столовую.

Олег поморщился. Не выносит уличной брани. Эстет.

— Детка, я прошу тебя, выбирай выражения.

— Я залетела, — выбрала подходящие случаю слова. Залезла в бархатное полукресло с ногами. Натянула большую белую футболку, в которой спала, на колени. Взяла с тарелки горячий тост и стала, обжигаясь, грызть.

— Фарида, можете идти. Спасибо, — Олег жестом указал кухарке на дверь. Худенькая чернявая женщина кивнула и исчезла. Почти не говорит по-русски и не понимает. Или прикидывается, как все они. Готовит всякую несъедобную еду и убирает в доме три раза в неделю. Думаю, что знает про нашу парочку все. Не идиотка же она, в конце концов. Что бы не воображал себе этот умник, мой папенька. По версии органов опеки.

— Давай сначала, — велел мне Олег. Никакой паники на чисто выбритом лице. Безукоризненная белизна сорочки. Дорогой галстук в мелкий горошек. Ничего не ест в это время суток. Только чашка кофе. Для бодрости мысли и ясности ума. Темно-серый пиджак ждет его на распялке в коридоре.

— У меня задержка. Две недели. Или больше. Но две недели точно. Никогда раньше так долго не случалось, — я перетащила порцию омлета в форме сердца с низкой сковороды к себе на тарелку. Сердце? Точно прикалывается над нами старушка Фарида.

— Интересно, кто же такой ебкий попался? — вдруг зло прошипел Олег. Языковой эстетизм покинул его, не попрощавшись. Вернулся народный словарь. — Я был в командировке ровно шестнадцать дней, а ты мне мозг паришь, что у тебя залет на две недели?! — тут он опомнился, потряс ухоженной головой. — Сейчас не важно, кто. Главное, решить проблему быстро и с минимальными потерями. Оставайся сегодня дома. Я вернусь к обеду. Ты тест делала?

Олег окончательно взял себя в руки. Стал взрослым и не ревнивым. Всегда заявлял себя таким.

— Не-а. Я не хочу идти в аптеку на углу. Там старуха на кассе все время стремная шерстит. Я у нее неделю назад вибратор купила. А теперь за тестом приду. Че она выштырит? Что я от дилдоса залетела? — я сделала дурацкое лицо.

Олег мимо воли заржал. Бросил льняную салфетку на стол.

— Иди ко мне, дурочка.

Я пришла. Забралась на колени. Он поцеловал меня в шею. Сзади, сдунув короткие кудри вбок.

— В этом городе аптек, как грязи. Зачем тебе вибратор?

— Попробовать хотела.

— Ну и как?

— Ничего. В смысле, нормально. Но живой лучше, — я потерлась носом о его чересчур гладкую щеку.

— Ладно. Днем я отвезу тебя к врачу. Вечером идем в гости, — он провел пальцами по моей голове. Снял с колен.

— Я не хочу-у, — заныла я. Терпеть этого не могу. Изображать пай-дуру в очередной пафосной семейке. Я люблю это делать только тогда, когда это нужно лично мне.

— Надо, детка. Надо. И следует вести себя крайне прилично. Не поджигать газеты в гардеробной и не топить соседей снизу. Кто он? Скажи мне, не бойся.

Ага. Еще чего не хватало. Я в своем уме, как любила говорить красотка Аля. Он может сколько угодно воображать себя спокойным и не ревнивым. Мерси. Проходили.

— Никто. Дилдос. Отстань, — я вернулась на свое всегдашнее место за обеденным столом. Строго напротив Олега. Намазала на загорелый кусок хлеба сливочное масло. Оно потекло по горячей булке и моему подбородку. Вкусно. Жалко, что в школу я сегодня не попадаю. Два лучших урока. Русский плюс литература. Ольга Петровна — зверь-баба. Душит наших физмат-гениев двойками по диктантам с изощренным садизмом. Я — ее любимица. Единственная из трех естественно-научных параллелей.

— Старая дура! — зло сказал Олег, жестом прогоняя меня с водительского сиденья. Резко завел двигатель и с шумом выехал вон с парковки клиники.

— Че сказала? — я защелкнула ремень безопасности, заставив дискавери заткнуться.

— Ни че, а что! Лола, прошу тебя, разговаривай нормально. Не строй из себя малолетку из подворотни, — мой названный отец проехал на красный свет. Терпеть не может нарушать правила. Особенно под камерами и при свидетелях.

— Не злись, папочка, — я погладила его по ноге от колена вверх. Постучала по

известному месту между ног.

— Прекрати!

Я откинулась на сиденье и заржала. Вытащила сигарету и полезла в бардачок за зажигалкой.

Олег выхватил сигарету из моего рта, сломал в пальцах и бросил под ноги. Я пожала плечами и отвернулась. Истерик. Ничего. Ревнивый и вспыльчивый, он быстро отходит. Вот надуюсь сейчас, как мышь, получу потом все, что захочу. А если в комнату свою потом уйти молча и закрыться, то из большого моего мальчика можно вить все, что угодно, от шнурков до корабельных канатов.

— Куда поедем обедать? Не молчи, пожалуйста. Врач сказала, что менструации у тебя нет, потому, что ты худая, нервная, с ранней половой жизнью. Даже анальной. Зачем ты курила в туалете? Там же камеры везде! Черт бы тебя побрал! Я извинялся, как дурак. Заведующая глядела на меня коровьими глазами и сочувственно вздыхала. Оказывается, это страшно трудно воспитывать подростков. Они, представляешь себе, постоянно проверяют мир на прочность! Совершают дерзкие, необдуманные поступки! Идиотка! Надавала мне рецептов и телефонов психологов-психиатров. Я обещал, что мы пройдем полное обследование. Посмотри на меня.

Я упрямо пялилась в окно.

— Не молчи, детка, — он сдавался на ура моему гордому профилю. — Чего ты хочешь?

— За руль, — соизволила я ответить.

Олег показал правый поворот. Встал на аварийке под знаком. Повернулся ко мне, обнял, больно вдавливая в плечо полосу ремня:

— Извини, что подозревал тебя черте в чем. Ты сама все время провоцируешь меня на недоверие. Я иногда не понимаю, где ты шутишь, где правду говоришь. Поцелуй меня, детка.

Я потерпела несколько минут его губы на себе. Не отвечала. Мужчина вздохнул. Отлепился от меня и вылез наружу. Я сунула новую сигарету в рот, пересела на его место. Включила радио.

Такси туда и обратно.

Я знаю, что будет завтра.

Ну а пока на пороге не стой,

Не хочу целоваться в парадной...

Сделала звук на всю. Олег что-то сказал, я помотала головой, прижала педаль и ввинтила нас в большой поток.

— Интересно, — я внезапно убрала высокий девичий голос на ноль. — Она в курсе, что ты мне не родной отец?

— Слава богу, нет, — выдохнул Олег. Махнул рукой в сторону своего любимого ресторана. Французская кухня. Мрак. Сплошное дефлопе.

Глава 29. Адвокат

— Расскажите о себе. Вы родственница Кирилла? — сказал Влад.

Уютная теснота полукабинета крошечного ресторанчика в Старом городе. Лучший друг очевидно предпочитал это место всем прочим. Привез нас сюда, дав изрядный крюк от трассы. Кирюша честно спал на подкове дивана. Чуть приоткрыл глазки, когда я внесла его сюда и снова засопел. Адвокату и поклоннику мужской дружбы даже в голову не пришло мне как-то помочь. Мой ребенок — мои проблемы.

Мне доводилось по жизни иметь дело с юристами. Их национальная привычка отвечать вопросом на вопрос, плюя на любые правила, не трогала меня никак.

— Почему же Кирюша единственный известный ребенок Андрея? — я постаралась максимально воспроизвести давешнюю фразу адвоката.

А он подобрел. Потеплел явно. Смотрит в лицо, а не на правое ухо. Разглядывает меня втихаря. Что увидеть хочет? Что он вообще знает о нас? Обо мне и своем лучшем друге.

— Вы позволите? — чемпион по части церемоний. Желает знать, деликатный лучший друг, можно ли снять галстук в моем присутствии и духоте открытой южной ночи. За кого он меня держит? Я кивнула. Слегка. Как учили когда-то. Чуть согнула длинную шею. Спинка всегда прямая. Балетная выучка.

Снял недешевую петлю с шеи и спрятал в карман. Весьма средний рост. Коротковатые пальцы. Неприметное лицо откровенно украшают очки. Серый костюм и часы. Не атлет с виду. Как ему, интересно, жилось этот четвертак в тени обаяшки Андрея? Андрюшечки-душечки. Расскажет он что-нибудь или продолжит раздевание?

Немолодой, подвижный татарин принес еду. Крошечные голубцы в виноградных листьях. Чебуреки, воздушные и сухие, как умеют только крымские татары. Шашлык из молодого барашка. Маленький графин коньяка, к нему прозрачный кишмиш и настоящий чак-чак. Тревожит ноздри поволжским гречишным медом, черными точками мака и рубленным арахисом. Чума.

Коньяк пила я, а глаза блестели у мужчины. Он давно откинулся на ковровую спинку дивана и смотрел, не скрываясь, как я медленно ем. Улыбался чуть высокомерным тонковатым ртом. Ни слова не произнес.

— Ты разрешишь пригласить на танец твою даму? — мужской голос с незначительным акцентом.

Влад глянул на меня. Я чуть двинула головой, отказываясь.

— Прости, дорогой. Моя девушка очень стесняется. Танцует только со мной. Спасибо, что спросил.

— О, тысячу извинений! Я не хотел обидеть...

— Ну, что ты, дорогой... — они сражались еще минуты две цветистой восточной вежливостью.

Я доела нежнейшего барашка. Отщипывала сладкий виноград, тянула крошечную рюмку коньяка, первую за долгое время. Влад нарезал горку сладкого чак-чака на плоском синем блюде. Я сунула кусочек в рот. Вкусно! Облизала пальцы. Он втянул воздух пахучей августовской ночи через нос и сказал:

— Давай потанцуем?

Я бросила взгляд на мирно спящего ребенка и пошла танцевать.

— Моя квартира в десяти минутах отсюда. Не хочешь зайти в гости? У меня пять комнат. Всем найдется место, — лучший друг аккуратно держал меня за талию. Моя левая рука в его горячей правой. Мятный тихий голос.

— Зачем? — я не стала ходить вокруг да около. Коньяк шептал крови всякие глупости.

— Выпьем кофе или еще чего-нибудь. Поговорим, — лучший друг щекотал дыханием мочку уха. Не дотягивался выше.

— Ты обещал все рассказать здесь. Обманул, — засмеялась я негромко. Алкоголь привычно легко договаривался с моим здравым смыслом. Хотелось что-нибудь разбить.

— Здесь шумно. Поехали, — Влад легко коснулся кожей губ моей шеи. Вот как выглядит настоящая мужская дружба. Или он поверил в байки названного моего брата?

— Рассказывай, — я накрыла ладонью рюмку. Хватит.

— Я схожу в душ. Быстро, — Влад хотел уйти из полумрака по-местному пышно украшенной гостиной. Кирюша спал в комнате для гостей за приоткрытой дверью. Идеальный ребенок.

— Я вызываю такси, — объявила я. Шантажировала. Подаренный Андреем айфон из коробки так и не вытащила.

— Хорошо, — сдался Влад. Сел рядом со мной на белый диван. Строгие брюки, белая рубашка. Запах японской туалетной воды, сигарет и мужчины. Рукам воли не давал. Чувал, что может меня спугнуть. Выжидал.

— О чем будем говорить? — он дотянулся и плеснул коньяка в наши рюмки. Всунул одну мне в пальцы. Держал тарелку с шоколадом и персиками наготове.

— О лучшем твоём друге. Рассказывай, не тяни.

— Всю мою жизнь девушки желают говорить только о нём. Никогда обо мне, — притворно-горько усмехнулся Влад.

— Я уйду, — пригрозила я. Куда я пойду ночью с тяжелым спящим ребенком на руках? На трассу голосовать?

— Ладно, — он залпом выпил коньяк и вдруг поцеловал меня в губы. Я уперлась с силой в его грудь ладонью. Две секунды колебаний. Он отстранился. — Прости. Не удержался.

— Так что там с детьми твоего лучшего друга?

Тишина. Я потеряла надежду. Ничего он не расскажет мне. Заманил сюда тупо трахаться, а я повелась, как малолетка на сладкое. Я допила свою рюмку, сунула шоколадку за щеку. Поднялась.

— Ты куда? — удивился хозяин квартиры.

— Я хочу принять душ и лечь спать. Мне надоели твои обманы, — я разозлилась. Точно сейчас залеплю этой гребаной вазой в стеклянную витрину. Все безделушки разлетятся золотыми брызгами по паркету. Меня качнуло. Давно я не пила ничего крепче молока. От затылка к центру пошла горячая волна. Алины глазки внутри сделали хлоп-хлоп.

Он уловил. Точно почувал, как зверь. Схватил и притянул к сидящему себе. Его нос пришелся на мой живот. Мужчина, в который раз за сегодняшний вечер, шумно принюхался.

— Надо помыться? — рассмеялась я. Не вырывалась. Не хотела. Другое обещали мне горячие пальцы, поднимающие подол сарафана.

— Потом. Может быть, — он стянул с меня трусы. Обнюхивал везде, как собака.

— Нравятся вонючие, потные бабы? — прикололась я, едва сдерживая стон, когда его язык повел тревожно-сладкую дорожку от пупка вниз.

— Тсс! — он поднял на секунду лицо от моего паха и подмигнул. Пальцы внутри. Умелый язык на клиторе. Я откинулась назад. Шоколад, рюмки, что-то еще глухо попадало на толстый ковер. Гладкое стекло столешницы приятным холодом прошлось по моим лопаткам и заду. Беспokoйные пальцы втокнули в меня... что это? Персик?! Мышцы спазмом выдавили его вон. Пальцы упрямо втокнули обратно. Туда-сюда. Туда-сюда. Глубже и жарче. Боже! Бывают же на свете адвокаты! Я выгнулась, как животное. Низкий стол не издал ни звука. Я закусила губу, чтобы не заорать. Где-то спит Кир. Вцепилась пальцами в гладкие черные волосы. Пот стекал по его шее за белый воротник, мазал горячо мои бедра изнутри. Я подавилась криком и кончила. Дергалась судорогой во влажный мягкий рот. Бри умела так со мной. Не ожидала, что у лучшего друга выйдет не хуже. Даже лучше. Немка права — я законченная натуралка. Я стекла со стола на пол.

Влад сидел, откинувшись на спинку дивана и широко расставив ноги. Ел персик и улыбался. Фруктовый аромат мешался с шоколадом, коньяком и чем-то первобытно-человеческим. Я облизала невольно губы. Держала взгляд его темно-карих глаз без стеснения. Весело.

Зуммер вибрацией нарушил наш нежный контакт. Влад поискал вслепую телефон вокруг себя. Нашел.

— Привет. Разбудил? Вижу, что нет, — громкий голос Андрея проявился на фейс тайме. — Не помешал?

— Соу-соу, — ухмыльнулся лучший друг. — Есть пара минут. Долетел? Как погода?

— Ноль. Снег с дождем. В Мурманске лето. Ты моих проводил?

— Пока нет. Ребенок спит. Твоя сестра пьет коньяк, — радостно сообщил Влад.

— Что-о! — очень громко. На всю квартиру.

— Не ори. Пацана разбудишь, — проговорил лучший друг.

— Она здесь? Слышит? — гораздо тише. Агрессивно точно.

— Ты же на фейс тайм звонишь. Конечно.

— Покажи.

Я испугалась. Сарафан измят в жопу. Волосы дыбом. Лицо лучше не представлять. Стиснула коленки. Замотала головой. Влад весело подмигнул.

— Перестань, Андрюха. Ты же просил меня присмотреться к твоей сестре. Вот мы и присматриваемся. Пока удачно, — он гнал честность и дружелюбие на всю катушку.

— Я просил присмотреть! А не присматриваться! Где она?! — орал голос Андрея на фоне визга взлетной полосы.

— Че ты так разорался? — Влад встал и ушел в другую комнату, плотно притворив за собой дверь.

Надо помыться. Бедра липли друг к другу и воняли персиковой жижей. Одинокaя рюмка с коньяком чудом держалась на самом краешке стола. Я залпом выпила. Плевать. Нашла шоколадную конфету в зеленоватой фольге на ковре и слегка помятую. Развернула и съела. Вкусно.

Вернулся хозяин квартиры. Смотрел на меня внимательно острыми глазами. Как тогда, в самом начале, в аэропорту. Рубашка на груди пятналась разноцветно-неряшливо.

— Ну что, получил разрешение встречаться со мной? — приколотась я, нахально облизнув губы в сладком шоколаде. Встала и прошлась по мягкому ворсу. От стола до окна. Трусы попались мне по пути. Я подняла и повертела белое кружево на указательном пальце.

— Рассказывай, — твердо и негромко велел мне адвокат.

Ага, щас, жди. Спешу и падаю. Другие умники до тебя пытались. Кто ты такой, чтобы я с тобой разговаривала? Лучший друг? Иди, дружи с этим орущим в мурманский снег морячком. Как они все быстро умеют человека оседлать! Коньяк, мешаясь с похотью, звал меня совсем в другую сторону.

— Где у тебя туалет?

— Зачем?

— Писать хочу. Проводи меня.

Большая комната. Джакузи и другая сантехническая ерунда. Золото, глянец и пафос. Настоящий адвокат. Я стянула сарафан через голову и села на унитаз, широко разведя ноги. Мужчина смотрел на мой пах, не отрываясь. Испарина выступила на бледном лбу. Я протянула руку и поймала его за ремень. Расстегнула замок и выпустила все его на свет позолоченной бронзы светильников. Размер средний, но в остальном все прочно.

— Черт с ним, — выдохнул Влад кому-то в гляцевый камень стены.

Взял левой рукой меня за затылок, правой втолкнул член в мой ищущий рот. Пах дальневосточным парфюмом и собой. Гигиена сегодня была не в чести. Мне нравился такой натурализм. Горьковато-соленый, первобытный. С легким оттенком цветков саккуры. Никаких заходов в душу. Нет.

Господи! Криста. Я не позвонила вчера! Дрянь я последняя. Шлюха и алкоголичка. Я села в ужасе на кровати. Семь утра. Кирюша распахнул светлые глазки на соседней подушке:

— Лола, мы где?

Не в первый раз задает этот вопрос рядом со мной. Привыкнет скоро. Я ушла из постели хозяина на последнем проблеске мысли, так хотела спать. Двух часов не прошло. Влад не удерживал. Честно сопел в смятую простынь, утихнув от постельных трудов.

— Поспи еще, — попросила я без надежды.

— Я не хочу спать. Я кушать хочу.

Я обреченно кивнула. Под веками будто песок, речной и мелкий. Во рту известный вкус кошачьего дерьма. Ребенок выскочил из кровати. Я поплелась следом. Белая футболка хозяина едва прикрывала мой голый зад. Из кухни тянуло божественно. Оладыи.

— Доброе утро! — крупная женщина в переднике радушно улыбалась нам. — Я сейчас выдам вам зубные щетки и полотенца.

Черные волосы с густой проседью. Открытая улыбка. Руки в муке. Кир на всякий случай спрятался за мои ноги. Выглядывал и втягивал в себя запах еды, как голодный щенок.

— Мне нужно позвонить, — промямлила я, стараясь дышать внутрь себя.

— Меня зовут тетя Роза. Пойдем со мной малыш. Ты Кирилл? Я знаю, мне про тебя твой папа рассказывал. Лолочка, телефон на подоконнике, — она знала все, легко и ненавязчиво уводя ребенка умываться.

Я быстро набрала номер по памяти. Единственный, что знала здесь. На дала страху заколебаться.

— Криста, привет, — я зажмурилась. Готова была и прижмуриться, если что.

— Доброе утро, дорогая. Как вы? Скоро вернетесь домой? — спокойный голос Кристины поразил меня в самое горло. Я сглотнула.

— Ты не потеряла нас? — я не понимала.

— Андрей позвонил вчера поздно вечером. Я так переживала. У нас страшный ливень прошел. Трассу закрыли. Он сказал, что вы остались ночевать у его друзей. Все хорошо? Как

Кирюша?

Я доложила доброй женщине, как прекрасно обстоят у нас дела. Еще что-то натрындела успокоительное. Поверить не могла. Я забыла вчера об этом. Обо всем. Про звонок близким и тому подобное. А он не забыл. Еще раз. Я блядь и тварь неблагодарная. Шалава. Бедный Кирилл. Не везет ему с родней. Только Криста человек. И Андрей, как выяснилось.

— Лола, заведи себе, наконец-то, телефон. Лев Иванович звонил. Георгий Аркадьевич приезжал. Я выгляжу полной дурой, — Кристина смеялась. Весело и совсем без упрёка. — Старовата я на роль секретарши. Жду вас домой. Не задерживайтесь. Целую.

Я чистила яростно зубы и блестела глазами себе самой в зеркало. Оттуда глядело на меня расстроенное бледное лицо с противными пунцовыми губами. Но щеки уже есть. Наела по чуть-чуть. Волосы отросли ниже плеч. Белые пряди путаются с рыжими. Стоят нечесаной копной, завиваются в локоны на концах. Косточка на подбородке пропала. Появилась забытая ямочка. Зеленые глаза смотрят темно, в слезах. Брови надо бы подправить, хотя так тоже ничего. Привет, дорогая, как дела...

— Привет, — мой ночной приятель возник в отражении. Улыбается довольно. Тетя Роза, которая знает, как меня зовут, ему кто?

— Привет, — я постаралась отодвинуться от него, как можно безопаснее.

Он потер рукой утренний подбородок. Встал к раковине рядом и открыл воду.

— Андрей предупредил меня вчера, — Влад вынул из ящика станок и пену, глядел в мои глаза в зеркале. Помолчал.

Я не издала ни звука в ответ. Он кивнул:

— Сказал, чтобы я губы не раскатывал. Ничего не получится. Ты натрахаешься, как кошка, и слиняешь молча. Даже спасибо не скажешь.

Молодец, морячок, знает меня абсолютно. Как он там, интересно? Снег все так же идет заполярным щедрым летом?

— Как он там? — спросила быстрее, чем подумала.

Влад протянул мне банку какого-то крема. Огонь ментола зубной пасты жрал губы немилосердно. Я повернула к адвокату лицо.

— Нормально. У него всегда все нормально, — лучший друг отвинтил желтую крышку, зацепил указательным пальцем молочно-белую массу и легкими точками трогал мой красный рот. — У него всегда все нормально.

— Спасибо, хватит, — я отстранилась. Крем был сладковатый на вкус и пах хорошо. Качественно. Все же это не повод им завтракать. — Ты на самом деле его лучший друг?

Зачем спросила. Сама не знала.

— Да, — ответил Влад. Как-то так, что я поверила.

Я люблю его, а он женат на другой. В третий гребаный раз. Хотела я сказать. Одумалась вовремя:

— Он правду тебе сказал. Ничего не получится. Я натрахалась, как кошка, теперь домой хочу. Эта прекрасная женщина на кухне, она тебе кто?

— Это моя тетя. Она воспитала меня, моя мама рано умерла. Андрюху хорошо знает. Можно, я тебя поцелую? — он попытался дотянуться до меня рукой.

Я сбежала.

— Нет, — сказала в дверях. — Мой брат и твой друг сказал тебе чистую правду. Ничего не получится. Закатывай губы назад.

Я не удержала вечной своей провокации. Как инстинкта. Не знаю какого. Неспящей Али

в моей крови. Хлопнула адвоката по тренированной заднице. Он мгновенно отловил мою руку. Прижал к косяку напряженным собой.

— Что ты сказала? — зло и горячо одновременно.

— Ничего. Пусти, — я попыталась высвободиться. Куда там! Вжимал меня больно в дерево закрытой двери. — Успокойся. Возьми себя в руки, нас ждут.

— У меня не было женщины полгода. Шесть гребаных месяцев. Все были противны, после... не важно! Ты! Мне с тобой было хорошо! Как ни с кем. Я не могу тебя отпустить, — он говорил мне в шею, открывшись до самого дна.

— Хочешь гадость скажу? И ты меня отпустишь, как миленький, — сказала я ровным голосом, решившись. Хоть кто-то должен выбраться живым из этого опостылевшего круга. Безнадежной любви. Влад замер губами на моей шее. Не хотел. Боялся. Но терпел. Мужчина.

— Никакой он мне не брат, твой лучший друг. Любовь у нас. Он любит меня. Я люблю его. Только вместе нам не быть. Ничего не поделаешь — судьба. Ничего у тебя со мной не получится, не мечтай. Никогда. Потому что он для меня, — я выдохнула. Ледяная вода взяла за горло. Нет. Я договорю вслух. — Он единственный. Самый, самый.

— Андрюха знает? — первое, что услышала после своей идиотской речи. Влад вглядывался мне в лицо вполне трезвыми и неприятно серьезными глазами.

— Да какая разница? Все, угомонился? Отпусти, я жрать хочу, как людоед, — тут я вспомнила ни к месту доктора. Как он там, безупречная задница? Не хочу больше я здешних признаний и откровенностей. Как меня так занесло? Хватит. Наелась досыта.

Но мы с Кириллом еще не избавились от гостеприимства красивого дома лучшего друга.

— Как же ты похож на отца, малыш! — добрая Роза питала Кирюшу с упоением. Восток и Кавказ. Накормить мужчину — главное дело в жизни женщины. Тот важно кивал, сидя на двух подушках, подложенных в кресло, что бы удобно чувствовала себя его драгоценная пятилетняя попа.

— Бедный Андрюша!

Женщины вечно водят его за нос. Первая жена наврала, что беременная, он сразу с дуру ума женился. Она сама сбежала, пока он в Северной навигации был. Не выдержала шестимесячной разлуки. Вторая уже животом его к загсу приперла. Женился снова, джентельмен. Трах-бах, негритенок родился. Смеялись тогда над ним всем пароходством до истерики. Он сам громче всех. Потом рюкзак за плечо и на дальний рейс. Полгода. От Мурманска до Магадана. Его Алена через три месяца собрала манатки и вернулась к своему черному бывшему. В Швеции живет с ним долго и счастливо. Теперь Ларочка отловила бедного Андрюшку за все тоже интересное место. Притащила в подоле. Долго около него крутилась, еще с самой школы обхаживала по-всякому. Может быть, у него с ней получится? Хотя мне никогда не нравилась эта визгливая тихушница. Прокалывать иглой дырки в презервативах! Это же надо до такого додуматься! А потом еще и признаться! Хоть бы молчала, раз схитрила, кто из нас женщин не хитрит? Так, нет же! Честная какая выискалась: вот, мол, каюсь, прости меня любимый. Приворот бы еще затеяла. Хотя, я не удивлюсь, если найдутся булавки если не в трусах бедного Андрюши, то в углах пододеяльников или в дверных косяках. Такая противная, боже сохрани... бедный мальчик! Опять на Север перевелся, чтобы дома поменьше бывать. Кирюша! Ты плохо ешь! Скушай еще один оладушек за папино здоровье, — тетя Роза положила сотый по счету кусочек в детский ротик. — Ирина не знает ничего.

— Кто такая Ирина? — спросила я без интереса. Машинально. Разговор поддерживала. Переваривала весь этот сериальный бред. Даже я в своих рассказах не докатывалась до такой пошлятины.

— Мать Андрея, — тетя Роза оторвалась от ребенка. Налила мне кофе из красивого, белого с позолотой, фарфорового кофейника. — Сахар?

— Три ложки, — ответила я, прикинув размер глубокой белоснежной чашки. Вспомнила ухоженную миниатюрную брюнетку с яхты, которая танцевала с Гуровым под придурастующую песню про клен. Мать? — Как его фамилия?

Ждала, балдея, ответа. Два складавались с двумя запоздалой догадкой.

— Чья? — искреннее изумление доброй женщины. Блестящие черные глаза не понимают.

— Андрея, — моя глупая тайна с родственным враньем повисла на волоске. Но Роза понятливо кивнула. Каким-то своим, недоступным мне соображениям.

— Конечно, Лолочка. Ирина — Сташевская по третьему мужу. А Андрей носит фамилию отца. Он — Гуров.

— Они все тут не дураки жениться и замуж выходить, — пробормотала я, осознавая давно устаревшую новость. Все сериальнее и сериальнее. Мать, сын, генерал. Кирилл.

— Да! — рассмеялась Роза приятным грудным звуком. Свою тему двигала, — Только мой Владик отстаёт. Тридцать лет и все никак не выберет. Сначала учился здесь, потом в Англии. Потом имя зарабатывал. Все сделал правильно. Контора, квартира, машина. А подружки все нет. Была одна...

— Тетя Роза! — перебил адвокат, появляясь, наконец, в теплой атмосфере нашего завтрака. Синий костюм, галстук, белая сорочка, туфли слепят официальным блеском. Взгляд холодный на моем правом ухе. Готов. — Нашим гостям не интересна моя биография.

Добрая Роза, как солдат при звуке сигнального горна, понеслась к кофейнику. Черный кофе в белой чашке. Никакого сахара. Никаких вредных толстых оладьев с медом и сметаной. Влад пил медленно кофе, не присев. Квадрат часов на адвокатской левой руке отразил солнечный луч, просочившийся между белой рамой и гардиной.

— Лола. Андрей выписал мне доверенность на ведение дел. Заканчивайте с едой и собирайтесь. Поедем ко мне в офис оформлять бумаги на ребенка. Усыновление, замена фамилии...

— Нет, — произнесла я любимое слово.

Адвокат заткнулся, словно баран лбом в ворота вошел. Соизволил посмотреть мне прямо в глаза. За холодом спряталось что-то еще. Не знаю.

— Как ты сказала?

Роза в легком испуге переводила глаза с одного на другого. Белый кофейник прижала трудовыми ладонями к фартуку на груди. Желтый смайлик на синем фоне смеялся оттуда над нами.

— Нет, — повторила я и улыбнулась. Встала с мягкого стула возле деревянного овала добротного стола. Чуть потянулась. Белая майка хозяина обтянула нахально грудь. Короткий нижний край опасно приблизился к нулевой точке между ног. Как сказал мудрый? В любви и на войне все средства хороши? Влад сбежал глазами в сторону, на оладьи и сметану. Забывшись, взял жирную лепешку с блюда и поднес ко рту. Масло стекло с подбородка на галстук. Тот приказал долго жить.

— Ох, ты! — моментом распереживалась тетя любимого племянника.

Тот резко сдернул убитый галстук с шеи и бросил на стол.

— Почему?

— Не хочу, — я улыбнулась еще раз лучшему аргументу в споре. Смотрела мужчине в лицо открыто и даже весело. Губы напротив дрогнули. Я решилась договорить. Все, что думала об этом на самом деле. — Тетя Роза, дорогая, сделайте одолжение, умойте этого красивого парня.

Женщина понятиливо улыбнулась краем рта. Сняла моего мальчика с кресла и увела в ванную комнату.

— Все это глупости и дурацкие понты, Влад. Если Андрей хочет быть Кириллу отцом, то никакая бумажка здесь роли не играет. Помогай деньгами и приезжай навестить, все только рады и за. Это раз, — сказала я, вспомнив снова душку-Егора. Как он раскладывал по полкам наши с ним дела. — У Андрея новая семья. Вряд ли его супруге нужен чужой, непонятный ребенок. Зачем? Только досадная помеха. У нее свой должен вот-вот родиться. Андрей убрался на далекий Север. Как он оттуда собирается воспитывать ребенка? Ответ: никак. Это два. Кирюша здесь дома. У него есть Кристина, которая на все готова, ради его счастья и покоя. И, — тут я сделала паузу. Решилась. — У Кирюши есть я. Опекун по всем правилам. От своих прав я не откажусь. Вплоть до суда. Это три. Как-то так. Сори, если нарушила ваши прекрасные с Андреем планы.

В лице Влада промелькнуло отчетливое страдание. Блин! Я совсем не этого хотела. Не надо было улыбаться. Демонстрировать себя и водить бюстом из стороны в сторону. Следовало пробубнить свою напыщенную декларацию, тупо глядя в стену. Или в окно. Утро там набирало обороты. Надо валить из этого теплого дома. Пора.

Лучший друг согласно кивнул. Убрал глаза со своей белой футболки со мной внутри. Вытащил из кармана мобильник.

— Привет, Андрей. Как дела? Говорить можешь? — шум и лязг тамошней жизни прорывались сквозь динамик айфона. — Я на громкой связи. Твоя сестра рядом.

— О как! Говори, — голос Андрея улыбнулся. Или мне показалось? Я замерла.

— Она отказывается переделывать документы на твоего сына наотрез. Готова судиться. Что скажешь? — Влад отвернулся к окну. Слышно было отлично.

— Дай ей трубку. И выруби этот стриптиз, — приказал мой названный брат.

Лучший друг протянул мне трубку.

— Привет, — услышала я спокойный, родной голос. Улыбается снова.

— Привет.

— Как дела?

— Нормально.

— Светла с ума моего друга? Бросишь, как всегда, на произвол судьбы? — перестал улыбаться Андрей.

Я промолчала.

— Молчишь, как обычно? Не удивляюсь. Ты в своей всегдашней, сволочной теме. Трахаешься и сваливаешь.

— А ты хотел, чтобы не свалила? Осталась с ним? — я разозлилась. Совсем не собиралась в это влезать. Выяснить и объясниться. Да что же это такое!

— Я бы хотел, чтобы ты не прыгала в постель ко всем, кого я знаю! — не сдержал себя Андрей и заорал.

— О кей, братик! Больше не повторится! Я заранее буду спрашивать, знает ли тот, с кем я

хочу переспать, тебя или нет! — шипела я, как дура. Господи, зачем?

— Ладно. Твои дела меня не касаются, сестренка, — взял себя в руки Андрей. Успел раньше, чем я. — Делай, что хочешь. Нужна будет помощь, я готов всегда. Что там с Киром?

— А что с ним? — спросила я надменно. Глупо и вызывающе. Ком в горе родился и рос угрожающе.

— Ты не хочешь, что бы я его усыновил?

Мне все время казалось с коварным и сладким ужасом. Сейчас признается. Вот-вот. Я люблю тебя. Пусть он скажет. Или я умру.

— Зачем эти формальности? Хочешь быть отцом — будь. Кирилл ждет тебя всегда.

— А ты?

— Нет, — слезы выползли и двинули по щекам к подбородку. Слава богу, он меня не видит.

— О! Я опять дома! Вот я все-таки везучий! Твое «нет» снова со мной, — он засмеялся. Горячо и знакомо в ноль. Его знаменитую улыбку я сознавала всей кожей.

— Нет, — повторила, сама не поняв. Ждала. Соленые капли жгли вчерашние губы.

— Я люблю тебя, — он сказал. Почувствовал сквозь тысячи километров мое замершее сердце.

— Нет.

— Скажи еще раз, — он смеялся. Радостно, как дурак. Что-то гудело за его невозможно далекой спиной. Железо звонко билось о железо. Порт? Сердце?

— Нет! — я смеялась сквозь слезы.

— Пусть будет так, как ты хочешь, любовь моя. Я вернусь! Я обещаю. Еще одно «нет» и вешай трубку. Первая.

— Нет! Нет! Нет! — я ревела в голос. Ждала ответ. Отключиться не могла. Нет!

— Я понял, любовь моя. Приглядывай, как следует, за собой и моим сыном. Я вернусь и все решу. Ты плачешь?

— Нет!

— Молодец! Я люблю тебя. Владу передай...

— Андрей, — я перебила.

— Да, — тут же тихо. Ждет.

— Ты... — я заткнулась. Не могла произнести. Единственный. Простое, такое важное для меня лично слово. Единственный. Проклятый старый грузин закодировал меня. Вмуровал, буквально, этот звук. Нет! Так открыться? Никогда.

Андрей честно ждал. Шум то ли ветра, то ли далекого, никогда не виденного мной порта, лез в сознание. Не могла признаться, хоть убей.

— Ладно. Вешай трубку, — приговорил он. Улыбался. Точно.

Я нажала красную точку на дисплее.

Влад старался не смотреть в мое зареванное лицо, забирая смартфон. Но все равно видел. Ушел тут же, ни слова не выдавил из себя. Такси пришло через полчаса. Добрая Роза насовала нам с Киром оладьев в дорогу. Словно путь наш лежал до Луны, а не вдоль знакомого побережья.

Глава 30. Все по местам!

— Привет, Лолка! А я замуж выхожу! Привалило счастье, б..., на старость лет, — слегка незнакомое без макияжа лицо Ларисы дышало на меня перегаром и счастьем. Заглядывало в дверь прачечной гостиницы.

— Я рада, — я честно улыбнулась в ответ. — Замуж — это прекрасно.

— Это здорово! Гуляем сегодня в шесть в караоке у Нарика. Приходи! Кирюшку приведи.

Я Кристину пригласила, но она неважно себя чувствует.

Я кивнула, соглашаясь. Моя родственница махнула рукой и побежала дальше.

— Серега ее откинул. Третий раз на этой дуре женится между посадками. Гуляет, — поморщился Айк. — Если бы не Кир, никогда бы близко к своему дому не подпустил.

— Это твой дом? — удивилась я. Вытащила из стиральной машины постельное белье прямо в большую пластиковую корзину.

— Нет. Но Криста — моя родная тетка, так что мне все достанется. Если что, — парень поднял тяжелую корзину и пошел впереди меня на выход. Здесь, в узкой полосе пожарного отчуждения между плотно сросшимися дворами перегородок не было. Не гуляли отдыхающие и не сваливали ненужное барахло местные жители. Белый полотняный мир царил над всем запахом стирального порошка и отбеливателя. Тут хозяйки гостевых домов сушили бесконечное постельное белье. Мы с Айком привычно делали мир чище. Резковатые порывы теплого ветра помогали нам, надувая паруса пододеяльников.

— Доброе утро, — улыбчивый голос застал меня врасплох среди колыхающегося белого цвета. Я поднялась на цыпочки и поглядела поверх веревок.

Егор стоял в дверном проеме. Светло-коричневый костюм, галстук и прочий официоз. Снисходительная взрослая улыбка на загорелом лице. Чистый и ухоженный. Безупречен от тонкой морщинки на лбу до шнурков английских туфель. Как не уходила.

— Привет-привет, — я не стала махать ему рукой. Хлопнула наволочкой, расправляя.

— Я заходил к Кристине, все ей рассказал. Про ее здоровье, в двадцатый раз, — начал Егор в пространство между нами. — Лола, нам надо поговорить. Ты так не считаешь? Ау! Ты слышишь меня?

— Слышу! — ответила я громче. Опять хлопок в моих сильных, уже не таких тощих руках.

— Я пришло лекарства с курьером, а вечером снова загляну. Да? — он явно вкладывал смысл в это вопросительное «да».

Что сказать? Я растерялась. Начинать заново с ним отношения, а тем более выяснять старые не хотелось. Хотя... Нет. Не нужно это. Неправильно. Хватит.

Я нашла, как мне показалось, подходящие слова:

— Не, я не могу, у меня вечером свадьба. Надо еще голову помыть.

Я протянула гласные в словах, невольно копируя красавицу Лариску.

— В смысле? — Егор вдруг возник прямо перед моим носом. Слегка оттягивал вниз веревку с полосатыми полотенцами между нами. Улыбка ореховых глаз тянулась знакомым ароматом кардамона сквозь бельевую отдушку. Словно хотела дотронуться до моих губ и не решалась.

— Моя сестра, она же мама Кира выходит замуж. Я приглашена на торжество, — я против воли улыбалась в ответ.

— Вход строго по пригласительным или я тоже могу участвовать? — шутливо спросил Егор. Влажные махровые тряпки красиво расположились на дорогих лацканах пиджака. Притяжение между нами снова попыталось поднять голову. Зачем? Не надо.

— Вряд ли тебе там понравится, — я отвернулась и пошла вдоль наволочек-пододеяльников. — Дешевая еда, разговоры на разные темы...

— Я все же рискну, — заявил Егор, догнав меня у дверей. Не прикасался. Но не уходил. Ждал хоть какой-нибудь ответ.

— Как хочешь. Пока, — я не стала поднимать глаза и разглядывать его реакцию. Бочком скользнула мимо доктора в коридор и ушла.

Айк внимательно заглянул мне в глаза, когда я вошла на кухню.

— Что? — спросила раздраженно. Достало это бесконечное разглядывание. Словно все за шиворот меня держат. Пытаются оторвать от пола и направить в любимую сторону.

— Лола, ты это... Ну, будь... Поласковее с доктором, что ли... Нам не вытянуть Кристу без него, сама знаешь, — Айк тщательно разглядывал что-то крайне важное под моим левым ухом. — Он же нравился тебе всегда. Че за динамо теперь?

— Ты думаешь, что доктор здесь только из-за меня?

— Ну не из-за старушки Кристины же, красавица моя! — заржал облегченно мой приятель.

Цокнул языком на прощание и отправился в любимое караоке. В душе поднялась какая-то мусть, кружила и не спешила опадать. В голову лезли банальности про долг и клятву Гиппократата.

— Как ты? — я присела на край постели, взяла Кристину за руку.

— Нормально, — слабо усмехнулась она в ответ. — Твой доктор прислал мне кучу таблеток.

— Почему он мой? — я развернула лист назначений. — Мы с ним не общались сто лет.

Аккуратный, четкий почерк. Абсолютно читаемый. У врачей редко такие встречаются, хотя почем мне знать, как это принято в Европе.

— А чей же? Ты думаешь, что уважаемый Егор Аркадьевич меня вылечить мечтает? Дорогие таблетки возит аж из самой Германии? Или он все это делает для кого-то другого, вдруг ставшего удивительно несговорчивым? Слепым, немым и глухим? — женщина сделала пару глотков травяного чая.

— Ты не веришь в человеческую доброту и милосердие? — усмехнулась я.

— Верю, — твердо заявила Криста. — Но только не с такими мужиками, как Егор.

— Почему? — состроила я детское личико. Забралась в кресло напротив кровати с ногами. Налила себе отвара в чашку из термоса. Фу! Гадость невероятная. От горечи онемел кончик языка. — Ужас какой! И это доктор прописал?

— А то, кто же? Вот возьми конфетку, — женщина отпила из большого бокала с синими рыбами по кругу, как ни в чем не бывало. — Уважаемый Георгий Аркадьевич у нас в соседях пять лет живет без малого. Здрате-здрате, как дела? Вот и все общение. Пару-тройку раз обедал у Айка в кафе. Только баклажаны мои его устраивали. Ничего больше никогда не заказывал, даже пирожков. Никаких, ни с мясом, ни с яблоками. А они у меня лучшие на всем побережье! С мальчиками моими всегда небрежно-насмешливо, а то и вовсе через губу, разговаривал. Снисходил еле-еле. Вдруг этой весной словно подменили мужика. Ласковый, вежливый, мчитя по первому звонку, лечит даром, сама простота и милота. Ест на кухне все

подряд, как обычный человек, чуть ли не пальцами из кастрюли. Что это, скажи, да? Ближе к народу стал, да? На пол сел, что бы мы за своего его держали? Да? Ага, жди! Одна девушка с зелеными глазами прихватила доктора за хрен, вот он и потек. Давала, давала и вдруг перестала. Терпеть таких двуличных не могу!

Серьезная моя взрослая подруга села в подушках. Хлебнула снова горчайшего полезного чайку. Посмотрела на гору лекарств на столе возле термоса. Опомнилась:

— Спасибо ему, конечно, за заботу и все такое. Таблетки его наверняка стоят каких-нибудь немереных денег! Но! Лола, девочка, запомни: Егор для таких, как мы — человек другой породы. Мы для него мусор, пыль под ногами. Не любит он нас, дорогая. Пренебрегает. Я чувствую. И по-другому не будет никогда. Потому я не верю уважаемому доктору Георгию Аркадьевичу. Ни на вот столечко, — Кристина обозначила самый кончик ногтя. Румянец вернулся на ее мягкие щеки. От пылкой речи или от препаратов безнадежно ненадежного доктора?

— Не нравится он мне, — упрямо повторила женщина и протянула мне конфету в прозрачной обертке.

— Бывает, — я засмеялась. Сунула леденец за щеку. Очень приятный вкус. — Это тоже доктор прислал?

— Да, целую банку. Красивая такая жестянка с Дюймовочкой и принцем на крышке. Неужели из самой Германии припер, шикарная задница? — Кристина вдруг смутилась и стала смеяться вместе со мной. Махнула сквозь выступившие слезы полной рукой. — Ладно, так уж и быть, пусть живет себе на здоровье, господин доктор. Разрешаю. Уж больно конфеты его вкусные.

Мы хохотали от души и до икоты.

Кирюша сидел рядом со мной в пластиковом кресле за длинным столом. Ел большой апельсин. Его маменька в белом платье и с искусственной розой в желтых волосах занимала торец вместе с жилистым дядей в красной рубашке. Жених и невеста. По обе стороны от них напивалась дружественная обоим компания. Синие перстни татуировок на мужских пальцах: когда, за что, сколько раз. Дамы в ярких платьях. У взрослой брюнетки из низкого декольте выглядывал между серьезными грудями синий с красным распятый Христос. Говорили исключительно на народном русском.

По правую руку от жениха я узнала дядю Фрунзика. Он кивнул мне, как своей и поднял вверх стакан с красным вином, приветствуя и ухмыляясь. Я отвернулась к ребенку. Стало реально неуютно. Страшновато даже.

— Дорогие мои! — Лариса отлепилась от супруга после очередного «горько!». Слегка пошатнулась, но устояла на ногах. — Это моя сеструха Лолка! Она за Кирюхой моим присматривает! Если обидит кто, я глаза выцарапаю! По-любому!

Декларация выбила новобрачную из сил. Она упала на стул и жадно выхлебала остатки шампанского из свадебного фужера. Остальная сервировка изысканностью не страдала. Граненый стакан с красным полусладким — здешнее все. Какое-то мясо, фри, кетчуп, помидоры-огурцы. Есть я даже не пыталась. Пить — тем более. Добрый Кирюша щедро делился со мной дольками безопасного шоколада.

— Не сомневалась, что найду тебя здесь. Здравствуй, — этот резкий голос я узнала бы из тысячи. Посмотрела в темный мир за кругом света.

В широком платье для беременных объявилась. Да. Я вспомнила. Лара зовут эту

женщину. Машинально пересадила Кириюшу к себе на колени, уступая ей стул. Рядом. Жена Андрея тут же заняла место. Облила обоняние запахом Брайт Кристалл от Версаче. Тошнота мгновенно взяла за горло. Мой мальчик сунул мне кусочек апельсина в онемевший рот. Спасибо, хороший мой. Втянула воздух через ноздри, чтобы раздышаться. Вонь ненавистного парфюма ударила поддых.

— Привет, тетка! — пьяный возглас Ларисы вернул меня к жизни. Я очухалась.

— Здравствуй, дорогая. Замуж вышла? — острый звук женского голоса перерезал застольный шум. Мне так показалось. Остальные не заметили. Нормально бухали и матерились.

— Ага! Ты, я слышала, тоже. За любимого нашего Андрюшу? — новобрачная выковыряла откуда-то табуретку и утвердила жирный зад в узком атласном платье рядом.

— Да, — гордо сообщила Лара.

— Поздравляю! — горячо проговорила Лариса. И уже гораздо тише. — Как я тебе завидую! Как он е...ся! Никого в жизни лучше не встречала! А у меня мужиков было по жизни, б...! Слушай! А колечко в х...е у него все так же есть? Как я любила его сосать, е... твою мать! Сука, век не забуду!

Виновница торжества побырику наплескала винца в близстоящие стаканы.

— Бабы! Давайте выпьем за Андрюху, пока мой не видит. Лолка, присоединяйся, блядь! Тебя же он тоже трахал, не слабее, чем нас с Ларкой. Сука! Чудо, а не мужик! На слова ласковый и на подарки не жадный! Бля, — женщина в белом выпила залпом. До дна.

К моему вящему изумлению, счастливая супруга самого ласкового и не жадного чудомужика охотно поддержала тезку. Выглотала стакан вина, как воду.

Я даже вид делать не стала, что пью. Глядела на двух Ларис чуть ли не с восхищением. Ждала, что дальше будет. Кириюша ерзал и пытался угнездиться на моем костлявом плече. Спать ему пора. Надо уходить. Сердце бешено колотилось между отвращением и любопытством.

— Ты че приехала-то? — законно поинтересовалась моя родственница. Утерла ладонью губы, сняв остатки вина и помады, быстро набулькала по второму стакану.

— Да вот с этой поговорить хочу, — Лара ткнула в меня сухим пальцем с острым ногтем. Хмелела на глазах. — Че она клеится к моему мужу! В аэропорту его провожает. Мне все девчата рассказали! Пацана твоего ему все время подсовывает...

— Ты Лолку, мою сеструху любимую, не тронь! Она Кириюшку, сыночка моего дорогого и единственного, от детского дома уберегла! Я за нее, знаешь? Все могу сделать! Люблю, не могу, — женщина попыталась поймать меня и Кира в широкие объятия.

Я ловко увернулась. Глаза Ларисы сузились, и вечер мгновенно перестал быть томным:

— Вот ты сука высокомерная! Такая же блядища по жизни, а брезгуешь мной и Ленкой постоянно. Дать бы тебе по морде, чтобы проще стала...

— Давай вместе отпи...дим ее нах..., — Лара залпом маханула стакан и вскочила на ноги.

Ближайшие соседи за столом бросили пить, есть и трепаться. Глядели на нас с хорошим любопытством. Драка на свадьбе — королева жанра. А женская, так и вовсе императрица. Я с жутким скрежетом пластика по бетону отъехала со спящим Кирием на метр от стола. Не боялась этих двух пьяных дур. Не верила, что полезут на меня всерьез.

«Твои глаза, такие чистые, как небо. Назад нельзя...» — заорал чей-то телефон.

Лара тут же забыла воевать. Схватила со стола свой золоченый до последней

гламурности рюкзачок. Вынула из кармашка айфон. Розовый. Точно такой же как у меня. Красивым жестом откинула назад волосы.

— Да, любимый! — прозвенела в трубку детским голоском, снова махнула волосами, как в рекламе шампуня. Слово ее любимый был тут и мог увидеть.

Я слушала их разговор. Знакомая мальчишеская улыбка в громкой нарочито настройке динамика. Слова все те же, знакомые. И снова его любимая их слушает. Нынешняя. И прошлая. И я тоже здесь. Слово в очереди стою. Как не сопротивлялась, а все же взяли за шиворот и поставили носом в чужой затылок. Больше всего на свете я хотела оглохнуть. Но нет. Опция недоступна. Наконец, обчмокав аппарат и воздух, любимые разъединились. Интересно, Андрей своей ненаглядной Ларе тоже приказал повесить трубку первой? Я как-то не расслышала.

— Нужна помощь, Лолочка? — тихий голос дяди Фрунзика подобрался справа легким душком анаши. Я вздрогнула и обернулась. Час от часу не легче.

Я помотала головой, отказываясь.

— Давай я пересажу тебя и мальчика к себе поближе, — предложил он в той же негромкой манере.

Ширну по-тихому и оттрахаю, куда захочу. Это я помнила.

— Давай-давай, не бойся, — чертов эскулап уже ухватил меня за локоть. — А то еще обидит кто. Народ пьяный, шальной. Понаделает делов сначала, потом на утро кидается разгребать, а разгребать-то нечего. Поздно.

Обе Лариски, молча застыв, пялились на его маневры во все свои эти самые шальные, пьяные глаза.

— Добрый вечер! — раздалось над столом, убив тщательную композицию дяди Фрунзе в момент.

Егор. Синяя рубашка, синие брюки. Белые розы в пышной обертке в руке. Штук пятнадцать, не меньше. На свадьбу человек пришел. Из-за спины его выглядывал Давид с двумя зелеными бутылками шампанского в серебристой фольге, как гусар. Литр финской водки подмышкой.

Хлопнули пробки в потолок. Егор подошел и встал за моей спиной. Поднял стакан с шампанским. Остальные присоединились, чем кому бог послал.

— За молодых! Горько!

— Бросила курить? — улыбнулся Егор.

Мы медленно брели вдоль кромки воды. Благородный Давид унес моего мальчика домой. Море, так остро желанное всегда, теперь не трогало никак. С тех пор, как вернулась сюда, не притронулась к нему ни разу. Сначала знобило от малейшего сквозняка. Потом просто не хотела. Я отошла подальше от темной вечерней волны.

— Ты меня не слушаешь совсем, — мягко упрекнул голос доктора слева. — Я говорю...

— Скажи мне, только честно. Если я не стану спать с тобой, ты тогда бросишь лечить Кристу? — я остановилась. Глядела в упор. В темноте опустившейся ночи ореховые глаза стали черными.

— Не вижу связи, — резковато ответил мужчина. — Дикая постановка вопроса. Объяснись, сделай милость.

— Есть мнение, что ты возишься с больной только для того, чтобы снова завалить меня в койку, — я постаралась предельно аккуратно изложить местную легенду.

— Интересно, — хмыкнул он. — а ты сама. Что думаешь?

— Я не знаю, что думать. Если бы знала, не спрашивала. Ты мне не ответил, — я хотела идти дальше.

Медленно, медленно. Идти и идти, переставляя ноги. «И я тебя люблю, Андрюша». Ответила Лара в трубку на его понятные слова. Вот только что, за столом, в метре от меня. Полчаса не прошло. Нет! Кыш! Ничего не знаю про это.

Егор остановил меня.

— Лола, ты ведь что-то думаешь обо мне, наверняка. Скажи, для меня это важно, — сильные пальцы сжали мое плечо через мягкий платок.

Я зачем-то прижалась щекой к его руке.

— Я думаю, что ты не путаешь врачебный долг с постелью. Потому, что ты профессионал и дорожишь своей репутацией. Перед самим собой в первую очередь. И если ты берешься за что-то, то доводишь дело до конца. Потому, что ты добрый, милосердный, порядочный человек. Хотя в том, что ты попал в историю с Кристой, виновата конечно я. Если бы мы не трахались, как кролики, в моей комнате на втором этаже, то ты вообще никогда не заметил бы, что живет на свете такой хороший человек с таким ужасно больным сердцем. Возможно, я вру и фантазирую сама себе всякие глупости про порядочность и долг. А ты на самом деле гад последний, предатель родины и младенцев ешь живыми на завтрак. Но я не могу по-другому. Тупо не хочу! Не могут же все вокруг быть лживыми свиньями... — я не рыдала над убитой собой. В бессчетный раз. Не гнала истерику, как привыкла за все последнее время. Даже не собиралась. Говорила спокойно, задумчиво. Удивлялась сама себе.

— Не ожидал, ей-богу, что ты лучшего обо мне мнения, чем даже я сам. А у меня с самооценкой всегда был перебор явный. Спасибо, золотце. Можно я тебя обниму? — Егор держал руки вокруг меня в секунде буквально от кожи.

— Ты раньше никогда не спрашивал об этом, — я заставила себя улыбнуться.

— Раньше и не требовалось, ты всегда успевала первой. Так да или нет?

— Ладно. Только чур, не лезть целоваться.

Он обнял меня и прижал к себе. Это было приятно. Я здорово замерзла.

— Поехали ко мне, а? Вон там посмотри: мы скинулись всем обществом и построили подъемник. От пляжа до поселка. Я еще ни разу им не пользовался. Давай прокатимся, — доктор честно выполнял условие. Никаких поцелуев. Щекотал дыханием мою щеку, тянулся осторожным желанием.

— А еда есть у тебя? — я понимала, что пройти назад мимо свадебной гулянки я не смогу. Сил не хватит никаких. Громкие народные звуки тамошнего веселья дотягивались по воде всюду.

— Найдется пара сухих корок, — ответил Егор. По голосу было слышно отчетливо, насколько он рад.

— Условие старое. Не целоваться и не приставать, — я обхватила его рукой за талию, чтобы было удобнее шагать в обнимку по мелкой гальке.

— Я, все может быть, предатель родины и пожиратель старушек, но не насильник точно, — смеялся доктор, отпирая своим ключом железную дверь шахты лифта. — Хотя, кто может быть уверен в себе до конца?

Щелчок замка. Точки солнечных фонариков из-под низких лап голубого шанхайского

можжевелика. Стекло дверей. Знакомое равнодушие прохлады сплит-системы. Мне нравилась балтийская пустота местных хором всегда. Потому, что я с севера, что ли?

— Можно я залезу под горячий душ? Я замерзла ужасно, — я не слишком интересовалась ответом. Знала все здесь. Ничего не изменилось в доме безупречного доктора, пока я пропадала, бог знает, где.

Обжигающе-горячая вода понеслась из широкой блестящей лейки душа прямо в меня. Я вспомнила, как не уворачивалась от самой себя.

— Да, любимый!

— Как твои дела? Как здоровье?

— Все хорошо! Просто прекрасно! Ты как поживаешь?

— Все нормально. Что за шум?

— Лариска замуж выходит. Помнишь ее? У нее еще есть мальчик. Кирилл.

— Я помню. Смотри не пей. Ты мне обещала. Тебе же нельзя.

— Ты с ума сошел! Я капли в рот не беру. Мне же нельзя.

— Молодец! Приглядывай хорошенько за собой и ребенком! Не пей! Я люблю тебя.

— И я люблю тебя, Андрюша! Я приглядываю. Возвращайся скорей, мой любимый и единственный!

— Я вернусь.

Вот и весь разговор по розовому айфону. Ровно такому же, как у меня. Ничего страшного. Ничего нового. В первый раз, что ли? Лицо умыла горячая вода. Вытащила из длинного навесного ящика чистый халат. Плиты пола приятно грели ступни.

— Иди скорее есть, золотце мое. Я приготовил тебе яичницу. Выпьешь? У меня есть бутылка белого асти. Честная Италия, — Егор ждал меня у украшенного тарелками овала стола. — Или все-таки виски?

— Корабли постоят — и ложатся на курс,

Но они возвращаются сквозь непогоду.

Не пройдет и полгода, как я появлюсь,

Чтобы снова уйти на полгода...

Я села на высокий знакомый табурет. Егор изумленно глядел на меня с непочтой бутылкой в руке:

— Стихи? Лола, ты сегодня поражаешь меня в самое сердце. Еще один фокус в таком роде и я, ей богу, женюсь на тебе! — рассмеялся доктор. Раскладывал еду по фарфоровой тарелке. Кобальт и золото по ободу. Подглядывал реакцию на моем чисто вымытом лице.

— Пф! Напугал ежа голый жопой, — усмехнулась я в стиле своих квазисестер. Цинично и грубо. Для доктора специально, что бы глупостей не думал. Хватит с меня высокой мелодии любви. Наслушалась досыта.

Егор явно не ожидал. Руки, нарезающие холодную телятину, застыли на миг, потом продолжили дело.

— Не понял? Кто-то уже сделал тебе предложение руки и сердца? — осторожно спросил он, опуская без комментариев мой последний пассаж. — Что-то случилось?

— А, забудь. Проехали, — я пригубила прохладное вино. Золотой виноград с мускатной нотой. Перевела тему: — сладкое игристое и мясо. Я тебя не узнаю, милый.

— Ничего лучше у меня нет. Ты же не станешь пить порто или мадеру? — Егор сел строго напротив меня.

Его тарелку украшала только гроздь черного винограда. Ничего не ест в это время суток.

Пять минут двенадцатого ночи.

— Боже упаси, я выжить хочу назавтра, — засмеялась я. — Вкусно очень. Спасибо.

— У тебя подружки есть? — мужчина аккуратно налил себе виски на палец в знакомый хрусталь.

— Да, — ответила я согласно.

Широкий ломоть мяса на белом. Слегка остывшая, истекающая желтком яичница сверху. Красная аджика, жгучие капли упали с деревянной узкой ложки. Не хватает, очевидно, зеленого цвета. Кинза.

— Много? — он следил за моими руками, не отрываясь. Только веки прикрыл, спрятался.

— Нет. Одна Кристина, пожалуй, — я завернула натюрморт в тонкий лаваш и откусила.

— Значит, ты ей открываешь душу? Или совсем никому? — он налил мне еще немного вина.

Привкус жаркого лета. Прозрачный мускатный воздух синих склонов Апеннин. Смуглые крестьянки смеются и давят ягоды стройными ногами, подоткнув юбки к поясу, в такт песням вечного Челентано. Жаль, что ночь вокруг теплая, южная. Дома, на бедном севере моем, этот аромат произвел бы впечатление. Сыграл бы с ледовитым дыханием океана какую-нибудь шутку. Неужели я соскучилась по холоду? Я? Пора?

— Лола, ау! Ты не слушаешь меня, — пробился сквозь ностальгический бред мужской голос.

— Послушай, Егор. В твоём доме есть свободная комната? Я хотела бы лечь спать. Я очень устала, — я не хотела разговаривать. И даже есть.

Давно, не помню, когда.

Клик-клик-клик. Щелчки клавиатуры. Точно. Я открыла глаза. Темно абсолютно. Ночь.

Выбралась из-под чужой ноги и теплого одеяла. Пол под ногами встретил гадким холодом. Я вслепую нашарила тапки, всунула себя в толстый длинный свитер. Тот обдал запахом чужого парфюма и моих сигарет. Царапал шнуровкой у горла голую кожу, прикрывал попу в белых трусах почти до колен. Пить и писать.

В конце черного коридора светит лампа. Зеленый абажур и человек за кухонным столом. Сидит в профиль и стучит быстрыми пальцами по клавише ноутбука. Женщина. Серый платок на плечах. В углу рта незажженная сигарета. Холодно.

— Ой! — женщина подпрыгнула от неожиданности, когда я появилась привидением в дверях. — Ты кто?

— Здравствуйте, — не нашла ничего лучшего я сказать.

— Господи! Как ты меня напугала! — она подобрала со стола выпавшую изо рта сигарету. Смотрела уже спокойно светлыми большими глазами на бледном в зеленом искусственном свете низкой лампы лице.

— Можно я в туалет схожу? — я переступала с ноги на ногу. Еле терпела.

— Да-да, конечно. Первая дверь справа, выключатель...

— Я знаю, — я улетела в известную сторону.

Крошечный санузел. Унитаз и душевая кабина. Холод зверский. Казалось, ветер с замерзающего канала залетал снаружи в узкое стекло окна под самым потолком. Судя по лихому, воровскому свисту, так оно и было. От моей кожи навязчиво несло французским лубрикантом. Вода из крана лилась едва теплая. Я мужественно стянула с себя одежду и

залезла под душ. Не хотелось тащить этот запах с собой обратно. Через пару минут вода превратилась в жидкий лед.

— Чай?

Она зажгла все конфорки на газовой плите, нагревая длинное помещение кухни. Мои зубы передумали клацать. Тепло обняло тело под свитером. Лицо покраснело. Огонь плиты радостно сжирал кислород в узком помещении, унося тепло ввысь под потолок. Женщина погасила всенародный источник жизни. Сняла чайник с плиты.

— Чай? — повторила.

— Лучше бы кофе, — призналась я. Села на табуретку.

— Есть Нескафе. Насыпай. Вот чашка. Вот ложка. Вот сахар. Молока нет. Я мама Жени. Меня зовут Вера. А тебя? — женщина по имени Вера залила порошок в китайской кружке горячей водой.

— Меня зовут Лола, — сказала я. Кто такой Женя? Боже! Это ведь Петрова так зовут. Перед глазами сразу всплыла зеленая обложка тетради. Евгений Петров. — Я учусь с Петровым в одном классе.

Не могла, хоть убей, назвать его Женей. Он сказал, что мать уехала в командировку в Даугавпилс. Соврал.

— Я закурю, не возражаешь? — она села напротив меня за узкий стол на одной ноге, прикрученный торцом к стене. Так спросила, мое мнение ее не интересовало ничуть.

Я решила сходить за своими сигаретами. Встала.

— Ты куда? Спать? А кофе? — женщина встрепенулась. Только что за руку меня не схватила. Глядела снизу в лицо встревоженно. Расстроено.

— Я тоже курить хочу. Пойду принесу...

— Не надо. Женьку разбудишь. Возьми мои.

Мы курили, откинувшись на спинки неудобных стульев. Разглядывали друг друга. Сидели обе нога на ногу, закрутив худые голени в жгут. Стройная блондинка, почти натуральная. Рост небольшой. Положительное лицо и бюст. На вид — лет тридцать пять. Если выпится и перестанет поджимать неприятно губы, то можно дать заметно меньше.

— Вкусный кофе? — она сняла с меня взгляд.

— Ужасный, — я улыбнулась. От чего-то мне хотелось помочь этой странной женщине. Не спящей длинной, неотопливаемой ночью с четверга на среду. Я только не знала, чем.

— Я сама терпеть его не могу. Держу только для гостей, — Вера поддержала меня в плане улыбки. Снова разглядывала.

— Это правильно. Чтобы не засиживались, — я тихо посмеялась.

— Что у вас с Женей? Любовь? — тут же задала важный для себя вопрос мама своего сына.

— Нет, — я отказалась сразу. Чтобы без фантазий со всех сторон. — У нас с Петровым пари. Он выиграл.

— Ого! — удивилась Вера. Встала, вынула из шкафчика над столом бутылку красного вина. — В чем же ставки?

Кивнула мне на бутылку. Портвейн. Никогда. Я резко отрицательно мотнула башкой в ответ.

— Мы поспорили, что он подтянется больше нашего физрука. Этот гадкий Петров победил, — рассказала я. Остывший кофе вонял химией.

— А я все понять не могла, откуда в Женьке такая тяга к физкультуре проснулась вдруг.

Он тренировался с начала сентября, готовился. Он развел тебя, — рассмеялась гордо мама великого спортсмена. Вертела в пальцах стеклянный фужер.

— Да я догадалась уже, — я махнула рукой. — Отомстить мне хотел за старое. Как бы сам себя не обманул...

— Послушай, как тебя там? Я забыла, прости. Я не могу пить одна. Я тебе налью, а ты только вид делай. Ладно? — она смотрела мне точно в глаза. Но взгляд ее не шел никуда. Отскакивал и возвращался обратно, внутрь.

— За что будем пить? — торжественно спросила Вера.

Я пожалала плечами. Мне — до лампочки. Хоть за освобождение волнистых попугайчиков из клеток русской зимой.

— Ты веришь в любовь? — снова в той же пафосной теме гнула свое дама напротив.

— Нет. Да. Как хочешь, — усмехнулась я покладисто и понюхала вино. Весьма недурно. Глянула на этикетку снова. Порто, без дураков.

— Сколько тебе лет? — в тихом голосе матери Петрова отчетливо хрипнул наезд.

— Шестнадцать, — нахально ответила я. Сунула в рот сигарету и смотрела, что будет дальше. Ну?

— Тебе явно плевать на любовь. Ты спишь с моим сыном на спор. Ты просто шлюха! — Вера залпом закинула в себя португальский портвейн.

Логика подобных заявлений меня всегда потрясала. Моя Аля была в этом деле большой специалист. Я ухмыльнулась и ответила:

— А тебе завидно?

Она положила в рот кусочек шоколадки и сморщилась как от кислого. Глянула на меня вдруг трезвыми, взрослыми глазами. Опомнилась.

— Прости. Я не должна была так говорить, девочка. Извини, — она протянула руку, чтобы забрать из моих пальцев вино.

Я отстранилась и залпом выпила. Коварная терпкая сладость упала в желудок и разбежалась по крови. Дружеский градус пошел вверх в прокуренном холоде кухни.

— Шестнадцать лет! Какой чудный возраст! Я впервые влюбилась в шестнадцать. Боже! Как же я была в него влюблена! — Вера мечтательно завела большие, подозрительно блестящие глаза к далекому потолку. — Мы встречались тайно, его мама меня не одобряла. Считала недостойной своего прекрасного мальчика...

Мы слаженно отхлебывали прекрасное вино. Полное взаимное уважение уже маячило в сумерках близкого утра. Я покорно, подперев голову рукой, слушала плавную, счастливую, абсолютно банальную историю влюбленной барышни под сорокет.

— Мы все-таки поженились. Не все шло гладко, сама понимаешь. Свекровь постоянно вмешивалась. Зудела и зудела, как жирная муха. Она тебе не пара. Она тебе не пара. А кто ему пара? Испанская королева? Но мы любили друг друга! Нам все было нипочем, мы же были вместе...

— Фу, накурили! — возмущенный Петров пересек кухню и распахнул форточку настезь. — Мама! Тебе же на работу! Лола! Нам в школу к первому уроку! Вы пьяные обе в зюю. Жесть, — он обалдело переводил взгляд с Веры на меня и не верил сам себе. Литр португальского портвейна иссяк. Истаял в недрах мусорного ведра.

— Погоди, Петров. Дай дослушать. И че? — я отвела от себя надоеду решительной рукой.

— Лола! Нам вставать через час! Перестань курить! — дерзкие пальцы сломали и выбросили последнюю сигарету.

Да. Хватит. Я подняла себя вертикально. Натянула решительно на голову капюшон свитера.

— Действительно, пора. Чао, Верочка. Ты — классная баба! Петров! Где ключи от моей машины?

— О, господи, — взмолился Петров.

Вытащил меня за руку из кухни. Я потеряла тапки. Стены постоянно норовили напасть со всех сторон. Линолеум пола морозил бедную меня на раз.

— Залезай в кровать, несчастье мое, — сильные пальцы запихивали настойчиво меня вниз.

— Только не приставай. Наши дела — все! Баста. Конец! — предупредила я, залезая в желанное тепло. Закуталась в одеяло, как в кокон. — Зачем ты меня увел? Я хотела дослушать про невозможную любовь. Вера так здорово рассказывала...

— Ну да, рассказывать она умеет, — гадкий Петров просочился все же в мое укрытие. Обнял жесткими руками, сунул лицо в волосы над правым ухом. Его вечно ледяные ноги пришились мне на середину голени. — Он ушел. Вчера ровно год был.

— Кто? — я повернула к нему удивленное лицо.

Всем известное шоу под названием «звездный городок» стремилось раскрутить мою португальскую сегодня голову во все стороны разом. Настырный Петров попытался отловить мои губы своим мокрым ртом.

— Прекрати, Петров. Что за манера лизаться, когда с тобой разговаривают! — я села. У-ух! Упала обратно.

— Кто-кто! Хрен в пальто. Мой отец, — сказал он горько и сердито. Отклеился от меня и отвернулся.

— Куда ушел? — зачем мне это знать? Нафиг надо. Но интересно. Ждала ответ, глядя в спину рядом. Провела ладонью по выступающим позвонкам, как, сама не заметила.

— К такой же красивой суке, как ты... — бедный Петров кажется плакал.

Я проснулась до рассвета. Словно тронул кто за плечо. Запахнулась в халат и пошла вниз. Споткнулась в самом низу, больно ударившись пяткой о низкую, лишнюю ступеньку. Комната, в которой я ночевала, была та самая. Где я когда-то спала с Сашей. Как не со мной было. Если бы не лестница, не вспомнила бы никогда.

Вода в знаменитом бассейне была. Перетекала, как положено, за борт в хвойный запах рассветных елей к Гурову в сад. Я потрогала ее осторожно. Теплая. Серые сумерки готовились стать розовыми. Восток обещал. Ладно. Чего я боюсь, в самом деле? Прыгай, девочка, тут не глубоко.

Я сделала двадцатый круг по корыту. Нарочно, шумно. С хлопками и всплесками. Я залила плиты пола вокруг. Я превратила гуровский газон в болото. Я замерзла. Наглое солнце выкатилось из-за горы наполовину. Егор не пришел.

Вылезла мокрая и злая. Растрепанная, как ведьма болотная. Оставляя темные следы на буковых досках пола, прошлепала туда, где молчала хозяйская спальня. Распахнула дверь.

Егор полулежал в подушках и улыбался.

— Ты! Я замерзла в твоём гребаном корыте насмерть! — я задохнулась от гнева. Даже дрожать перестала. Как он мог не прийти! Стояла голая в прозрачных узких трусах, белая, как утопленница. Остывшая вода стекала по слегка зеленоватой от злости мне.

— Не может быть. Я специально для тебя налил в бассейн подогретую воду. Ты слишком

долго плавала. Я соблюдаю твои условия, не лезу целоваться, не пристаю, как ты выразилась, веду себя честно, как обещал, и мне это дается, видит бог, нелегко, — говорил он негромко. Не смеялся. Не нарывался. — Если хочешь, то можешь лечь рядом. Я не возражаю. Ты вся синяя от холода, смотреть больно. Обещаю вести себя прилично. Не хочешь целоваться, не буду. Ну же, скорей.

Егор явно хотел постучать ладонью по одеялу рядом с собой. Не рискнул. Провел пальцами по белому полотну, разглаживая складки. Ореховые глаза в розовом цвете проснувшегося нового дня тянулись покорным, на все согласным желанием. Я сдалась.

— А мне целовать тебя можно? Или только тебе? — услышала я сквозь собственные жадные слюни на мышцах его живота.

Бергамот и острый, пряный запах живой смазки. Две недели воздержания. Тупой верности неизвестно кому.

— М-м-м, — промычала. Гладкая кожа головки невозможно сладко прошлась по моим губам. Я поймала и провела языком по кругу. Еще раз.

— погоди, золотце мое, успеешь, — сказал Егор. Отвел осторожно мое лицо от своего паха. Сам быстро накатал резинку и лег сверху. — Не обижайся, прошу тебя. Я слишком долго ждал. Давай сначала так, а потом все остальное, как ты любишь. Я сделаю все, как ты захочешь. Время есть.

Я увидела его. Море добрым товарищем вышло на меня из-за поворота. Мы скучали оба. Я улыбалась добродушному взгляду сине-зеленого горизонта. Развела руки в стороны и пошла вдоль дороги, прикрыв веками глаза. Полдесятого утра.

— Давай проведем сегодняшней день вместе, — предложил Егор. Поцеловал меня в голую спину. — Провалиемся в постели до обеда. Потом поедем поедим в каком-нибудь вкусном месте или закажем что-нибудь итальянское домой, я знаю приличный ресторан. Как захочешь.

— Это вряд ли, — я улыбнулась. Повернулась к нему всем телом. Подставила себя ласковым губам. Хорошо. Просто отлично. И зачем я пряталась от него все это время? Кому от этого стало лучше?

— Почему? Только не говори, что не хочешь. Я этого не переживу, — посмеялся Егор, усаживая меня к себе на живот. Поближе к известному месту.

— Я работаю сегодня. Моя смена. Если побегу сейчас, то как раз успею, — я аккуратно слезла с партнера и с кровати заодно. Потянулась вверх сыто и радостно. Доктора я не стеснялась ничуть и никогда.

— Давай выпьем кофе хотя бы, золотце мое. Возьми мою машину, вечером вернешь, — он говорил осторожно откуда-то из подушек.

— Ладно, милый. Вари кофе и кусок хлеба найди для меня, умоляю, — я унеслась в ванную.

Егор и кофе ждали меня. Я откусила от хлеба с маслом в его правой руке. Отпила от чашки в левой. Жуя, ткнулась лицом в колючую щеку.

— Я вернусь сегодня после девяти, а на завтра возьму выходной. Не нужно машину. Я пробежусь с наслаждением.

Я легко бежала вниз по хорошей дороге. Белые кеды снова мелькали подошвами по асфальту. Деревья под горой отливали красно-желтым. Пятна длинноногих сосен, надменных толстых елей и вертикалей кипарисов зеленели вечно.

Фа-фа! Клаксон. Красный кабриолет догнал меня.

— Привет! Опаздываешь? — Давид ухмылялся мне припухшими, теплыми губами.

— Привет, Давидик! Ты на свидании был? — я села рядом с водителем. Легко коснулась знакомой щеки.

— Да замутил тут с одной, — притворно-равнодушно сообщил пацан, выруливая на дорогу левой рукой, правую положил на спинку моего сиденья. Выпендрейчик.

— Поздравляю, — искренне улыбнулась я его гордому профилю.

— Пф! — Давид махнул рукой небрежно так, словно всю жизнь проходу ему девушки не давали, вот измучили буквально всего. — Лола, ничему тебя жизнь не учит! Ты почему не позвонила вчера? Почему не сказала, что у Егора Аркадьевича ночевать осталась? — выговаривал мне Давид по-взрослому.

— Я? Я не подумала. Ты же сам видел. Я ведь с ним ушла, — начала я оправдываться, сама не заметила, как.

— Да кто тебя знает? Мало ли, что в голову твою кудрявую взбредет? — бухтел парень, копируя интонации доброй Кристины абсолютно. — Вот уважаемый Георгий Аркадьевич не забыл. Позвонил вчера Кристе. Доложился обо всем. Даже рассказал, что ночуешь ты в комнате для гостей. Офигеть, как ты его выдрессировала. Вот. Ты забыла вчера.

Давид вынул из кармана на груди розовый айфон. Протянул, не глядя, мне. Машина остановилась у входа в караоке. Мы приехали. Рука моего друга безответно висела в воздухе.

— Эй! Забирай свою игрушку, — он хотел сбросить аппарат с ладони мне на колени. Я резко выскочила из кабриолета поверх двери. Успела.

— Ты чего? — Давидик поднял на меня изумленное лицо. Неповинный телефон завалился между сиденьями.

— Давид, сделай мне, пожалуйста, одолжение, — тихо попросила я.

— Все, что захочешь, дорогая, — тут же в тон отозвался он.

— Забери этот чертов айфон. Хочешь — себе возьми, хочешь — продай, подари, в море выброси. Мне он не нужен.

— Ты с ума сошла! Это же так дорого, — Давид говорил, а сам ухмылялся, словно передразнивал кого-то. — Я эту розовую хрень себе оставляю. Пусть все сдохнут от зависти!

— Пусть сдохнут, — повторила я эхом.

Глава 31. Снова утро

Снова утро. Снова завтрак.

— Я уезжаю. В четверг. В Штаты. На три месяца. Читаю курс по своей врачебной методике в Главной Медицинской Школе. Много плановой работы, — начал Егор, размазывая сливочное масло по куску подогретого матнакаша. Американо в верной стеклянной кружке. Коричневый сахар неровными кусками в хrome шведской сахарницы.

— Как жалко, — искренне вздохнула я. Соскучилась по европейскому комфорту и стабильной улыбке ореховых глаз. И остальное не подвело меня ни разу.

— Тебе жалко? Действительно жалко? — доктор протянул мне тарелку с бутербродом. Заглядывал в лицо.

— Да. Мне так хорошо с тобой, — легко призналась я без всяческих затей. — Тепло, сытно, гигиенично.

— Я две недели, как круглый дурак, приходил каждый день в гостиницу, в дурацкое ваше караоке. Ты сбегала, словно я зачумленный. Вдруг р-раз и все повернулось с точностью до наоборот. И ты теперь шутишь, золотце, никак не нашутишься, — он успел сдержать раздражение на мой смех. — Я хочу понять, что происходит. Расскажи мне о планах на свою дальнейшую жизнь. Есть они у тебя? Хотя бы до конца этого года.

Серьезный мужчина смотрел, как я весело ем. Пахучий дорблю зеленовато-синими точками порока глядел задорно на меня. Я выудила его из полупустых просторов холодильника. Сыр вонял, как чудно заметил классик, портяночкой. Ротой старых носков. Горячий хлеб, сыр, глоток кофе. Я облизала масляные пальцы. М-м-м! Доктор пил маленькими глотками воду из какой-то волшебной бутылки. Ждал.

— Нет у меня никаких планов. Я подумаю об этом завтра, — я улыбнулась в бессчетный раз. Цитировала одну из лучших фраз в мире. Хотела ответной, если не улыбки, то хотя бы иронии.

— Хорошо. А как ты смотришь на наши отношения? После твоего побега в июне, когда я всего лишь попытался пригласить тебя с собой отдохнуть, я боюсь рот на эту тему открывать, — Егор подошел сзади и обнял. Заговорил тихо, щекоча губами левую щеку: — Расскажи мне снова, что ты думаешь. Мне здорово понравилось позавчера.

«Не держи в себе» — сказали мне Шрэк и психиатрическая дама-подполковник в клинике. Чего я боюсь, в самом деле?

— Понравилось? Тогда поехали, — я поцеловала пальцы доктора на своем плече. Видит бог, он это заслужил. — Все, как ты любишь. По номерам. Во-первых. Криста болеет. За Кирилла я отвечаю. Через два дня прослушивание в музыкальной школе. Если он туда поступит, то надо будет возить его туда трижды в неделю за двадцать километров, туда и обратно...

— Я не об этом, — тихо перебил меня доктор.

— Я знаю, — тут же отозвалась я.

— Во-вторых. Я здорово устала от разговоров на тему отношений. Задолбалась просто! Я не хочу никаких откровений и вранья, любых слов, обещаний и тому подобного. Не хочу, — я выпила залпом остывший кофе. Не смотрела, что там и как думает себе Егор. — В-третьих, я не верю в человеческие планы в принципе. Сколько не планируй жизнь, все равно выходит криво и наоборот.

Я заткнулась и высвободилась. Посмотрела мужчине в ореховые глаза. С надеждой. Вдруг он поймет меня, засмеется и хлопнет легко по плечу.

— Ладно, пусть будет, по-твоему. У меня есть время до среды. А там, как бог даст. Так? — доктор провел ладонями по лицу, словно наваждение снять пытался. Вдруг замер и посмотрел на меня сквозь пальцы, — так?

— Как-то так, — я отвернулась от его внимательного взгляда. Вздохнула. Я высказалась. Что дальше?

— Прекрасно! У нас целый день впереди. Чем займемся? — Егор взял себя в руки. Сел, наконец-то, на высокий табурет возле дерева стола. Глотнул свой оранжевый сок из полезной морковки. Не сдержал короткого отвращения. Выпил одним махом до дна.

— Чем хочешь. Только умоляю, не ездой по магазинам, торговым центрам и прочим местам в таком роде. Никакого барахла, подарков на задницу и безымянный палец. Терпеть этого не могу! — быстро заявила я.

Выловила кубик голубого сыра с широкого блюда. Сунула его за щеку. Добавила ложку меда и ядро грецкого ореха. Вкусно! А! вот еще ломтик переспелой желтой груши для полного кайфа. М-м-м.

Безупречный доктор помалкивал. Похоже, я угадала его немудрящий план абсолютно. Глядел задумчиво, как я увлеченно поглощаю сыр.

— Меня сегодня пригласили на дегустацию. Местные разноделы представляют вино и сыры собственного производства. Это в двух часах езды отсюда, — начал Егор.

— О! Отлично! Я поведу твой замечательный брабус! Сто лет не сидела за рулем, соскучилась безумно! — я обрадовалась. Облизывала сладкие в меду пальцы.

— Тут есть две проблемы, — с прежней осторожностью приближался к главному Егор. Разбухшая овсянка в синем от ежевики йогурте. Ложка доктора проворачивала в тарелке десятый круг. Полезная еда явно не пролезала сегодня в безупречный аппетит.

— Какие? — я решила спасти мужчину. Подвинула мюсли к себе и стала уничтожать их последовательно, как врагов.

— Это светское мероприятие. Я, если честно, идти не собирался. Пустая трата времени, и в местное вино я не верю. Но других фокусов в рукаве у меня нет. Я все утро гляжу, как ты уплетаешь сыр, который я выбросить хотел, настолько он перезрел и воняет. Вдруг тебе там тоже будет вкусно? Тебя же накормить — целая история. Проблема такая: платье придется купить. Если ты готова все же зайти в магазин и выбрать, то поехали. Я не могу выглядеть абы как, извини, — Егор улыбался с видом человека, нашедшего клад там, где меньше всего ожидал.

— А второй затык в чем? — я желала всех точек над «е». Поездка манила меня. Рулем, ветром, серпантинном.

— Это уже не важно, если ты согласна, — мужчина льняной салфеткой оттер с моих губ запах волшебного сыра и поцеловал. Знакомо горячо и жадно. Снял со стула и увел заниматься любовью. Как будто хотел запастись этим делом впрок.

Узкое платье-футляр длиной до середины колена. Цвет, как любила выражаться моя Аля, кофе с молоком. Браслет из натурального янтаря. Чулки и лодочки цвета тела. Я обросла чужой оболочкой по всей коже. Запах Европы в пальцах и волосах. Егор сиял улыбкой полного довольства.

— Сумочка? — счастливо прогудела взрослая дама, балдея от суммы продажи и

сериальности происходящего. Она только что, собственными руками произвела известное чудо: обращение замарашки в принцессу.

— Я хочу на волю, — прошептала я. Головы не повернула на ворох сумок.

Егор сам выбрал что-то. Расплатился под счастливое бу-бу-бу феи-крестной.

— Какой дурацкий у тебя галстук, — заметила я, глядя в сторону от его довольной физиономии. За стеклом лифта проползали этажи магазинов и развлечений. — Как будто пояс от моего платья на шею повязал.

— Очень смешно. В этом смысл, дурочка. Тебе не нравится наряд? Ты потрясающе выглядишь! — доктор забрал мою правую руку и просунул к себе на согнутый локоть.

Два толстяка напротив пялились на нашу парочку с детским любопытством, вплоть до открытых ртов. Потом один подмигнул, а другой показал мне большой палец. Бумажные пакеты в их руках благоухали картошкой фри из Лучшей Забегаловки. Есть же веселые люди на свете. Натрескаются сейчас гамбургеров, зальют их сверху колой и станут счастливы.

— Давай зайдем, поедим, — я заставила себя улыбнуться.

— Нет, золотце мое. Мы же идем на дегустационную презентацию. Следует рецепторы хранить в невинности. Прости, — Егор коснулся моих пальцев тонким ртом и чуть заметным хозяйским хлопком по попе направил вон из лифта.

В машине я забила в угол заднего сиденья. Егор машинально сел за руль. Включил двигатель. Оглянулся.

— Ты же хотела сама вести машину. Что случилось? — доктор смотрел светлыми глазами.

Я отвернулась к окну и не ответила. Зверски хотелось вернуться домой. Напиться чаю на теплой кухне милой Кристи с горячим яблочным пирогом. Потом грести опавшие листья частыми граблями, ссыпать их в черные мешки. Потом... и снять с себя эту чертову сбрую!

Егор заглушил мерседес. Вышел. Хлопнула крышка багажника.

— Вот. Переодевайся и марш за руль! И давай поскорее, а то приедем слишком поздно. Местные гурманы раскупят весь твой вонючий сыр, — он бросил в меня пакетом со старой одеждой. Не злился. Улыбался снисходительно и тепло.

— Поможешь? — я повернулась к нему длинным замком платья на спине. Откинула волосы вперед, обнажив беззащитно шею. Откровенная провокация. Настроение полезло вверх вместе с горячими искрами в пальцы ног.

— Э, нет, — рассмеялся Егор. — Ты меня не поймаешь. Терпи до вечера.

Чмокнул дверью и остался дожидаться на улице. Я видела через тонированное стекло, как доктор ухмыляется и незаметно трогает языком пересыхающие губы.

Белое тело машины ловко входило в петли дороги. Немецкие мозги этой роскошной блондинки лучше меня знали, что надо делать. Держать в руках ее могучее сердце было приятно до одури.

— Смотри-ка, Баграмян достроил дом, — заметил Егор, глядя куда-то вбок. — Успел до холодов, партнер.

— А, — сказала я небрежно. Дорога занимала меня всю, без остатка.

Н-да. Парнишка в белом свитере и синих джинсах забрал у меня ключи и увел машину на положенное место. В рядах здешней парковки брабус не казался чем-то особенным. Дорогим и инородным. Так, свой среди своих.

На зеленой ладони поляны раскинулись несколько шатров. Там светили белыми

фартуками и поварскими колпаками предлагающие отведать и вкусить. Вкушающие и пробующие фланировали между ними, негромко переговаривались, иногда изволили смеяться. Костюмы, бороды, большие губы, каблуки и платья всякой длины. Моды и шляпы. Я глянула в лицо доктора и рассмеялась.

— Ты сама не пожелала быть в тренде. Держись за мою руку, чтобы не потеряться в этом лесу, моя маленькая девочка, — сказал он. — Завтра в Чикаго будут сплетничать, что у меня есть внебрачная дочь. Или, того веселее, скажут, что я сплю с малолеткой.

— Тебя это волнует? — усмехнулась я. — Или заводит?

Егор не ответил. Крепко взял меня за руку и повел к ближайшей полотняной лавке. Твидовый пиджак цвета осенних кленовых листьев, безукоризненные стрелки на брюках в тон темнее, белая полотняная сорочка под зеленым жилетом, галстук известного оттенка слегка распущенным узлом под тщательно выбритым подбородком. Я вышагивала рядом. Голубые джинсы «бойфренд», белый свитер, белые кеды. Ветер подкручивает растрепанные рыжеватые кудри, мажет сладким розовым блеском губы.

Между крытыми беленым льном столами тусовался народ. Ленивый по жизни, но быстрый на деньги. Многие ребята обоих полов шустро калькулировали нашу парочку. Егор изредка жал руки знакомым мужчинам. В основном, солидным дядям-отцам семейств. Пухлая молодая армянка певучим акцентом рассказывала о чудесных качествах производителя здешних вин. Егор с вежливой улыбкой принял от официанта тонконогий бокал. Чуть пригубил и тихо приговорил:

— Пошли отсюда.

Таким же скорым маневром мы миновали две дегустационные лавки насквозь. Доктор делал глоток вина и уходил. Никакой сыр не порадовал мои невинные рецепторы.

Я ничего не понимаю в вине. Не люблю. Не сложилось как-то. Скотч от ирландца или кентуккийского односолодового отличу легко. Сладкую финскую водку от горькой «столичной» или кислой дагестанской — на раз. Потому что я с севера, что ли? Что вкуснее: рислинг, совиньон блан или шардоне, я не понимаю, никогда не тренировалась. И не хочу начинать.

Маленькая девочка в белом пышном платье бродила по поляне и заглядывала взрослым снизу в лица. Те улыбались, спрашивали что-то у малышки, она молчала и шла дальше. Егора остановил очередной почитатель его таланта. Я пошла к ребенку.

— Привет! Я Лола. А ты? — я присела на корточки, чтобы сделаться вровень.

— Я Шуша. Ты мою маму не видела? — девочка сама взяла меня за руку.

— Не видела. Пойдем искать, Шуша. Какое красивое у тебя имя, — честно призналась в черные и блестящие детские глаза.

— Вообще-то меня зовут Сусанна. Это бабушка придумала, — ребенок уверенно повел меня среди людей.

— Счастлив тот, у кого есть бабушка, — сказала я не громко.

— У меня их целых три, — сообщила Шуша, водя меня зигзагами в толпе.

— Значит, ты счастлива трижды. Как зовут твою маму? — я всматривалась в лица кругом, словно знала, как выглядит неведомая мне женщина.

— Нина, — ребенок со спокойным любопытством бродил по залитой солнцем зеленой площадке. Никакого шума, никаких встречных поисков. Люди пили вино, трепались на разные темы, флиртовали и заключали сделки. Никто очевидно не терял маленькую девочку в воздушном платье. Я ничего не понимала

— Лола! Куда ты пропала? Я тебя всюду ищу, — Егор подобрался ко мне сзади. Обнял за плечи.

Ну вот. Хотя бы одна пропавшая девочка нашлась. Я, смеясь, оглянулась.

Круг ухоженных дам в элегантных светлых платьях и периодических шляпках разрывала черная фигура. Саша смотрел на меня в упор. Холодно-красивая усмешка кривила яркие губы в короткой бороде. Он что-то бросил недовольное молодой женщине рядом и направился к нам.

— Егор! Где ты ее нашел?

Я опешила и секундный страх прошиб холодным потом.

— Здесь, — коротко ответил доктор, чуть перекрывая меня плечом.

— Аня, ты почему не в детской комнате? Где няня? — Саша протянул руку к ребенку.

— Я гуляла с Лолой и искала маму, — Шуша не спешила доверять ему свою ладонь.

Добавила через ощутимую паузу: — прости меня, папа.

— Здравствуй, Лола. — он перевел взгляд на меня.

Мне отчего-то захотелось сделать книксен. Ноги сами начали сгибаться. Как в те времена, когда работала няней у доброй Катерины. Удержалась и только слабо кивнула в ответ.

— Шуша! Ты опять сбежала!

Девочка бросила мои пальцы и тут же была подхвачена на руки красивой молодой армянкой. Ласковый шепот укоризненно на ушко. Покаянные всхлипы маме тихонько в ответ.

— Мама, это Лола. Она меня нашла, — отрекомендовала меня девочка.

Я, не глядя абсолютно, даже краем глаза, в сторону мужчин, открыто улыбнулась молодой женщине, готовясь принимать многословную национальную благодарность. Черные глаза смотрели на меня. Не мигая. И я догадалась. Она знает про нас. Про меня и своего мужа, про все, что было между нами этой весной. Пауза зависла и длилась бесконечно.

— Нина, скажи спасибо Лоле за то, что она нашла нашу непослушную дочь, — голос Баграмяна вернул всех на землю.

— Спасибо, — Нина сказала это, низко опустив голову. — Я отведу Анечку к твоей маме. Она беспокоится...

— Нет. Сейчас мы все вместе пойдем в мой шатер и хорошенько отпразднуем встречу, спасение и знакомство. Что скажешь, Егор? Я купил пай в винодельческой фирме. Не интересуешься? Могу рассказать, — Баграмян, забыв про нас, повел доктора в сторону своей дегустационной палатки.

— С одним условием, Алекс, — услышала я улыбающийся голос Егора, — мы будем пить совиньон братьев Гусевых...

— Этих русских? При всем уважении, дорогой доктор, но русские не умеют делать вино...

— Увы, дорогой Алекс, их совиньон гри — вне любой конкуренции! Я заказал им четыре ящика...

Мы плелись за этими болтунами, как настоящие женщины востока. Напряженный интерес жены Александра Баграмяна преследовал меня повсюду. Шуша мило болтала рядом детским голоском.

Образовалась большая и шумная компания. Друзья, родственники, нужные и ненужные люди расселись за щедро накрытым столом. Меня попытались было усадить среди многочисленной родни. Но Егор приглядывал за процессом и берег место подле себя. Я сделала шаг в его сторону.

— Я могу здесь присесть, Георгий Аркадьевич? — взрослая стройная блондинка снисходительно вежливо задала вопрос.

— Будьте так добры, Светлана Александровна, — сдался без колебаний доктор. Встал и отодвинул пластиковое кресло, приглашая. Что-то неуловимое, резкое выдало в даме мать хозяина всего здесь. Столичная знаменитость плюс европейская знаменитость. Мое место перестало быть свободным. Я опустила тощий зад рядом с Сусанной. Ее мама осталась по другую сторону от ребенка.

Я не хотела есть. Я не хотела пробовать сыры и вино. Я задыхалась здесь. Серо-красные щупальца ревности Нины Баграмян трогали меня постоянно неспящим, острым любопытством. Хотелось залезть под пластик сиденья. Вся фигня в моей жизни возвращалась гребаным бумерангом. Я пару раз выглянула, как там поживает безупречный доктор на другом конце стола. Весел, активен, ест и пьет. Ухаживает галантно за непростой соседкой, триндит с хозяином. Жизнь у него явно удается. Чем дальше, тем верней.

Я пошарила в карманах джинсов. В ладонь легли две сотни рублей. Смешно. У меня снова нет телефона. Нечем вызвать такси. Дома Криста нашла бы, чем расплатиться.

— Ты куришь? — спросила у меня Нина.

Я кивнула.

— Пойдем, покурим.

Зачем? Хотела я сказать. Встала из-за стола и пошла следом.

Площадка для курения была огорожена белым забором с бетонными пузатыми балясинами а-ля девятнадцатый век. Свешивалась карнизом над склоном горы. Пусто. Мы стояли с Ниной, как Мартынов с Лермонтовым, только пятьюстами верстами южнее. Что за ерунда лезет в голову? Я боюсь?

— Сигарету?

— Да, спасибо.

— У меня тонкие. С ароматом яблока.

— Замечательно. Спасибо большое...

— Не за что, совершенно. Лола, я хочу задать вопрос. Можно?

Нет! Я кивнула черным глазам Нины Баграмян.

— Вы любите моего мужа? — она, не заметив, перешла на «вы».

— Нет! — я не закричала, но вышло громко.

— Прошлой зимой мы решили пожить отдельно. Отдохнуть друг от друга. Я уехала к сестре в США. Потом я стала получать разные фотографии. Ваш роман с моим мужем я смотрела, как репортаж в новостях.

— Тетя Наринэ? — брякнула я, не подумав. Сигарета воняла гадостно сухофруктами.

— Кухарка? Нет, конечно. Она компьютер понимает только, как ящик для сбора пыли. Мои родственники и друзья заботились обо мне...

— От меня вы что хотите? — перебила я. Выстрелила бычком в пропасть.

— Наш брак всегда был надежным. Спокойным и счастливым. Семь лет. Моя мама сказала: это трудный возраст для семьи. Терпение, терпение, терпение. Перебесится твой ненаглядный, и все встанет на свои места — Нина кивнула мне, не глядя. Курила неумело.

Говорила о своем. — Я терпела. Смотрела в сети, как он живет в нашем доме с другой. Спит в нашей постели. Ходит к нашим друзьям с чужой. Целует при всех, прямо на улице. Дарит подарки. Я терпела, глядя в его счастливое лицо на мониторе. Сестра хотела, чтобы я легла в клинику. Кто может выдержать такое напряжение? Дети смотрят каждый день в мои застывшие глаза. Но я отказалась. Жить уже без этих фотографий не могла. Ждала, молилась и ждала, когда сбудутся мамины слова. Пока в одно прекрасное утро не получила письмо. Он захотел развестись. Настаивал на совместной опеке над детьми. Правила другой страны и все такое. Общение только через адвокатов. Не желал меня видеть. Даже голос мой слышать по телефону ему было противно. Говорил по скайпу только с детьми. Я готова была все подписать. Он же мой муж, он отец, он никогда не сделает плохо своим детям. Обо мне нет речи. Я — покойник. Умерла для него раз и навсегда. Вдруг все кончилось. Позвонил сам, говорил весело. Я уже забыла давно такой его голос. Велел возвращаться домой и обещал, что все будет по-прежнему. Семья — главное для него, он принял правильное решение. Скажи мне, Лола, только честно: кто кого бросил?

Я присела на низковатые бетонные перила ограждения. Нина смотрела мне в лицо прямо. Серьезно и трезво.

— Мы никогда не любили друг друга. Это была похоть. Временное помешательство. Когда поняли, сразу разбежались в разные стороны. Все, — я выдержала паузу черных блестящих глаз на своем лице. Повернулась и хотела встать чтобы уйти.

— Курите? — веселый вопрос Баграмяна застал нас врасплох.

— Нет! — ответили я и Нина хором.

— Нина! Аня ищет тебя опять. Что это такое? Где ее няня? За что я плачу этой женщине такие сумасшедшие деньги? Иди и сделай, как принято. Лола, угости меня сигаретой, — распорядился мужчина, который не курит совсем.

Саша встал на узкой площадке между мной и своей женой.

— У меня нет сигарет, — сказала быстро я. Хотела проскочить мимо черной фигуры.

— Возьми, — Нина положила в протянутую ладонь мужа зеленую коробку и ушла. Не оглянувшись.

— Значит теперь ты с Вагнером. Никогда бы не подумал, — Саша взял меня клещами пальцев за плечо и вернул на белые перила. Две горы вечнозелено сходились в тени провала под нами. Невидимый родник шелестел веселой, наверное, чистой и сладкой водой.

Вытащил мою правую ладонь из кармана джинсов. Оглядел. Снова клещи на запястье. Я не поднимала глаз к его лицу. Просто знала, как собирается в кривую линию ярко-красный рот.

— Где мое кольцо?

— Дома. Я верну, — я сделала попытку высвободиться. Трепыхалась глупо и бесполезно в железной хватке.

— Нет у тебя никакого дома, шлюха! Ненавижу! — мужчина взял меня рукой за горло и вышвырнул через перила вниз.

Глава 32. У каждой девчушки свои погремушки

Звуки фортепьяно вошли в меня отчего веселой предрождественской метелью. Тонкие, нежные пальцы терзали струны скрипок и виолончелей. И альтов. И контрабасов. Сам маэстро строил страшные гоблинские рожи двум молоденьким скрипачкам у пюпитров. Азиатке и белой. Они испуганно-зачаровано вместе со всем большим симфоническим вслед за его палочкой делали снежную круговерть музыки в моей голове. Весело наряженные девицы в обнимку с кавалерами в шубах и цилиндрах неслись в санях мимо пряников тирольских деревень. Усталый, взрослый человек в черном у рояля положил руки на белые клавиши. Снег прекратился. Взошла желтая луна. Скерцо. Пауза. Кто-то в первом ряду рыдал навзрыд.

— Брамс! — сказала я и открыла глаза.

— Слава богу, — отозвался голос Егора.

Белые стены. Белые подоконники. Снаружи ночь. Доктор без пиджака и галстука. Рукава закатаны по локоть. Крови не видать. Я села. Ничего особенно не кружилось и не болело во мне.

— Как ты? Не тошнит? Прости, я с перепугу закатал тебе дозу! Вообразил, что ты переломалась и в шоке, — он сел рядом. Переложил мою голову к себе на грудь. Где-то за щелью приоткрытой белой двери ждали честные звуки фортепьянного концерта номер два. — Чудо чудесное! Как это могло быть? Я же шел к тебе. Пару секунд не дошел! Там высота под балконом — метров полста. Слава богу, Алекс тебя спас.

— Кто?! — я ошарашенно поглядела на Егора. Кто?

— Алекс оказался рядом. Он разговаривал со своей женой. Увидел, как ты упала с карниза, и первым бросился на помощь, — мужчина ласково погладил меня по голове, как дурочку. — Это невероятная удача, что ты застряла в корявой сосне, и Баграмян вовремя подоспел. Снял тебя с веток, пока не успела провалиться дальше на речное каменное дно. Ни одной серьезной травмы. Только царапины от веток и синяк на шее. Я обработал все еще днем. Пройдет быстро, золотце мое.

Он осторожно целовал меня в макушку. В ухо. В шею.

— Егор, — я решила начать разговор.

— Как дела? Лола, меня пустили к тебе, наконец-то! — Шуша вбежала, стуча по паркету каблучками белых лаковых туфельек. — А ты знаешь, что мой папа спас тебя? Как ты умудрилась свалиться? Это потому, что меня не было рядом! Я бы держала тебя за ручку! — смеялась громко девочка. Разглядывала лицо доктора рядом с черноглазым интересом.

— Привет! — я улыбнулась и позволила себя обнять. Пахла Шуша детским шампунем и чем-то заморским. Мамой, наверное.

— Все собираются за стол. Меня мама послала. Георгий Аркадьевич, можно Лоле кушать? — девочка умильно клонила голову к плечу. Тянула меня за руку к выходу.

— Как она сама захочет, — улыбнулся нам обоим.

— Где мы? — спросила я тихо, натягивая джинсы.

— Это новый дом Алекса. Я показывал тебе по дороге днем, — доктор присел на корточки, чтобы помочь мне обуться.

— Не помню, — ответила я машинально.

Егор внимательно поглядел снизу в мое лицо:

— Что еще не помнишь?

Тошнота легкой сладковато-гадостной, знакомой волной прошла по корню языка. Я села. Егор тут же опустил свой зад рядом. Обнял за плечи. Поцеловал в макушку.

— Все будет хорошо, золотце. Все будет хорошо. Все вспомнится постепенно. Травмы головы у тебя нет. Ты просто испугалась...

Я испугалась? Очень может быть. Амнезия — неплохой вариант убраться отсюда побыстрей.

— Пойдем в столовую. Попробуешь поесть, в твоем варианте это крайне важно. Да и хозяину нужно сказать спасибо, — продолжал размеренно говорить Егор.

— За что? — в духе моей забывчивости вопрос был не лишним. За что?!

— Алекс спас тебе жизнь, золотце. Руку правую сломал, пока лез вниз. Нес потом к дороге сломанной рукой, — мужчина ласково улыбался.

Я хотела сказать, наплевав на амнезийный вариант. Про то, как...

— Мой папа герой! — восторженно воскликнула Шуша и повела в сторону звуков еды.

Говорить стало не о чем.

В уютной темноте машины радио пело двумя голосами о любви. Мужской мешался с женским, французский — с английским. Я не знала кто это, но почему-то виделся большой черный парень в обнимку с миниатюрной чернявенькой белой.

— Тебе не жарко? Может быть сделать контроль... — Егор хотел положить ладонь на мое левое колено. Я сдвинула ноги теснее. Он промахнулся.

— Не надо. Меня знобит, — я в двадцатый раз отвернула лицо в огни дороги за стеклом.

Красный-красный, раз-раз. Вспыхивает, гаснет. Мелькает. Железнодорожный переезд. Белый мерседес возвращался назад к побережью какими-то, одному ему известными, козьими тропами. «Стоп» белым по красному. Шлагбаум пошел вниз, а железо перед рельсами полезло вверх. С этими аргументами не поспоришь. Мерс встал пнем. Я открыла дверь и вышла в ночь. Курить. Сигарет не было. Бесконечный черно-серый товарняк гудел приветственно-счастливо, выползая из норы туннеля под горой. Плоская серебряная луна поливала сверху пейзаж незатейливо-бесстыдно. Обнажаяще. Как там в песне: нич яка, Господи! Мисячна, зоряна, ясно, хоч голки збирай. Бабушка моя пела. Лица ее не помню толком, только голос и стихов обрывки.

Двери столовой открыты настежь. Шуша ввела меня с радостной улыбкой. Большая компания. Человек двадцать вместе с детьми. Ближний круг.

Гром аплодисментов конечно не раздался, но всеобщее бодрое «о!» прозвучало. Симпатичный парень в белой рубашке быстро накрывал свободный угол стола.

— Друзья, прошу вас, — Егор решительно занял место рядом со мной, — давайте не будем говорить о том, что случилось. У моей пациентки легкая амнезия. Следствие падения и испуга. Поэтому, предлагаю вернуться к этому прекрасному ужину, как ни в чем ни бывало. Спасибо за вашу доброту и сердечное участие!

Я кивнула, как китайская игрушка, в такт словам доктора. Шуша, поймав материнский жест, вернулась на свой стул. Помахала мне оттуда весело ладошкой. Я улыбнулась в ответ. Сдвинуть взгляд на двадцать сантиметров в сторону Нины Баграмян не могла себя заставить. Да и ладно. Амнезия у меня. Ничего ни знать, ни помнить не хочу. Вилка дрожала мелко в левой руке.

— Георгий Аркадьевич, — властное контральто проплыло над щедрым столом, — как вы оказались правы! Гри совиньон братьев Гусевых заслуживает внимания. Я оценила.

— Я не сомневался в вас, Светлана Александровна, — рассмеялся довольно Егор.

Голос матери хозяина дома шел ко мне с близкого края стола. Слева. На правом торце сидел сам Александр Баграмян. Мой бесстрашный спаситель и убийца-неудачник. Я тупо глядела в еду на своей тарелке. Кусок в горло не лез.

— Не можешь есть? — тихо спросил доктор между тостами за здоровье окружающих.

— Боюсь, — честно призналась.

— Сделай глоток вина, — его рука пододвинула ближе бокал.

Я пригубила. Плотное белое с четким ощущением солнечного ветра в середине сентября. Прошлогодней беззаботной жизни. Вкусно. Разломил румяный пирожок на белой квадратной тарелке. Запах жаренного мяса и лука вернул все на свои места. Тошноту в горло, тремор в пальцы. Я незаметно вытерла руки бумажной салфеткой и спрятала их под стол.

— Я хочу домой, — еле слышно проговорила в дурнотный запах еды. Но Егор услышал.

— Может быть, я провожу тебя назад в комнату? Выпьешь еще пару бокалов. Успишь. Я приду попозже. Уедем утром, — у него там явно что-то наклеивалось в недрах баграмяновских перспектив. Роман с хозяйкой?

— Я хочу домой. Вызови мне такси, пожалуйста. Оставайся сам здесь сколько угодно. Я не хочу тебе мешать, — я отклеила взгляд от гадкого пирожка и подняла лицо. Егор смотрел на меня орехово-знакомо и улыбался. Быстро провел языком по нижней губе.

— Никаких такси. Мы поедем домой вместе. Дай мне пятнадцать минут, золотце. Ты выдержишь четверть часа или надо бежать прямо сейчас? — он вынул бесполезную вилку из моих пальцев и прижал нитку пульса на запястье. Свободной рукой положил смартфон на скатерть. Включил секундомер. Я кожей чувствовала, как растет напряжение в главных героях этого вечера. Bravo, доктор! Теперь логичнее ухода стала бы только моя смерть тут же на белом стуле. Бледным лицом в салат.

Егор нахмурился. Прохладные пальцы на лбу. Оттянул вниз веко под левым глазом. Снова стал считать удары сердца. То скакало в моей грудной клетке испуганным зайцем. Мужчина смотрел в меня внимательно и отчужденно.

— Вызвать Скорую? — Саша возник за спиной доктора черной фигурой с белой рукой в перевязи поперек.

— Хорошая шутка, смешная, — сказал без улыбки Егор. Не оглянувшись на хозяина дома. Мне: — идти можешь?

— Да, — не слишком уверенно ответила я. Одно знала наверняка: я на карачках, на четвереньках, по-пластунски, но выберусь отсюда на волю. Я больше не могу!

Баграмян смотрел на меня в упор. Пытался отловить мой убегающий, прячущийся взгляд. Я воспаленной кожей чуяла его тяжелеющее дыхание. Алые щупальца его похоти, ярости и чертовой ревности трогали меня везде. Я слишком хорошо помнила этот захлебывающийся безумием воздух между нами. Быстрее или он превратит этот тихий семейный мир в кошмар.

Ноги. Я поднялась. Держат нормально. Я оторвалась от спинки стула.

— Куда? — Саша выбросил вперед здоровую левую руку. Ловя. Я успела.

— Спасибо. До свидания. Мне пора домой, — бормотала я, несясь к распахнутым дверям. Быстро. Или станет поздно.

Егор быстрым шагом прикрывал мою спину. Говорил на ходу ненужно-обязательные

вежливости на прощанье.

— Лола! — Шуша подбежала ко мне на высоком крыльце. Вместо нарядного платья пижамка розовая в смеющихся зайцах. — Поправляйся скорее и приезжай к нам в гости.

Ребенок взял меня за руку, тяня вниз. Я присела. Теплый детский поцелуй крылом ангела коснулся моей пылающей щеки. В ладонь легло что-то крошечное.

— Это тебе. Я тебя люблю.

— И я тебя, — шепнула я в черные мягкие кудри.

— Аня! — громкий окрик отца. Он был уже совсем рядом. Запах его парфюма накрывал. Все тот же самый. И никогда не нравился мне.

Егор обнял сзади за талию и стал осторожно помогать мне спускаться. Нырнула в безопасность белого мерседеса. Успела опять. Егор громко обещал Багрмяну созвониться.

— Ту-ту-ту-у-у!

Мимо меня простучал на стыках железной дороги, бог знает, какой по счету вагон. Зайцев, что ли, разгоняет с путей сигналом машинист? Или просто скучно ему тащить под яркой луной такую бездну поклажи? Может быть, он веселый человек. Вдруг кто-то помахал мне рукой с плоскости состава, проплывающего мимо. Я подняла свою в ответ. На платформе торчало что-то спрятанное надежно под темную ткань. Одно, другое, третье. В паузах между зачехленными установками светились лицами люди. Матовые каски, неразличимые бронжилеты. Я махала им всем, как деревенская дурочка. Парни с автоматами за спиной отвечали и улыбались. Мой белый свитер горел фонарем на пустом перегезде. Серебряной луне было не жалко раздавать всем подряд радость света.

— Пойдем в машину. Мало ли, что у них на уме, — Егор накинул на меня свой пиджак. Обнял. — Ты перестала дрожать. И температуры я не чувствую. Пойдем в машину.

— А что у них может быть на уме? — я не хотела уходить. Но поезд показал хвост. Ехать пора.

— Все, что угодно. Солдаты, — сказал Егор, словно последнее слово все объясняло. Открыл дверь машины. — Садись. Зачем ты им махала?

— Просто так, — я пожалала плечами. — Грустно ведь так ехать одиноко в лунную ночь.

— Луна. Грустные одинокие парни. Девушка в белом на горном полустанке машет рукой. Ну да. Романтично. Задрочат теперь всю насыпь до Сухума, — усмехнулся неожиданно зло мужчина.

— Зачем ты так? — я слегка опешила. Видала доктора в разных видах. Но таким циничным не доводилось.

— Как так? Так, как есть. Поехали, девушка в белом, — Егор плотно за зад направил меня к мерседесу.

— Саша сам меня сбросил с площадки, — я сказала.

— Как? — Егор не верил.

— За шею. Поднял и выбросил через перила, чтобы убить, — я глядела в бледное в лунном свете лицо.

Мы стояли разделенные белой открытой дверью автомобиля. Тишина вокруг звенела абсолютная.

— За шею? Я видел синяки. Я думал, что он поймать тебя пытался. Еще удивился тогда, почему не за руки. Хотя, если он подошел, когда ты уже упала за перила, то... — доктор замолчал. Смотрел и думал. — Баграмян хотел тебя убить? Ты мне правду говоришь?

— Ты оскорбляешь меня своим вопросом, — я отдельно произнесла каждое слово. Лунный свет делал мир резко черно-белым.

Пару минут мы молча стояли друг против друга.

— Поехали, — приговорил Егор.

Тишина долго висела в тепле салона. Шуршала резина по стертому асфальту, чуть порывкивал мотор на поворотах. Я задремала.

— Приехали, — Егор дотронулся до моего плеча.

Гостиница «У Кристины» слегка подсвечивалась холодным светом монитора в окне холла. Кто-то из братьев дежурил честно вместо меня. Караоке справа доплясывало последнего посетителя. Четверть второго ночи. Или утра?

— Да. Спасибо, что подвез. Спокойной ночи, — пробормотала я не глядя. Выбралась в соленый ветер снаружи.

Ничего не прилетело в ответ.

Осень. Сентябрь. Бархат сезона трогал мягкой лапкой уставшие веки. Спать. Ничего не надо больше, только спать.

— Лола, просыпайся. Лола.

Я открыла глаза. Как не закрывала. За полосками жалюзи заря даже не думала заниматься. Никак. Машинально поднесла к глазам старенький кнопочный аппарат. Три десять. Я спала меньше часа.

Айк присел на край кровати.

— Лола, пойдём.

— Куда? Зачем? Ты с ума сошел! — проговорила я почти беззвучно. Люди отдыхают кругом.

— Я-то как раз в своем уме. А вот твой доктор, походу, совсем нет. Пошли. А то он на уши весь квартал поставит, — Айк протягивал мне цветастую тряпку. Покрывало с кровати.

Я отпихнула от себя его руку. Натянула джинсы и вчерашний свитер. Кеды на голую ногу. Мы побежали тренированно-беззвучно.

Луна зашла. Серое небо плакало мелким теплым дождиком. Знаменитый белый мерседес уперся лбом в бетонное тело фонаря. Осыпался левой фарой и решеткой радиатора на мокрую землю, бедолага. Я коротко глянула на Айку. Тот развел широко руками и кивнул на двери караоке. Оттуда раздавались странные звуки. Тускло светил сквозь тонировку окон прямоугольник в недрах знакомого зала.

У беды глаза зеленые... бежали строчки по большому экрану на фоне русских полей. Доктор пел немзыкально в отключенный микрофон.

— В сотый раз уже гоняет, — проговорил хозяин караоке за моим плечом.

— Лола! — Егор спрыгнул со стола, на котором сидел. Встал, широко расставив ноги. Белая рубашка расстегнута до пояса. Заметил парня за моей спиной. — Айк! Пошел вон! Я завтра все оплачу. Оставь нас.

— Я буду сразу за дверью, — тихо шепнул мне друг.

— Не надо. Иди спать. Я не боюсь, — в тон ему ответила я.

Мягко прозвенели трубки китайской подвески на входе. Стало тихо. Мелодия старой песни едва слышно продолжала никому не нужный текст по слайдам видов Среднерусской равнины.

— Я выпил, — признался Егор, демонстрируя мне почти пустую бутылку Манки Шолдер

в руке. Осел крепким задом в знакомых галифе на край стола.

— Я вижу.

Алкоголь, сдернув с доктора футляр безупречности, обнажил все до нуля. Он был невозможно пьян, красив и сексуален. Слюна, если не сглатывать, потечет по подбородку. Светлые, жесткие кудри топорщатся над нахмуренным лбом. В блестящих глазах. Чтоб мне пропасть! Слезы? Мышцы торса в расхристанной рубашке. Галифе бугрится в паху. Мальчишка, перепуганный любовью.

— Мне тридцать пять лет. Нет. Я не об этом. Подойди, — доктор держался за стол, как за якорь в этой жизни. Соображал он лучше, чем стоял на ногах.

Я подошла.

— Чертов Баграмян! Как все удачно складывалось! Такой проект! Как ты умудрилась залезть к нему в постель? Ах, да! Черт! Я совсем забыл! Он же спал с тобой первым. До меня. Как все сложно! Ты знаешь, как тяжело найти нормального, достойного партнера? Ты даже понять не можешь, дурочка, насколько это важно для меня сейчас. Мне тридцать пять лет! Я сделал себя сам! Я четвертый сын своей матери. Задрота-отличник из Караганды. Я выкарабкался из казахского болота под Лейпцигом. Я сделал их всех. Я лучший! Почему я должен выбирать между деньгами и тобой? Я не хочу. Не хочу, ты слышишь! Как ты пахнешь! — он водил носом по мне. Как собака. — Сними майку. Нет, убери руки, я сам.

Горячие ладони через белый трикотаж. Запутался в крючках бюстгальтера. Словно в первый раз. В четырнадцать. Или в шестнадцать? Какое это имеет значение? В свои уверенные тридцать пять мужчина плохо справлялся. Застежку заклинило. Я помогла, сняв лифчик через голову. Бросила кружево куда придется.

— Боже, — он целовал меня взахлеб. Я смеялась и подставляла себя. Всунула пальцы за ремень. Ну же!

— погоди, — он отвел мою руку от пояса брюк. — Я люблю тебя, я говорил? Нет? Я говорю. Успеешь ты добраться до меня! Послушай! Я тебя люблю! Вот!

Егор стал копать правой в кармане галифе. Рука застряла. Выдернул наружу вместе с тканью.

— На!

Я отстранилась. На протянутой ладони зеленел кубик футляра.

— На какое колено принято вставлять? — высокомерно заявил доктор. Выпрямился, отклеился от стола и держался строго вертикально. Молодец!

— Понятия не имею, — тихо улыбнулась я. И так ясно, что за дела. Повезло, что он так непроходимо пьян. Вдруг, не вспомнит на утро?

— Правое, левое? Лола! Ты же девушка! Обязана знать правила! — надменность в лице доктора застыла сердитой гримасой. Словно я была должна и не подготовилась.

— Я не знаю, — я смеялась.

— Хрен с ним! — мужчина сделал широкий жест. Зеленая коробочка сорвалась и улетела куда-то в угол, за столы.

— Хрен с ним, — повторил он твердо. Притянул меня к себе плотно. Опустился губами от сосков к пупку. На оба колена, глянул снизу. — Ты выйдешь за меня, золотце?

Я разомкнула кольцо его нетвердых рук. Опустилась на колени рядом. Поцеловала. Движения обрадованных рук. Поцелуи в обе стороны. Желание, пачкающее одежду заметно. Другое не нужно нам сейчас обоим. Бесповоротно. Егор попытался накрыть меня собой.

— Нет, не здесь. Давай пойдем ко мне. Утро близко, — уговорила я своего

удивительного сегодня партнера. Рассвет, в самом деле, спешил.

Глава 33. Прощальная 2

В приоткрытое окно залетело хриплое покашливание. Тихий разговор и шелест, плеск. Я выбралась из-под тяжелой руки Егора. Он что-то пробормотал и обнял подушку.

Миша-молочник и его лада седан-баклажан, цыган. Кристина его так звала. С ударением на первую гласную. Слухи про него ходили самые фантастические. Будто бы он колдун, многоженец и миллионер. Интересно поглядеть.

— Вот это красавица! Где же ты пряталась? Почему я ни разу не видел тебя? — хрипел вопросами Миша. Громадный смуглый мужик за шестьдесят. Линялые синие галифе в мягких, рыжих сапогах. Зад подбит потертой кожей, как у кавалериста. Рукава полотняной рубахи закатаны по локоть. На левом кулаке следы плохо вытравленной наколки. Седые кудри жестко свиваются в кольца. Неожиданно темная щетина на лице и светлые губы. Нос прямой. Глаз явно черный. Дедом его язык не поворачивался назвать. — Тебе какого молочка? Парного или вечернего со льда?

— Кипяченого! — отрезала Кристина. Достала ярко-красное портмоне, стала расплачиваться.

— Не любишь ты меня, Криста. Молоко мое берешь, а слова доброго жалеешь. Нехорошо, — Миша зажал сигарету в золотых зубах. Чиркнул спичкой.

— Молоко у тебя отличное. А тебя я терпеть не могу, сам знаешь. Забирай деньги и двигай дальше, — Кристина высыпала в коричневую ладонь молочника бумажки и мелочь строго под расчет.

— Ни копейкой лишней не поблагодарила, добрая женщина. А я вот глянь, масла сливочного тебе принес. Девочка! Подойди, возьми, — Миша говорил и курил сквозь зубы. Ухмылялся яркими черными глазами. Подмигнул.

— Я сама. Сколько стоит? — сказала Кристина.

— Очень ты нужна со своими деньгами! Пусть молодая подойдет. Если не потрогать, так хотя бы поглядеть, — рассмеялся мужчина. Открыл заднюю дверь фиолетовой своей пятерки. Сквозь дыру в полу глядел в салон асфальт. Дух тут стоял настоящий. Сырный. В белом пластиковом ведре покоились шары, слегка неровной формы, как драконьи яйца. Молочник выбрал то, что побольше, завернул в чистую шуршащую бумагу и протянул мне. Разглядывал плотно, словно запоминал.

Я стояла перед ним придурковатой спортсменкой: синяя майка и шорты, в руках холоднющее масло, как мяч.

— Гадать, что ли собрался, старый брехун? — рассмеялась вдруг Кристина. — Перестань глазеть, дырку протрешь!

— Вынеси мне воды, девочка, — попросил Миша.

Я посмотрела на Кристину. Та кивнула головой, разрешая.

— Тебе говорить ничего не буду, не проси, — услышала я, возвращаясь обратно. Криста смотрела на Мишу обиженно, но он не сдался. Помотал для верности отрицательно цыганской башкой. — Ни-ни!

Молочник взял у меня из рук кружку с водой. Обнюхал. Ухмыльнулся.

— Че те рассказать, зеленоглазая? Сколько у тебя мужей будет? Или сколько детей?

Я не люблю никаких гаданий. Я не верю в откровения всех этих волшебных людей и магических штук. У меня есть собственная примета: любая гадательная ерунда — не к добру.

В смысле, жди скорых неприятностей.

— Не надо мне ничего такого, — сказала я и хотела вернуться в дом.

— Боишься? — усмехнулся Миша. Заглянул неожиданно близко прямо в лицо. Глаза у него оказались темно фиолетовые. Я никогда в жизни не видела таких глаз. — Не уходи.

— Эй! А ну-ка отойди от нее, старый черт! — Кристина схватила меня за руку и выдернула, буквально, к себе за спину.

— Ты чего? — я пораженно посмотрела на женщину. Она крепко держала меня за запястье, словно боялась, что я убегу.

Раздался неожиданно молодой, чуть грубоватый смех. Мужчину откровенно веселило поведение Кресты. Он причесал пальцами седые кудри, ощупал многодневную щетину на подбородке. Подмигнул нам обеим откровенно нахально.

— Боишься, что уведу? А, хозяйка?

— Черт тебя знает?! Тьфу-тьфу-тьфу! — женщина громко поплевала через левое плечо точно в направлении молочника.

Он присел небрежно на багажник своей пятерки. Как на край телеги или артиллерийский лафет. При его росте это совсем не сложно. Руки засунул в карманы. Я глядела на мужчину с неподдельным интересом. Да. Такой определенно может. Что-то в нем было. В молодости за ним, поди, женщины караваном ходили. Запах моря, далекого костра, настоящий мужской дух. Ветер странствий. Цыган Миша напомнил мне отца. Я забыла сомнения и открыто улыбнулась.

— Вот так-то лучше, — золотая улыбка на смуглом лице. Не страшно ничуть. — Зря ты так переживаешь, хозяйка. Трех жен я еще могу прокормить, но четыре — это очень дорого.

— У тебя три жены? — я открыла рот от удивления. Не заметила, как перескочила на «ты».

Мы все как-то непостижимо-загадочно оказались в кухне. Рассаживались вокруг большого стола. Криста уже ставила кофейник на плиту.

— Три, — легко сказал Миша, забирая у меня драконье яйцо сливочного масла. — Так уж вышло, девочка.

— Расскажи, — мне было здорово интересно. Краем глаза я видела, как оглянулась Кристина. Знала наверняка эту историю. Версию цыгана желала услышать. Поставила на стол тарелку разогретых вчерашних пирожков и села на стул рядом.

— Моя жена захворала. Я потыркался сам, ничего не выходит. Пошел по человеческим докторам. Три месяца и конец твоей Земфире, сказали мне врачи. Я взял девчонку с улицы. Ухаживать за больной, варить суп и мыть полы. Сама понимаешь: жена болеет долго, смерть ходит рядом, спать холодно ну и все такое. Кофе! — вдруг громко скомандовал Миша. Мы с Кристиной вздрогнули обалдело. Я подорвалась и успела снять вскипающий кофейник с плиты.

Разнокалиберные бокалы, ложки, тарелки, сахар. Горячие пирожки и хлеб. Мужчина вынул большой выкидной нож из бездонных карманов галифе и аккуратно отрезал сегмент от каменно-холодного желтого шара. Остаток спокойно, словно делал это тысячу раз, пожил в холодильник.

— Ну, — нетерпеливо подтолкнула я рассказчика. Глаз от него оторвать не могла.

Миша неторопливо насыпал сахар. Кружку он выбрал поллитровую, прозрачную, кофе в ней казался угольно-черным. Восемь ложек, я считала. Помешал. В одну сторону, в другую. Никуда не спешил. Сделал глоток и причмокнул звонко от удовольствия.

— Ты научилась варить кофе. За последние двадцать лет, — он усмехнулся и подмигнул мне.

— Я всегда его готовила прекрасно! — сварливо заметила Криста. — Ври давай дальше, а то выгоню.

— Дальше? Дальше все, как в жизни. Жена выздоровела. Девчонка с животом. У меня от первой четверо, вторая пятого готовит. Вот такая арифметика! Сел я, подумал и решил оставить все, как есть. Флигель за лето пристроил, чтобы Таньке, это вторая моя, было, где с пацаном жить. Через два года она села в маршрутку и уехала.

— Совсем? — я намазала домашним маслом теплый пирожок. Вкусно! — А ребенок?

— Что ребенок? Ромка мой со мной остался. Потом Зима мне говорит: с пятнадцати лет я на тебя ишачу, изверг, надоело! Села в мой гелик и только пыль из-под копыт. Остался я один с шестерыми. Младшему еще года нет. Подождал недельку, вдруг одумается? Все-таки дите малое, грудное. Нифига! Делать-то че? Говорю своим дояркам: выручайте, хозяйка мне нужна! Те поржали надо мной: выбирай любую! Я прикинул и говорю Оксане, самой молодой из них: Пойдешь за меня? Она глазками своими семнадцатилетними обвела все хозяйство кругом и согласилась. А потом и эти шалавы вернулись. Земфира с животом и без гелендвагена. За ней Танька приперла в подоле, — он рассмеялся снова хорошим, мужским голосом. Так звучит спокойный уверенный человек, которого трудно удивить или напугать хоть чем-то в этой жизни.

— Ты их взял назад? — я положила лицо на свою ладонь. Оперлась левым локтем о скатерть. Готова была слушать его бесконечно.

— Взял. А куда им идти, этим дурам? Да и дети общие у нас, — Миша допил остывший кофе.

— Сколько их у тебя сейчас?

— Детей? Одиннадцать душ. К Рождеству будет двенадцать. Привет, пацан!

Кирюша заспано вбрел в ароматную атмосферу нашего завтрака. И сразу преобразился.

— Дед Мишка! Наконец-то я тебя застал! Ура! — мальчик с разбега прыгнул на грудь цыгану. На моей памяти так горячо он встречал лишь одну Кристину.

Пепа выбежала следом из детской. Учужала чужака и зашлась визгливым сердитым лаем. Припадала на передние лапы, рычала и ближе, чем на метр, к столу не приближалась.

— Ух-ты! Какая смелая! — улыбнулся Миша, усаживая Кирюшу удобнее на левое колено. — Подойди ко мне не бойся, красавица.

— Пепка очень смелая! Она меня всегда защищает! — хвастался ребенок. — Ко мне, Пепа, ко мне!

Собака сделала вперед пару осторожных шагов. Продвинулась в своем роде. Сантиметров на десять. Заткнулась на мгновение, щупая носом воздух вокруг. И тут же залаяла с удвоенным рвением. Цыган явно не производил на нее правильного впечатления.

Я встала, чтобы забрать собаку на руки. Молочник вдруг наклонился, быстро щелкнул по черному собачьему носу.

— Помолчи.

Пепка опустила лапы, положила мордочку на пол и замерла. В первый миг тишина оглушила.

— Она умерла? — спросил робким шепотом Кирилл. Глаз не мог отвести от рыжего тельца на полу.

— Она просто спит. Пусть помолчит пока, — цыган погладил ребенка по голове.

— А со мной так можешь? — загорелся Кир. — Сделай, дед!

— Зачем? Ты ведь не лаешь, — пошутил Миша.

— Ну сде-е-елай! Я хочу узнать. Я буду спать или все видеть, только не шевелиться. Ну давай, дед! Ну пожалуйста! — Кирюша заныл не хуже Пепы. Стукнул с силой в плечо мужчины.

— А ты любопытный парень, молодец внучек! И сильный! Дырку во мне хотел пробить? Вот я кофеек дохлебаю и покажу тебе, кто сильнее. Внучок!

Кир вдруг снова ударил его в руку. Нервно. Со всей дури саданул. Миша легко поймал его кулачок в следующем полете и сжал. Мальчишка стал вырываться. Не тут-то было. Цыган не шутил и поддаваться не собирался. Кирилл сделался красным, дергался с ожесточением.

— Пошел на х... старый пердун! — выкрикивал он полузадушено от слез и злости. — Зае...л, колдун проклятый!

Я слова вымолвить не могла. Застыла приморожено. Не знала, как реагировать на это. Странно спокойная Кристина гладила растаявшее масло широким столовым ножом. Хотела сделать из него идеальный куб. Бледно-желтая масса не слушалась. Расползалась.

Кир не сдавался. В ход пошли пятки. Внезапно цыган разжал ладонь.

Мальчик упал на ноги. Вскочил. Лицо мокрое от слез. Помчался к себе. Хлопнула дверь. Вдруг вернулся. Подхватил собаку с пола на грудь и убежал. Пепа быстро-быстро слизывала капли с его рассерженного лица. Очнулась.

— Вот как тебя в дом пускать, цыганская морда? Что ты вытворяешь с ребенком каждый раз? — тихо, не отрывая глаз от столешницы, проговорила Кристина. Устало.

— Отдай его мне, дорогая. Я ему дело передам. Он способный. Богатым человеком станет, — мягко ответил мужчина.

— И чего ты к нему привязался? — Кристина тяжело поднялась. Охнула. Взялась за сердце. Опустилась обратно на табуретку. — У тебя сыновей пятеро. И это только законных. А сколько еще...

Я испуганно подхватила, чтобы бежать в ее комнату за лекарством. Женщина мягко махнула рукой, останавливая.

Миша обошел стол. Взял Кристину за руку, застыл. Пульс считал, ей-богу.

— Сыновьям я не хочу ничего отдавать. Пусть живут, как могут. Я сам еще в силе. До ста точно протяну. Вот внук — в самый раз, — он положил широкую ладонь на затылок женщины. Она откинулась назад с облегчением. Миша скривился на мгновение, как от зубной боли.

Я, застыв, глядела на все это. Никогда так близко я не попадала ни во что подобное. Чудеса!

— Нарожай себе еще пацанов! Твоей младшей жене, говорят, еще тридцатник не пробил, — засмеялась Криста. Лицо из пепельно-серого сделалось розовым. Легчало ей волшебным-быстро на моих изумленных глазах. Отвела руку цыгана от себя. Поправила волосы на голове изящным женским движением.

— Это — само-собой. Но мне Кирка нравится, чую, мы могли бы сговориться, — Миша взял со стола свой нож и аккуратно вытер его о полотенце. Уходить собрался.

— Ничего не знаю, над ним теперь Лола начальник, — Кристина уже мыла кофейник для новой порции.

Семь, проблямкал будильник в чьем-то телефоне. В недрах гостиницы просыпалась жизнь.

— Лола? Это ты что ли, зеленоглазая? Хорошее имя у тебя. Наше, — ухмыльнулся цыган мне через стол.

Я зачем-то встала. В его взгляде я не чуяла надоевшего мужского интереса. Он был просто очень теплым. Мало кто так умел смотреть в моей жизни. Хотелось медленно повернуться вокруг себя, чтобы согреться. Волшебник Миша продолжал усмехаться светлыми губами:

— Ладно. Жизнь длинная, земля круглая. Поглядим...

— Доброе утро! — в кухню вошел Егор. Умытый и слегка помятый. Влажные волосы он пригладил моей щеткой. Вот побриться ему не удалось. Улыбался.

— Доброго вам утречка, Егор Аркадьевич! Присаживайтесь. Я заезжал к вам сегодня, — ухмыльнулся цыган и плотно опустил кожаный зад на табурет. Уходить передумал. — Подлей мне горячего кофейку, девочка.

Я послушно подошла к плите. Егор, проходя мимо, обнял меня за плечи и поцеловал куда успел. Я следила за кофейником. Как за самым важным делом в моей жизни.

— Здравствуй, Мигель! Молоко привозил? — голос Егора за моей спиной усмехался.

— Да. В соседний дом, к генералу. К вам заодно стукнулся, поздороваться хотел, — цыган Мишка усмехался в ответ. — Как там ваша знакомая поживает?

Я обернулась к столу с готовым кофейником в руке.

Они сидели строго друг напротив друга. У обоих руки на столешнице в замке. Губы смеются. Светлые глаза глядят в черные.

— Спасибо, Мигель. С моей знакомой все хорошо. Я заеду к тебе перед отъездом, — Егор попытался взглядом удалить тяжелую фигуру прочь.

Щас. Молочник положил ногу на ногу. Один коричневый веллингтоновский сапог на другой. Вынул из кармана золотую папиросницу. Прозрачный листок, желто-черный табак. Потрясающе ловко скрутил грубыми пальцами тонкую сигарету. Улыбнулся мне на свежий кофе в стеклянной чашке.

Доктор взял из стопки чистую тарелку. Четыре пирожка, хорошая порция сливочного масла. Натуральный черный кофе в китайской кружке и белый сахар. Все правила сегодня явно отправились по известному адресу.

— Миша, расскажи еще про жен, — я присела на краешек стула рядом.

Егор ел, прикрыв глаза от удовольствия. Масло текло по небритому подбородку. Он едва успевал ловить его полотенцем, которое ему вовремя подсунула Кристина.

Я видела, что она не довольна продолжением разговора. Но интересно мне было.

— Христос с ними, — махнул легкой рукой цыган, поднимаясь на ноги. — Гляди веселей на жизнь, Лола! Если что, то мой дом вон на той горе. Приходи. Эй, доктор! Я прощаю тебе долг, не мучайся.

— Не надо! — тут же вскинулся Егор. Бросил полотенце на стол и встал.

Они были где-то равного роста. Только молочник вдвое шире в плечах.

— Ну как знаете, Георгий Аркадьевич, дело ваше. Не забудьте отдать деньги до отъезда. Будьте здоровы, — ответил равнодушно Миша. Кивнул Кристе и пошел к входным дверям. Вдруг оглянулся в дверном проеме, как в раме. Усмехнулся и громко цыкнул золотым зубом:

— Опоздал ты здесь, парень. Ничего не поделаешь. Судьба!

Пауза. Что-то мечтала спросить я. Для чего-то открыла рот Кристина. Но.

— Лола! Я в сад сегодня пойду? — звонко влетел в кухню знакомый голос.

Кир стоял готовый и недовольный провололочкой. Пепа громко сказала «гав».

Из-за его спины появился Давид. Следом пришли Аик и Гарик. Неожиданно притащилась Лариска. Все заговорили разом. Таскали еду пальцами прямо в рот, без вилок-тарелок. Выдули кофейник за пару минут. Кто-то из соседей окликнул Кристину с улицы. Нормальный день раздвинул занавес на привычной здешней сцене. От огромного цыгана не осталось ничего, даже запаха.

Це-це-це. Группа черноволосых мужчин расселась на корточках кругом раненного мерседеса. Блондин стоял в центре, скрестив руки на груди. Все здесь молча пялились на автомобиль, как будто оплакивали его.

— Так! Время не ждет, — объявил Егор.

Убрал покалеченную решетку радиатора в багажник, кивнул благодарно Гарику на протянутый кусок проволоки. Сообща они подвязали бампер, что бы не гремел по асфальту. Нашлась даже лампочка для угробленной фары.

— Повезло, крыло целое, — философски заметил Давид. Успел уже смотаться с Киrom в детсад. Залез нахально за руль. Распоряжался: — Георгий Аркадьевич, вы с той стороны подойдите, иначе не получится.

— Иди в жопу! Вылезай, — прохрипел его брат. Пунцовые от натуги мужики пытались оторвать колеса мерса от земли. Нифига.

Мы с Кристиной наблюдали, как они стараются снять полутонную машину с какой-то железки в асфальте. Бесполезно.

— Время не ждет! — повторил Егор. Выглядел раскрасневшимся, энергичным, уверенным в себе. Таким же, как всегда, только на уровень проще. Улыбался. — Сделаем так, ребята.

Доктор распорядился перегнать автомобиль на ремонт. Велел выдать ему в аренду знаменитый кабриолет. Сказал, что я должна одеться прилично и сесть за руль для того, чтобы возить его сегодня по делам и в аэропорт, потому что у него похмелье, голова болит, и он боится нашей красной зверь-машины до судорог. Шутил.

— Я не очень твердо помню вчерашнюю ночь, прости, — Егор снял мои руки с руля и поцеловал обе по очереди. Ворота виллы безупречного доктора медленно ползли вверх.

— Что же ты помнишь? — я высвободилась. — Загонять?

Имела ввиду кабриолет. Загонять машину во двор или нет?

— Я помню отлично, что закончилось все просто прекрасно. Не надо. Пойдем в дом, — доктор стал вылезать из низкой машины. — Все дело в том, что прекрасный конец в твоём варианте совсем не означает хэппи энд, золотце мое.

Он выкарабкался из плена кабриолета.

— Я иду в душ, потом... — он не смотрел на меня. Сосредотачивался.

— Хочешь я пойду с тобой? — я спросила быстрее, чем подумала.

— Нет. Мне надо столько успеть сделать до отъезда, — сразу отказался мужчина. Шел через пустое пространство холла быстрым шагом. Чаша бассейна синела пустотой. И окна задвинуты наглухо. Егор скрылся в своей спальне за лестничным маршем.

Я стояла забыто у входных дверей. Автомат дергал створки туда-сюда. Надо выйти из зоны датчика.

— На тебе нет кольца, — я едва не подскочила от неожиданности, не услышала, как он вернулся. Егор глядел мне в лицо с каким-то детским отчаянием. — Я не помню, что ты мне ответила.

— Ничего, — я провела пальцем по его губам. — Я не успела.

— Понятно. Ясно, — он облегченно расхохотался, — Конечно, ты не успела! Когда тебе было успеть? Пошли.

— Куда?

— В душ, ты же хотела.

— Но ты хотел...

— Обойдется. Это все не важно, по большому счету!

— Я люблю тебя, — сказал Егор. Наверное, в двадцатый раз. Мерял припухшими губами мое размазанное тело по простыням. Ему очевидно доставляло удовольствие звучание вечной формулы. Он словно заново каждый раз пробовал слова на вкус. Вкусно, интересно?

Еще интереснее: во сколько вылет? Не опоздает ли доктор из-за наших игр на свой рейс?

— Ничего не ответишь? — прилетел неотвратимый вопрос. Куда же без него?

Я встала, подошла к своей одежде, брошенной небрежно на ступень подиума, где возвышалась постель. Вытащила из кармана джинсов известный футляр. Положила на буковую консоль в изголовье. Села на дальнем углу матраса.

— Лола! Как я должен это понимать? Как да? Как нет? Как встань на колено и попроси еще раз? — неожиданно вскипел доктор. Он странно вел себя в эти сутки. Кидало его в разные стороны, как настоящего влюбленного.

Пауза. Посмотрел на меня плотно. Успокоился явно.

— Подойди ко мне, — велел своим обычным взрослым голосом. Руку протянул.

Я залезла к нему головой в подмышку. Запах мужской кожи мешался с моим дешевым шампунем, индийскими редкостями и чистым, глаженным бельем. Больше всего на этом свете мне хотелось спрятаться.

— Рассказывай. Ну! Я знаю, тебе есть, что сказать. Говори, я хочу знать, что ты думаешь, — он убрал мое колено со своего живота. Проложил между нами одеяло для верности. Стратег!

— Егор, я очень впечатлена твоим предложением, — я села и начала нудным, равнодушным голосом. — Это большая радость и честь для меня. Принято считать для аграрных цивилизаций и патриархальных обществ, что женщина непременно желает и должна выйти замуж. Статус замужней позволит ей...

— Лола! — перебил меня Егор.

— Что? — я повернулась к нему спиной.

— Ты любишь меня? — он тоже сел и обнял меня сзади.

— Я не знаю, прости. Хотя, честное слово, не понимаю, за что извиняюсь. Замуж я не хочу. Я даже невестой твоей быть не могу-у, — я зачем-то разревелась. Жаль вдруг стало себя непонятую и доктора никому не нужного до ужаса потного и горя холодного.

— Почему? — спросило медицинское светило и нормальный идиот. Глядел честно мне в лицо своими ореховыми глазами.

Слезы втянулись обратно. Я откинула одеяло прочь, обнажив правду жизни. Поцеловала звонко в поднимающий голову конец безупречного доктора. Что еще тут нужно объяснять?

— Я понял, — усмехнулся он, откидываясь обратно на подушки и подставляясь довольно моим поцелуям. Перевернулся на живот. Я нежно провела широким языком по левой крепкой ягодице. Потом по правой. Похлопала ладошкой: — прогибайся в спинке, мой хороший!

— Не-ет! — простонал он. Вдохнул глубоко и обреченно, словно на казнь приготовился, и медленно раздвинул ноги в стороны, приподнимая ко мне таз. Я щедро плеснула на промежность его любимый крем. Черная орхидея. Взяла доктора за живое и заставила принять позу до конца.

— Да-да-да! — кричал он шепотом, когда я добавляла пальцы по одному, толкаясь в известное отверстие. Член его жадно искал и мучился, как и все остальное. Это непростая работка — успеть везде, но я умею ее делать. Третий в такой комбинации точно не лишний, проходили. Но для Егора — это невозможный вариант, так открыться еще перед кем-нибудь он не способен. Мне хотелось как-то отблагодарить его за искренность. Показать, что не сука я бездушная, что ли? Зря я в это влезла. Такая нулевая близость — не лучший вариант прощания.

Мужчина застыл. Мышечный спазм зажал пальцы правой руки в кольцо. Горячая судорога по стволу в левой. Знакомый запах спермы в моих волосах. Я расслабила губы и нежно вытолкнула языком мошонку на свободу. Алес.

Потрясающе красиво ходили мышцы под блестящим потом тела, когда он рухнул на простыни.

— Привет, — улыбнулся смущенно Егор моему отражению в зеркале, входя в ванную комнату за моей спиной.

— Угу, — ответила я. Зубы чистила. Кивнула на круглые часы, послушно глядящие на нас обоих из зеркала.

— Время терпит, не переживай. Вот, — он положил осточертевший зеленый коробок передо мной на полку. Между тубой зубной пасты и стаканом со щетками. — Забирай. Это подарок в любом случае. Никакой другой женщине я его не отдам. Сам носить не собираюсь. Бери, это твое.

— Верни в магазин. Судя по надписи на коробке, фирма примет его назад без разговоров, — я попыталась все же отбодаться от кольца. Третье по счету. Не смешно.

— Нет, руку дай, — доктор за спиной давил непререкаемым упрямством и запахом орхидеи.

— Какую? — я выключила воду и вытерла лицо и руки полотенцем.

— Дай хоть какую-нибудь, — вздохнул он. Стоял справа, правую и получил.

Щелкнул латунью замок футляра. Квадратный желтый камень украсил мой бедный безымянный палец. Два мелких зеленых по бокам. Тиффани. Я собирала коллекцию не хуже, чем Аля в свое время. Егор наклонил голову и поцеловал мои пальцы.

— Я вернусь к Новому году. Может быть, ты приведешь свои дела в порядок, и мы поговорим снова? — сказал он как бы между прочим, заходя за стеклянную стену душевой.

— Какие дела? — спросила я. Тиффани неплохо смотрелось на руке. Искрилось ярко в белом галогене.

— Во-первых, — рассуждал Егор в своей манере из-под воды, — необходимо решать с опекуном над мальчиком. Следует передать его взрослому человеку. Во-вторых, ты не можешь вечно работать горничной и болтаться между небом и землей, без дома и без будущего. В-третьих, об этом самом будущем: я хотел бы услышать, чего ты хочешь от жизни.

Он вытирался большим полотенцем и не смотрел на меня.

— И, в-четвертых. Сегодня вечером в аэропорту будет Алекс с семьей. Мы летим одним

рейсом. Я представлю тебя своей невестой. Это должно защитить тебя от него, пока меня не будет рядом. Скажи, синяки, что я видел у тебя весной — это его работа? — доктор поднял на меня удивительно грустные глаза.

Я кивнула.

— В голове не укладывается, — пробормотал тихо под нос. Смотрел на себя в зеркало. Брился, — я всегда считал, что неплохо разбираюсь в людях. Я знаю его столько лет! Никогда бы не подумал. Я и Андрею твоему не поверил...

— Андрей не мой! — тут же отозвалась я. И пожалела. Это слишком сколький и тонкий лед. Не следует вставать.

— Он же твой брат, — напомнил Егор.

— Все равно. Я с ним не общаюсь, — я передумала просвещать его в своих родственных поворотах.

— Как скажешь, золотце мое.

Он поцеловал меня в щеку и направился в гардеробную. Через пару минут оттуда прилетело мычание какого-то мотивчика. Сбагрив мне Тиффани и разложив все, что хотел, на раз-два-три-четыре, безупречный доктор очевидно повеселел.

— А если я соглашусь и выйду за тебя, то смогу оставить себе Кирюшу? — спросила я. Стояла на пороге, смотрела, как доктор собирает чемодан.

Прозвучало глупо, как про собачку. Словно мне пять лет, и я с прогулки притащила домой щенка. Или котенка. Стою в дверях и жду приговора строгого родителя: позволит, не позволит.

— Подумай своей красивой головой, Лола, причем здесь ты? Это ребенок Кристины. Он жил с ней до тебя, будет жить прекрасно после. Эти люди умеют устраиваться по жизни не хуже, чем мы с тобой. Все войдет в свою колею. К тому же, я люблю этот дом на побережье. Мы будем приезжать и летом жить здесь. Общайся тогда с мальчиком сколько угодно, — Егор подошел, погладил меня по голове. — Ты сама еще ребенок. Я хочу любить и заботиться о тебе. Позволь мне, а?

Я спрятала лицо на его груди. Там, за тонким серым трикотажем майки билось сердце, вырываясь. Ко мне?

— Пора, — тихо сказал мужчина мне в висок.

— Я не хочу встречаться с Сашей, — так же тихо ответила я.

— Я понимаю, — не стал настаивать Егор, — тогда я вызову такси.

— Спасибо, — сказала я шепотом в гладкий подбородок.

— За что? — губами мне в шею. Нежно.

— Не знаю.

Тук-тук-тук. Ровно и спокойно звучало во мне.

— Что за история случилась у тебя с цыганом? — вдруг вспомнила я.

Мы стояли за воротами виллы возле красной машины Айка. Эсэмэска от известного перевозчика прилетела, а такси не спешило. Обманывало. Доктор сердито глядел на часы.

— Цыган? Какой цыган? — он изумленно посмотрел на меня. Вспомнил. — Боже, Лола, я совсем забыл. Я голову с тобой потерял! Весь день сегодня провалился в тартарары!

Егор бросил известный портфель на капот кабриолета. Притянул меня к себе. Поцеловал.

— Перестань и рассказывай! — я отодвинулась настолько, насколько позволили его руки.

— Как же я тебя оставлю? Три месяца! Ты забудешь меня совсем, — он снова полез губами мне в шею.

— Рассказывай! Мне интересно, — я смеялась и пыталась уворачиваться от его мягких горячих поцелуев.

— Как пацан, — признался доктор сам себе. Убрал лицо, но из рук не выпустил. Сказал сердито: — Я видел утром, насколько тебе интересно. Глаз своих зеленых не отрывала от старого шарлатана. Поманил бы ногтем, помчалась бы, сломя голову, четвертой женой в его гарем.

Егор заглядывал в мое лицо, искал реакцию на свои горькие слова. Как пацан. Это он верно подметил.

— Почему шарлатан? — я не стала впадать в мутный разговор про жен. — Он снял приступ у Кристины одной левой. Я видела собственными глазами.

— Это он может. Мигель — человек неординарный. Я давно его знаю.

— Почему он не вылечит Кристу? — задала я бродивший подспудно во мне вопрос.

— Потому, что, золотце мое, нельзя сделать то, что сделать невозможно. Никакой волшебник не в состоянии восстановить разрушенное. Нельзя отрастить отрубленную руку заново. Можно только научиться жить с одной рукой. Сердце — непарный орган. Где это чертово такси? — Егор снова посмотрел на часы.

— Ты не рассказал про себя! — возмутилась я.

Егор вздохнул и поморщился, как от кислого.

— Моей пациентке поставили сложный диагноз. Я не хотел оперировать, шансы: тридцать против семидесяти. Честно говоря, я не давал и десяти на удачный исход. Предложил терапию. Но дама попалась богатая. Они все искренне верят, что за деньги можно купить удачу у господ бога. Насели со всех сторон. Клиника, деньги, угрозы. Я разозлился и отказался наотрез. Пусть ее зарежет кто-нибудь другой. Мало что ли хирургов на планете? Лола, садись за руль. Я опоздаю на самолет.

Я кивнула, и мы понеслись. С гор выполз холодный сырой туман. Старенький движок кабриолета отважно гудел во влажной атмосфере нашей гонки. Забыл чихать и пугать провалами. Выдавал пять тонн оборотов, как молодой, резвый конь.

— Сделай милость, входи в повороты четче, — приказал уверенно доктор. Строчил претензию перевозчику с холодной яростью. Таскало его из стороны в сторону, в буквы на экране не попадал. Разговаривать в ледяном свисте открытой машины не получалось. Слова залетали обратно в рот.

Огни промокнутого здания рассеивал туман. Аэропорт заплаканно отменял вылеты. Природа своеобразно плевала на расписание.

— Тридцать пять минут до посадки. Жди меня здесь. Подними верх машины и вытащи пальто из портплекда, — распорядился мужчина и побежал к стеклянным дверям, прикрывая голову портфелем. Дождь.

— Я вернусь двадцать пятого. В Рождество. Я позвоню. Вечно у тебя нет телефона! Я позвоню Кристине. Лола, я тебя прошу подумай над тем, что я сказал! Будь, хоть в кои веки, серьезной! Я люблю тебя! — говорил быстро Егор, вытаскивая вещи из багажника. Слава богу, его рейс не отменили.

Он прижал меня к себе. Прощаться. Я приняла все положенные поцелуи и постаралась ничего не пообещать. Удалось.

Машина задержалась на подъеме и заглохла. Я глупо посмотрела на стрелку бензобака. Ноль. Вот это я попала. Включила аварийку. Обняла себя за плечи и стала ждать неизвестно чего. Телефона снова нет со мной, как нет. Надо выйти под дождь и отдаться на благородство ночной трассы. Не хочу. Тепло быстро улетучивалось сквозь щели старого верха. Приятный мужской голос пел про Елисейские поля в синей подсветке панели. Влажный воздух неумолимо пролезал под тонкое сукно пальто доктора.

Я пошарила в бардачке. О! дешовский пластиковый плащ ярко-желтого цвета. Я натянула его поверх пальто. Вышла на холод внезапно подкравшейся осени. Голосовать.

Разные и красивые машины неслись мимо. Этот короткий виток дороги не охранялся злым глазом камеры. Водители честно жали на газ. Брызгали равнодушно водой на мои аварийные огни. Надежда медленно, но верно обещала капец. Я прислонилась к холодному крылу моей машины и опустила онемевшую руку. Сунула ладони подмышки, грея.

Лето закончилось. Зима, как не уворачивайся, наступит даже здесь в субтропиках. Рассудочный Егор влез в меня, как слон в известный магазин. На душе было муторно. Под стать погоде. Я знала это чувство за собой. Жизнь прижимает меня собой к холодной стенке. Накроет скоро.

Черная тойота проскочила. Потом, слепя красным светом, сдала назад. Встала впереди на обочине и заурчала теплом дизеля.

— Что случилось? — шофер опустил стекло и выглянул под дождь.

— Бензин кончился, — крикнула я в шум дороги.

Хлопнула дверь слева от водителя. Мужчина направился ко мне.

— Каждый раз, когда я вас вижу, Лола, вы меня удивляете...

Глава 34

Рыжий чужой кот нахально пересекал лужайку по диагонали. Равнодушная грация покоя. Брезгливая поступь мягких лап в сыроватой траве. Секунда и все переменялось в расслабленном движении вора. Притянул полосатое тело к земле и попер беззвучно. Пестрая птаха, не замечая угрозы, счастливо ныряла клювом в мелкое озерцо на газоне. Водичку пила.

— Смотри, вот наглец! — обернулась я.

Гуров встал из-за письменного стола. Нехотя оторвал глаза от бумаг. Снял очки. Подошел и обнял меня сзади. Дунул в кудри волос, чтобы не мешали смотреть.

— Что там?

Красный в хищных узорах зверь выбросил себя вперед почти неуловимым движением. Шух! И все было кончено. Только перышки взлетели мелкими брызгами. Неприятный хруст кошачьего пира. Скорость охоты и мгновенная смерть. Победа и довольное чавканье.

— Уже ничего, — вздохнула я. Птичку жалко.

Кот умывал морду лапой снова скучно и презрительно. Не мы такие, жизнь такая. Оставшиеся пока еще в живых кандидаты на обед звонко пиликали песенки в густой листве грецких орехов. Вилла доктора молчала пустыми окнами.

— Завтра тридцатое число, — проговорил Гуров, возвращаясь к столу. Дела у него. Генерал. Сел и повертел в пальцах очки в тонкой оправе черного цвета. Ему идет. — До конца октября я буду наезжать по выходным. Потом полностью переберусь в Столицу до весны. Не желаешь уехать со мной? Подумай, пока есть время.

Четыре уикенда подряд Гуров появлялся на побережье. Вызывал меня через общий телефон в гостинице и водил по разным вкусным местам. Кормил и не прикасался не то что пальцем, даже намеком.

Тридцать дней одна. Отель, караоке, болтовня Кристины, игры в пазлы с Киrom. Стирка, полы, посуда. И никакого приличного запаха рядом. Только бесконечно выжидающие черные глаза. Никогда. Я в своем уме, как любила повторять моя Аля: мне здесь жить.

Генерал сообщил, что у него отпуск, и я сдалась. Неделю целую ночь тут, в его удобном доме. Хорошо здесь. Спокойно. Аккуратный секс и полезная еда. Разговоры тихие, осторожные ни о чем. Толстею. Криста одобряет. Молча улыбается на мои ежевечерние уходы. Не пытается вести душеспасительные беседы, как тогда с Егором. Про богатых мужиков и глупых девочек-котят или людей другой породы. Доброй женщине нравится обстоятельный генерал. Хотя она Гурова в глаза не видела ни разу, только голос в телефоне, но ценит его заботу о бедной мне. Безупречная еврозадница Егора растаяла в недешевых закоулках старушки Европы.

Я залезла к нему на колени. Гуров поцеловал меня в висок. Добрый господин охотник снова со мной. Зачем это ему? Не распространяется про дальнейшие планы. Молчит, не хуже меня. Научился. У меня? Да ладно, Гурова учить — только портить. Выжидает.

— Я не знаю. Честно. Я не могу снова бросить Кириюшу. Не могу, — призналась я. О главном для себя. Под моим задом молчали удобные бедра. Хорошо сидеть. Спокойно. Надолго ли меня хватит?

— Поэтому я говорю заранее, за месяц. У тебя есть время, чтобы решить. Это ведь не твой ребенок. Вспомни, девочка моя. Это ребенок Кристины. Она его любит и воспитывает отлично. Ты сделала для них все, что могла. Это их жизнь. Пора начинать жить своей, собственной. Разве я не прав? — мужчина погладил меня по голове. Господин добрый охотник уговаривал глупенькую Красную Шапочку. — Курортный сезон скоро закончится. Наступит зима. Что ты будешь тут делать?

— Я есть хочу, — я сбежала с колен и от разговора.

Ребенок Кристины? Да. Как быть? Эта мысль грызла меня все это мирное время. Я удачно отпихивала ее от себя днем суетой в отеле. Вечером в этом надежном доме она снова и снова пыталась дотянуться до меня серыми глазами хозяина. Внимательными и умными, такими же, как у двоих других его прямых родичей. Рассказать ему про Кириюшу? По-другому ведь не узнает. Не от кого. С сыном он не общается. Не пересекаются они никак. Не нужны друг другу. Как поведет себя генерал, узнав, что стал дедом шесть лет назад? От глупой плечевки, проститутки, лишенной родительских прав. Гуров — не веселый морячок из амстердамского борделя, колыхаться не станет. Такой затейник может придумать все, что угодно. Вплоть до интерната и суворовского училища.

Гуров кивнул на мой побег. Не удивился ничуть.

У нас с ним случился любимый ресторан. Не случайно, разумеется. У Гурова неожиданностей не бывает. Ну, разве что только я и Кир. Тридцать минут на скорости сто девять и мы в достойном дизайне хорошей рыбной кухни. Мореный дуб и белые скатерти в синюю клетку. Уверенная в своих гастрономических предпочтениях публика. Солидно и вкусно. Никаких танцев и песен под черные глаза. Красота.

Форель. Копченый угорь. Икра. Овощи и зелень. Золотистые картофельные крокеты на сливочном масле исходят честным паром. Булочки в крошках кунжута и белое французское вино. Мой любимый судак с ветками укропа. Я плотоядно схватила двузубую вилку и узкий нож. Еда, я люблю тебя!

Ком к горлу подскочил и перекрыл дыхание. Я подорвалась с места и нырнула в дверь туалета. Благо, что знала, где это. Все вынесло из меня вонючим ураганом. Полоскало долго, выталкивая внутренности до желчи. Напилась из крана теплой воды. Спазм. Вода улетела следом в унитаз. Дезодорант красивого, в жестяных рыбах по стенам, помещения душил парфюмированной вонью. Ничего с ужином не вышло. Я тупо не могла войти в запах еды. Гуров увез меня обратно, принеся в машину, как мокрую тряпку на локте. Неужели снова старая фигня?

— Как ты себя чувствуешь, девочка моя? — спросил негромко, обнимая в сумраке спальни. Влажные мои волосы, мне мнилось, воняли рвотой. Я закрутила их в жгут и засунула под затылок в сторону от носа. Уткнулась лицом в свою подушку. Плохо. Я промолчала. Он не доставал больше с расспросами. Я боялась, прижимаясь спиной к теплему ему. Еще раз. Неужели снова старая болезнь вернулась? Только не это.

— Ну-ну, — сказала Кристина, кладя мне на тарелку третий пирожок. Жирный, прожаренный в ноль на подсолнечном масле. Я ела радостно, без тошнотворного ужаса. Все укладывалось в меня и переваривалось отлично! На кухне у доброй Кристины я была в безопасности. Никуда я не поеду с охотником на Красную Шапочку. Здесь мой дом и хватит генеральской ерунды.

— Что, ну-ну? — я легкомысленно хрустнула пахучим огурцом. Керамический жбан, емкостью с хорошее ведро, стоял тут же на столе для всех желающих. Криста умела это соленое дело.

— Это уже четвертый. Никогда раньше не замечала у тебя любви к огурцам, — заметила женщина и вернулась к стреляющей жарким маслом плите. Пепа деликатно твякнула, намекая на пирожок с мясом. Соленые овощи не трогали собачий аппетит никак.

— Дорогая! — рассмеялась я, — ты на что намекаешь?

— Ни на что. Просто так сказала, — усмехнулась Кристина, не оборачиваясь. Гоняла мелкие куски теста с начинкой в бурлящем аду шумовкой.

— Это невозможно. У меня дистрофия. Нет менструации. Нет ручек, нет конфетки, — ржала я счастливо в голос, припомнив один милый фильм.

— Ладно. Пусть будет по-твоему, — опять кивнула Кристина пирожкам в воке перед собой. Подняла, не глядя на меня, руку. Выставила указательный палец. Согнула. Потом подняла кверху два. Как буква V. Как Виктория. Намекала на две полоски известного свойства.

— Нет, — я продолжала смеяться. Огурцы меня манили, как халва. Никогда не любила ни того ни другого. Не устояла. Покопалась и вынула из рассола хороший темно-коричневый овощ. Сантиметров семнадцать. Правильный размер. Блин! Втянула в рот и откусила с громким хрустом.

— Спорим? — моя взрослая подруга обернулась. Посмотрела остро-черно. Лукаво и блестяще.

— На что? — деловито поинтересовалась я. Грызла обалденно-пряный огурец и веселилась. Сунула Пепке под стол краешек жареного теста. Получила благодарный отклик горячим язычком. Не может быть. Никогда. Не со мной.

— А вот на что! — Криста оперлась обеими руками на стол напротив радостной меня. — Если я права, то ты целую неделю торчишь в кухне и учишься делать тесто. Для хинкали и пирожков. Спорим?

— Да ладно! Я и тесто? Ты шутишь? — я, не контролируя свои руки, отщипывала края вкуснейшего в мире пирога с яблоками. Тот отдыхал в центре стола под льняным полотенцем.

— Я, — взрослая женщина сделала отчетливую паузу. — Не шучу. Пошли?

Я кивнула. До ближайшей аптеки два шага через площадь. Тут свистнул напоминалкой мобильник. Без четверти шесть. Пора за Кириллом в детский садик.

— Беги. На обратном пути купишь, — сказала Кристина. Вернулась к своим пирожкам, как не в чем ни бывало.

— Погоди. Тут постой, — Давид загородил собой вход в гостиницу.

— Почему? — я не поняла. Хотела упрямо пройти мимо него в холл.

— Кристина, — парень жестко уперся и не пускал.

— Что? — произнесла я чуть слышно. Все сразу дошло. Как будто всегда знала. Как будет. Нет.

— Да. Тихо. Кирку уведи.

— Пусти-и, — я завыла и потеряла себя. Давид подхватил ребенка на руки и ушел в сторону.

Криста лежала там, в кухне, где я ее оставила полчаса назад. Плита молчала, отдавая

ненужное тепло. Пирожки высились горой в белой эмалированной миске. Громадная сковорода сияла вымытым нутром. Успела допечь. Доделала дела. Я бухнулась на колени и положила тяжелую голову своей подруги на чистое полотенце. Кудри и спокойное лицо. Незачем им лежать на нечистом линолеуме. Расправила волосы, чтобы сделалось красиво. Гладила лоб и разговаривала, раскачиваясь. Плакала честно. Как надо. Как все умеют. Лила воду и бормотала разное. Обещала все. Что задолжала. Что сделать не успела. От невысказанного спасибо до глупых пирожков. Горе. Вот оно. Почему? Приехала Скорая, как ни удивительно, быстро. Что-то сказали друг другу женщины в белом. Потом приехали менты. Аик что-то подписывал и объяснял. В конце появились мужики в черном. Четверо. Черные носилки и черное полотно.

— Лолочка, пойдем. Они все сделают. Кристина всегда так хотела, — братья подняли меня и повели. Я обернулась. Лицо Кристины ответило мне ледяным покоем. Я обещала. Она поверила.

— Вот, — старшая сестра Кресты Медея протянула мне лист в пластике файла.

Я послушно взяла. Села тихо на стул. Последний печальный гость ушел. Двенадцать часов ночи. Весь городок откушал поминальных пирогов. Криста запасла их при жизни. Пригодились. Погода плевала на календарь. Третье октября гнало термометр за тридцать градусов тепла. Жара отправила тело в крематорий максимально быстро. Ноги гудели. Длинный день. Похороны. Поминки.

— Иди спать, девочка, — сложила губы в улыбке взрослая женщина. Похожа на сестру, как клон. Только волосы белые совсем. Десять лет в плюсе. Каково это, хоронить младших?

— Я не отдам Кириллу, — сказала я. Добавила. — Никому.

— Почему? — устало проговорила Медея. Опустила полное тело, в черном кружеве хорошего платья, на стул. В кухне царил абсолютная чистота. Все женщины с соседних улиц пришли сегодня помочь нам в траурных делах. Принесли грустную снедь и вино. Сменяли друг друга черно и делово, как часовые. Даже веселые мои родственницы тихо напились и слиняли без пошлых, громких рыданий.

— Я обещала Кристине, — тихо призналась я. Слезы встали рядом.

— Сколько тебе лет? — прозвучал совсем не новый в этой теме вопрос. Взрослая женщина смотрела равнодушно от усталости и горя.

— Двадцать. Я решила, — я сказала все.

Медея кивнула. Провела ухоженной рукой по исцарапанному пластику кухонного стола. Крупное кольцо сыграло под лампой двойным отражением прямо в глаза. Бриллиант и изумруд. Серьезное сочетание. Молчала.

— Спокойной ночи, — я унесла себя в нашу с Кирюшей комнату. Надолго ли? Что там с наследством? Какая разница? До утра точно не выгонят. Ребенок неслышно спал. Комочек под цветастой простыней. Русые волосы едва выглядывают из-под краешка. Цикада громко орала в черноте за сеткой распахнутого окна. Звала друга или подругу? Кто ее знает.

Экран телефона пестрел непринятыми звонками. Гуров. Какие-то еще неизвестные мне. Вибер: «Соболезную. Помощь нужна? Ты как?» — кто-то просветил Гурова на просторах тысячекилометровых генеральских дел в моем горе. «Все ок», отправила ответ. Фонарь дисплея на бумаге, забыто зажатой в руке. Тест на отцовство. Ничего не хочет знать красавица Медея. Отделила Кира от себя. Сразу, как лишнее. Еще до того, как я выступила со своим глупым заявлением. Разве я не этого хотела? Горькие слезы пришли. Я вжала их

трясущимися плечами в подушку. Бедная Криста. Бедная я. Плоховато у нас с родней.

Глава 35. Воскресенье

Я не могла ничего делать. Нет сил. Сидела с ногами в кресле Кристины и смотрела, как братья делают за меня работу. Постояльцы высказали нам свои соболезнования. Но у них жизнь, дети, отпуск. Все должно идти своим чередом. Я никак не могла себя заставить.

— Давай вставай, расхаживайся! Давай, сестренка, мы жрать хотим, — велел Айк, появляясь на пороге.

Шесть часов вечера. Давид привел Кириюшу из сада. Я встала послушно, как кукла. Ходила по кухне, трогала пальцами утварь. Гарик за моей спиной вытащил кастрюлю нужного размера, налил воды. Поставил на огонь. Три дня мы едим то, что запасла при жизни Криста. Я порезала все пальцы, пытаюсь приготовить салат. Сегодня улетела днем в Столицу Медея. Мы виделись с ней утром. Она предложила переписать Кира на себя. Настаивала. Я отказалась. Я обещала.

— Я знаю где Кристина! — заявил громко Кир. Раскладывал неторопливо тарелки и ложки. Помогал мне накрывать на стол.

— Где? — испугалась я.

— На небушке, — уверенно сообщил мальчик.

Мы все слаженно кивнули, глотая что-то в горле. По кухне проплыл запах лаврового листа и сунели. Хинкали. Я сглотнула снова и направилась к холодильнику. Сливочное масло, сметана и все, что положено.

— Че там? — спросил негромко Давид у старшего брата. Не о еде.

Я встала у кастрюли, чтобы кормить. Мужчина вернулся домой.

— Ну че? — Айк спокойно ждал, пока я сделаю, как положено в его тарелке. Как Криста делала. Кивнул на сметану, отвел руку с аджикой. Сам. — Завещание пополам. Половина наша, вторая — старшей сестре. Она не против продать свою часть через полгода, когда вступит в наследство. Овик уже окучивает ее по-всякому. Мы пока живем здесь и копим деньги. Тетю Медею не волнуют доходы от гостиницы, она ни на что не претендует, но к апрелю надо будет решать, где взять...

Айк чуть помедлил и назвал сумму. Давид и Гарик свистнули одновременно. Я попыталась проглотить хинкали. Получилось. Я съела еще три.

— Ты почему Кирку Медее не отдала? — тихо спросил Айк, низко нагнувшись к моим волосам.

— Не нужен он ей. Жалко, — сказала я осторожно, прислушиваясь к еде в своем желудке.

— Она бы его в Столицу увезла. Там, глядишь, квартира бы обломилась, житуха другая, круче, — ухмыльнулся Айк черными глазами. Прикалывался, облизывая яркий в сметане и аджике рот.

— Ничего. Я сама разберусь, без столичной родни, — улыбнулась я. В первый раз за три дня.

Гуров приехал вечером в субботу. Сам сидел за рулем. Впервые вошел в гостиницу, оглядывал все кругом с заметным интересом. Пожал руку Давиду. Представился первым и сказал слова соболезнования. Кириюша легко пошел к нему, как к старому знакомому. Гуров

и ему принес нужные слова.

— Ты уходишь? — мальчик смотрел снизу в мое лицо. Тихо и сероглазо.

— Я вернусь завтра. Ты же знаешь, — я присела перед ним. Я не хотела оставлять его. Но оставаться здесь казалось мне еще труднее. Я была рада возвращению Гурова.

— Гляди! Ты мне обещала! — строго напомнил мне все обещания Кирилл. Вдруг крепко обнял и прижался всем телом. Стучал сердечком мне в лицо.

— Эй! Не реви, женщина! — приказал он, отстраняясь. — Иди к своему Гурову. Да не опаздывай завтра! Ты обещала мне кино.

Отпихнул мою мокрую попытку его поцеловать и побежал к Давиду. Когда Гуров помогал мне залезть в машину, я оглянулась. Четверо мужчин смотрели мне вслед за стеклом низкого окна.

По дороге я вспомнила и купила тест на беременность.

Рассматривала две линии на узкой полоске и не верила сама себе. Положила тест на мрамор умывальника и побрела в кухню.

Надо что-то съесть. Надо что-то решать. Делать. С Киром. Со мной. С тем, кто внутри меня. Что?

— Я могу надеяться? — генерал стоял в дверях и глядел надменно-отчаянно.

Я пожала плечами. Вроде бы, да. Кто же еще? Егор? У безупречного доктора нейрон не проскочит, не то что бедолага-сперматозоид. Гуров? Мы с ним совсем не присматривали за этим делом. Я в принципе не верила в такую возможность. Что думал себе генерал? Кто его знает. Все остальное было слишком давно.

— Может быть, это ошибка, — выдала я вслух желанную мысль. Села на стул у пустого стола. Подперла голову рукой. Откуда-то справа конвектор гнал теплый воздух, прогревая остывший дом.

Гуров опустил на стул напротив через стол. Положил тяжелые руки на светлый бук столешницы. Сцепил пальцы в замок. Расцепил. Повертел кольцо на мизинце.

— Давай завтра поедем к врачу и узнаем все наверняка, — негромко предложил он. Попытался поймать мой блуждающий в пейзаже за его спиной взгляд.

— Завтра воскресенье, — я наконец посмотрела на него и улыбнулась. — Я обещала Киру кино.

— Отлично! Совместим приятное с полезным. Сначала мультики, потом доктор.

Хотела бы я узнать, что в этой вилке приятное: я не слишком люблю мультфильмы. Получается, гинеколог.

— В воскресенье все врачи отдыхают, — прикинулась я Красной шапочкой.

— Ничего, я организую, — ответил мне Господин добрый охотник

Утро выдалось на диво прекрасным. Лето вернулось. Смеялось солнцем в широкое окно. В приоткрытую дверь тянуло жареной колбасой и, может быть, картошкой. Гуров готовил завтрак. Как всегда. И у него это получалось.

— А ты поправилась, — сказал он с улыбкой, стоя на пороге ванной комнаты. Разглядывал с удовольствием, как я вытираю себя мохнатым его полотенцем.

— И тебе доброго утречка, — засмеялась я. Бросила в его довольную физиономию полотенце. Не попала, слишком тяжелое.

— Тебе это очень идет. Не останавливайся на достигнутом, — Гуров поднял с пола

мокрою ткань. Подошел и поцеловал меня в макушку. Обнял.

— Как пойдет, — я потянулась, хотела найти его губы. Он отстранился и надел на меня халат.

— Пойдем завтракать.

— Никакого секса, пока не установишь мой статус? Залететь боишься? — прикололась я, усаживаясь за стол. В отворенное окно дул прохладный ветер. Аромат ранней осени и сухой сосновой коры. Красота! Я подставила лицо.

— Это ты вчера заснула мгновенно, я даже лечь не успел, — не принял шутки генерал. Подошел к окну и поставил раму на проветривание. Узкую такую щелку оставил.

— Ну заче-ем? — проняла я, принимаясь за еду.

— Сквозняк. У тебя влажные волосы. Ты простудишься, — объяснил он. Налил мне молоко в кофе, даже не спросив, хочу ли я.

— Почему не разбудил? — я смотрела, как он кладет сахар. Заботится. Ладно.

— У тебя было такое спокойное лицо. Такое нежное. Почти детское, — Гуров улыбнулся и пододвинул чашку к моей руке поближе. — Я ужаснулся.

— Почему? — спросила я с набитым ртом.

— Ты выглядела лет на пятнадцать, если не младше. Ладно! Все глупости. Ты выспалась? — он провел рукой по волосам абсолютно знакомым жестом.

— Я прекрасно выспалась. Но ты все же не удирай от ужаса всякий раз на диван в гостиной, Гуров. Будь мужчиной! — я расхохоталась. Потянулась вверх. Халат разошелся, выпуская на волю голую меня. Я поводила заострившимися сосками вправо-влево, — а, Гуров? Теперь мне не пятнадцать?

— Нет, — он дотянулся и вернул одежду на место. — Допивай кофе. Вечером разберемся.

— Садись, — велел генерал, открывая заднюю дверь тойоты. И продолжил в мои пораженные глаза: — дети ездят сзади. Надо купить кресло для Кирилла.

— Даже если мне теперь пятнадцать лет, то это всяко больше двенадцати, — я не спешила занимать предназначенное место.

— Тебе — да, а ребенку — нет. Мы опаздываем. Давай, давай, — энергично приказал генерал.

Давай-давай? Господин добрый охотник не считал нужным уговаривать Красную шапочку. Зачем? Все на защиту материнства и детства. Красные шапочки могут идти лесом. Берега попутал генерал. Я застыла.

— Что? — он обернулся на паузу. — Что случилось, Лола? Почему ты молчишь?

— Я пешком пойду. Я сама схожу с Киром в кино. Я сама отведу себя к врачу. Пока, Гуров, — я сделала короткий жест рукой.

Бах! Гуров хлопнул дверью лендкрузера. А это непростая задача.

— Господи! Да садись ты куда хочешь! Хоть на крышу, хоть за руль! Я хотел, как лучше! — он вышел из себя. Орал, как баба. Сделался красный и растерянный. — Я просто хотел сделать лучше!

— Ты боишься, генерал? — усмехнулась я. Спокойна была, как угол дома.

Гуров несколько раз с шумом вдохнул и выдохнул воздух. Стал почти нормального цвета. Взял себя в руки.

— Да. Я нервничаю. Я в прошлый раз был отцом двадцать девять лет назад. К такому надо привыкнуть. Извини. Сядь, пожалуйста, на заднее сиденье. Там удобно и безопасно.

Прошу.

Он обнял меня. Поцеловал в висок. Подсадил за попу куда мечтал.

— Какую свадьбу ты бы хотела? — спросил Гуров.

Я изумленно посмотрела на него. Ого!

До гинеколога мы пока не продвинулись. Идею кино Кирюша променял на детский городок с сухим бассейном, горками и туннелем, набитым антисанитарными шариками и самозабвенно визжащей компанией от трех до семи. Временно освобожденные родители торчали за столами, расставленными по периметру этого зоопарка, жевали радости Лучшей Забегаловки мира. Я тянула клубнично-молочный коктейль. Гуров мучал бутылку перье. Светил в десять утра хорошим светло серым костюмом в тонкую, едва заметную клетку. Стального цвета водолазка под горло, стендфорд дерби в тон и омега в нержавеющей корпусе на левой руке. Я откровенно диссонировала с генеральской элегантностью голубенькими джинсами и оранжевым свитером, ползущим постоянно то с одного плеча, то с другого. Молодые и не очень мамы за соседними столиками разглядывали нас с разной степенью скучающего любопытства. Детский мир прикидывал от нечего делать, кто мы друг другу и как.

— О, свадьба! — я сказала заветное слово слишком громко. Девчата, как по команде, повернули головы в мою сторону. Я не стала их разочаровывать:

— Во-первых, я хочу платье с пышной юбкой, огромной, чтобы в двери не пролезала. Фата обязательно! Длинная, метров десять. Кирюша будет ее нести. Надо будет ему обязательно пошить черный фрак. И девчущку в бальном платье подобрать в пару. Подружек невесты мне надо штук пять. В платьях мятного цвета и шляпках. Во-вторых, я не хочу, чтобы свадьба была в ресторане. Лучше на воздухе, в парке или в лесу. Гостей много не нужно. Человек пятьсот, не больше. Дресс-код обязателен! Платья в пол, шляпы и смокинги, — я вещала с упоением. Наружная аудитория слушала, забыв для приличия хоть как-то оклеивать от меня глаза. — В-третьих...

— Господи! Есть еще третье? — Гуров смотрел обалдело, словно увидел впервые.

— Разумеется! Меню и торт! И ради бога! Никаких пошлостей с похищением туфли или невесты целиком! Я этого не вынесу. Ты же знаешь, в моем положении вредны всякие страсти, — я наслаждалась изумлением Господина доброго охотника.

— Когда ты успела все продумать? — выдал этот дурачок после изрядной паузы.

— Гуров, разве ты не знаешь, что девочки мечтают о таком с самого рождения? А некоторые даже с момента зачатия. Внутриутробно, — я веселилась.

— Ну если это так важно для тебя, — он вдруг плотно посмотрел мне в глаза, взял правую руку со стола в обе теплые ладони, — то пусть будет по-твоему. Но пятьсот человек гостей! Где мы возьмем здесь такое количество?

— Почему здесь? Свадьбу лучше праздновать в Столице, — я откровенно насмеялась. Но он не замечал.

— Погоди, девочка моя. Ты ведь хочешь торжество на открытом воздухе. Зима на носу. В Столице холодно, — он гладил мои пальцы и что-то там соображал. Гостей подсчитывал?

— Ладно. Тогда пусть будет здесь. Пригласим кого-нибудь для толпы. Соседей, отдыхающих, прохожих.

— А как же дресс-код? — Гуров всмотрелся в мое веселое лицо. — Ты смеешься надо мной.

— Такая дурацкая тема. Почему бы нет? — я высвободилась. — Что-то Кирюшу не видно.

Я пошла вдоль ограждения детской площадки. Мой мальчик уже бежал мне навстречу. Гуров послушно шагал в арьергарде.

— Лола!

Огромный цыган возник в шумной толпе. Не узнать! Никаких кавалерийских кожаных задов и запаха вольных дорог. Костюм не слабее гуровского, седые кудри стянуты назад. Только зубы и наручные часы размером с хороший будильник сияют рыжим металлом, выдавая национальность с головой.

— Гуляете всей семьей? — Миша подошел. — Здравствуйте.

Мужчины обменялись рукопожатиями. Причем генерал первым протянул ладонь цыгану. Интересно.

— Здравствуй, Мигель. Ты, я вижу, тоже не один.

За спиной большого мужчины оживленно болтали три дамы в дорогих европейских нарядах. Количество разноколиберных детей носилось, пиццало, смеялось, ревели и категорически не позволяло себя пересчитать. Я и не пыталась.

— Это не весь мой табор. Только младшие, — кивнул Миша. — Слышал, господь забрал Кристину к себе?

Я судорожно вздохнула. Притянула к себе Кира рефлекторно. Миша перекрестился.

— Криста была праведная женщина, хоть и не всегда справедливая. Она слишком хвалила свои пирожки, вот Господь и не выдержал. Забрал ее к себе на райскую кухню. Не сомневаюсь, она оттуда присмотрит за нами. Кирка! Как дела? — громадный цыган протянул мальчику широкую ладонь.

Кирилл вывернулся из-под моей руки. Шагнул к цыгану, и тот поднял его на руки легко, как пушинку. Стал что-то тихо говорить на ухо. Ребенок отвечал, чуть заметно всхлипывая. Я испугалась.

— Что ты делаешь? — я хотела крикнуть, но вышло шепотом. — Поставь его на место, пожалуйста.

Я звучала жалко. Гуров переводил взгляд с одного на другого и ничего не понимал. Я протянула руку, не знаю, что хотела сделать. Сердце пыталось выскочить из меня следом за Киром. Мигель поймал мои пальцы. И улыбнулся.

— Ух! Как птичка в клетке сердечко бьется. Не бойся. Он только поспит немножко. И не будет больше плакать. И ты не плачь. Хватит себя жалеть. А то мальчик твой родится в слезах. Зачем?

— А когда он родится? — спросила я. Замерев. От цыгана ко мне шло тепло. Река тепла и покоя. Без берегов. Никого не стало вокруг.

— У самой себя спроси. Все знаешь, а через себя кидаешь. Гляди, не пробросайся. Кирка! Хватит дрыхнуть! — рявкнул волшебный дед.

Мы с Кирюшей изумленно глядели на мир. Он стоял на месте, вкусно пах картошкой фри и булькал колой. За широкой спиной Миши-цыгана разгорался скандал. Что-то в его таборе шло не так. Или так?

— Гляди на жизнь веселей, Лола! Айку передай, чтобы зашел на неделе, есть у меня к нему разговор да привези сыновей сюда следующим летом. Не забывай меня. Бывайте здоровы! — не дожидаясь ответа, он повел свое шумное семейство гулять дальше по

широким полям торговых галерей. Не обернулся.

— Все хорошо. Все просто замечательно. Вставайте с кресла и одевайтесь, — гинеколог, ухоженная дама лет сорока, скрылась за ширмой. Я выковыряла себя на пол и стала натягивать одежду. — Беременность протекает в пределах нормы. Срок десять недель. Может, чуть больше. Я назначу вам...

Я тихо опустила на стул. Врач продолжала говорить ровным, приветливым голосом. Десять недель. В голове застучал счетчик, отматывая жизнь назад. Гостиница. Гроза. Андрей. Раннее утро шестнадцатого августа. Тогда тоже было воскресенье. Сегодня ровно одиннадцать недель. Я удивлена? Ни грамма. Я всегда это знала. Я знала день, час. Даже миг зачатия. Я просто не желала думать в эту сторону. Упрямо и глупо пряталась от самой себя. Через себя кидала, сказал мне Мигель. С той самой секунды, когда Криста сложила пальцы в виктории, я поняла. Кто и когда. Я заперла в себе эту мысль на замок. Зачем? Застыла на одной ножке в глупой надежде проскочить. Сбежать от жизни по старой привычке. Родить нельзя погодить, шутила когда-то моя Аля. Я слишком громко рассмеялась. Истерика? Дама гинеколог быстро подняла ко мне встревоженное лицо. Я улыбнулась ей открыто, проглотив неуместное веселье. Облегчение. Притворяться больше не нужно.

Гуров сидел на лавке у входа в клинику. Руки скрестил на груди. Нога на ногу. Смотрит в деревья больничного парка. Ждет. Клены осыпаются желто-оранжевым ковром. Яблони и груши пока держатся. Осень идет широкими, шелестящими шагами. Загребает опавшую листву еще теплым ветром. Приносит дым костров и ночные холода.

Я подошла и села на край белой скамьи. Обняла себя за плечи.

Мне вдруг стало зябко и одиноко. Разговаривать резко перехотелось. Я вдруг увидела себя со стороны. Почему-то рядом с генералом мне это удавалось проще всего. Я одна. Беременная. Кирюша на руках. Скоро зима. На севере моем уже глубокая осень. Кристы больше нет. Кто поможет мне? Три брата? Они хорошие ребята, но мать-одиночка им зачем? Вот взять и обмануть Гурова. А что? Кто там заметит сколько и чего, когда до родов дело дойдет? Или не обманывать? Признаться, что у него есть два внука. Не бросит же он их на произвол судьбы. Все-таки служит в МЧС. По определению не должен.

Я не хотела никуда ехать с ним. Вся жизнь — это не неделя отпуска, не два дня выходных вместе. Я не смогу жить с Гуровым. Я не Красная шапочка.

Про Андрея я запретила себе думать. Нет его. Не было никогда. Забыла, зарыла, кол осиновый забила.

— Кирилл спит в машине. Ты замерзла? Что сказал врач? — Гуров быстро снял пиджак. Надел на меня. Обнял.

— У меня срок одиннадцать недель. Поздравляю тебя, Гуров! Это не твой ребенок, — сказала я, нахально усмехаясь. И пожалела. Вышло грубо, пошло, не смешно.

Повисла пауза. Он еще обнимал меня. В лицо не глядел. Его руки стали тяжелыми и неудобными. Пиджак неприятно корябал шею.

— Я понял, — мужчина отделился и встал. — Поехали.

Он не подал мне руки, чтобы помочь подняться. Сел за руль, не интересуясь, насколько безопасно усадусь я. Я залезла на заднее сиденье к спящему Кирюше.

— Я советую тебе сделать аборт. Ты не справишься одна. Или ты знаешь, кто отец ребенка? — проговорил, не оборачиваясь Гуров, глуша двигатель возле гостиницы. — Я могу

помочь с операцией, если нужно. Что еще я могу сделать для тебя? Отвечай, Лола, не молчи.

Я не подумала о том, как отреагирует Гуров на мои слова. Вывалила правду и все. Но то, что он в один миг отрежет себя от меня, без слова сожаления, без прощального вздоха... я забыла! Как я могла! Я не тот человек, сказал мне Гуров этим летом. И поступил так же, как сейчас.

— Спасибо, нет, — нашла я нужные слова. Потрясла тихонько Кира за плечо. Он забормотал что-то, отказываясь просыпаться наотрез.

— Не буди его, — приказал Гуров. Вылез из-за руля. Взял ребенка на руки. — Закрой машину и веди.

— Значит, здесь вы живете? — проговорил негромко, оглядывая нашу с Кирюшей комнату. Две кровати, стол, стул, шкаф. Песни караоке в приоткрытое окно.

Я кивнула, снимая с ребенка кроссовки и джинсы. Укрыла синим одеялом.

— Он не боится спать один? Когда ты шляешься черте-где? — спросил генерал.

— Давид остается здесь ночевать, когда меня нет, — рассказала я доверчиво. Красная шапочка. Как не снимала.

— Все продумано у тебя, кто где спит и за кем приглядывает! Что же ты за собой не присмотрела? — неожиданно зло вырвалось из Гурова. — Поехали. Надо поговорить.

Я посмотрела на мирно спящего Кирюшу. Кивнула. Надо поговорить. Как поменял направление генерал! Почему тумблер переключился? Интересно.

— Я есть хочу, — призналась в каменное лицо серьезного мужчины. Если прикидывалась, то самую малость.

Десять тридцать вечера. Еще вполне можно успеть поужинать. Лендкрузер примчал нас к знакомому ресторану.

— Как ты себя чувствуешь? Может быть, я зря, — начал Гуров, оглянувшись на меня обеспокоенно.

— Отлично! То, что надо, — улыбнулась я.

Перезагрузка? И это не в первый раз. Уже не удивлялась. Оперлась на его сильную руку, шагая в аромат еды.

Смотрел неясно, как я ем. Откинулся назад в удобном кресле. Спрятал лицо за круг света низкого, как бы корабельного фонаря над столом. Бригантины и фрегаты.

— Закажи мне бокал сухого белого вина. Совиньон гри, — попросила я, вспомнив рекомендации безупречного доктора.

— Может быть, не стоит?

— Хочу. Ты ехал поговорить. Начинай, — распорядилась я. Перехватила инициативу. Не только генералы умеют командовать.

Взрослый мужчина принес бутылку с белой этикеткой. Показал моему спутнику. Открыл. Дал вино раздышаться. Мы терпеливо ждали. Живой мужской голос пел где-то за лабиринтом жующих людей о городе, где я никогда не была. Тбилисо. Признавался в любви на родном языке. Сомилье разлил вино в два бокала. Опустил бутылку в лед и ушел.

— За что пьем? — улыбнулась я, вода носом по краю стекла. Пасмурный день на излете сентября, запах полыни и созревших яблок.

— Почему ты меня не обманула? Я бы поверил. Я ведь жениться на тебе хотел. Соврала бы потом про преждевременные роды и все такое, — Гуров тоже понюхал вино и отставил в сторону.

Я не ожидала, что он подберется ко мне с этой стороны. Словно услышал мои мысли на

скамейке. Хотя, чему я удивляюсь? Его сын и его внук постоянно проделывают со мной этот фокус.

— Хочешь знать правду? — я решилась. Но уже не так наивно. Красная шапочка желала подстраховаться.

— Хочу, — не помедлив ни грамма, ответил Гуров. Подался вперед. Открыл лицо свету. Желтоватый свет вдруг сделал его лицо молодым и бешено знакомым. Серые глаза и светлые губы. Вот только улыбаться по-мальчишески открыто и нахально генерал не умел.

— Тогда дай мне слово. Честное слово. Ты же офицер? Человек чести?

— Чего ты хочешь?

— Обещай мне, что все, что я тебе расскажу, останется строго между нами. Ты не станешь ничего предпринимать, делать выводы и вмешиваться. Это тайна, которую я тебе доверяю. Обещай уважать мое доверие, — я очевидно перебирила с пафосом, но с этим парнем по-другому нельзя.

Гуров опешил. Не этого ждал. Гамма эмоций по его лицу бродила откровенно потерянная. От полного неприятия до глупой надежды фиг знает на что.

Я молчала. Еще секунда и откажусь от этого цирка. Гуров почуял край моментально.

— Я обещаю, — серьезно сказал он.

— Это ребенок Андрея. Твоего сына. И, — я заставила себя договорить, — Кирилл тоже его сын. Вот такая история. Извини, Гуров. Так получилось.

— Что будешь делать? — прервал он бесконечную паузу. Спрятался снова в полумрак ресторана.

— Не знаю. Я должна подумать, — я медленно допила вкусное вино.

— Я зря сказал про операцию. Я считаю... — Он уже катил и пер вперед.

— Гуров. Ты обещал не вмешиваться. Я должна подумать. Спасибо за ужин. Отвези меня домой.

Гуров молчал всю дорогу. Взглядывал в зеркало заднего вида на меня в темноте салона. Я отворачивала лицо. Смотрела только на огни мелькающих фонарей.

— Вот моя визитка. Здесь мои телефоны, личный и рабочий. Я вернусь вечером в пятницу. Я хочу знать, что ты надумала в конце концов, — он вышел из машины. Стоял рядом, протягивая кусок белого картона.

На крыльце гостиницы стоял Гарик и внимательно разглядывал нас.

— Спасибо, — я послушно зажала в руке карточку. Поцеловала гладковыбритую щеку и ушла.

Глава 36. Пора!

— Лола! — Айк быстро вошел в прачечную и плотно затворил за собой дверь.

— Что случилось? — я закрыла дверцу стиральной машины. Потыкала кнопками в нужном режиме.

— Баграмян приехал. Спрашивает тебя в караоке. Что сказать?

Я опустила на гору грязного белья. Айк смотрел на меня черными глазами. Спокойно ждал ответ.

— Он убьет меня. Он псих. Он уже пытался. Теперь точно убьет. Что делать? — меня затрясло.

— Ладно. Я сейчас выгоню машину на соседнюю улицу. Спрячу тебя у ребят...

— Нет, — я перебила его. Успокоилась внезапно. Это знак. Это точно метка судьбы, — я сейчас быстро соберу вещи. Выгоняй машину. Я уезжаю.

— Но...

— Он никогда не угомонится, пока не поймет, что меня нигде нет. Так будет лучше, дорогой. Поверь.

Айк смотрел внимательно. Он понял меня. Кивнул.

— Пепу заведи с улицы, — попросила я.

Мой друг кивнул понятиливо снова. Не удивился.

Рейс в Северную Столицу уже отправился в холодную даль. До ближайшего еще шесть долгих опасных часов.

— Лети через Южную, — предложил Айк.

Я согласилась. Не удирать же с перепугу в Тюмень. По слухам, там уже минус двадцать.

Кирюша тихонько сидел на бесформенном бауле, куда я впопыхах покидала все, что попало мне под руку. Светил полосатыми носочками в старых сандалетах и следами детсадовских трудов на майке и штанах. Прижимал молчащую собаку к груди. Выражение лиц у моих любимых было одинаковое абсолютно. Испуганно-любопытное.

— Жесть. Остался только бизнес-класс. У меня нет с собой столько денег, — Айк расстроено присел рядом с Кириллом на корточки. Погладил Пепу по бархатной спинке носа. — Что делать?

— Ничего. У меня есть деньги, — я улыбнулась в грустное лицо парня. Взяла свой старый рюкзак и пошла к кассе.

Бывают точки в жизни, когда ты остро ощущаешь: вот он, твой шаг дальше. Когда такое случается впервые, то доходит только потом. Перемотка событий назад. Копание судорожное в памяти и поиск, когда, где, с кем сделала поворот или ошибку. Почему все только так и никак иначе. У меня хватало мастер-классов от затейницы Судьбы. Я уже давно не промахиваюсь. Вот граница между моим сегодня и завтра. Ее можно даже потрогать рукой. Вдохнуть запах. Ощутить время года. Увидеть, что и как совершают люди и предметы кругом. Ничего страшного. Жизнь разом внутри и снаружи. Интересно разглядеть, как следует. Лучше всего для таких вещей подходят аэропорты. Символично и осязаемо-коротко. Посадка, взлет и судьба разделилась на до и после.

Я расстегнула потайную молнию в рюкзаке, вытащила карту. Расплатилась за билеты. Сообщение о движении средств улетело их владельцу. Больше года я не прикасалась к этим

деньгам.

— Наша авиакомпания предоставит вам бокс для собаки, — мило улыбнулся мне дежурный, — какой вес?

— Три килограмма. Мой ребенок не расстанется с ней. Вы же не хотите его расстроить? — холодно-небрежно бросила я мимо его приятной улыбки. Вспомнила, как умела так когда-то.

— Что вы! Конечно нет. А собачка ваша не кусается? — служащий профессионально оценивал мой откровенно дешевый наряд и тиффани на безымянном пальце.

— Вы с ума сошли, голубчик!

Серьезные, прилично одетые люди шли на посадку. Глядели с интересом на нашу странноватую компанию. Шлепки, джинсы, старые майки. Словно мы на минутку выбежали из дома за хлебом или сигаретами. Только красавица Пепа щеголяла красивым поводком с золочеными бляхами. Кирюша выпросил его у Кристины в далеком теперь августе. В первый раз пригодился. Это точно был добрый знак.

— Не поминай лихом, дорогой, — я обняла Айка, — я позвоню, когда устроюсь. Прости, если что не так. Спасибо тебе за все.

— Да нормально все будет, сестренка, — он погладил меня по щеке, стирая вечную воду. — Давид никогда мне не простит.

— Почему?

— Я же провожаю тебя один. И вообще. Хорошо, что ты уезжаешь.

— Почему?

— Да Гарик по тебе с ума сходит, бедолага. Теперь отстрадает и все. Приедешь летом? — он с удовольствием обнимал меня в ярком свете терминала.

— Ой! Я забыла. Цыган Миша велел тебе зайти на разговор. Хочет чего-то, — я чуть отстранилась. Кирюша влез между нами, держал собаку плотно на груди.

— Ясно, чего он хочет. Долю тетки Медеи купить. Это дело. Лучше, чем сука Овик. Все-таки цыган нам родня. Натаха всегда врала, что он Кирке дед. Мельхиседек никогда не отказывался.

— Господи! Как его зовут? — я обомлела.

— Мельхиседек, по-настоящему. А по жизни, кто как нарекает. Ты привези пацана летом! Обязательно! Приезжай! Ваша комната за вами всегда...

— Девушка, посадка заканчивается, — деликатно кашлянул все тот же парень в синей форме. Улыбался нашему затянувшемуся прощанию.

Мы прижались в последнем объятьи сердец все четверо. Пора.

Меня здорово укачало в самолете. Девушка стюардесса замучалась таскать мне воду и водить в туалет. На посадке ледяная гроза болтала лайнер, как старую тряпку, плюя на повышенный комфорт. Бизнес-класс блевал не хуже остальных пассажиров. Только Кир и Пепка спали сном праведников. С ними бортпроводнице повезло.

Устроив свою малышню под присмотр дежурной по транзиту, я вышла на открытый воздух. Мечтала раздышаться и сделать хотя бы одну затяжку. Хотя бы просто понюхать сигаретный дым.

Он вышел на меня из-за мусорных баков на краю площадки для курения. Медленно и осторожно. Тихо шевельнул прижатым к ноге хвостом. Сделал шаг и ткнулся в колени

черной башкой. Вонючий, грязный, худой. Господи! Не может быть.

— Билл! — я присела на корточки. Обняла за мощную когда-то шею. Позвонки на ней торчали, как кнопки аккордеона. Пес положил мне голову на плечо и вздохнул.

— Билка, как же ты здесь оказался? Бедный мой, — я гладила заросшую, всклокоченную морду. В душе саднило тяжелое чувство, будто он ждал меня здесь с самой весны. А я все не шла, — бедный ты мой пес.

Я поняла, что никуда сегодня не лечу.

— Девушка, вы его не бойтесь! — услышала я сзади. — Черныш не кусается.

Пожилая женщина в серо-оранжевой форме техперсонала подняла крышку бака и кинула туда два черных мешка. Мусор.

— Я его не боюсь. Это моя собака, — призналась я открыто в доброе лицо уборщицы.

— Да ты что! Эх ты! Где же ты была? — тетка изумленно подперла рукой в желтой перчатке правый бок.

— Не здесь, — я опять призналась.

— А мы думали, что его кто-то бросил. Сел в самолет и в Эмираты укатил, — женщина сняла желтые перчатки и вытащила сигареты.

— Давно он тут? — Билл не отлипал от моего бедра ни на секунду. Я не убирала ладони с его головы. Моя собака и теткин табак воняли ужасно. Красота!

— Не помню. Собакам ведь здесь запрещено, охранники гоняют всю живность постоянно. Черныш то приходил, то пропадал где-то, — рассказывала женщина.

— Его зовут Билл, — я нюхала дым чужой сигареты с удовольствием. — Он ризеншнауцер.

— Моя напарница Тамарка, она собачница, так и говорила, что наш Черныш очень породистый. Бросила курить? — понимающе кивнула тетка.

Я кивнула в ответ.

— Че с собакой делать будешь? — она разглядывала меня с острым любопытством.

— Домой заберу. Вот только в порядок приведу. Надо его вымыть, вычесать, подстричь, купить поводок, намордник, бокс. Улечу следующим рейсом...

— Слушай! У меня смена скоро кончается. Давай я тебя до города подброшу, все равно никакое такси не возьмет тебя с Чернышом. Не надо денег! Мы только к подруге моей заскочим на секунду. Я должна тебя Томке показать, вот она обрадуется! Она так ругалась всегда, когда Черныш возвращался на нашу помойку. Нет, орала, у людей ни сердца, ни совести! А вот есть! Бывает и в жизни счастливый конец у истории! Надежда, — она протянула мне решительно руку.

— Что? — я не поняла.

— Меня зовут Надежда. Тетя Надя для хороших людей, — она крепко пожала мою ладонь.

Мой родной город встретил нас дождем. Это хорошая примета здесь. Это все знают.

— Собаку на пол, — сказал таксист, складывая вещи в багажник ларгуса с желто-черными надписями от известного перевозчика.

— Пепа со мной, — тут же заявил Кир, хватая ручку маленького контейнера с ворчащей таксой. Не позволял засунуть свою красавицу в багаж вместе с сумками.

— Так. Здесь командую я, — сердито ответил мужчина. Грузин. Я теперь знала толк в акцентах. — ребенок в кресло. Большая собака на пол. Маленькая в бокс. Женщина, ты

садишься за моей спиной. И чтобы ни звука я не услышал. Иначе останетесь здесь. Понял, парень?

Кирюша быстро глянул на меня и важно кивнул. Поправил ведро намордника на голове Билла и сам скомандовал псу:

— Билка, вперед!

Ризеншнауцер в один короткий прыжок занял место в проходе между рядами сидений.

Они подружились сразу.

Мой мальчик и моя собака. Казалось, что ни один из них не удивился, увидев другого. Как так и должно было быть с начала времен. Крошка Пепка отказалась принимать нового члена семьи наотрез. Откровенно рычала и без предупреждения всякий раз норовила цапнуть великана Билла за бороду. Тот только благородно отворачивал лицо. Я не стала испытывать его терпение и заперла ревнивицу в бокс. Пусть привыкнет.

Таксист выставил наши вещи на лавочку у подъезда и с облегчением уехал.

Я не смотрела в окна машины, пока мы добирались сюда. Я, если честно, не хотела возвращаться. Сколько же времени я не была в своем старом дворе? Год, полтора, два? Целая вечность и жизнь назад. Я бы с удовольствием уехала в безликий отель или сняла бы квартиру где-нибудь на сороковом этаже, под самыми небесами. В холодном равнодушном бетоне. Без памяти, без традиций. Все с нуля. На самом краю этого мокрого города на болоте. Между свинцовой водой и чухонской границей. Но следовало все сделать по правилам. Принять свое наследство, наконец. Я вернулась в точку входа.

Под черно молчащими моими окнами на четвертом этаже светились два в знакомой квартире на третьем. Зайти на чай? Нет. Я пойду к себе. Пора становиться взрослой. Хватит прятаться. Я скоро стану мамой. Я уже мама. Кирюшка доверчиво сжимал ладошкой мою левую руку. В другой держал бокс с Пепкой и пытался поднять баул с вещами. Мужчина. Билл стоял рядом.

— Вот это да! — сказал Мишка Гринберг, выходя из лифта нам на встречу. — Вот это компания! Здравствуй, Лолочка! Ты потрясающе выглядишь!

Он был неприкрыто рад. Сразу забыл, куда шел. Ткнулся неловко в щеку твердыми губами. Отобрал у меня вещи. Даже попытался отнять бокс у Кира, но тот, понятное дело, не позволил. Зато Мишка захватил петлю поводка ризеншнауцера, словно была такая нужда. В этом был весь Гринберг. Ничего, тяжелее цветов женщина носить не должна.

— Идем ко мне. Я вас накормлю. У меня есть пельмени. Я только за сметаной и хлебом схожу, — говорил он, открывая дверь своего дома для нас.

Мы вошли. Огляделись. Кир и собаки с любопытством. Я с удивлением. Ничего особенно не изменилось в здешнем интерьере с конца пятидесятых прошлого века. Но такой чистоты я не помню даже при Вере Павловне. Не к ночи будь она помянута.

— Женщина? — я засмеялась.

Миша помогал мне снять куртку.

— Как я по тебе скучал, — он осторожно обнял меня за плечи. Рассматривал.

— Ты женился? — я повторила.

— Какая женщина? Я не понимаю, — он не желал выпускать меня из рук.

— Страшно даже шаг ступить, такая чистота вокруг царит, — я осторожно высвободилась.

— О да! Ребенок и собаки проходите и будьте как дома. Хотите разувайтесь, хотите — нет. Делайте, что хотите, — Мишка махнул рукой, приглашая и разрешая. — Я пошел за хлебом.

— Лола, можно мы с Пепой тоже пойдем? — тут же встроился Кир.

— Можно. Как же зовут твою женщину, Миша? — я невольно искала глазами женский след.

— У нее редкое, загадочное имя: клининговая компания «Фрося».

— Не хочешь входить? — проговорил мой друг.

Мы стояли у запертых дверей моего когда-то родного дома. Поздняя ночь. Четвертый этаж. Все спят.

— Не хочу, — призналась я. Вертела в пальцах два кудрявых штыря от замка.

— Ну и черт с ней, с твоей квартирой. Она на сигнализации. На консервации. Там пыли по колено. Живи у меня, — он предложил это в разных сочетаниях слов раз двадцать за вечер. Обнял. — Давай поженимся.

Я отстранилась. Провела пальцами по мишкиным губам. Он не попытался поймать их. Он не умел подобных вещей. Эта сторона жизни вообще его мало интересовала. Зачем ему я? Интересно.

— Зачем? Зачем тебе я? — я погладила его по щеке.

— Я люблю тебя всю жизнь, сколько помню. Ты всегда была очень красивая и никому не нужная. Только родному отцу, наверное. Помнишь его?

— Да, я и бабушку помню, — призналась я, удобно устраиваясь в мишкиных руках. Мы торчали в подъезде возле старой, теплой батареи, как подростки.

— Ты не можешь ее помнить, — Мишка аккуратно коснулся губами моего виска, — тебе было два года, когда ее не стало.

— Я помню все равно, — упрямо заявила я, подставляя лицо его твердым губам.

— Я хочу, чтобы ты была счастлива, — сказал он и попытался накрыть мой рот своим.

Я увернулась. Отошла от Мишки на шаг. Пора.

— Я беременна от женатого человека, — смотрела на реакцию.

Мой друг невольно глянул на мой, пока нечем не выдающийся живот. Нормальная реакция: девять из десяти человек так делают. Молчал. Думал?

— Пойдем домой, — вздохнула я. Холодно здесь на каменном марше.

Мишка поднял ко мне лицо. Улыбнулся:

— Вот видишь, ты уже правильно формулируешь: домой. Молодец! Дети — это хорошо. Это прекрасно. Чем больше их, тем лучше. Так говорят люди, сам я этого не знаю. Да и ты, я думаю, тоже. Вот и узнаем вместе, — он снова попытался меня обнять, но я уже взяла себя в руки. Держала дистанцию. — На Кирилла у тебя есть какой-нибудь документ, или ты его украла по законам гор?

Я рассказала. Мы спустились вниз по лестнице. У дверей его квартиры я остановилась.

— Миша, давай пока останемся друзьями. Мне нужно подумать, — попросила я.

— Конечно. Все сделаем, как ты решишь. Я ведь прекрасно помню, как ты мне отказала в прошлый раз и почему. Поэтому сегодняшний твой ответ вполне может быть засчитан, как удовлетворительный, — он щелкнул меня по носу, обнял за плечи.

Мы вернулись в дом.

Глава 37. Дома

— Можно я буду называть тебя мамой? — спросил Кир рано утром. Мы усаживались в старую машину. Красный, добрый мерседес восемьдесят третьего года выпуска. Пепка беспардонно запрыгнула грязными лапами на заднее сиденье. Разбаловалась вконец. Билл разочаровано вздохнул и пошел к двери подъезда. Он искренне не понимал глупой езды на машине в детский сад на соседнюю улицу. У меня болела голова. Раскалывалась. Неужели дура-соседка заразила меня в лифте своим кашлем? Этого еще не хватало!

— Конечно. Ты можешь называть меня, как угодно. Только зачем? Это ведь неправда, — я проверила машинально защелки ремней его кресла.

Укоризненный мокрый Билл сидел черной массой у стекла подъезда. Ничего, подождет, я вернусь через пятнадцать минут. Нет. Нельзя. А вдруг я не вернусь? И Кир смотрит на меня. Знакомыми, серыми глазами. Я вылезла из машины. Впустила собаку в подъезд. В дом. Сделала, как полагается. В левом виске пульсировала тонкая злая игла.

— Так можно или нет? Я не понял? — надменно звенел сердитым голосом Кирюша. Серые глаза. Светлые, четко очерченные губы. Как давно я не видела их главный вариант.

— Ради бога, называй, как хочешь, — я сдалась. Повезло. Привратница оказалась на месте, и ворота выпустили нас с Киrom на волю. В сад. Все в сад.

— Ты понимаешь, Лола, тут в саду у всех есть мамы. А у Ленчика даже две. Одна настоящая, а другая красивая. Он меня спросил про тебя. Я и сказал ему, что ты моя мама и у меня скоро будет родной брат. Получается, что я соврал. А я ненавижу врать! — ребенок заглядывал мне в лицо сердито и требовательно.

— Ничего ты не соврал, — начала я почти распевно. Баюкала боль в мозгу. — Ты — мой любимый сын. Самый главный. И мам у тебя три. Лариса, Кристина и я. Так уж тебе повезло по жизни, мой хороший, красивый и умный мальчик. Не каждому так везет, поверь мне. И брат у тебя будет родной. Единокровный.

Где только шляется эта сволочь, ваш отец? Могла бы добавить я, но, понятное дело, не стала.

Градус жизни к вечеру зашкалил под сорокет. Я очутилась в больнице на сохранении с пневмонией. В обнимку.

Гринбергу достались все радости семейного бытия. Полной ложкой.

Приполз за ноябрем декабрь. Мешался дожем и снегом. Жизнь устоялась и мирно текла к главному празднику года. Кир охотно ходил в детский сад. Гринберг мучал студентов и магистров теорфизикой в своем университете. Писал диссер и хлопотал по хозяйству. Я толстела в окружности и привыкала. Теплый дом и ожидание нормальной русской зимы.

— Какой дом? — спросил таксист.

— Я не знаю. Это кондитерская на Старом проспекте. Ресторан Столичный, — я расстегнула тесный пуховик. Облегченно вздохнула.

Снег шел. Ура! Падая хлопьями с небес. Обещал красивый Новый год. Неправославные христиане встречали Рождество. Егор в Чикаго пил что-нибудь заковыристое с коллегами и, все может быть, вспоминал меня. Я отправила ему мысленно привет. Пусть будет счастлив.

Большой холл, неизвестно как сохранивший интерьер прошлого века, встретил меня теплом и барельефами народного эпоса по стенам. Я на пару секунд засмотрелась,

выпутываясь из шарфа. Твердая рука мастера в сильном жесте Садко, вынимающем сети из Ильмень-озера. Топор, плывущий нахально из села Кукуева, судя по надписи на как бы старославянском. Жирная русалка в углу явно имеет прототип, близкий печени скульптора. Кто из великих подрабатывал здесь полвека назад, создавая, лепя и прикалываясь? Кто этот умник, сохранивший чудо искусства для меня в сегодняшней сетевой скуке?

Олег поднялся мне навстречу из-за правого дальнего стола. Возле стекла на улицу. Я всегда раньше выбирала место у окна.

Только для того, чтобы увидеть его лицо при виде моей фигуры, стоило прийти сюда. Улыбка медленно сползла с его лица к моему животу. Круглая, как детский мячик, талия не оставляла места сомнениям в сером шерстяном свитере до колен.

— Ты вышла замуж? — произнес Олег, забыв поздороваться.

— Привет, — я легко коснулась губами гладкой щеки. Кивнула на отодвинутый услужливо стул и села напротив.

— Здравствуй, — опомнился мужчина. Вернулся на свое место. — Рад, что ты пришла. Я искал тебя.

— Быстро нашел? — я улыбалась в знакомое лицо.

Хорошо выглядит. Ухожен, уверен в своих привычках. Я помнила их все. Что ему нужно?

— Нет. Я ищу тебя с марта. Я приезжал сюда весной. Ты, как в воду канула. Прилетел вчера и вспомнил о Гринберге. Ты же с ним дружила всегда, — подошла девушка в переднике. Раздала карты меню. — Двойной эспрессо без сахара.

Барышня черкнула в планшете и уставилась на меня. Я с толком и расстановкой перечислила свои кулинарные желания. Надо есть, настаивала симпатичная девушка-гинеколог из районной консультации. Я старалась.

— Ух ты! — восхитился Олег количеству заказанного, — ешь за двоих?

— Приходится, — рассмеялась я довольно. — Значит, это Мишка дал тебе мой телефон?

— Да, повезло. Он отец? — Олег внимательно смотрел в мое лицо. Я снова засмеялась.

— Нет.

— Кто? — он не отпуская мой взгляд.

— Тебе какая разница, Олег? Это мой ребенок, — я отодвинулась от стола, пропуская руки официантки с широкой тарелкой. Две честных котлеты по-киевски дразнили белыми колпачками на куриных косточках. Дымился бульон в прозрачной чашке, расстегай с грибами к нему. Русский винегрет в коричневой с белым керамике передавал привет моему голоду остро соленым бочковым огурцом. Эх! Жаль такую еду мимо водки гонять, но теперь это в другой жизни. — Ты хотел поговорить, Олег. Говори.

— Как-то темы все растерялись от твоего нового образа, — он явно хотел добавить детка. Но проглотил. — Ты скучала по мне?

— Я не хочу об этом говорить, — я осторожно попробовала бульон с ложки. Горячо! — Не вижу смысла. Два года прошло. Это все старые дела. У меня новых невпроворот.

— Значит, у тебя новая жизнь? — Олег откинулся на спинку кресла. Глядел с улыбкой. Как я ем. — И в ней нет места для меня?

— В старом качестве — никогда, — сказала я без паузы. Чтобы глупости не думал.

— Нет? — зачем-то переспросил Олег. Улыбался. Лицо держал.

— Никогда! — повторила я твердо. Никогда. — Можешь стать дедом, если захочешь.

— Дедом? — он все еще пытался заглядывать мне в глаза настойчиво, с прежним выражением, — когда срок?

— В мае, — я пропела радостно это «в мае», — он родится в мае мой мальчик. Самый лучший из мужчин!

— Даже так?

— Только так, — я залпом допила бульон. Подмигнула мужчине напротив. — У него есть старший брат, он с нами живет. Целых шесть лет парню. У меня теперь большая семья.

— Кто же глава? Гринберг? — Олег смотрел как-то непонятно. Злитесь? Насмехается? Хватит новостей и пора разбежаться?

— Он старается и у него получается прекрасно, — призналась я честно. Олег протянул руку и стер масло с моего подбородка. Как раньше, давным-давно. В самом начале, когда пытался быть мне отцом.

— Это его колечко на твоём пальчике? — Олег кивнул на крохотный изумруд на моей правой руке.

— Нет. Мишка пока не додумался до такой ерунды, — я рассмеялась. — Ты же помнишь, на такие вещи у него туговато с соображением.

— Чье тогда? — похоже тема отцовства и прав на мой живот его здорово заводила.

— Чего ты хочешь, Олег? — я положила в чай кусочек сахара. Съела все.

— Я не знаю. Не понял еще, — признался он, накрывая мою ладонь своею.

Я высвободила руку.

— Если честно, то я совсем не скучала по тебе. Спасибо, конечно, что сохранил для меня алино наследство. Но видеть тебя в своей жизни я готова только в качестве деда, — я хотела встать.

— погоди. Не спеши так. Мы не виделись столько времени. Вот. Мне передали из Швейцарии, — Олег положил на стол плотный синий конверт.

Бабушкины серьги. Кольца к ним. Крупная подвеска на хитро верченой цепи.

— Где шкатулка? Должна быть шкатулка наборная, дерево и позолоченная латунь, — я разглаживала на черном стекле тусклые камни и потемневший дочерна металл. Я не стану плакать. Изображение плыло перед глазами.

— Увы. Пока только это. Следует поехать в Люцерн за остальными вещами, — он говорил тихо. Уговаривающе, — послушай, давай все хорошенько обдумаем, поедem в нашу старую квартиру на набережной, поговорим...

— Нет! — я решительно ссыпала свое наследство в карман пальто. — Я не хочу. Ничего. От тебя. Я поехала. Адрес ты знаешь. Заходи поболтать. Если решишься. Но знай наверняка: тебе там не рады.

— Не плачь, не плачь, — просил Кириуша. Обнял меня снизу. Я смотрела сквозь прозрачно-желтое стекло кухни на многоугольник двора. Там трое черных на белом мужиков притащили темно-зеленую елку к чаше фонтана. Сейчас прикрутят праздничное дерево по центру. Так и было здесь. Всегда, сколько я себя помню.

Кир сжимал крепко, стараясь погасить своим телом вибрацию моих слез. Вдохнул. Выдохнул. И тут же:

— Миша! Миша! Скорей сюда! У нас Лола плачет, — завопил.

Я ненавижу вспоминать. Тем более Алю. Свою мать. Твою мать. Стихи? Известный перл в три слова в финале и рэперам точно бы угодила. Они обожают такие незамысловатые рифмы. С матерком.

— О чем ты плачешь, Лолочка? Расскажи, — Мишка пришел скорым шагом из кабинета. Обнял. — Давай, не молчи. Надо говорить. Нельзя плакать молча, пойми, надо выть и причитать по-бабьи. Это полезно. В этом смысл.

— Почему она меня не любила? — спросила я у этого академического всезнайки. Он вытер кухонным полотенцем мое зареванное лицо. — Я раньше об этом не задумывалась. Просто считала это нормальным. Она ведь заботилась обо мне. В своем роде.

— Да кто ее знает, — улыбнулся Миша. Мы сели рядом на короткий кухонный диванчик. — Я лично считаю, что Алле Александровне дети были противопоказаны по определению, как назначение врача. Причем хирурга. В этом нет никакой патологии: кто-то любит детей, кто-то врет, что любит. Уточняю: обманывает самого себя, в первую очередь. Она любила тебя по-своему, чем нашлось внутри, тем и обходилась. Просто она такая была, царствие ей небесное.

— А ты думаешь, что она там? — я изумленно уставилась на Мишу. Присовокуплять известную формулу к поминанию моей Али мне в голову не приходило. Никогда.

— Уверен. Только за одно то, что она, эта глубочайшая эгоистка и красивейшая женщина, нашла свободную минутку сначала зачать, а потом родить тебя, ей уготовано было царствие небесное. И потом: Господь — мужчина, он пропустить такую женщину не мог, — рассмеялся естественно-научный диссертант.

— Ты издеваешься, — я ткнула кулаком в его в худое плечо. Избытком массы мой друг не страдал никогда. Ни мышечной, ни жировой. К науке, которую он представлял с момента рождения, такие излишества отношения не имели. — Ты в бога не веришь.

— Рано еще, — усмехнулся Гринберг. Перестал меня обнимать и пошел к плите. Поставил чайник на огонь. — Мне только тридцать два года, а в моем роду эту тему развивают где-то после шестидесяти. Иногда вплоть до новгородских скитов. Я не смеюсь над тобой, Лолочка. Известный факт: всякий человек справляется с детским горем двумя путями. Кто-то идет в бессознание той же дорогой, что и обидчик, вымещая зло и боль на подходящих случаю несчастных. Другой — в строго противоположном направлении, любя и спасая сырых, забытых и оставленных в беде. Младенцев, котят, собачек. Ты сама знаешь лучше меня про все это. Некоторые пытаются изобрести третий вариант: зависнуть и не делать ничего. Это мало у кого получается. Я лично не знаком пока с таким выжившим персонажем. Но вероятность такая есть, ты снова здесь в теме конкретней, чем я. Всякий любит в силу своих способностей. Чай?

— Чай, — я повторила эхом последнее слово. — Ты считаешь, что любовь — это талант?

— Если опустить химию и физику процесса, то да, считаю, — Миша заварил чай в пузатом литровом фарфоре. Вынул из буфета рафинад в бумажной красной коробке и печенье. Шакер-чурек. Всегда был равнодушен к востоку. — Я абсолютно уверен, что это проявление человеческой природы дается не всем и не в равной степени. Как музыкальный слух, к примеру. А дальше все, как доктор прописал: талант нужно развивать, удобрять и репетировать, как любое другое дарование. Работать. Почему спрашиваешь? Мечтаешь о лаврах матери Терезы?

— А душа? — я наплевала на последний насмешливый пассаж. Забыла реветь давно. Слезы высохли и заткнулись.

— Про это ничего не знаю, — засмеялся Мишка громко. Давно сдерживался, позитивист не дострелянный. Накидал сладких рафинадов в мою чашку. Пододвинул поближе круглые, толстые печенюхи, щедро посыпанные сахарной пудрой. — Про душу ничего не знаю. Это не

ко мне, сори. Это к Гоголю, Николаю Васильевичу.

Глава 37. Праздник перемены дат

— Ты все внесла в список? — спросил Мишка, появляясь на пороге с гирляндой в руках. Судя по растрескавшейся изоляции, было это чудо старше меня минимум вдвое.

— Да, — я погасила вспышку раздражения. Чертовы гормоны.

Я подошла к Мише и невольно провела носом по его волосам. Пахло расплавленным оловом, канифолью, старыми французскими духами и мужчиной. Мужским потом. Но не сильно. Так еле-еле.

— Я хотел сначала заказать елку в интернете, но потом подумал, что это как-то глупо. Мы с Киrom сами пойдем на елочный базар. Зачем ты меня нюхаешь? — он осторожно меня обнял. Мой округлившийся живот разделял нас пока не слишком уверенно. Прошептал тихо: — только скажи, Лолочка. Это только дружеский секс, никакой любви. Не мучайся. Я ведь все понимаю. Я правильно пойму...

— Нет. Я дала себе слово. Не стоит открывать этот ящик Пандоры. Это все испортит. Я справлюсь, — я улыбнулась и ушла из его рук. — Проверь свой список.

Я протянула Мишке планшет и ушла в прихожую одеваться. Если бы он знал, сколько раз ночью я подходила к его дверям, сгорая в чертовом аду похоти. Удирала на цыпочках в кухню и пила жадно холодную воду. Я запретила себе. Никакой блядский зверь в моей крови не изгадит наши безоблачные отношения. Как же все-таки хорошо, что спит мой лучший друг крепко.

— Давай купим салаты в кулинарии на Проспекте, а? Торт Наполеон там же. И пюре, — я ныла. Сидела на короткой банкетке у дверей. Смотрела, как Мишка, опустившись на одно колено, застегивает молнии на моих ботильонах. Я сама способна застегнуть сапоги женскому батальону, если нужно. Но спорить с доцентом и без трех минут доктором было делом бессмысленным.

— Ладно — неожиданно согласился будущий академик. — но пюре мы сделаем сами. За окорок я отвечаю лично.

— Ура! Кричали женщины ура и в воздух чепчики бросали! — я рассмеялась, подкинула вверх меховую ушанку. Та благородно повисла на крюке вешалки.

— Лола! Не считай меня идиотом! У меня рейтинг в списке планетарных физиков во втором десятке. Надевай ушанку. Сегодня мороз на улице, — Мишка серьезно взял шапку и натянул на меня по самые уши. Завязал тесемки под подбородком.

— Трындец. Блокадная красавица, — сказала я своему отражению в зеркале.

— Не смей так шутить! Наши прабабки лежат на Пискаревке рядом, — Мишка вытолкал меня за дверь.

— Они бы меня поняли, — пробормотала я. Действительно интересно, красили ли губы двадцатилетние подружки-зенитчицы, уходя защищать ледяное небо Города в декабре сорок второго? Судя по смеющейся фотографии, да.

Минус три на улице. Я бросила дурацкую шапку в багажник и села за руль.

Дизель старого, еще от предыдущего академика, мерседеса мерно подстукивал в пределах нормы, прогреваясь. Я мечтала закурить. И. да! Я сплю одна с октября. Я такая. Для меня это важно. Воздержание портит характер мне и жизнь окружающим. С сигаретами все просто. Зажег, затянулся раз и выбросил. Не хочется больше. Даже противно. Руки сразу хочется вымыть с мылом и зубы почистить. Вот с сексом у меня полная засада. На прохожих скоро

бросаться начну.

С неба мирно падал снег. Снежок. Укрывал асфальт в классическом дизайне кануна Нового года. Дверь парадной отворилась. Вышел Билл, ведя степенно на коротком поводке Мишку. Выскочила Пепка, таща на длинной рулетке Кирюшу. Ризен молчал. Такса сообщила всем домам кругом, как это здорово и весело быть собакой и гулять в такую прекрасную погоду. Наш двор не проходной. Элита жизни окопалась здесь еще с советских времен. И не слишком изменила состав. Четырехметровые кованые ворота на проспект имели правильный замок, отсекая поползновения. Посторонние здесь не шлялись никогда. Миша огляделся в поисках несуществующих прохожих и отщелкнул карабин. Черный пес стремительно сделал широкий круг по двору, перемахивая небрежно лавки и низкие заборчики. Билл откровенно наслаждался движением. Холодом. Снегом, свободой. Это он умел всегда. Пепа орала скандально на струне поводка, дергалась в кирюшиных ручках, как сумасшедшая. Мечтала лететь следом. Но нет. Эта рыжая барышня слишком непредсказуема. Чужие пятки и голени вечно возбуждают ее на преступление. Биллу никто не нужен в мире людей, кроме его любимых. Пока его личные человеки в безопасности, он самое мирное животное на земле. Интересно, на елочный базар они собрались двигать в полном составе? Набегавшись, большой Билл вернулся к своим. Сам подставил шею под замок. Четыре самых дорогих мне существа скрылись в низкой арке. За елочкой пошли.

Я не стала даже заглядывать в мишкин список продуктов. Где я, а где салаты? Заехала в пару мест и решила все вплоть до пресловутого пюре. Жирный, хрустящий наполеон глядел предано сквозь прозрачный пластик упаковки. Остался только алкоголь. Не смешно. Все мы пятеро — непьющие по определению. Если только поставить бутылку баварского пива немецким породам моих собак.

Дорогой магазин морозил взгляд прозрачностью стекла в мореном дубе витрин. Развращающее фантазию изобилие и цены ого-го. Мужчины составляли процентов девяносто местной публики. Зачем я сюда пришла? За туманом и за запахом тайги, не иначе. Втянула в себя густую здешнюю атмосферу до глубин малого таза. Сохнущая телячья кожа, овчина, норка, сукно бушлатов, табак, капли Кензо, Босс и Ейзенберга. Что-то редкое, не знаю. Японское или корейское. Миндаль, имбирь, мята. Ноты навязчивые шипра. Крем для рук и для обуви. Пот, вчерашняя одежда, запах старости, гнилых зубов и перегара. Все сегодня годилось мне. Я вдохнула еще. Домашняя еда, служебные тяготы, уязвленное самолюбие, обманутые надежды, необманутые надежды, взаимная любовь и затаившаяся похоть. Острые знакомые искры понеслись в известном направлении. Постою тут еще минуты три и кончу к известной матери.

— Девушка? Что для вас? — верткий мужичок в блестящей лысине и черной жилетке выжидательно уставился на меня.

— Шампанское, — пролепетала я. Выдохнула из себя.

Продавец купеческим жестом раскинул руку, обозначая длинный ряд стеллажей. Как в библиотеке. Серебро и золото оберток на головках разноцветных бутылок. Я не смогла бы сейчас досчитать до пяти. Фаллическая тема смотрела на меня ото всюду.

— Вот я все-таки везучий!

Услышала я за спиной. Все! Известная судорога дернулась в клиторе и протащила волну облегчения через все точки тела в пальцы ног. Алес. Я ловко притворилась упавшей в обморок. Стекла на стул у стены. Сжала губы, чтобы не расползались в тихой улыбке.

Сердце стучало, радостно посылая кровь во все направления. Вот это я продвинулась! Лет с тринадцати с мной такого не случалось. Жарко!

Холодная минералка у подрагивающих моих губ. Я выпила залпом весь стакан.

— Ты как? — я увидела встревоженные глаза Андрея в паре секунд от своего лица. Захотелось потрясти головой. Я была уверена, что его знаменитая фраза почудилась мне. Гормоны натрындели в пылающие уши.

— Лучше. — тихо призналась, не веря собственным глазам.

— Девушка! — вклинился испуганный продавец. — Бог мой! Как вы себя чувствуете? Вот бутылка лучшего шампанского! От нашей фирмы! С наступающим Новым годом вас и всю вашу семью! Такси за счет нашей фирмы! Будьте здоровы!

Он еще что-то громко всхлипывал от страха и щедрости заведения.

Андрей сидел передо мной на корточках и глядел в глаза. Похудел. Осунулся. Загар неуместный в белом снеге здешней зимы. Синяя форма с погонами. Фуражка сдвинута опасно на затылок. Сумка черная на полу у ног. Ты чей? Чуть не брякнула я.

— Спасибо. Не нужно такси. Я за рулем, — проблеяла я сочувствующим мужским лицам вокруг.

— Да как же это, за рулем! Нельзя! — обеспокоился толстый дядя в хорошем пальто.

— Все нормально. Все нормально. Я отвезу девушку домой. Я ее брат, — объявил Андрей. Подхватил меня за талию и повел к дверям. Лысый продавец всучил ему золоченую коробку на выходе.

Тут езды на три минуты ровно. Андрей вынул ключи из моих слабых пальцев и сел за руль. Я забралась назад. Молчали. Его глаза в зеркале салона. Я спряталась за спинку сиденья.

— Я войду? — спросил. Вынимал пакеты с едой из багажника.

Я кивнула. Говорить не могла.

Сказать, что Кир был рад — ничего не сказать. Он прыгал вокруг Андрея, как заяц. Он влез в рукава его куртки, надел фуражку по самые уши. Тащил черную сумку по полу в свою комнату. Вопил:

— Миша, Миша! Мой отец Андрей приехал. Мой отец приехал!

Пепа радостно вертела хвостом, бухала в закрытую пасть и ставила передние лапки на синие брюки. Подпрыгивала высоко, пытаясь облизать хотя бы руки.

Миша улыбался. Протянул руку:

— Гринберг Михаил.

— Гуров Андрей, — гость честно ответил на рукопожатие.

Гринберг принял у вошедшего пакеты с едой, понес их в кухню. Билл постоял в центре широкого коридора. Смотрел карим глазом и нюхал воздух. Не подошел. Развернулся и ушел на свое место. В проем между моей комнатой и кабинетом хозяина квартиры. Там была небольшая ниша, где стояла его пластиковая лежанка. Оттуда прекрасно просматривалось все жильё. Лег беззвучно.

— Так! Время позднее. Давайте будем ужинать. Кирюша, помогай накрывать на стол. Станем знакомиться за едой, — бодро объявил Мишка.

— Я сам, Миша! Я все умею! — возбуждение Кира переливалось через край.

Я сидела на известной банкетке, спрятав лицо в синюю куртку на вешалке. Запах дальних странствий. И какой-то тонкий, как волос блондинки, неизвестный мне аромат. Надо идти.

— Андрей, помогите пожалуйста Кириллу. Я сейчас, — прозвучал голос моего друга из

кухни.

— Он действительно отец мальчика или это очередное предание горных народов? — тихо спросил Мишка, помогая мне снять сапоги.

— Ты напрасно это делаешь. Мне совсем не трудно нагибаться, — я подставила ему вторую ногу.

— Ты не ответила, — Мишка упрямо снял с меня сапог и надел шлепанец.

— Андрей настоящий биологический отец Кирилла. У меня есть днк-тест.

— Ну хоть что-то в этой жизни известно достоверно, — рассмеялся планетарно рейтинговый физик. Подал мне руку, помогая подняться.

Мы вошли в кухню. Я впереди, Гринберг следом.

Взгляд Андрея наткнулся на мою круглую талию. Там и остался. Как нарочно, теплый свитер в косах вязки обтягивал меня в ноль. Белые рейтузы с начесом придавали объема ногам. Я выглядела гораздо толще, чем есть на самом деле. Мишка отодвинул стул, усаживая меня на мое место справа от своего во главе овала стола. Водрузил супницу с горяченными щами в центр. Я поднялась было на раздачу.

— Я сам, — Миша за плечо вернул меня на место. Я получила дымящуюся тарелку сразу после гостя.

— Сметана? — я впервые посмотрела на Гурова прямо. — Горчица?

— Это то, что я думаю? — спросил он негромко в пространство над столом.

— Да, — сразу отозвалась я.

Повисла пауза. Кир возился с Пепой. Андрей, откинувшись на спинку стула даже не делал вид, что интересуется едой.

— Вы плохо едите, Андрей. Мы с Лолой не умеем готовить, просто кулинарная катастрофа. Эти щи варит нам Вера Петровна, соседка с первого этажа, за некоторую мзду. Хочу доложить вам Андрей, что дама она весьма своеобразная, но супы приготовляет отменно. Ешьте, бога ради. Не стесняйтесь, — разбил молчание хозяин квартиры.

Миша видел прекрасно напряг между нами. Тяжелый, замерший взгляд Андрея. Моя суета с половниками-горчицами. Наблюдал с веселым интересом. Присовокупил:

— Поскольку, Андрей, вы — папа Кирюши, то мы все, я думаю так, мы можем считать вас членом нашей семьи. Предлагаю перейти на «ты», остаться здесь и встречать завтра с нами Новый год, — сказал Миша.

Кирюша активно его поддержал. И Пепа на соседнем стуле. Подъедала честно все, что по недосмотру вываливалось из детского рта. Я застыла, пересчитывая машинально овощи в своей тарелке. Да! Мишка гений! Да!

— Это очень здорово! Перейти на «ты» я согласен, — Андрей вспомнил про свою знаменитую улыбку. Я не смотрела на него и так чуяла. — Спасибо вам, ребята. Я очень рад и польщен. Но у меня номер в гостинице. Я не хотел бы вас стеснять. Кир, увидимся завтра.

— Зачем ехать в гостиницу? — открыла я рот. Подняла лицо к гостю. — У нас есть свободная комната. Там нет ремонта, но там тепло и есть диван.

— Я никому не помешаю? — спросил надменно Андрей. Походил сейчас своей суровостью на генерала Гурова абсолютно.

— Нет, — ответили все. Даже я.

Я не спала. Я физически не способна была уснуть, зная, что он рядом. Я не пойду. Сказала я себе. Нет. Пусть даже никогда его больше не увижу. Я не пойду. Я встала и

подошла к двери. Цокот когтей по паркету. Открыла.

— Пропусти меня, — сказала я Биллу. — я его только понюхаю издалека. Я даже в комнату к нему не войду.

Билл молчал и стоял перед входом, как вкопанный. Крупную голову только низко опустил. Врос в паркет, оберегая меня от меня самой. Я обошла пса и поскреблась ногтем в дверь.

— Открыто, — раздался спокойный голос. Дверь как будто распахнулась сама.

— Все, Билка, все... — я коленкой попыталась отпихнуть собаку с дороги.

— Не пускает? Правильно делает, — усмехнулся человек.

— Иди на место, мой хороший. Все нормально. Я не боюсь, — я погладила ризеншнауцера по голове. Подтолкнула на место.

Билл ушел сразу. Залез в свое корыто. Громко обрушился костями на лежанку. Вздохнул и спрятал морду под правую переднюю лапу. Неужели завтра будет мороз?

Желтый прямоугольник на темном паркете. Реклама бьет с соседней крыши. Я вступила в беспощадный свет. Шелковая сорочка на тонких бретелях. Соски набухшие рвутся вперед. Круглый животик. Тонкая шея, руки и ноги. Волосы отрасли ниже плеч. Я распустила короткую ночную косу и слегка махнула головой, освобождаясь. Кудри золотой волной коснулись лопаток. В зрительном зале шумно вдохнули воздух через нос.

Синие брюки. Босиком. Голый торс на фоне темноты окна. Руки замком на груди. Присел на безопасный подоконник. Хорошо до судорог в пальцах.

— Что тебе надо? — начал первым мужчина.

— Поговорить. Я не могу уснуть. Вот я и подумала, вдруг ты тоже не спишь? Расскажешь мне новости про дорогое моему сердцу побережье. Можно я сяду на диван? Мне холодно, — врала я совершенно нагло. Ничего я сейчас знать не хотела.

— Садись, — разрешил Андрей моей наивной до прозрачности провокации.

Что-то зазвенело и взорвалось. Гадкая реклама сдохла.

Белый свет от заснеженной земли царил в натопленной спальне, входя бесконтрольно в незанавешенные стекла огромного окна. Я залезла с ногами на тахту.

— Ну, рассказывай скорее, как твои дела?

Андрей присел на стул возле древнего бюро в нише эркера.

— Вряд ли тебе это интересно, но я опять свободен, — начал он, словно мы расстались только вчера, и я обязана была помнить все его приключения. Я помнила.

— Поздравляю, — откликнулась я. Его белая фигура в центре комнаты манила меня ужасно. Как было бы здорово, если не надо было бы разговаривать. Просто прижаться друг к другу и все. Все понятно. Ничего лишнего. Только самое главное.

— Я был на Побережье. Айк признался мне, что ты уехала домой и Кира с собой забрала. Я не знал, где вас искать. Тут назначение...

— Работаешь теперь с отцом? — перебила я, вспомнив погоны и надпись на спине синей куртки.

— Да. Он сам меня нашел и сказал, что пора держаться нам вместе, — Андрей вдруг встал и подошел к тахте. Потоптался и сел на пол возле моих ног. Две секунды и смогу коснуться пальцем его уха. Затылка, шеи, голого плеча.

— Что еще сказал? — интересно мне было узнать, держат ли генералы честное слово. Спрятала руки за спину. Сцепила потные ладони.

— Ничего. Сделал мне назначение сюда, на Балтику. Он здесь, кстати, в Городе.

Соскучилась? — плохо он сказал это. Зло и черно. Добавил. — Я хочу завтра с сыном к нему поехать. Пусть узнает. Ты не против?

— Я не против. Я за. Будь, пожалуйста, с Кирюшей аккуратнее. Он такой...

Я не закончила. Он резко развернулся ко мне. Ткнулся лицом в мои колени. Сам на коленях стоял. Обнял руками мои бедра. Пусть так будет вечно. Ничего не надо мне больше, господи.

Оторвался. Снова сел спиной, не касаясь никак. Я закрыла рот рукой. Что бы не завывать в голос. Про то, как бесконечно я его хочу.

Услышал. Всегда умел это со мной. Быстро встал. Прошелся босыми ногами по паркету до окна и обратно. Запах мятной зубной пасты и эрекции. Замер в центре комнаты. Если я его сейчас не поцелую, то просто чокнусь. Вдруг что-то теплое и гибкое шевельнулось во мне. Как толстенькая маленькая рыбка.

— Ой! — честно сказала я. Прижала обе руки к животу. Вдруг кажется?

— Что? Тебе плохо? Опять? — Андрей сел рядом на постель. Обнял за плечи. Заговорил горячо и быстро, словно по углям плясал голыми подошвами:

— Я знаю. Я кажусь тебе идиотом. Три раза был женат и никого толку. Все равно в результате остался один у разбитого корыта. Но выслушай меня, я прошу. У меня никого не было с того самого нашего свидания в августе. Никого. Я звонил тебе. Ты отключила номер. Я поехал за тобой. Вернулся на побережье в конце октября. Аик мне рассказал, что Кристина умерла, а ты забрала Кира и уехала. Ты не сдала пацана в приют. Ты взяла моего сына к себе. Я не ожидал. Думал, что ты... а ты настоящая, что бы я о тебе не думал. Лола, давай будем вместе. Клянусь. Я никогда не попрекну тебя этим твоим ребенком. Он будет моим, как родной. Я клянусь. Это моя последняя свадьба. Больше не будет, хоть камни с неба. Даже, если ты мне откажешь, я больше не женюсь никогда. Я люблю тебя. Всегда любил, с первой минуты, как увидел...

— Поцелуй меня, — взмолилась я. Говорил он интересные вещи, но мне нужно другое. Все потом.

Маленькая толстенькая рыбка вильнула еще пару раз хвостиком и ушла на глубину. До встречи!

Андрей аккуратно коснулся сухими губами моей щеки. Держался за плечи по-братски осторожно. Все! Терпелка моя вышла вся. Я толкнула его на спину и расстегнула брюки.

— Что ты делаешь? — прошептал он, когда я повела языком от сильной шеи к готовому паху. Там меня всегда ждали крепко и надежно.

— Это называется минет, милый, — рассмеялась тоже шепотом я. — Ты за?

— Ясно, — ответил Андрей.

Я стягивала с его бедер штаны. Те отчего-то не поддавались. Плохо шли. Никого восемнадцать недель? Про сроки я сегодня знала все. Ого!

Я целовала. Я соскучилась. Я умирала без него. Андрей закинул руки за голову, спрятал их под подушку. Тот самый тонкий незнакомый запах тревожил мои воспаленные ноздри по всему полю его тела. Хотелось впитаться ногтями и содрать его вместе с кожей и одновременно оставить, чтобы пахнуть так же Я обвела жадным языком гладкую головку члена. Ну! Сейчас Андрей втянет шумно воздух в легкие. Приподнимется и обмякнет в ожидании остального. Нет. Ничего такого. Я повторила и всосала в самое горло. Мой партнер заметно напрягся. Его бедра стали каменно-неудобными. Я хотела опустить рот ниже. Он сжал ноги. Отвел мое лицо от себя жесткими пальцами. Не позволил. Как-то не

так все идет. Ладно. Пусть. А, додумаю потом. Сейчас главное.

Ничего не получалось. Андрей явно не мог расслабиться. Бойтса? Брезгует? Шипит тихо, как от боли. Обожаемого всеми международными девушками колечка не видать. Кто-то откусил в порыве страсти? Я оторвалась от паха и посмотрела в лицо партнера.

В белом зимнем свете его глаза смотрели на меня внимательно и серо. Трезво. В них не было похоти. Андрей не хотел заниматься со мной любовью. Только чудесное его тело оставалось моим верным союзником. Работало. Вот и прекрасно! Я без затей залезла сверху. Почувствовала внутри наконец-то обожаемую плоть. Долгожданную полноту. Все замерло во мне в предвкушении. Каждый нерв, каждая клетка, каждый угол и закоулок. Вверх, вниз. Вверх, вниз. Вталкивала в себя до самого дна. Приподнимала бедра и падала резко обратно. Ну же! Ну! Я впила зубами в его плечо. Он сжалился и ответил. Раз, два, три. Фейерверк накрыл мое грешное тело. Я обвалилась на грудь мужчины и разревелась от счастья и облегчения. Во рту было солоно.

— Спасибо, — сказала я, отрыдавшись. Вытерла рот и оглядела пальцы. Понюхала. Кровь?

— Не за что, — ответил спокойно Андрей. — Включи свет. Ты прокусила мне плечо.

Я протянула руку и нашла кнопку лампы.

— Ой! — ойкнула я. В основании шеи самого красивого теперь балтийского моряка чернел засос и текла красная кровь. Капала бы на белые простыни, если бы он не зажимал рану ладонью. — Прости.

— Да ладно, ерунда. Ты похожа на вампира, — если Андрей шутил, то сам своей шутке не улыбался даже. Разглядывал меня голую, длиннорукую и длинноногую с круглым животом, красными сосками на уже растущей груди и кровавым ртом. Паучья тварь.

— Пошли умываться, — велел.

— Я страшная? — я спросила раньше, чем подумала.

— Пока не знаю. Вот умою, тогда и решу, — Андрей не хамил, даже вроде бы шутил, но как-то на грани. Встал.

Эрекция. Я невольно сглотнула. Взгляд отлепить не могла. Я слишком давно не видела столь впечатляющей красоты.

— Эй, девочка! Я здесь. Взгляд выше подними, — вот теперь это было точно грубо. Он уже разговаривал так со мной. Я помню.

— Пойдем на кухню умываться. В ванной кран сильно гудит. Разбудим всех, — проговорила я, засовывая себя в тонкую ночную рубашку. Вытащила из зеркального шкафа пижамные штаны. В бело-зеленую полоску. Еще от предыдущих академиков залежались. Бросила, не глядя Андрею. Поймал.

В кухне стояло тепло. Пахло чистой посудой, блестящей в свете фонаря высокого подъезда напротив. Мишка постарался. Или нет? Я ушла спать первой сразу после щей. Мужчины еще долго гудели неразборчиво низкими голосами, обменивались темами. Знакомились. Шлепнула по клавише выключателя.

— Где у вас перекусить? — раздался сзади голос Андрея. Хороший, низкий, мужской. Всегда таким был. Трогал безошибочно зверя внутри меня за живое.

Я махнула лапкой в сторону двухсотлетнего орехового буфета. Умывалась холодной водой из-под крана. Все в чем клялась себе и давала зарок летело рядом с этим мужчиной в тартарары. Неслось пулей.

Андрей удачно нашел все необходимое и лечил себя сам. Шум воды, треск пластыря.

Невольное мужское шипение йоду в ответ. Безопаснее сейчас уйти. Смыться, спрятаться под одеялом и за верным Билкой у двери.

— Сделай мне чай. С коньяком, если есть, — велел Андрей.

Я кивнула. Послушалась. В ореховом буфете нашлась бутылка кизлярской Лезгинки. Зеленая стеклянная банка с чаем. Тяжелые серебряные подстаканники, наследная собственность от старушки Елены Павловны. Знаменитые мухинские стаканы. Почему бы нет? Я заварила дарджилинг в дулевском пузатом чайнике с пурпурными лотосами. Я обожаю это дело. Не чай. Старые, проверенные вещи. Серебряные чайные ложки откровенно нуждались в чистке. Пришлось обойтись нержавеющейкой выпуска семидесятых годов прошлого века. Я выставила все, что следует, на вытертую временем полировку стола.

— Почему вы спите в разных комнатах? — прилетел сердитый вопрос. Андрей, без слов опрокинул в себя рюмку хорошего коньяка. Сунул пальцами дольку лимона в рот, наплевав на милую резную вилочку.

Вовремя спросил, морячок. Если опоздал, то разве чуток. На часок. Почему он присвоил себе право меня допрашивать? Женихом себя вообразил?

— С кем? — придурилась невинно я.

— С Гринбергом. Ты же теперь с ним живешь, как я понял. Хороший парень, — заявил Андрей, отхлебывая горячий чаек. Как медаль выдал.

— Я рада, что он тебе понравился. Кирюша его любит, — я осторожно, с ложечки попробовала светлый, сладкий чай. Два куса рафинада. Лимон. Вкусно.

— Ты не ответила, — он глядел на меня через стол.

Я пила чай.

— О чем? — я откровенно не желала откровенничать.

— Я спросил, почему вы спите в разных комнатах, если живете вместе. Что происходит? — он протянул руку к моим пальцам на столе. Я успела спрятаться в карман. Кожей чуяла его тяжелый, неприятный взгляд.

— Я пойду спать. Я устала, — я отодвинула стул подальше от стола и от собеседника. Его ярость пугала и раздражала одновременно. Кто ты такой, чтобы я с тобой разговаривала, морячок? Не попался бы мне сегодня случайно в магазине, не с кем было бы выяснять дурацкие вопросы. Жил бы себе, поживал да добра наживал. Да! За два оргазма спасибо.

— Вот ты стерва! Натрахалась опять до свинячего визга и рева и сваливаешь. Ты же всегда смотришь сквозь меня. Будто у меня выше пояса ничего нет. Все мои слова для тебя, как шум ветра. Ничего не отвечаешь. Трахаешься и уходишь. Выпиваешь меня до дна и бросаешь, как последняя тварь. Или как тогда в августе. Самолет высоту набрать не успел, а ты уже на друга моего лучшего прыгнула, блядь! Я еле отговорил его ехать за тобой следом. И про Вагнера я знаю и про отца. Про Баграмяна вообще молчу. Всех кинула и слиняла. Никто тебе не нужен. Нет в тебе ничего человеческого! Мише своему изменяешь прямо в его доме. Меня скотиной выставила перед хорошим человеком. Кто отец твоего ребенка, ты это хотя бы знаешь? — негромко и низко до холодка в животе перечислял мои преступления Андрей. Поднялся, оперся кулаками о столешницу. Дотянется сейчас через стол и убьет нафиг.

Я испугалась. Никогда не видела Гурова таким. Злым и холодным. Ненависть показалась в серых глазах. Какая ему разница, кто отец? Он вроде бы только клялся, что будет любить моего ребенка, как своего, родного. Забыл? В любви признавался, замуж звал, на коленях паркет протирал. Тоже забыл? Зачем он мне кулаки свои показывает? Я видела не хуже по

жизни, пусть не переживает! Я не боюсь! Оскорбление задушило страх. Как он смеет читать мне мораль! Да кто он такой? Единственный? Пусть валит других своих единственных учить, как надо жить и с кем!

Но к дверям кухни я пятилась по чуть-чуть. На всякий случай. Ученая, не раз. Билл ткнулся черным лбом в мою правую ладонь. Славно!

Я остановилась и заговорила спокойно в проеме выхода, так, как следовало:

— Я знаю, кто отец моего ребенка. Это раз. Мы с Гринбергом друзья. Это гораздо надежнее, чем любовники. Так что можешь не колыхаться на предмет своей мужской территории. Это два. И да! Я натрахалась до свинячего визга. И еще хочу. Жду тебя в любое время, если только ты решишься и будешь сверху. Это три.

Пауза повисла. Андрей выпрямился. Смотрел. Как? Снова в душу? Там теперь жила маленькая толстенькая рыбка. Он провел рукой по волосам знакомым жестом.

— Хорошо, я все понял, — мужчина выбрался из-за стола.

Я застыла. Уйти от него, несмотря ни на что, не могла себя заставить. Билл преданной тенью выжидал беззвучно куда повернет.

— Идем спать, — Андрей сделал пару шагов и оказался рядом.

— Как? — глупо спросила я. Прикрыла живот в спонтанном, всем женщинам известном жесте.

Андрей подхватил меня на руки. Улыбнулся. Как только он один умел.

— Вместе. Ты же хотела, чтобы я был сверху. Пусть будет, как ты хочешь, — он сказал это мне в шею, — любовь моя.

Пес вздохнул и ушел на место.

Наконец-то случился на моей улице обожаемый праздник! Секс после ссоры плюс долгое воздержание партнера. Мечта!

Андрей был везде. Но! Virtuозно умудрялся не касаться моего живота. Ни губами, ни пальцами. Если бы мог, то и членом бы не дотронулся. Словно там пряталась бомба, а не маленькая толстенькая рыбка.

— Как ты это делаешь? — прикололась я счастливо его губам на клиторе.

Он поднял лицо в умопомрачительной позиции между моих раскинутых бедер. Не улыбался.

— Секс с беременными — мое все, ты же знаешь, — сказал.

— Заткнись! — ревность моментом взялась за горло. Сама нарвалась, дура.

— Прости. Прости. Прости, — он продолжил. Я простила.

— Одно слово, — проговорил мой единственный, когда мы сделали все, о чем мечтали оба. Влажные простыни под нами разносили в предутреннем ощущении морозного последнего дня года острый запах нашей любви.

— Что? — выдохнула я, проваливаясь в тягучий зимний сон.

— Ты не беременна от моего отца?

Я чуяла всем существом, как он напрягся в ожидании ответа. Трусил, к гадалке не ходи. Мучился. Дошло до недалекой меня. Вот он главный для него вопрос. Не ожидала и не думала никак. Его предельная деликатность с моим телом открылась с новой стороны. Секундный соблазн послать среднего Гурова ко всем чертям взорвался и потух. Благодарность за подвиги этой ночи перевесила. Я потерлась липкой попой по уставшему ему.

— Нет, конечно, дурачок. Спи, — я поцеловала его пальцы на своем плече.

А если бы, да? Как бы он себя повел? Интересно.

— Слово за слово, — припомнила я завлекательную тему, — где твое стальное колечко, парень?

— Выбросил давно, еще в августе. Надоело, — он щекотал шею дыханьем, засыпая. Чужой запах с его кожи давно смыл трудовой пот.

Я пропала в белой вате неумолимо наступающего утра.

Глава 39. Рондо

— Я сделал ей предложение, — голос Андрея остановил меня у кухонных дверей.

Я проспала. Я давно не отключалась так глубоко и долго. Забыла уже, как выглядит нормальный сон. Никаких грез про минет в разных комбинациях и рефлексиях. Выспалась. Я замерла и стала пошло подслушивать.

— Руки и сердца? — уточнил спокойный голос хозяина квартиры. Шум воды в железное тело. Чайник. Завтрак. Второй, как минимум.

— Да, — подтвердил Андрей без улыбки.

— Что ответила? — равнодушный вопрос визави.

— Мне без молока! — звонко влез Кир.

И этот здесь! Они все трое в теме? С ума сошли?

— Ничего. Не хочешь молока, не надо, — ответил на все вопросы Гуров.

— Это нормально.

Звон чашек со стороны буфета. Миша высказал свое мнение.

— Мне она тоже ничего не ответила. Обещала подумать. Три месяца прошло, — усмехнулся мой лучший друг.

— Ты тоже? — поражение в одном из лучших мужских голосов, какие я когда-либо слышала в жизни.

— А ты думал, что тебе первому пришла в голову такая оригинальная идея? — смех и бульканье воды в фарфор.

— Я не знал. Она мне сказала, что вы только друзья, — растерянный скрип венского стула под крепким задом.

— Теперь конечно, — невеселый вздох.

— А раньше?

— Раньше было раньше, — резковато заявил Мишка. Зашипел. Чаем обжегся. Схватился за правую мочку. Мне не видно, но наверняка. — Ты бы с ней обращался аккуратнее. Нежнее. Все-таки она беременная. Пневмония была три недели назад. Она такая слабенькая. Только нахальная...

— Да я-то что... — растерялся Андрей. Голос сел обескураженно в конце фразы. Это было приятно.

— Ты скрипел диваном часа три подряд. До первого этажа. Я выгуливал собак утром. Мне Вера Петровна все высказала. Похоже, она подсчитала каждую фрикцию, скорость, частоту и построила графики функций, — заржал откровенно Мишка.

Вычислила точки оргазмов. Я затряслась в беззвучном смехе. Эти академические вдовы способны на все.

— А меня моя Лола любит! — Кир разбил затянувшийся мужской хохот. — она сказала, что я ее главный старший сын. Умный и красивый. Вот! Я хочу бутерброд. И не с докторской колбасой, а с копченой!

— Вот колбаса, хлеб, масло и нож. Сделай, как считаешь нужным, — заявил Андрей моему шестилетнему упрямцу. Я готова была выскочить на кухню, спасти пальцы.

— Я помогу, — тут же отозвался Мишка.

Вода. Запах мяты и лимона. Аромат цейлонских крупных чайных листьев. И брауншвейгской колбасы. По всему видно, что Кир добился своего. Пора прекращать этот

мужской беспредел.

— Ты не знаешь от кого она беременная? — вдруг раздался голос Андрея. Понятно. Три раза обжигался на молоке. Дует на воду, бедолага. Я осталась там, где была.

— Я не знаю, не спрашивал. Захочет, расскажет сама. Тебе это важно? — неожиданно высокомерно выступил Гринберг.

— Не то, чтобы важно. Но. Понимаешь. Она спала с моим отцом, — начал Андрей.

— Ну и что? Это даже к лучшему. Значит, у ребенка будет половина твоих хромосом. Отлично! — ухмылялся Мишка. Звенел ложкой, гоняя в чае рафинад.

— Он будет моим братом! — возмутился громко Андрей.

— Нет! — вдруг ясным голосом выступил Кир. — Лолин ребеночек будет моим братом, а вовсе не твоим! Она мне всегда говорила, что у меня родится братик. Одноживотный!

Тишина. Пауза. Никто ничего не ест и не льет в чашки и стаканы. Зима. Даже мухи не жужжат.

— Единоутробный, — машинально поправил Гринберг

— Может быть, единокровный? — тихо проговорил Гуров.

Я отползла в свою комнату. Накрылась одеялом с головой. Рассмеялась сквозь слезы и уснула.

Мне приснилась Аля. Я точно знала, что это сон. Я сидела с распухшим коленом на полу в прихожей. Она говорила по телефону. Белый с латунию визгливый аппарат, подделка под старину. Кто-то резким, невнятным голосом сообщал ей неприятные новости. Про то, что балериной мне не быть уже никогда.

— Что же мне с тобой делать? — спросила моя мать у старого зеркала, где мы обе отражались. Две потрясающе похожие женщины с разницей в двадцать лет. — не представляю. Может быть, начать учить тебя музыке?

Она была растеряна. Потом поправила рыжеватые волосы и успокоилась. Я смотрела в прекрасное лицо. Если Миша прав, и она на небе только потому, что выпустила меня на свет, значит и я не безнадежна. А про талант любить пусть напишет академик монографию потолще. Когда осядет в монастырской келье. Лет сорок спустя.

— Лолочка, проснись, — Мишины голос и рука вытянули меня в сегодня.

Я резко села. За окном было темно.

— Какой это год? — спросила я испуганно.

— Еще пока старый, — улыбнулся мой друг. Сел рядом и обнял за плечи. — Восемь вечера. Самое время просыпаться и готовиться встречать Новый год. Можно я тебя поцелую?

— Как мужчина? — я всмотрелась в близкое лицо. Очень грустная улыбка.

— Как мужчина, — подтвердил Миша.

— Нет. Прости. Как мужчина — не можешь, — я погладила его по щеке. Засмеялась тихонько: — Зато как друг ты меня можешь целовать, сколько угодно!

Я чмокнула звонко его в ухо. Попыталась пощекотать под худыми ребрами. Мишка уворачивался, я не отступала. Дула в уши, щипала за разные места. Как в детстве. Давно.

— Перестань по мне елозить! У меня от тебя эрекция будет, — рассмеялся наконец-то мой лучший друг.

— Хорошо, что не злобные понарошки или родильная горячка, — я тормозила его с удовольствием.

— Значит ты выходишь замуж за Гурова и уезжаешь? — спросил Гринберг поперек

возни. Он пытался щекотать меня в ответ, но слишком осторожничал.

— Интересно, — я отпустила его руку и села. — Какие еще новости случились пока я спала?

Я явственно услышала шум за дверью.

— Что там происходит, Миша?

— Там у нас нашествие Гуровых, дорогая! — смеялся Миша. — Приводи себя в порядок и выходи.

Я задумалась, что надеть. Я приготовила платье для Новогодней ночи. Так ведь еще рано. И на такое число зрителей я не рассчитывала. Голову надо помыть. Я вытащила из шкафа тонкую трикотажную блузу, светло-розовую, до колен и узкие мягкие джегинсы к ней. Скользнула незаметно в ванную комнату.

Чистота, конечно, залог здоровья. Но есть я хотела реально. Через чуланчик с отопительным котлом я проникла из ванной в кухню. Про этот тайный узкий ход я знала с детства. Здесь, кстати имелась дверь на черную лестницу. Возможно, Герман поднимался по ней допрашивать старуху про известный карточный расклад. Шу-чу. Заперла низкую дверку на щекоду.

— Здравствуйте, — раздался знакомый голос за моей спиной.

Я живо обернулась. Шофер и денщик генерала улыбался мне радостно. Мишкин фартук обнимал его поверх синего костюма. — С наступающим!

— Спасибо и вас! — я улыбнулась. Нашествие Гуровых, сказал Миша. Генерал? Тянуло готовым горячим духом из плиты.

— Вы простите меня, бога ради, я ведь не знаю вашего имени, — проговорила я. Огляделась.

На кухне царил еда. Упаковки в пластике и бумаге. Жестяные тарелки с чем-то запотевшем в прозрачной пленке. словно мы ждали в гости армию с передовой, голодную и злую. Вершил собой все огромный торт на странно-знакомом подносе. Я обалдело опустила на стул. Мой живот самостоятельно спел громко еде «Аллилуйя!»

— Меня зовут Денис. Мне легко можно тыкать, — он ловко раздвигал продукты, расчищая стол предо мной.

— Ладно. Тогда и ты говори мне «ты», — откликнулась я тут же, машинально макая палец в крем и облизывая. Я ничего не ела со вчерашних щей.

— Ладно! — кивнул веселый парень Денис. Поглядывал на мой живот.

Где Гринберг?

— Лола, у нас ЧС. Поэтому Новый год будем встречать по-красноярски. В двадцать один ноль-ноль. Через пятнадцать минут. Лев Иванович приказал, — денщик улыбался губами, но в глазах стоял холодный интерес. Видал он меня в разных видах еще летом. Любопытно ему маленькому, что стану делать я со всем этим Гуровским букетом.

— Тогда я переоденусь, — я встала и ушла. Пятнадцать минут. Надо спешить.

Гуров-старший стоял у окна столовой и разговаривал негромко по телефону. Черный костюм, белая сорочка, галстук. Гуров Андрей делал тоже самое, перебирая машинально золотую цепь на елке. Тот же жениховский мотив. Елка, разряженная, как купчиха на выданье, переливалась огнями в центре просторной комнаты. Стол, отодвинутый вправо, к стене, белел скатертью и серебрился приборами. Стулья солдатской выправкой ждали команды. Кирюша, пока еще не Гуров, но тоже наряженный по всей черно-белой форме и с

бабочкой, сидел под деревом и укладывал в красивую пирамиду непомерно большую свалку коробок в разноцветных обертках. Похоже, что времени эти парни не теряли в последний день года.

— Добрый вечер! — я вошла.

Перед моей улыбкой померк Голливуд. Изумрудное платье, плиссе, реглан без рукавов. Низкая щель декольте. Обязательно! Я имею то, что туда кладут. Рыжие волосы вверх, обнажая шею. Ведьма болотная. Наследные изумруды я наскоро почистила зубной пастой в ванной. Ничего! Зазеленели в моих ушах и других местах, как миленькие. Я не поленилась. Я сделала макияж. Колени на свободе. Черные колготы и туфли на рискованном каблуке. Круглый животик, как бонус.

— Лола! Ты прекрасная принцесса! — крикнул Кирюша и подбежал ко мне. Не дал общей паузе стать опасной. Обнял и прижался.

— Ты тоже красавчик ой-ей-ей, — я погладила его по русой голове.

— Здравствуй, Лола, прости великодушно, что я без приглашения. Михаил благородно позволил, — старший Гуров подошел близко. Улыбался тепло.

— Здравствуй, Гуров, — я протянула ему левую свободную руку.

Он взял мои пальцы в сухую горячую ладонь. Поднес к губам. Коснулся.

— Выглядишь великолепно!

— Спасибо, — я дотянулась до прохладной гладковыбритой щеки. Поцеловала легко.

— Лев Иванович, до Нового года в Красноярске осталось три минуты, — напомнил денщик за моей спиной.

Андрей стоял возле елки, глубоко засунув руки в карманы черных брюк. Не двигался. Смотрел на галантности генерала.

— К столу, господа! Прошу! — Миша мягко придержал меня сзади за талию и отлепил Кира от меня, — Рассаживаемся! Денис, моя семья всегда придерживалась либеральных взглядов. Еще с николаевских времен. Поэтому, будьте любезны занять место за общим столом слева. Без чинов, дорогие мои гости.

— Нет, — сказала я, когда Гринберг попытался отодвинуть для меня стул по левую руку от себя. На гостевой половине, — мое место всегда было здесь.

Я обошла стол и уселась справа от хозяина дома. Это мое место. Кирюша уверенно занял стул рядом. Пепа с не меньшим нахальством запрыгнула на следующий на нашей половине стола.

— Лев Иванович, как старший здесь мужчина и генерал, извольте занять почетное кресло в торце, — Гринберг улыбался и был невыносимо приятен в своем единственном костюме. Сером в полоску. Надевал его только для научных разборок.

— Я готов, — просто сказал генерал. — Денис, наливай всем шампанское. Пора!

Андрей пришел и встал возле своего места. Строго напротив меня. Взял узкий бокал со стола.

— С Новым годом! — объявил хозяин здешних мест. Гринберг поднялся на ноги. Все последовали его примеру. Кирюша первым вскочил. Хитрован денщик умело подменил шампанское в его фужере колой.

Я протянула всем свой бокал в центр стола. Дзынь! Старые часы на кухне, единственные не лишённые языка, долдонили гулко девять раз. все же мы не в Сибири.

— С Новым годом! С новым счастьем! С новым здоровьем! — высказал известную формулу Гринберг. Выпил свое шампанское залпом и сел за хозяйский торец напротив

генерала. — Что тебе, Лолочка, положить?

— Все! — рассмеялась я. Есть хотела невыносимо. Вперед старалась не смотреть.

Визгнул стул по паркету. Скрипнул. Принял ношу Гурова Андрея на себя.

Мишка слева и Денис с другой стороны превратили мою тарелку в натюрморт и барельеф. Салаты все. Закуски все. Тарталетки, канапе и прочее.

— Хватит, хватит, — смеялась я.

— Отчего же? — сказал Андрей и опустил сверху на волну из желтого сливочного масла под парусом красной семги синюю коктейльную вишенку с черенком. — Вот теперь хватит.

Я подняла на него глаза. Он сидел нога на ногу, чуть отстранившись от застолья. Вертел в пальцах пустой бокал от шампанского. Смотрел на меня. Не восхищался. Черный костюм шел ему абсолютно. Белая сорочка в елочных отсветах гирлянды делала лицо старше, интеллигентнее. Тоньше. Похож, на отца, как клон. Приспущенный узел светло-жемчужного галстука под загорелым подбородком. Свободная первая пуговица. Шея. Я сглотнула. Моргнула и спрятала взгляд.

— Куда? — тут же сказал он. Слышно.

Я прикинулась глухой. Попивала мелкими глотками брют от Мартини. Ела все подряд. И не хотела смотреть через стол. Опасненько.

Генерал меж тем поведал Гринбергу, почему мы пьем за Новый год тремя часами раньше.

Случилось что-то у людей. Какое-то несчастье. Далеко. За каменным Уралом. Надо лететь. Разбираться. Такая работа. МЧС. Не очень понятно, как могут изменить то, что произошло генералы? Но генералам виднее.

— Предлагаю тост «за здоровье», — сказал генерал. Смотрел на меня, мягко улыбаясь. Все глотки в моем шампанском подсчитал.

Кирюша уличил в обмане Дениса:

— Почему в моем бокале темное вино, а у всех белое? Это кола!

— Потому, что ты ребенок. Подрастешь, получишь шампанское, — не стала ничего придумывать я. Убрала из детской тарелки сырокопченое мясо. Сказала Денису: — Надеюсь, я достаточно выросла, чтобы выпить сухого вина?

— Да-да, Лолочка! — заулыбался денщик, забывшись. Оба армейских начальника разом посмотрели в его сторону. Он успел плеснуть еще шампанского в мой фужер.

— Третий тост — «за любовь»! — легко рассмеялась я. Зачем-то взбила кудри на затылке. Оглядела по очереди мужчин за столом. Так и не присевший Денис вскинул шутливо ладонь к виску. И дзынькнул нахально старым хрусталем об мой.

Старший Гуров поднял, улыбаясь, свой бокал навстречу. И Мишка. И даже Кир.

Тут Андрей встал.

— Я хочу выпить за женщину, которую люблю. Тонкую, прекрасную и нежную. Единственную для меня. За женщину, которая умеет любить так, что сам себя не скоро найдешь. За женщину, которая терпеть не может подарки, зато сама дарит себя щедро. За женщину, которая уберегла моего старшего сына от сиротства. И носит под сердцем моего ребенка. Всем рассказывает, что это мальчик. Вот только почему-то не мне, — он смотрел на меня в упор. Серьезно, грустно, неотвратимо. Я забыла про шампанское. Спрятала лицо в обеих ладонях. Щеки и уши пылали.

— Посмотри на меня, любовь моя, — попросил в полной тишине Андрей. — За тебя!

Они все встали. Даже Кирюшка. С ума сошли!

— Подними бокал, дорогая! Окажи нам честь, — в улыбке Гринберга светилась бесконечная доброта.

Я подняла к ним заплаканное лицо:

— Да! Я реву! Мне можно. Я беременная, — стала зачем-то оправдываться я, поднимаясь на ноги. Кир тут же обхватил меня снизу. Сбил на пол второпях фужер. Залил остатками колы скатерть и мои туфли.

Андрей обошел стол. Обнял меня за плечи. Взял свободную руку и поцеловал.

— Сделай мне подарок, Лола. Скажи всем, — оторвался от моих пальцев Андрей.

— О чем? — я испугалась. Неужели о женитьбе?

— О ребенке, — он явно хотел добавить «дурочка», мой всезнающий парень. Улыбался так, как я обожаю, нелепому испугу в моих глазах.

— Я думаю, родится мальчик. В мае, если бог даст, ты станешь отцом. Все, — я сказала. — Налейте мне кто-нибудь воды. Пожалуйста.

Остальные осторожно звенели краями хрусталя и улыбались.

Возле моей тарелки, как по волшебству, засинела бархатом коробочка. Андрей пододвинул стул и сел между Гринбергом и мной. Перешел на домашнюю сторону.

— Денис, давай подсуетись с горячим. Через сорок минут придет машина, — раздался голос генерала.

— Я помогу, — сказал Миша.

— И я! — спрыгнул со своего стула Кир. Пепка выражала готовность заняться горячими блюдами немедленно.

— Не откроешь? — спросил негромко Андрей. Посреди общей суеты. — Если спросишь «что?», я обижусь.

Я обреченно откинула крышку бархатного футляра. Хорошее кольцо. Блестит. Андрюхе точно не по карману.

— У меня уже есть твое колечко. Ты же видишь, я его ношу, — зеленый глазок уральского камня гордо сиял на безымянном правой руки между двумя тяжелыми индусами на соседних пальцах. Алино наследство.

— Я рад, — он снова коснулся мягкими губами моей руки. Что за стих такой сегодня на него напал? — Все равно бери. Это твое.

— Я не возьму, — отказалась я. Не желаю замуж.

— Быстро взяла и на палец надела, — он так это сказал, что я сразу послушалась. Надела поверх любимого. Впору. Респектабельное соседство. Генеральский уровень. Я подняла лицо и поймала взгляд Гурова-старшего. Улыбнулась. Он кивнул. Купил его, поди, еще в октябре. Пригодилось.

Я даже не сразу поняла, что они уехали.

Только что воздух в доме вибрировал на низких частотах мужских голосов. Обнимал густым ароматом мужского живого присутствия. Вдруг. Щелчок английского замка и тишина. Села на банкетку у выхода. Поцелуй Андрея еще жил на моих губах. Сладким шампанским и быстрым горячим языком. «Жди меня», сказал он и ушел.

— Нет! Я не буду ждать! Я не хочу-у, — заревела я в голос. — я ненавижу ждать! Я не хочу-у!

— Не хочешь, не жди, только не плачь, — Мишка сел рядом на узкий диванчик. Обнял

меня за плечи. Раскачивался в такт моим соплям. — Пошли лучше торт поедим. Там Кирюшка с Пепкой уснули на полу под елкой. Билл лег поперек коридора и ворчит. Надо бы уделить ему пару слов.

Уговорил, успокоил. Увел на кухню. Сделал горячий сладкий чай моей разболевшейся от рыданий голове. Унес Кира в детскую. Рыжую таксу сунул ребенку под бочок. Черный ризен гремел миской, доедая корм, у моих ног.

Я шумно хлебала чай и объедала с краю большущий торт прямо пальцами. Глядела, как мой друг надевает пальто, чтобы вывести на прогулку моих собак.

— Миша, я согласна, — заявила я громко.

— С чем? — он обернулся удивленно. Билл уже всунул голову в ошейник. Пепа нетерпеливо приплясывала радом.

— Я согласна выйти за тебя замуж, — гордо провозгласила я.

Гринберг подошел ко мне. Наклонился к уху:

— Нет. Теперь не согласен я. Во-первых, не думаю, что рога мне к лицу. Не хочу каждый раз, когда Гуров появится в нашем доме, слушать ваш диван до рассвета. Ибо! Никакие брачные клятвы и противотанковые ежи вас не остановят. Я видел это собственными глазами. Во-вторых, твой Гуров не станет этого терпеть. Застрелит меня, как нефиг делать, из табельного оружия. Поэтому! Возьми себя в руки, дорогая, не дури и дождись. Будь умницей, — он легко поцеловал меня в лоб.

— Да я!.. — начала я возмущенно.

— Все! Закрыли тему. До нашего Нового года осталось тридцать минут. Я выгуляю собак, и мы съедим что-нибудь за всеобщее счастье, — Мишка погладил меня по голове и ушел.

Я подобрала с пола свои никак неуместные туфли и побрела к себе. Мелькание елочных огоньков из дверей столовой даже как-то удивило. Казалось, Новый год по Красноярскому стилю случился не со мной и давным-давно. Я судорожно втянула воздух в легкие. Гадкие слезы бродили кругами, не отступали. Хотелось что-нибудь разбить. Я всерьез решила проститься с миленькой салатницей.

Острая короткая точка дверного звонка. Мишка что-то забыл? У него есть ключ. Да и не заперто там.

Андрей вошел. Синяя форма. Снег тает на плечах и шапке.

— Привет, любовь моя! — сказал.

Спасибо тебе, господи, что ты сотворил чудо по имени Андрей! Сыта была им под завязку. Могла бы мурлыкать и тереться о косяк двери, как кошка, если бы умела. Все-таки он чемпион, не зря его так женщины обожают. Бог секса.

Я сидела на краешке старого матраса и любовалась. Мужчина спал на животе. Зарыл лицо между подушками. Раскинул руки, словно в море синем плыл. Все пространство собой прекрасным занял. Сильное тело на фоне зимней белизны хлопка простыней. Какие плечи, спина! А задница! Вот кстати. Весь загорелый, без просвета от трусов. Солярий? Остров Тимбухту? Он был один с середины августа? Этот конь-огонь? Да ладно!

— Люблю, — я благодарно поцеловала его в предплечье. В синий морской рисунок. Он сгреб меня коротким, совсем не сонным движением и положил рядом.

— Повтори.

— Люблю. Я всю ночь тебе это повторяла, — засмеялась я, пряча лицо от его щетины на подбородке.

— Ты меня ревнуешь, любовь моя, я это чувствую, — сказал Андрей сердито, — не смей! Я никогда тебя не обманывал. Я ненавижу врать. Я люблю тебя.

— Спи, — я погладила его губы. Он уснул мгновенно. Как умеют это дети и очень уставшие люди. Укрыла одеялом и вышла в сумрак коридора.

Заглянула в комнату Кирюши. Тихое сопение. Сопли снова подцепил в детском саду. Пепа прыгнула с его кровати и увязалась за мной.

Открыла дверь в кабинет Гринберга. Там было тихо и бело. Снежная безупречная зима обесцветила собой все лишнее. Миша спал на коротком историческом диване, свесив левую руку к полу. Я поправила аккуратно ее на грудь владельца. Он сонно взглянул.

— Тсс, — шепнула я одновременно Мишке и Билке, процокавшему когтями в нишу эркера следом за мной. Мужчина повернулся на бок. Собака застыла преданно у ног. Просочилась такса в незакрытую дверь.

Я села за академический рабочий стол. Вытащила макбук из нижнего ящика. Он слегка запылится, дожидаясь меня два года, без малого.

Первое число. Праздник перемены дат перебросил время из вчерашней жизни в новую. Я погладила Билла по черному затылку. Он лег большим черным телом, опустив бородатую морду на мои ступни в толстых белых носках. Стережет. Подсадила беспокойную Пепу в кресло к себе за спину. Та покрутилась в тесном пространстве и утомилась. Прижалась доверчиво к моей пояснице в пуховом урюпинском платке. Живое тепло. Шух. Едва ощутимо махнула хвостиком моя драгоценная рыбка. Не спит. Я открыла крышку компа. Задумалась на секунду. Взглянула на часы в углу дисплея. Шесть утра. Есть еще два часа в запасе тишины, пока не проснутся мои мальчики. Набрала скоро пальцами по гладким отзывчивым кнопкам:

«С утра шел снег.»

Эпилог. Можно не читать

Через три года Андрей погиб. Спасал чужих детей в далекой, жаркой и чужой стране, что-то там пошло не так и взорвалось. Его вдова не прыгнула с балкона головой вниз. Даже не пыталась. Она вообще не подходила к окнам. Она родила девочку через три месяца. Зеленоглазую и здоровенькую. А через положенное время вышла замуж за Гринберга. Генерал Гуров — частый гость в теплом доме этой милой четы. Они каждый раз уговаривают его остаться и пожить с ними подольше, ведь все его так обожают. Старший Гуров соглашается. Его комната ждет его здесь всегда. Заезжает на огонек дедушка Олег. Заморских подарков всегда тащит целый воз. Гостит и смотрит на внуков с удовольствием. Бывают у Гринбергов европейские светила Бригитта и Егор. То порознь, то одновременно. Всем хватает места за дружеским столом. А для припозднившегося или сильно уставшего гостя всегда найдется удобный диван, зубная щетка и полотенце. Кирилл, общаясь с Георгием Аркадьевичем, стал задумываться о врачебной профессии. Егор, так пока и не нашедший свободной минутки, чтобы жениться и завести детей, дружит с парнем искренне и крепко.

А Кир мечтает о том, что наступит лето. Подрастет малышка Анютка. Братан Ванька перестанет все крушить, как Халк, и будет спокойно сидеть в автокресле и даже спать в нем. Тогда они сядут все вместе в мамину машину и поедут на Побережье. Может быть, мама даст ему порулить. Так, немного. Кто-то ведь должен быть на подхвате, если что. На Гринберга в этом смысле надежды нет. Планетарные физики не рулят. Не отвлекаются на ерунду. На Побережье встретят их семью старые друзья. Как это будет здорово! Но первым делом он возьмет за руку свою маму и отведет к деду Мишке. А вдруг волшебник Мельхиседек научит ее смеяться заново? Ну хоть чуть-чуть отыщется радость в ее выцветших глазах. Уговорит замершее сердце жить дальше.

Андрею посвящается эта книга.

КОНЕЦ.

FB2 document info

Document ID: 1b7cf976-f00b-4bff-b193-c6c74af4db38

Document version: 1

Document creation date: 12.3.2014

Created using: FictionBook Editor Release 2.6.7 software

Document authors :

- Лолита Моро

About

This file was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter version 1.1.7.0.

(This book might contain copyrighted material, author of the converter bears no responsibility for it's usage)

Этот файл создан при помощи конвертера FB2EPUB версии 1.1.7.0 написанного Lord KiRon.

(Эта книга может содержать материал который защищен авторским правом, автор конвертера не несет ответственности за его использование)

<http://www.fb2epub.net>

<https://code.google.com/p/fb2epub/>